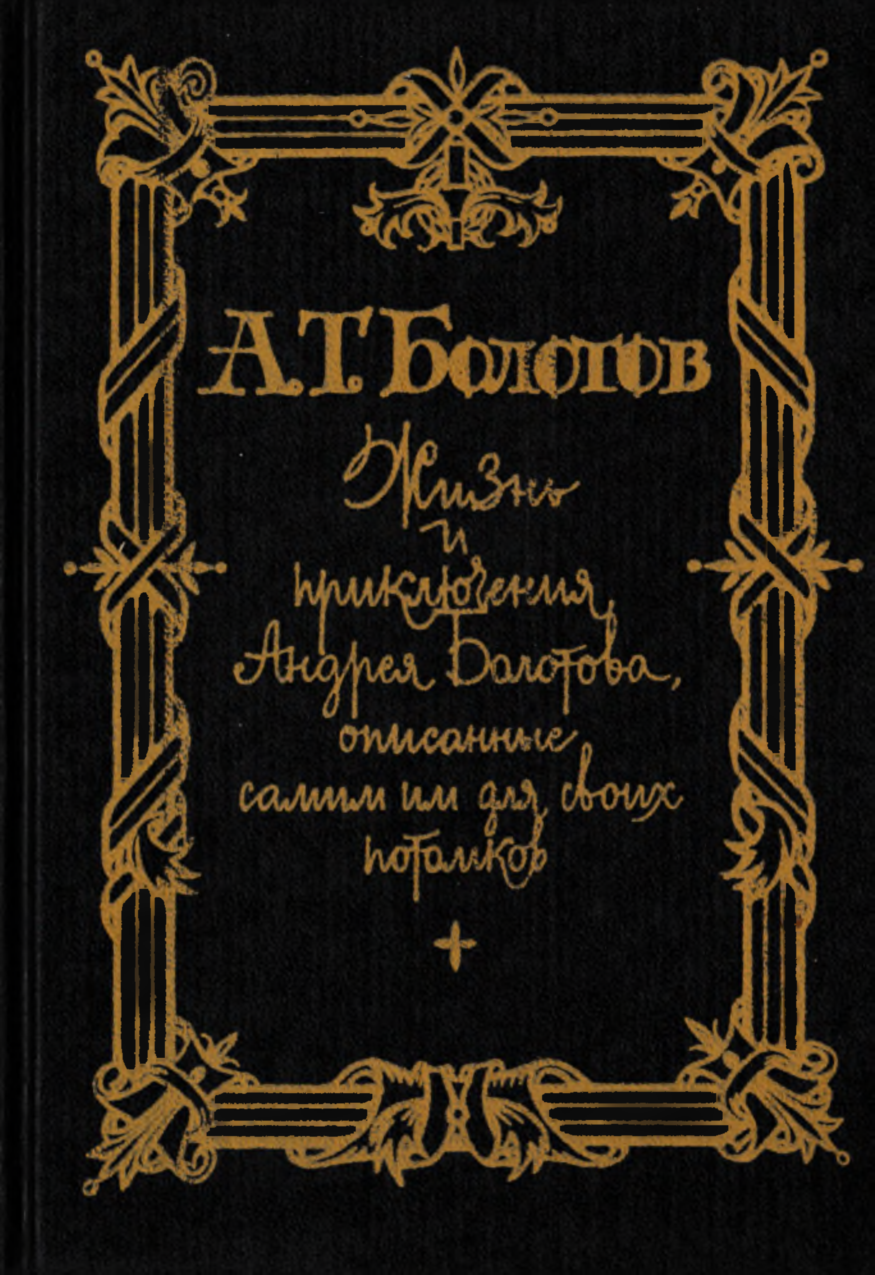
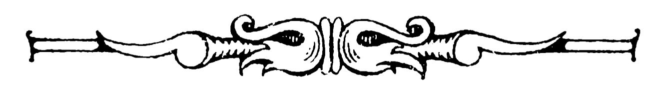

А. Т. Болотов

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков

А.Т. Болотов
Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков

А.Т. Болотов

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков

Жизнь и приключения Андрея Болотова

1738 - 1795

В ТРЕХ ТОМАХ

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1993

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков

ТОМ ВТОРОЙ
1760 - 1771

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1993

ББК 84Р
Б79

Оформление художника
И. Сайко

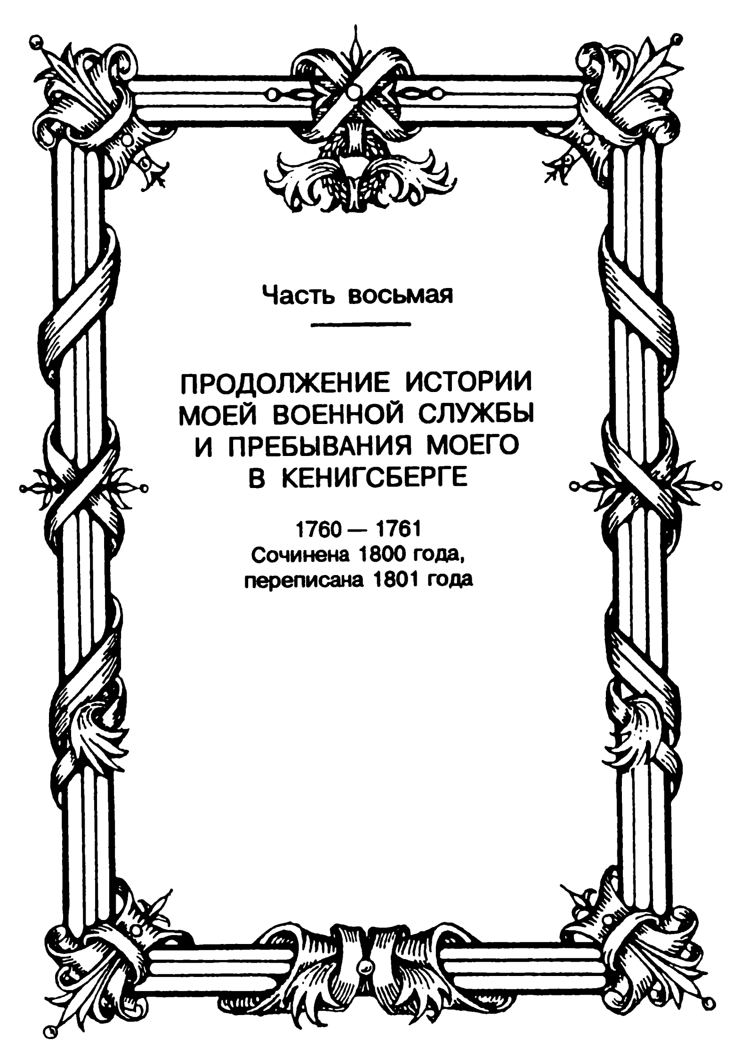
Оригинал-макет подготовлен
Гуманитарным центром «ЭНРОФ»

Болотов А.Т.
Б79 Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков: В 3 т. Т.2: 1760–1771/Примеч. П. Жаткина, И. Кравцова.— М.: ТЕРРА, 1993. — 544 с.

ISBN 5-85255-384-0 (т. 2)
ISBN 5-85255-382-4

Б $\frac{4702000000 - 140}{А30(03) - 93}$ Подписное ББК 84Р

ISBN 5-85255-384-0 (т. 2)
ISBN 5-85255-382-4

Часть восьмая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПРЕБЫВАНИЯ МОЕГО В КЕНИГСБЕРГЕ

1760 — 1761
Сочинена 1800 года,
переписана 1801 года

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ*

*ПИСЬМО 83-е***

Любезный приятель! В последнем вашем письме вы требуете от меня того, что хотел было я и сам сделать, а именно, чтоб описать вам таким же образом историю прусской войны нашей в 1760 году, как описывал я вам ее относительно до 1759 года, и говорите, что вы довольны были б, если б пересказал я вам о том хотя вкратце; а мне инако и сделать не можно, ибо в противном случае завело б меня сие в великое пространство и удалило слишком от собственной истории.

Итак, приступая к сему делу, скажу вам, что между тем как мы помянутым образом в Кенигсберге в мире и в тишине жили и время свое провождали в одних забавах, утехах и увеселениях разных, а я занимался чтением, переводами и науками, война продолжалась в Европе по-прежнему, и пламень ее, воспылая с начала весны, не переставал гореть до самой глубокой осени и, к несчастью человеческого рода, не в одном еще месте, но во многих и разных странах и областях.

---

*См. примечание 1 после текста.

**Ноября 7 дня 1800 г. *Бол.*

В последнем моем о сей войне письме к вам* рассказал я уже, какие деланы были повсюду страшные приуготовления. Все союзные державы хотели в кампанию сию напрячь все силы свои к преодолению, наконец, отгрызающегося от них всячески короля прусского, и тем паче, что казалось, будто бы счастие за несколько времени обратилось к нему спиною, и он с самого того времени, как в минувший год мы его сперва под Пальцигом, а потом под Франкфуртом поколотили, терпел несчастье за несчастьем и всюду неудачи; а сей готовился паки от всех врагов своих отъедаться и не довесть себя до погибели совершенной. Таким же образом рассказал я вам тогда ж и о том, какие разные планы деланы были для сей кампании и который из них принят и почтен за лучший.

Итак, весна застала все воюющие державы готовыми опять драться и со изощренными паки друг на друга мечами. Все прусские области окружены были со всех сторон многочисленными и сильными неприятельскими армиями, и королю прусскому потребно было все его знание, проворство и искусство к тому, чтоб уметь оборонить себя и защитить земли свои от толь многих неприятелей. Со стороны нашей готовилась надвинуть на него, как страшная и темная громовая туча, огромная наша армия. Со стороны Шлезии готовился впасть в его земли славный и искусный цесарский генерал Лаудон с многочисленным и сильным корпусом. В Саксонии стояла против него

---

*В VII части, письмо 79.

главная и многочисленная цесарская армия и сам главный и хитрый ее командир граф Даун. Там, далее, угрожала его имперская армия и владетельный герцог Виртенбергский с особым корпусом, а со стороны от Рейна многочисленная и сильная французская армия, а сзади и от севера озабочивали его по-прежнему шведы, а наконец со стороны Пруссии, Померании и Данцига опять мы, готовившиеся в сие лето уже порядочно и с моря, и с сухого пути осадить приморскую его крепость Кольберг и снаряжающие к тому многочисленный флот со множеством транспортных судов для перевоза сухопутного войска. Словом, со всех сторон восходили тучи грозные и готовились нагрянуть на прусские области, с тем вящею надеждою о хорошем успехе, что король прусский всеми предследовавшими кампаниями и многочисленными уронами ослаблен был уже очень много и в сей год не в состоянии уже был выставить против неприятеля везде многочисленные и такие же хорошие войска, какие были у него прежде. И как беда и опасность не с одной стороны, а с разных сторон ему угрожала, то принужден был и последние остатки войск своих разделить на разные, хотя небольшие куски и выставить оные против помянутых многочисленных армий. Итак, против нас поставил он брата своего принца Гейнриха, с нарочитым корпусом; против Лаудона, в Шлезии, поставил генерала Фукета, с небольшим корпусом; против Дауна и главной цесарской армии стал сам с лучшими и отборнейшими своими войсками, а против имперцев и французов поручено было защищаться принцу Фердинанду Брауншвейгскому, а в Померании про-

тив шведов и нас поручено было генералу Вернеру с небольшим числом войска отгрызаться.

Вся Европа думала и не сомневалась почти, что в лето сие всей войне конец будет и что король прусский никак не в состоянии будет преобороть такие со всех сторон против его усилия. И если б союзники были б единодушнее и согласнее, если б поменьше между собою переписывались, пересылались и все переписки и пересылки сии поменьше соединены были с разными интригами и обманами, если б поменьше они выдумывали разных военным действиям планов и поменьше делали обещаниев друг другу помогать, если б не надеялись они сих взаимных друг от друга вспоможений и подкреплений, а все бы пошли сами собою прямо и со всех сторон вдруг на короля прусского, то, может быть, и действительно б ему не устоять, он бы пал под сим бременем и погиб. Но судьбе видно угодно было, чтоб быть совсем не тому, что многие думали и чего многие ожидали, а совсем тому противному, и потому и надобно было произойтить разным несогласиям, обманам, интригам, своенравиям и упрямствам и прочим тому подобным действиям страстей разных и быть причиною тому, что и сие лето пропало почти ни за что. И хотя в течение и оного людей переморено и перебито множество, крови и слез пролиты целые реки, домов разорено и честных и добрых людей по миру пущено многие тысячи, но всем тем ничего не сделано, но при конце кампании остались почти все при прежних своих местах, и король прусский не только благополучно от всех отгрызся, но получил еще в конце некоторые выгоды.

Кампания началась и в сие лето очень рано, и открыл ее Лаудон нападением на Шлезию и на стоящего там против него генерала Фукета; и сие учинено с толиким счастием и успехом, что помянутый прусский генерал не только был разбит, но со всем корпусом своим взят в полон. А вскоре после того получена в Шлезии цесарцами и другая выгода и взята славная и крепкая крепость Глац, чего никто не ожидал, а всего меньше король прусский.

Лаудон, которому велено было дождаться наперед пришествия к прусским границам нашей (армии) и тогда уже, а не прежде, начинать свои действия, и который соскучивши, дожидая нас тщетно до самого мая, сим делом поспешил; и получив сию удачу, восхотел было и далее еще счастием своим воспользоваться и до прибытия еще нашей армии взять и самый главный шлезский город Бреславль. Но как сие не так скоро и легко ему одному можно было сделать, как он думал, то и принужден был от сей крепости отойтить со стыдом и расстроил самым тем все дело.

Принудило его к тому пришествие принца Гейнриха, который, стоючи против нас и видя армию нашу поворачивающуюся очень лениво и неповоротливо и далеко не так к Бреславлю поспешавшую, как надлежало, оставив нас одних шествовать по воле тихими стопами, полетел с корпусом своим для освобождения Бреславля от осады. А как в самое то же время дошел до Лаудона слух, что и сам король с армиею своею туда же шел и уже приближается, то, как ни старался он принудить город к сдаче и как ни угрожал бомбардированием и устрашиваниями коменданта, что буде не сдаст города, то не по-

щадится ни один ребенок в брюхе, но сей, дав славный тот ответ, что ни он не брюхат, ни солдаты его, не склонился никак на сдачу города и принудил тем Лаудона, не дождавшись армии нашей, приближающейся уже к городу, оставить осаду и ретироваться в горы. А сие и произвело, что поход и нашей армии и все поспешение оной сделалось тщетно, и она принуждена была остановиться на том месте, где известие о том ее застало, и в рассуждении пропитания своего пришла в великое нестроение, ибо вся нужда была на великие и огромные прусские магазины в Бреславле, которыми цесарцы овладеть и ими нашу армию прокормить надеялись.

Между тем, как сие происходило в этом краю, то в другом, а именно в Саксонии, происходила другая потеха. Там Даун и король прусский долгое время стояли друг против друга и старались только один другого перехитрить и обманывать. Первому не хотелось никак допустить короля прусского соединиться с братом его, принцем Гейнрихом, а самому урваться и поспешить к Лаудону, дабы, соединившись с ним и с нашею армиею, ударить уже вдруг на короля; а сему хотелось не допустить Дауна до сего соединения, и потому, как скоро он услышал, что сей, получив известие о начальных успехах Лаудона, пошел к нему на вспоможение, как для удержания его вдруг обратился назад и совсем неожиданным образом осадил саксонский столичный и цесарцами тогда защищаемый прекрасный и обширный город Дрезден и, привезя из соседственных своих областей тяжелую артиллерию, начал оной наижесточайшим образом и так сильно расстреливать и бомбардиро-

вать, что в один день пущено в оный 1400 бомб и ядер, от которых сей прекрасный город толикое претерпел разорение, что и поныне еще не может от того совершенно поправиться, и раны свои и доныне еще чувствует. Вся Европа сожалела о бедствии сего города и тем паче, что всем было известно, что осада сия предпринята была единственно для остановления пошедшего в Шлезию Дауна и что в самом городе не было королю ни малой нужды. Но ему и удалось самым тем перехитрить Дауна, ибо как скоро до сего дошел слух о сей осаде и таком разорении города, то вернулся он назад для защищения и освобождения города от осады, что в непродолжительное время и произвел, и принудил короля таким же образом со стыдом оставить осаду Дрездена, как Лаудон оставил осаду Бреславля.

По окончании сего неудачного предприятия, которое было последнее из несчастных, оборотился король прусский к Шлезии и пошел прямо к нам, ибо слух до него дошел, что наша армия находилась уже в самом сердце любезной его Шлезии, почему и хотел он всячески поспешить и, соединившись с принцем Гейнрихом во чтоб ни стало, ударить на нас всею силою. Но не успел он в сей славный и дальний поход вступить, как Даун в тот же час отправился вслед за ним и, догнав, пошел с ним рядом, делая ему в шествии возможнейшие препятствия и затруднения. И так шли обе армии в такой близости друг к другу рядом и так не опереживая и не отставая друг от друга, что всякому, не знающему того, показалось бы, что это одна армия.

Между тем, нашему графу Салтыкову приходило

с армиею его есть нечего, а как услышал он, что идет на него сам король прусский и что Даун идет хотя с ним рядом, но ничего не делает и к баталии его не принуждает, был тем крайне недоволен и говорил, что когда не воспрепятствовали цесарцы ему перейтить через реки Эльбу, Шпре и Бобер, то не помешают ему перейтить и Одер, соединиться с принцем Гейнрихом и напасть на него всею соединенною силою.

— Королю, — говорил он, — стоит только сделать марша два форсированных и употребить обыкновенные свои хитрости, как он и явится перед нами; но я прямо говорю, что как скоро король перейдет через Одер, то в тот же час пойду я назад в Польшу.

Таковые угрозы принудили Дауна, для остановления короля прусского, дать ему баталию и он, улуча такое время, что королю случилось стать лагерем в одном месте не очень выгодно, вознамерился напасть на него на рассвете и атаковать вдруг с четырех сторон его лагерь. Сам Даун хотел атаку вести спереди, Лесию назначено было атаковать правое, а Лаудону — левое крыло.

Все распоряжения были к тому уже сделаны в тайне, и цесарцы так не сомневались о хорошем успехе, что, хвастаясь, говорили уже, что король у них теперь ровно как в мешке, и им стоит только мешок сей сжать и завязать; но по особливому несчастию их, король узнал как о намерении их, так и о самом помянутом хвастовстве, и сам в тот же день за ужином, говоря, что цесарцы в том и не погрешают, однако он надеется сделать в сем мешке дыру, которую им трудно будет заштопорить.

А всходствии того, тотчас по наступлении ночи, и велел он сделать все приуготовления к баталии и расположил тотчас план оной. Он приказал в лагере своем поддерживать обыкновенные огни и поджигать их крестьянам, а гусарам через каждые четверть часа кричать и пускать сигналы, дабы всем тем сокрыть от неприятеля свой поход и намерение; сам тотчас со всею армиею, вышедши из лагеря и отойдя в удобнейшее место, построил армию к баталии и стал, сидючи на барабане, спокойно дожидаться утра. Но что всего курьезнее было, то точно такой же обман для сокрытия шествия своего употребили и цесарцы, и что сим образом обе армии в потемках ночью шли к тому месту, где судьбою назначено быть великому кровопролитию, друг о друге ничего не зная и не ведая.

Итак, не успело начать рассветать, как Лаудон, которому поручено было напасть на короля с левого фланга с тридцатью тысячами человек войска, вдруг усматривает пруссаков там, где он их всего меньше найтить думал, и с ужасом примечает, что перед ним стоит вся королевская армия в готовности к сражению, и которой вторая линия тотчас вступила с ним в бой и как пушечною пальбою с батарей, так оружейным огнем его встретила. Лаудон, хотя и не оробел в сем случае, но, построив в скорости весь корпус свой треугольником, атаковал сам пруссаков с возможною храбростью; но как он был слишком слаб против оных, то, по двучасном сражении и потеряв до несколька тысяч убитыми и в полон попавшими и оставив пруссакам в добычу 23 знамя и 82 пушки, принужден был оставить место баталии ко-

ролю прусскому, и с таким искусством ретировался назад через речку, тут случившуюся, что король прусский расхвалил сам сию ретираду и говорил, что он во всю войну не видал ничего лучшего против сего маневра Лаудонова и что наилучшим днем жизни его есть тот, в который хотелось ему разбить его.

Сражение сие, бывшее 4-го августа, продолжалось хотя недолго и было хотя только с одною частию цесарской армии, но последствия имело великие. Даун, хотя атаковать поутру пруссаков, удивился, не нашед ни одного из них в прусском лагере, и не понимал, куда они делись и что об них подумать; но как разбитие Лаудона сделалось известно, то сие расстроило и смутило все его мысли и намерения, и он в скорости не знал, что ему начать и делать. Что ж касается до короля, то он ни минуты почти не стал медлить, но забрав всех раненых и полоненных, также и в добычу полученные пушки, пошел в тот же самый день далее к Бреславлю и в сторону нашей армии и дошед до Пархвица, поблизости которого места стоял тогда граф Чернышев с двадцатью тысячами россиян и прикрывал реку Одер.

Со всем тем, и несмотря на сию победу, находился король прусский в страшном положении. Все провиантские фуры были у него порожними, и провианта осталось не более, как на один день; но что того еще хуже, то в скорости и взять его было негде. Из ближайших магазинов один был в Бреславле, а другой в Швейднице, но пройтить к первому мешали ему мы, а особливо помянутый граф Чернышев с своим корпусом, а для прохода к Швейдницу надлежало наперед драться со всею соединенною авст-

рийскою армиею и победить оную, что не могло еще быть достоверно.

Итак, при обстоятельствах сих находился король в великом смущении и не знал что делать, но, по счастию, мы избавили его сами скоро от сей напасти. Главным командирам нашей армии вздумалось что-то, без всякой особливой причины, перейтить назад через реку Одер и в предлог к тому говорили они, что, не получая пять суток никакого известия о цесарцах, заключали, что они либо совсем разбиты, либо пересечена с ними совершенно коммуникация, а через сие и очистили ему путь к Бреславлю. Один только Чернышевский корпус находился за рекою Одером и делал помешательство, но и оный был скоро удален, и король употребил к тому особливую хитрость. Написано было подложное письмо будто от короля к принцу Гейнриху, в котором уведомлял он его о своей победе над цесарцами и о намерении перейтить через реку Одер для атакования россиян, причем напоминал он ему о сделании движения, о котором у них было условлено. Письмо сие вручено было одному мужику и дано наставление, как ему поступить, чтоб русские его поймали и письмо сие перехватили. Хитрость сия имела успех наивожделеннейший. Чернышев не успел прочесть сего письма, как перешел тотчас реку Одер и высвободил через то короля из наиопаснейшего и такого положения, в каком он никогда еще не находился; и король никогда так весел не бывал, как в сей раз. Он мог уже тогда соединиться с принцем Гейнрихом и предпринимать далее, что ему было угодно; и с сего времени пошло ему опять везде счастие.

Отступление нашей армии произвело то, что и Даун, не имея уже надежды соединиться с нею и боясь, чтоб он и сам не был отрезан от Богемии, за полезнейшее счел отступить назад и подвинуться к горам. Король прусский последовал за ним по стопам и старался везде и всячески ему вредить и войско его обеспокоивать, а сим образом и проходили они друг за другом весь сентябрь месяц, и сражения происходили только маленькие и ничего не значащие.

Между тем как происходило сие в Шлезии, возгремел военный огонь из Померании. Флот наш, под командою адмирала Мишукова, состоящий из двадцати семи военных линейных кораблей, фрегатов и бомбардирных галиотов, в месяце августе приплыл под Кольберг, и крепость сия осаждена была как им, так и пятнадцатью тысячами сухопутного войска; а к нашему флоту присоединилась еще и шведская эскадра, состоящая из шести линейных кораблей и двух фрегатов. Генерал Демидов, привезший восемь тысяч сухопутного войска на кораблях, высадив оное, соединился с главным корпусом и, осадив город сей с трех сторон, начал оный и с моря, и с сухого пути бомбардировать и утеснять оный всеми возможными образами. Бомбардирование сие производилось с таким усилием, что в течение четырех дней брошено было в него более семисот бомб, не считая каркасов* или зажигательных ядер. Но крепость сия была не такова слаба, чтоб можно было

---

*Французский зажигательный продолговатый артиллерийский снаряд.

ею овладеть одним таковым бомбардированием и немногим осаждающим войском; и комендант прусский оборонялся и в сей вторичный раз наимужественнейшим образом и, несмотря на все разорение, производимое в городе бомбами и ядрами, не сдавался никак, доколе не прибыл на сикурс* к нему генерал Вернер с пятью тысячами войска и не напал совсем нечаянно на не ожидавших того совсем наших россиян. Неожиданность сего нападения произвела толикий страх и ужас на осаждающих, что они, оставя пушки, палатки и весь багаж, разбежались врознь и через самое то сделали и сие вторичное покушение на Кольберг неудачным и обратившимся к крайнему стыду нашему. Самый флот, увидев разбежавшихся сухопутных солдат и власно как опасаясь, чтоб прусские гусары и ему чего не сделали, заблагорассудил также осаду и бомбардирование оставить и со стыдом отплыть в море.

Что ж касается до Вернера, то он, сделавши тут свое дело, послужившее ему к великой чести и славе, обратился потом к шведской Померании и наделал и там еще множество дел, обратившихся во вред его неприятелям шведам.

Таким же образом посчастливилось королю прусскому и в Саксонии, и там, где нападал на области его герцог Виртенбергский с своим и имперским войском. Сей сначала имел хороший успех, захватил многие места, принудил платить себе военную контрибуцию и выгнал пруссаков из всей почти Саксо-

---

* Французское — на помощь.

нии; но как дошло дело до сражения с пруссаками под командою генерала Гильзена, то был так несчастлив, что потерял баталию и дал себя победить пруссакам, а через несколько времени потом и еще разбит был принцем Цвейбрикским.

Что ж касается до французской армии, под командою Дюка де Броглио, то сия в сей год была счастливее. Она, без всякого большого сражения, а единственными движениями, принудила пруссаков выйтить за Рейн и оставить многие города и провинции во власти французов.

Сим окончу я сие письмо, достигшее до своих пределов, а в последующем за сим расскажу вам достальное о военных действиях, бывших в течение сего года. Я есмь, и прочая.

БЕРЛИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

ПИСЬМО 84-е

Любезный приятель! Как в предследующем моем письме не успел я вам пересказать всех военных происшествий, бывших в течение 1760-го года, то расскажу вам теперь прочие.

Из пересказанного вам тогда означается само собою, что как ни велики были со всех сторон военные приуготовления и как жарко было ни началась кампания, однако вся она, против всякого думанья и ожиданья, прошла в одних только маршах и контрамаршах, в хождениях неприятелей друг за другом и в примечаниях всех взаимных движений. Три только осады, и все три неудавшиеся, ознаменовали наиболее сие лето, а именно: бреславская, дрезденская и кольбергская. Наконец окончилось уже и лето, и приближающееся холодное и дурное время заставило как цесарцев, так и россиян, помышлять о зимних своих квартирах. Для обоих главных командиров оных была та мысль несносна, что они с превеликими своими армиями ничего важного в целое лето не сделали. Они стыдились даже самих себя. А как присовокупилось к тому и столь невыгодное Дауново стояние в горах, что всякий подвоз к нему был чрезвычайно отяготителен, вперед же податься, за стоянием перед

ним и неотставанием ни на пядень от него короля прусского, было ему никак не можно, — и другого не оставалось, как ретироваться в Богемию; то стали выдумывать тогда все способы, чем бы отманить прочь короля оттуда и отвлечь в другую сторону, и признали к тому наилучшим средством то, чтоб нашему графу Салтыкову отправить от себя легкий корпус прямо к столичному прусскому городу Берлину и овладеть оным, и от сего-то произошла та славная берлинская экспедиция, о которой мне вам рассказать осталось и которая наделала тогда так много шума во всем свете, но послужила нам не столько в пользу и славу, сколько во вред и бесчестие.

Преклонить к предприятию сему нашего упрямого и своенравного графа Салтыкова господину Дауну не инако, как великого труда стоило, и он не прежде на то согласился, как получив обещание, чтоб и цесарцы с другой стороны послали б туда такой же корпус. Итак, от сих направлен был в оную Ласси с пятнадцатью тысячами австрийцев, а от нас граф Чернышев с двадцатью тысячами. Сам же граф Салтыков взялся прикрывать всю сию экспедицию издали, а графу Фермору поручено было, с знатной частью армии, иттить вслед за ними и, как подкреплять всю экспедицию издали, так и делать наиглавнейшие с нею распоряжения.

У нас, в течение сего лета и около самого сего времени в особливости, как-то прославился бывший совсем до того неизвестным, немчин, генерал-майор граф Тотлебен, командовавший тогда всеми легкими войсками и приобретший в короткое время от них и от всей армии себе любовь всеобщую. Все были о

храбрости, расторопности и счастии его так удостоверены, что надеялись на него, как на ангела, сосланного с небес для хранения и защищения армии нашей. Как сему немчину случилось не только бывать, но и долгое время до того живать в Берлине, и ему как положение города сего, так и все обстоятельства в нем были коротко известны, то поручено было ему в сей экспедиции передовое и в трех тысячах человек состоящее войско, с которым он и отправлен был вперед.

Поелику главною целью при сей экспедиции было получение превеликой в Берлине добычи, и оною, сколько с одной стороны мы, а того еще более цесарцы прельщались, то походом сим с обеих сторон делано было возможнейшее поспешение, так что и сами цесарцы шли во весь поход, против обыкновения своего, без расстагов и в десять дней перешли до трехсот верст; но как много зависело от того, кто войдет в сей город прежде, то наши были в сем случае проворнее, и Тотлебен так поспешил, что, отправившись из Лейтена, что в Шлезии, в шестой день, а именно в полдни 3-го октября, с трехтысячным своим из гренадер и драгун состоящим корпусом, явился пред воротами города Берлина, и в тот же час отправил в оный трубача с требованием сдачи оного.

Сей превеликий столичный королевский город, не имеющий вокруг себя ни каменных стен, ни земляных валов, и всего меньше сего посещения ожидавший, имел в себе только 1200 человек гарнизонного войска, и потому к обороне находился совсем не в состоянии. Комендантом в оном был тот же самый генерал Рохов, который за два года пред тем имел

уже таковое ж посещение от австрийцев. Со всем тем, случившийся тогда в Берлине — старик фельдмаршал Левальд, раненый генерал Зейдлиц и генерал Кноплох присоветовали ему обороняться и были так усердны, что из единого патриотизма взялись собственными особами защищать маленькие шанцы*, сделанные пред городскими воротами. Итак, все, кто только мог, и самые инвалиды, и больные похватали оружие и приготовились к обороне. Тотлебен, получив отказ, велел тотчас сделать две батареи и стрелять по городу. Стрельба сия продолжалась с двух часов пополудни по шестой час, и хотя брошено в сие время в город до трехсот гаубичных бомб** и каркасов, из которых иные доставали даже до самого королевского дворца, однако всем тем не произведено никакого пожара и не сделано вреда дальнего, кроме повреждения нескольких домов и кровель на оных. В вечеру же, в 9 часов, началась опять жестокая стрельба и бомбардирование, и 150 человек гренадер приступали к Гальским и Котбузским воротам и маленьким перед ними окопам и хотели взять оные приступом, но были каждый раз сильным огнем из ружей отбиваемы. Все сие продолжилось за полночь; после чего и во все 4-е число стояли спокойно, а между тем, сего числа подоспел к Берлину на помощь прусский генерал принц Евгений Виртенбергский с 5000-ми бывшего в Померании войска и, оправившись, атаковал тотчас ма-

---

*Немецкое — военный окоп, редут.

**Гаубица — артиллерийское орудие.

ленький Тотлебенов корпус и принудил его отойтить несколько далее до Копеника.

Тут является потом граф Чернышев со всем своим достальным корпусом и соединяется с Тотлебеном. Сей генерал, услышав о делаемом сопротивлении, хотел было уже иттить назад, и преклонить его к тому, чтоб иттить к Берлину, стоило великого труда находившемуся при нем французскому комиссионеру, маркизу Монталамберту. Но как сему удалось, наконец, его к тому уговорить, тогда они оба с генералом Тотлебеном пошли вперед, а пруссаки, увидев сие, начали тотчас подаваться назад. Между тем, подоспел и в город другой еще прусский корпус, состоящий из 28-ми батальонов и находившийся под командою генерала Гильзена, и пруссаки в городе сделались так сильны, что могли оборонить ворота городские. И если б подержались они хотя несколько суток, то спасся бы Берлин, ибо король сам летел уже к нему на вспоможение, и у наших, равно как и у цесарцев, положено уже было в военном совете иттить назад. Но, по счастию нашему, прусские начальники поиспужались приближающейся к тамошним пределам и уже до Франкфурта, что на Одере, дошедшей нашей армии и генерала Панина, идущего с нарочитым корпусом для подкрепления чернышевского, и не надеялись с 14-ю тысячами человек прусского войска в состоянии быть оборонить отверстый со всех сторон город, — и опасаясь подвергнуть его от бомбардирования разорению, а в случае взятия приступом грабежу, заблагорассудили со всем войском своим ретироваться в крепость Шпандау, а город оставить на произвол судьбе своей.

Сия судьба его не так была жестока, как того думать и ожидать бы надлежало. Город, по отшествии прусских войск, выслал тотчас депутатов и сдался немедленно Тотлебену на договор, который поступил в сем случае далеко не так, как бы ожидать надлежало; но нашед в нем многих старинных друзей своих и вспомнив, как они с ними тут весело и хорошо живали, заключил с городом не только весьма выгодную для его капитуляцию, но поступил с ним уже слишком милостиво и снисходительно. В особливости же, поспешествовал непомерной благосклонности к сему городу некто из берлинских купцов, по имени Гоцковский, странный и редкий человек и сущий выродок из купцов. Будучи очень богат и употребляя богатство свое не во зло, а в пользу отечеству своему, сделался он при сем случае охранительным духом сего столичного города. Он настроил весь городской магистрат, во-первых, к тому чтоб сдаться нам, россиянам, а не пришедшим также уже цесарцам, ибо от сих, как главных своих неприятелей, не ожидал он никакой пощады. Во-вторых, как он после Кюстринской или Цорндорфской баталии всем попавшимся тогда в прусский плен российским офицерам оказал отменное великодушие и всех их не оставлял и подкреплял своим достатком, то сделался он чрез то во всей российской армии известным, а сие приобрело ему и от тогдашних наших начальников в Берлине дружбу, а особливо от главного командира, графа Тотлебена, а сею и воспользовался он наидеятельнейшим образом к пользе города. Все берлинские жители, и знакомые и незнакомые, воспринимали к нему прибежище, и он ежечасно яв-

лялся с просьбами и представлениями, как обо всем обществе, так и за приватных людей, и для подкрепления просьб своих не жалел ни золота, ни камней, ни других драгоценностей и не поставляя всего того на счет города.

Тотлебен требовал с города четыре миллиона талеров контрибуции и при всех представлениях был сначала неумолим. Он ссылался на полученное им от графа Фермора точное повеление — выбрать неотменно сию сумму и не новыми негодными, а старыми и хорошими деньгами. Все берлинские жители пришли от того в отчаяние, но наконец удалось купцу сему чрез пожертвование великих сумм из собственного своего капитала, требуемую сумму уменьшить до полутора миллиона, да сверх того, чтоб дано было войскам в подарок 200 т. талеров, также добиться и того, чтоб и вся оная небольшая и ничего почти незначащая сумма, принята была вместо старых и новыми маловесными и тогда ходившими обманными деньгами. С сим радостным известием полетел Гоцковский в ратушу, где собравшийся магистрат принял его как своего ангела-хранителя, и назначенные в подарок войску деньги, также полмиллиона контрибуции были тотчас заплачены, а в миллионе взят со всего купечества вексель.

Купец сей в таком кредите был у наших русских, что они ни с кем не хотели иметь дела, кроме него. Он денно и нощно был на улице, доносил о беспорядках, делаемых чиновниками, препятствовал всякому несчастию и утешал страждущих. От Фермора дано было повеление, чтоб все королевские фабрики сперва разграбить, а потом разорить, и между про-

чим были именно упомянуты так называемый Лагергаус, с которой становилось сукно на всю прусскую армию, также золотая и серебряная мануфактура, и 10-е число октября назначено было для сего разорения. Гоцковский узнает о том в полночь, бежит без памяти к Тотлебену, употребляет все возможное и предоставляет ему, будто бы сии, так называемые королевские фабрики, не принадлежат собственно королю и доход от них будто бы не отсылается ни в какую казенную сумму, а употребляется весь на содержание Потсдамского сиротского дома. Тотлебен уважает сие его представление, заставливает Гоцковского засвидетельствовать сие письменно и утвердить присягою, — а сие и спасло сии фабрики и избавило их от повеленного Фермором разорения.

Сим образом зависело от одного Тотлебена тогда причинить королю прусскому неописанный и ничем ненаградимый убыток. Берлин находился тогда в самом цветущем состоянии, наполнен был бесчисленным образом наипрекраснейших зданий, был величайшим мануфактурным городом во всей Германии, средоточием всех военных снарядов и потребностей и питателем всех прусских войск. Тут находилось в заготовлении множество всяких повозок, мундиров, оружия и всяких военных орудий и припасов, и многие тысячи человек, занимающиеся приготовлением оных; было множество богатейших купцов и жидов, и первые можно б было все разорить и уничтожить, а последние могли б заплатить огромные суммы, если б Тотлебен не так был к ним и ко всем берлинцам снисходителен.

Как цесарский генерал Ласси пришел к Берлину позднее Тотлебена, то сей и не хотел никак уступить ему главного начальства над городом, и Ласси с великою досадою и негодованием смотрел на столь снисходительные поступки Тотлебеновы. Он оттеснил силою российский караул от Гальских ворот и, поставив свой, требовал во всем соучастия, угрожая в противном случае протестовать против капитуляции. Чернышев примирил сию ссору и приказал опростать австрийцам трое ворот и поделиться с ними теми деньгами, которые назначены в подарок войскам, и дать им 50 т. талеров.

Тотлебен принужден был принимать на себя разные личины и играть различные роли. Публично делал он страшные угрозы и произносил клятвы и злословия, а тайно изъявлял благосклонное расположение, которое и подтверждалось делом. Все жестокие повеления Фермора были на большую часть отвращены и не исполнены. Но требования цесарцев были еще жесточе; между прочим, хотели они, чтоб подорван был берлинский цейгтауз, славное и великолепное здание посреди города и лучших улиц находящееся. От сего произошел бы ужасный вред всему Берлину, и Тотлебену, как того ни не хотелось, но он принужден был на то согласиться, и отправлено уже было 50 человек россиян на пороховую, неподалеку от Берлина находившуюся, мельницу за порохом. Но неизвестно уже, как то случилось, что там весь порох загорелся, и мельницу взорвало вместе со всеми солдатами, и цейгтауза подорвать было уже нечем; итак, довольствовались тем, что весь его опорожнили: что можно

было взять с собою, то взяли, другое переломано, иное сожжено, а другое побросано в воду, а притом разорен был королевский литейный дом, монетные сбруи и машины, пороховые мельницы и все королевские фабрики, и забраты везде, где ни были, казенные деньги, коих число простиралось до 100 т. талеров.

Далее приказано было от Фермора берлинских газетиров наказать прогнанием сквозь строй за то, что писали они об нас очень дерзко и обидно, и назначен был к тому уже и день, и час, и постановлен уже строй. Но Гоцковский, вмешавшись и в сие дело, умел его так перевернуть, что они приведены были только к фрунту, и им сделан был только выговор, и тем дело кончено.

Далее повещено было всему городу, чтоб все жители, под жестоким наказанием, сносили все свое огнестрельное оружие на дворцовую площадь. Сие произвело всему городу изумление и новое опасение, но Гоцковский произвел то, что и сей приказ был отменен и для одного только имени принесено на площадь несколько сот старых и негодных ружей и по переломании казаками брошены в реку; а то же сделано и с несколькими тысячами пудов соли. Другое повеление Фермора относилось до взятия особливой контрибуции с берлинских жидов, и чтоб богатейших из них, Ефраима и Ицига взять в аманаты*, но Гоцковский умел сделать, что и сие повеление было не исполнено.

---

*Заложники.

В условиях капитуляции положено было, чтоб ни одному солдату не брать себе квартиры в городе, но цесарский генерал Ласси, оказывающий себя при всех случаях непримиримейшим врагом пруссакам, поднял на смех сие условие и с несколькими полками своего корпуса взял квартиры себе в городе, совсем против хотения россиян. И тогда начались обиды, буянства и наглости всякого рода в городе.

Солдаты, будучи недовольны яствами и напитками, вынуждали из обывателей деньги, платье и брали все, что только могли руками захватить и утащить с собою. Берлин наполнился тогда казаками, кроатами* и гусарами, которые посреди дня вламывались в домы, крали и грабили, били и уязвляли людей ранами. Кто опаздывал на улицах, тот с головы до ног был обдираем и 282 дома было разграблено и опустошено. Австрийцы, как сами говорили берлинцы, далеко превосходили в сем рукомесле наших. Они не хотели слышать ни о каких условиях и капитуляции, но следовали национальной своей ненависти к охоте и хищению, чего ради принужден был Тотлебен ввесть в город еще больше российского войска и несколько раз даже стрелять по хищникам. Они вламывались, как бешеные, в королевские конюшни, кои, по силе капитуляции, охраняемы были российским караулом. Лошади из них были повытасканы, кареты

---

*Кроатами немцы называют хорватов — славянскую народность, живущую у границы Сербии и Венгрии — ныне это часть населения Югославии.

королевские ободраны, оборваны и потом изрублены в куски. Самые гошпитали, богадельни и церкви пощажены не были, но повсюду было граблено и разоряемо, и жадность к тому была так велика, что самые саксонцы, сии лучшие и порядочнейшие солдаты, сделались в сие время варварами и совсем на себя были не похожи. Им досталось квартировать в Шарлоттенбурге, городке, за милю от Берлина отлежащем, и славном по-королевскому увеселительному дворцу, в оном находящемуся. Они с лютостью и зверством напали на дворец сей и разломали все, что ни попалось им на глаза. Наидрагоценнейшие мебели были изорваны, изломаны, исковерканы, зеркала и фарфоровая посуда перебита, дорогие обои изорваны в лоскутки, картины изрезаны ножами, полы, панели и двери изрублены топорами, и множество вещей было растаскано и расхищено; но всего более жаль было королю прусскому хранимого тут прекрасного кабинета редкостей, составленного из одних антик или древностей и собранного с великими трудами и коштами. Бездельники и оный не оставили в покое, но все статуи и все перековеркали, переломали и перепортили. Жители шарлоттенбургские думали было откупиться, заплатив контрибуции 15 т. талеров, но они в том обманулись. Все их дома были выпорожнены, все, чего не можно было унесть с собою, переколоно, перебито и перепорчено, мужчины избиты и изранены саблями, женщины и девки изнасильничаны, и некоторые из мужчин до того были избиты и изранены, что испустили дух при глазах своих мучителей.

Такое ж зло и несчастие претерпели и многие другие места в окрестностях Берлина, но все более от цесарцев, нежели от наших русских, ибо сии действительно наблюдали и в самом городе столь великую дисциплину, что жители берлинские, при выступании наших и отъезде бывшего на время берлинским комендантом бригадиру Бахману подносили через магистрат 10000 талеров в подарок, в благодарность за хорошее его и великодушное поведение; но он сделал славное дело — подарка сего не принял, а сказал, что он довольно награжден и той честию, что несколько дней был комендантом в Берлине.

Впрочем, вся сия славная берлинская экспедиция далеко не произвела тех польз и выгод, каких от ней ожидали, но сделалась почти тщетною и пустою. Если б, по ожиданию многих, по занятии войсками нашими Берлина, все союзные армии и самая наша двинулись внутрь Бранденбургии и в оной и даже в окрестностях Берлина расположились на зимние квартиры, то король был бы окружен со всех сторон и доведен до крайности, и войне б через то положен был конец; но как союзники, так и наши не имели столько духа, но напротив того, услышав, что король, узнав о сем занятии Берлина, тотчас с войском своим полетел к нему на помощь, так сего испужались, что рассыпались в один миг все, как дождь, от Берлина в разные стороны. Наши спешили убраться за реку Одер и соединиться с главною армиею; цесарцы направили стопы свои в Саксонию, чтоб соединиться с Дауном, а шведы, поспешившие было также к Берлину, возвратились обратно в Померанию, так что король, пришед к Берлину, не на-

шел тут уже никого, а одни только следы опустошения и разорения, и успел еще потом, возвратясь к подошедшему между тем в Саксонию Дауну, подраться с цесарцами и как у них побить несколько тысяч народа, так и сам потерять столько ж. Большая, славная и почти беспримерная баталия сия, единая во все течение лета, произошла в Саксонии, при местечке Торгау или Сиплице и совсем была сначала потерянная королем; но нечаянная удача генерала его Цитена и обстоятельство, что Даун был ранен и должен был команду препоручить генералу Одонелю, доставили ему, наконец, победу, без дальних, однако, для него выгод, кроме того, что он удержал за собою Саксонию и все воюющие с ним державы вышли из его пределов.

Таким образом окончилась в сей год кампания, достопамятная наиболее одними только маршами и контрамаршами, да упомянутою теперь торгавскою баталиею, а в прочем не принесшая ни союзникам дальних выгод, ни изнурившая короля прусского. Он остался при тех же границах, в каких был с начала весны, и все труды, убытки и люди потеряны были по пустому; а сим окончу я и сие письмо, дабы в последующем говорить уже о ином и обратиться паки к своей истории, между тем остаюсь ваш, и прочее.

ПЕРЕМЕНА АРМЕЙСКОГО КОМАНДИРА

ПИСЬМО 85-е

Любезный приятель! . . . . Около самого того времени, как пошел мне двадцать третий год, а именно 11 октября (1760), поражены мы были другим всего менее ожидаемым и всех нас неописанно поразившим известием, что императрица, прогневавшись на наших предводителей войск и генералов за то, что они в минувшую кампанию так мало ревности и усердия оказали, и чрез то подвигли союзников ее к неудовольствию и недоверку на себя, вознамерилась сделать перемену и на место графа Салтыкова определила старика фельдмаршала графа Александра Борисовича Бутурлина главным командиром ее армии. Сие известие привело всех нас в изумление, и мы долго не хотели верить, чтоб могло сие быть правдою. Характер сего престарелого большого боярина был всему государству слишком известен, и все знали, что неспособен он был к командованию не только армиею, но и двумя или тремя полками, и что всем и всем несравненно был хуже Салтыкова; а когда и сей едва-едва годился воевать против такого хитрого и искусного воина, каков был король прусский, то чего можно было ожидать от Бутурлина, который уже и до того служил более всем единым посмешищем?

Словом, все дивились тому и говорили, что никак людей на Руси уже не стало, и все утверждали, что лучше бы поручить армию последнему какому-нибудь генерал-майору, нежели сему старику, даром, что он был фельдмаршал, до которого чина дослужился он по линии. Единая привычка его часто подгуливать и даже пить иногда в кружку с самыми подлыми людьми наводила на всех и огорчение, и негодование превеликое. А как сверх того он был неуч и совершенный во всем невежда, то все отчаивались и не ожидали в будущую кампанию ни малейшего успеха, в чем действительно и не обманулись.

Впрочем, сколько негодовали мы на сего нового главного всем нам командира, столько сожалели о прежнем, честном и прямодушном старике, графе Салтыкове. Сей, хотя также был не слишком знающим, но все гораздо уже лучше Бутурлина, и ежели что портил, так от единого своего упрямства и своенравия, при многих случаях даже непростительного. Он был отлучен только от армии, а не отставлен, и ему велено было жить в городе Мариенбурге.

Между тем, продолжали мы в Кенигсберге жить попрежнему и самую осень препровождать в увеселениях обыкновенных. У генерала нашего были то и дело балы, а в исходе ноября опять маскарад превеликий, на котором я опять затанцовался до совершенной усталости; а сверх того имели мы около сего времени и другую забаву: прислана была к нам в Кенигсберг — для выпорожнения и у нас, и у многих кенигсбергских жителей карманов и обобрании у всех излишних денег — казенная лотерея. До сего времени не имели мы об ней никакого и понятия, а тогда узнали ее довольно-пред-

овольно и за любопытство свое заплатили дорого. У многих из нашей братьи, а особливо охотничков, любопытных и желавших вдруг разбогатеть, не осталось и рубля в кармане, а нельзя сказать, чтоб и я не сделался вкладчиком в оную. Рублей пять, шесть и до десяти проиграл и я и после тужил об них чистосердечно, ибо на сумму сию мог бы я купить себе превеликое множество книг; но, по счастию, скоро опамятовался и терять более деньги понапрасну перестал.

В половине декабря был у нас, по причине случившегося какого-то праздника, опять у генерала нашего превеликий маскарад, и я протанцовал на оном до самого четвертого часа и до такой усталости, что насилу мог дойтить до квартиры.

В сию осень как-то в особливости я зарезвился и затанцовался впрах, власно как предчувствуя, что всем таким забавам и увеселениям скоро уже конец долженствовал воспоследовать, как и действительно, не успели мы от оного еще выспаться и отдохнуть, как получаем совсем неожидаемое и такое известие, которое до крайности всех нас перетревожило, а именно, что мы вскоре получим себе нового и незнакомого командира, и что прежнего, то есть Корфа, угодно было императрице определить в Петербурге, на место умершего Татищева, генерал-полицмейстером, а сменить его и нами тут в городе командовать велено было генерал-поручику Суворову, отцу того, который впоследствии так много прославил себя в свете.

Все мы, хотя и не очень были довольны Корфом, как по чрезвычайно крутому его нраву и бранчивости непомерной, так и потому, что он не слишком был милостив и благодетелен ко всем нам, русским,

а особливо подкомандующим, и никто из нас не видал от него никакого добра, кроме одних ругательств и браней, и потому все не столько его любили, сколько ненавидели и самого его втайне бранили, однако, с одной стороны, сделанная уже к нему привычка, а с другой стороны, незнание нового командира и его характера, и обстоятельство, что из знающих иные его хвалили, а иные нет, вообще же все отзывались об нем, что он человек особливого характера, сделало то, что нам его (Корфа) уже некоторым образом и жаль стало.

Известие о сем получено нами уже в исходе 1760 года и за немногие дни до Рождества Христова, и генерал наш, получив оное, тотчас отправился по некоторым надобностям и делам к фельдмаршалу в Мариенбург, взяв с собою и г. Чонжина, который в сие время был уже колежским ассесором, который чин доставил ему генерал наш.

Сия отлучка сих обоих особ доставила нам сколько-нибудь свободу и от трудов отдохновение, и я, писавши к приятелю своему большое письмо, говорил, что мне впервые еще удалось тогда препроводить целую половину дня на своей квартире, но зато, как самый праздник, так и святки, были у нас несколько скучноваты. Чтоб пособить тому сколько-нибудь и заменить отсутствие генерала, то вздумалось одному из сотоварищей наших, а именно старшему из тех обоих юнкеров, господ Олиных, о которых упоминал я прежде, случившемуся около сего времени быть именинником, дать нам на другой день праздника добрую вечеринку, или иначе порядочный бал, но только в миниатюре. Была у нас тут и музыка, было много и жен-

ского пола, было множество танцев и наконец ужин; и хозяин наш, будучи у нас первым петиметром и любочестием до безумия зараженный, не упустил ничего, чем бы нас как можно лучше угостить и позабавить. Мы собрали на праздник сей всех своих друзей и знакомцев, и как под предлогом, что г. Олин праздновал день своей женитьбы, хотя он от роду еще женат не был, нашли способ пригласить для танцев и многих из тамошних жительниц, и чрез то сделали бал свой не шуточным, но порядочным, а что всего лучше, то все происходило на нем с благочинием и порядком, то завеселились и затанцовались мы на оном впрах и, как говорится, до самого положения риз. Никто же из всех столько не веселилися при сем случае, как я и отъезжающий уже с генералом друг мой, адъютант его, г. Балабин. Мы были почти главные особы на оном, и как во все сие празднество господствовала вольность, откровенное дружество и поверенность, то был он нам, да и самому мне, во сто раз приятнее всех праздников и балов губернаторских.

Вслед за сею нашею пирушкою получили мы и другое, и в особливости мне весьма неприятное, известие. Наслано было повеление от фельдмаршала, чтоб всем, оставшимся от полков в Кенигсберге третьим баталионам, иттить немедленно к полкам своим, и чтоб при сем случае неотменно собрать и сменить всех отлучных и отправить с ними к полкам их. Для меня повеление сие было тем важнее, что в числе сих баталионов считался баталион и нашего полку, а в числе упомянутых отлучных и сам я, и как посему касалось повеление сие и до меня собственно и пришло к нам пред самою сменою губер-

наторов, то наводило оно на меня великое сумнение, и я боялся, чтоб сия расстройка не сделалась мне наконец предосудительною.

Губернатор наш проездил к фельдмаршалу до самого наступления нового 1761 года, который день был у нас достопамятен тем, что получили мы в оный новый год новую зиму и нового губернатора, ибо и сей приехал к нам в самый первый день сего года и остановился тут же у нас в замке, где старый губернатор опростал для его тотчас весь верхний и лучший этаж, а сам перешел в прежний и старался угостить его всячески. Мы встречали его все, и он показался нам остреньким, неглупым и таким старичком, который был сам о себе, несмотря, хотя был очень, очень не из пышных.

Первые дни сего года прошли в принимании единых поздравлений с приездом ото всех и всех и в ранжировании собственных своих домашних дел, и настоящая смена и сдача губернии воспоследовала не прежде как 5-го января, и как сей день был для меня в особливости достопамятен, то опишу я его подробнее.

Всем нам повещено было еще с вечера, что на утрие будет происходить смена у губернаторов, и чтоб мы к тому готовились и находились каждый при своем месте. А не успели мы в тот день собраться в канцелярию, как и пришли в оную губернаторы, и старый, в провожании множества всякого рода чиновников, и повел нового по всем канцелярским комнатам и представлял ему всех своих подкомандующих, рассказывая, кому поручено какое дело и кто чем занимался; а при сем случае, натурально, дошла и до меня очередь.

Я хотя нимало не сомневался в том, что не останусь никак без рекомендации от старого губернатора новому, однако оказанная мне от прежнего при сем случае милость превзошла все мои чаяния и ожидания. Он, возвращаясь с ним из задних канцелярских комнат, нарочно для меня в моей остановился и новому губернатору с следующими словами меня представил:

— Сего офицера я в особливости вашему превосходительству рекомендую.

За сим и пошли исчисления и похвалы всем моим способностям, качествам и добрым свойствам, и могу сказать, что все они были не только не забыты, но еще и увеличены. Одним словом, я сам не знал до сего времени, что поведение мое было ему так тонко и коротко известно. Состояние, в каком я тогда находился, не могу я никак описать, а только скажу, что всю эту четверть часа, в которую принужден я был слышать себе от всех бывших тут беспрерывные и на прерыв друг пред другом производимые похвалы, горел как на огне и сам себя почти не помнил от смешения неожиданности, удивления и удовольствия.

Новый губернатор не успел о имени моем услышать, как спросил меня, кто мой отец был? И как я ему сказал, то уверял меня, что он родителя моего знал довольно, и спрашивал меня потом о некоторых, до фамилии нашей касающихся обстоятельствах, и у какой нахожусь я тут должности? На сие последнее отвечать мне не было времени, ибо тотчас голосов в пять ему было ответствовано и вкупе сказываемо, как я нужен и прилежен, и прочее и прочее. Сколько казалось, то было ему очень непротивно все сие слушать, а особ-

ливо уверения всех о том, что я охотник превеликий до наук, до рисованья и до читанья книг, которые у меня, как они говорили, не выходят почти из рук. Он сам имел к тому охоту, и любопытство его было так велико, что он восхотел посмотреть некоторые лежавшие у меня на столе книги. Тогда сожалел я, что не было тут никаких иных, кроме лексиконов, ибо прочие, все тут бывшие, отослал я на квартиру, и если б знал сие, то мог бы приготовить к сему случаю наилучшие. Со всем тем губернатор и те все пересмотрел и говорил со мною об них столько, что я мог заключить, что он довольно обо всем сведущ.

Между тем как все сие происходило и новый губернатор удостоивал меня особливым своим благоволением, глаза всех зрителей обращены были на меня, и все радовались и поздравляли меня потом с приобретением себе уже некоторой от сего нового начальника милости. И как едва ли ему кто-нибудь иной был столько расхвален, как я, то сие самого меня очень веселило, а притом доставило мне ту пользу, что как скоро дня через два после того доложили ему обо мне, что следует иттить в поход вместе с батальоном, то он тотчас приказал меня оставить и написать обо мне к фельдмаршалу особое представление, которое тотчас было написано и с первою почтою отправлено.

Новый наш губернатор начал правление свое представлением кенигсбергским жителям такого зрелища, какого они до того еще не видывали, и которое их всех удивило; ибо как на другой день принятия его должности случилось быть празднику Богоявления Господня, то восхотел он показать бываемые у нас в

сей день водоосвящения надворные, со всеми обрядами и процессиею, введенными при том в обыкновение. Итак, выбрано было посреди города, на реке Прегеле, наилучшее и такое место, которое могло б окружено и видимо быть множайшим количеством народа, и сделана обыкновенная и — сколько в скорости можно было — украшенная иордань*. По всем берегам реки и острова поставлены были все случившиеся тогда в городе войска и баталионы с распущенными их знаменами и в наилучшем убранстве, а в близости подле иордани поставлено было несколько пушек. Все сии приуготовления привлекли туда несметное множество зрителей. Не только все улицы и берега реки и рукавов ее, но все окна и даже самые кровли ближних домов и хлебных шпиклеров** унизаны были людьми обоего пола, а то же было и по всем улицам, по которым иттить надлежало процессии от церкви, более версты от сего места удаленной. Процессия сия была наивеликолепнейшая, и архимандрит, в богатых своих ризах и драгоценной шапке, со множеством духовенства, производили для пруссаков зрелище, достойное любопытства, а как присутствовал при оной и сам губернатор со всеми чиноначальниками и от самой церкви провожал ее пешком, несмотря на всю отдаленность, то желание видеть нового губернатора привлекло туда еще более народа. Поелику же, при погружении креста в воду, производилась как из поставленных на берегу пушек,

---

* Прорубь во льду для освящения воды на Крещение.

** Складочное помещение, амбар.

так и с фридрихсбургской крепости, пушечная пальба, а потом и троекратный беглый огонь из мелкого ружья всеми войсками, то сие сделало в народе еще более впечатления, и все кенигсбергские жители смотрели на все сие с особливым удовольствием. Губернатор же не преминул в сей день угостить всех лучших людей обедом. Но многим из народа не полюбился только он наружным своим видом и простотою одежды, ибо относительно до сего не видно было в нем ни малейшей пышности и великолепия такого, какое привыкли они всегда видеть в Корфе.

Баталион наш выступил вскоре после того в поход, а я, оставшись тут, начал мало-помалу привыкать к новому правительству, которое сопряжено было со многими переменами и между прочим с тем, что все мы принуждены уже были вставать ранее и вместо того, что прихаживали в канцелярию часу в восьмом и в девятом, приходить в нее уже в четыре часа поутру. Что ж касается до губернатора, то, будучи он разумным, деловым, а притом крайне трудолюбивым человеком, вставал так рано, что в два часа пополуночи бывал уж всегда одет и можно было его всякому видеть; а по всему тому хотел, чтоб и канцелярские были поприлежнее против прежнего. Новость сия гг. товарищам моим не весьма нравилась, но к чему не можно привыкнуть? Сперва был о том превеликий ропот и негодование, но скоро все мы к тому привыкли и довольны были тем, что, по крайней мере, после обеда не сидели мы уже в канцелярии и в праздники имели более свободы.

Другая и не менее важная перемена с нами была та, что мы лишились обыкновенного губернаторско-

го стола, которым до того времени пользовались, и должны были помышлять уже о собственном своем пропитании и вместо того, что хаживали гурьбою прямо из канцелярии за готовый для нас и сытный стол в комнатах губернаторских, должны были расходиться уже по квартирам, ибо новый наш губернатор, будучи далеко не таков богат, как Корф, не рассудил для нас иметь особый стол и тем паче, что и сам имел у себя очень, очень умеренный.

Обстоятельство сие было для всех нас, а особливо для холостых и одиноких, весьма чувствительно; ибо для живущих тут с женами и имевших и до того домашние столы, было сие сноснее, и мы должны были либо заводиться всем и всем и варить себе есть дома, либо ходить обедать в трактиры, либо приказывать приносить к себе из оных. И как сие последнее было хотя убыточнее, но с меньшими хлопотами и затруднениями сопряженное, то решился я, относительно для себя, избрать сие последнее, и отходя поутру из квартиры, приказал человеку сходить в ближний трактир и заказать для себя обед. Но как удивился я, пришед в полдни домой и нашед у себя стол уже набранный и человека своего, спрашивающего: прикажу ли я подавать кушанье? Я не инако думал, что он хотел иттить за ним в трактир, и потому стал было напоминать ему, чтоб он не простудил мне кушаньев; но как удивился я еще того более, когда он мне сказал, чтоб я того не опасался, что кушанье близко, и что добродушные мои старички-хозяева не успели о том услышать, что я расположился посылать за обедами своими в трактир, как руками и ногами тому воспротивились и, не допустив его до того, пригото-

вили обед мне сами и хотят, чтоб я о том нимало не заботился, но что обед будет для меня всегда готов, в какое бы время я ни пришел из канцелярии, и что хотят сие делать даром, без всякой заплаты и из единой благодарности за то, что я стою у них смирно, что не видят они от меня никакого себе зла и неудовольствия, и во все время стояния моего у них жили в совершенном спокойствии и от всех обид в безопасности. Признаюсь, что такое добродушие хозяев моих поразило меня до крайности, и как чрез минуту после того взошли ко мне наверх и оба старики-хозяева и то же изустно мне повторили, то сколько ни отговаривался я, что не хочу их тем отягощать, и сколько ни совестился, что причиню им тем убыток, но видя их кланяющихся и неотступно того просящих, принужден был на то согласиться и сделать им сие удовольствие, чем они крайне были и довольны.

И с того времени обедывал и ужинывал я уже всегда дома, и обед для меня был действительно всегда готов, и хотя столы мои и не были уже таковы пышны и изобильны, как у губернатора, но во вкусе и сытости ничего в них недоставало. Всегда имел я у себя три вкусных блюда: суп, какой-нибудь соус и жаркое, а по воскресным дням даже и пирожное, а потом и кофе, и все это бывало всегда так хорошо и вкусно сварено и приготовлено, что я не только сыт, но еще и довольнее во все время был, нежели прежними обедами губернаторскими.

. . . .

. . . .

. . . . . Дозвольте мне оное (письмо) сим кончить и сказать вам, что я есмь, и прочая.

КНИГИ

ПИСЬМО 87-е

Любезный приятель! Продолжая повествование мое. . . . скажу, что . . . . получил я в сие лето ту важную пользу, что гораздо уже короче познакомился с тем блаженным искусством увеселяться красотами натуры, которое способно доставлять человеку во всякое время бесчисленное множество приятных минут и увеселений непорочных и полезных, и тем весьма много поспешествовать истинному его благополучию в сей жизни.

. . . . . . Первый повод спознакомиться с сим драгоценным искусством подали мне сочинения г. Зульцера; но в сей год узнал я множайшие сего рода книги и не только с особливым вниманием и любопытством читал оные, но из всех их, какие только мог достать, купил себе, а помянутую Зульцерову книжку «Размышления о делах натуры» перевел даже всю на наш язык; а как сие завело меня и далее побудило короче познакомиться и со всею физикою, то занимался я оною и с таким успехом, что после, по приезде в деревню, в состоянии был и сам уже сочинить целые книги сего рода и научить блаженному искусству сему даже и детей своих: словом, я и сим знаниям весьма много обязан в жизни моей, и они помогли мне препроводить ее несравненно ве-

селее обыкновенного и имели во всю жизнь мою великое влияние.

Кроме всего того, прилежность моя была в сей год так велика, что я, за всеми помянутыми разными упражнениями, находил еще свободное время к переписыванию набело как некоторых своих сочинений, так и переводов лучших пьес из разных и славнейших еженедельников или журналов. Самую свою памятную книжку, о которой упоминал я прежде, переписал я набело и переплел в сие лето, и как была она первая моего сочинения, то и не мог я ею довольно налюбоваться.

Что касается до моих книг, то число оных чрез покупание разных книг на книжных аукционах, из которых не пропускал я ни единого, а отчасти чрез накупление себе многих новых и употребление на то своих излишних денег, увеличилось в сей год несравненно больше и так, что собрание мое могло уже назваться библиотекою, и сделалось для меня первейшею драгоценностию в свете. Со всем тем я не знал, что мне с сею любезною для меня драгоценностию делать, и она меня очень озабочивала. Я, хотя помянутым образом и остался сам собою в Кенигсберге и хотя весною и не было никакого обо мне повторительного повеления, а как армия пошла в поход, то не можно было и ожидать оного, ибо тогда фельдмаршалу нашему, верно, не до того было, чтоб помышлять о таких мелочах, однако, как все еще не было формального приказания, чтоб мне остаться, и не было никакой в том достоверности, чтоб не востребовали меня опять к полку и долго ли, коротко, все должен я был когда-нибудь к полку явиться,

книг же у меня одних целый воз уже был, и мне и десятой доли взять их с собою и в походе возить не было возможности, то горевал я уже давно и не мог придумать, что мне с ними делать и как бы их доставить заблаговременно в свое отечество, в которое и сам я почти никакой надежды не имел возвратиться: ибо как конца войны нашей не было тогда и предвидимо; отставки же в тогдашние времена всего труднее было добиваться, да такому молодому человеку, каков я тогда был, и льститься тем совершенно было невозможно, то по всему вероятию и должна была вся служба моя тогда кончиться либо тем, что меня на сражении где-нибудь убьют или изуродуют и сделают калекою, или где-нибудь от нужды и болезни погибну, или, по меньшей мере, должен буду служить до старости и дряхлости и тогда уже ожидать себе отставки. Все сие нередко приходило мне на мысль, и как я с самого того времени, как познакомился с науками, не ощущал в себе далеко такой склонности к военной службе, как прежде, а видел тогда уже ясно, что рожден я был не столько к войне, как для наук и к мирной и спокойной жизни, то, нередко помышляя о том, вздыхал я, что не могу даже и ласкаться надеждою такою мирною и спокойною, яко удобнейшею для наук жизнью когда-нибудь пользоваться. Со всем тем, как я уже издавна и единожды навсегда вверил всю свою судьбу моему Богу и решился всего ожидать от его святого о себе промысла, тогда же, узнав его, и все короче, и более приучил себя при всяком случае возвергать печаль свою на Господа и ничем слишком не огорчаться, а всего спокойно ожидать от него, то таковая

надежда и упование на святое его о себе попечение и утешали меня при всяком случае и не допускали до огорчений дальних, а впоследствие времени и имел я множество случаев собственною опытностию удостовериться в том, что таковое препоручение себя в совершенный произвол божеский и таковое твердое упование на святое и всемогущее вспомоществование, и при всяких случаях вспоможение, всего дороже и полезнее в жизни для человека, так что, находясь теперь уже при позднем вечере дней моих, могу прямо сказать и собственным примером то свято засвидетельствовать, что во всю мою жизнь никогда и не постыдился я в таковой надежде и уповании на моего Бога и никогда не раскаивался я в том, но имел тысячу случаев и причин быть тому довольным.

Самый помянутый случай с моими книгами принадлежит к числу оных и может служить доказательством слов моих, ибо сколь ни мало я имел надежды к сохранению и убережению сего моего сокровища, но всемогущий помог мне и в том, так и при многих других случаях, и доставил мне к тому средство, о котором я всегда меньше думал и помышлял, а именно:

Как до канцелярии нашей имели дело все, не только приезжающие из армии, но и все приезжающие, как сухим путем, так и на судах и морем из нашего отечества, и командиры и судовщики наших русских судов всегда по надобностям своим прихаживали к нам в канцелярию и нередко в самой той комнате, где я тогда сидел, по нескольку часов препровождали, то случилось так, что одному из тако-

вых судовщиков, привозившему к нам на галиоте провиант, дошла особливая надобность до меня. Он имел какое-то дело с тамошними прусскими купцами и судовщиками и вознадобилось ему, чтоб переведена была скорее поданная от них на немецком языке превеликая и на нескольких листах написанная просьба. И как все таковые шпикерские и купеческие бумаги, по множеству находящихся в них особливых терминов, были наитруднейшие к переводу, и один только я мог сие сделать, то, приласкавшись возможнейшим образом, подступил он ко мне с униженнейшею просьбою о скорейшем переводе оной, говоря, что я тем одолжу его чрезвычайно.

— Хорошо, мой друг, — сказал я ему, — но дело это не такая безделка, как ты думаешь: я не один раз испытывал сие и знаю, каково трудно переводить таковые проклятые шпикерские бумаги, а притом мне теперь крайне недосужно. Однако, чтоб тебе услужить, то возьму я бумагу твою к себе на квартиру и посижу за нею уже после обеда, а ты побывай у меня перед вечером, так, может быть, я перевесть ее и успею.

— Великую бы вы оказали мне тем милость, — сказал он и был тем очень доволен, а я, искав всегда случая делать всякому добро, сколько от меня могло зависеть, охотно после обеда и приступил к тому и, посидев часа два, перевел ему ее и прежде еще, нежели он пришел ко мне.

Но как же удивился я, увидев пришедшего его ко мне с превеликим кульком, наполненным сахаром и разными другими вещами.

— Ба, ба, ба! — сказал я. — Да это на что?

Неужели ты думаешь, что я для того велел приттить к себе на квартиру, чтоб сорвать с тебя срыву?* Нет, нет, мой друг, я не из таких, а хотел истинно только тебе услужить и доставить скорее перевод свой. Он у меня давно уже и готов, но теперь за это самое и не отдам его тебе.

— Помилуй, государь! — подхватил он, кланяясь и ублажая меня. — Для меня это сущая безделка, и вы меня не столько одолжили, но так много, что я вам готов служить и более, и не угодно ли вам чего отправить со мною в Петербург: я на сих днях отправляюсь на своем галиоте туда и охотно бы вам тем услужил и отвез, что вам угодно.

Я благодарил его за чувствительность к моему одолжению, а он, взглянув между тем на книги мои, установленные по многим полкам, продолжал:

— Вот книги, например, у вас их такое множество. Не угодно ли вам их препоручить мне отвезть куда вам угодно, в Ригу ли, в Ревель или в Петербург; где вам возить с собою в походах такое множество, а я охотно б вам тем услужил и доставил туда, куда прикажете.

Нечаянное предложение сие поразило меня удивлением превеликим и вкупе обрадовало.

— Ах! Друг мой! — воскликнул я. — Ты надоумливаешь меня в том, что меня давно уже озабочивает. Я давно уже горюю об них и не знаю, куда мне с ними деваться? Уже не отправить ли мне их право с тобою и не отвезешь ли ты их в

*Взять взятку.

Петербург? Великое бы ты мне сделал тем одолжение.

— С превеликим удовольствием, батюшка, — сказал он, — галиот мой пойдет пустым и с одним только почти балластом, так если б и не столько было посылки, так можно, а это сущая безделка.

— Но друг мой! — сказал я ему. — Книги сии мне очень дорого стоят, я до них охотник и могу ли я надеяться, что они не пропадут?

— О, что касается до этого, — подхватил он, — то разве сделается какое несчастие со мною и с галиотом моим, а то извольте положиться в том смело и без всякого сомнения на меня как на честного человека и извольте только назначить мне, где и кому их отдать, а то они верно доставлены будут.

— Очень хорошо, мой друг! — сказал я. — за провоз я заплачу, что тебе угодно!

— Сохрани меня Господи! — подхватил он. — Чтоб я с вас что-нибудь за провоз такой безделки взял: а извольте-ка их готовить и, уклав в сундуки, хорошенько увязать и запечатать, чтоб они дня чрез два были готовы, а в прочем будете вы мною верно довольны.

На сем у нас тогда и осталось, и я, дивясь сему нечаянному совсем и благоприятному случаю, отпустил его от себя с превеликим удовольствием и тотчас послал к столярам и заказал сделать сундуки для укладывания книг моих. Но тут сделался вопрос: к кому я их в Петербург отправлю? Не было у меня там ни одного коротко знакомого, а был только один офицер, служивший при Сенатской роте, из фамилии гг. Ладыженских, который, будучи соседом по

Пскову зятю моему Неклюдову, был ему приятель, а сам я не знал его и в лицо, а только кой-когда с ним переписывался, да знал коротко сестру его, короткую приятельницу сестры моей. Итак, к другому, кроме его, послать мне их не к кому, но и об нем не знал я — в Петербурге ли он тогда находился или в деревне. Но как бы то ни было, и как ни опасно было отдать всю библиотеку мою на произвол бурному и непостоянному морю и человеку совсем мне до того незнакомому, однако подумав несколько и не хотя упустить такой хорошей оказии, призвав Бога в помощь, решился на все то и на удачу отважиться и, наклав книгами целых три сундука и увязав оные и запечатав, препоручил их помянутому судовщику с письмом к помянутому г. Ладыженскому, в котором просил его отправить их при случае к моему зятю в деревню.

Не могу изобразить, с какими чувствиями расставался я с милыми и любезными моими книгами и подвергал их всем опасностям морским.

— Простите, мои милые друзья! — говорил я сам себе, их провожая. — Велит ли Бог мне опять вас увидеть, и вами веселиться, и получать от вас пользу, и где-то и когда я вас опять увижу?

Однако все опасения мои в рассуждении их были напрасны: Всемогущему угодно было сохранить их от всех бедствий и доставить мне в свое время в целости. Ибо так надлежало случиться, что галиот сей доехал до Петербурга благополучно и что судовщик за первый долг себе почел отыскать господина Ладыженского, а у сего и случились тогда, власно как нарочно, люди, присланные от зятя моего к нему за

некоторыми надобностями с лошадьми и подводами, с ними ему их всего и удобнее и надежнее можно было отправить в деревню, куда они и привезены тогда же в целости, а оттуда отвез я уже их сам после в свою деревню.

Сим-то образом удалось мне сохранить и препроводить в Россию мои книги. Они послужили мне потом основанием всей моей библиотеки и принесли мне не только множество невинных удовольствий, но и великую пользу.

. . . .

. . . .

Что касается до бывших у нас в Кенигсберге в течение сего лета происшествий, то не помню я ни одного, которое было бы сколько-нибудь достопамятно и такого, чтоб стоило упомянуть об оном, кроме одного, в котором я имел особенное соучастие, и потому расскажу вам об оном обстоятельно.

На одного из живущих в уезде прусских дворян, принадлежащего к знаменитой фамилии графов Гревенов, человека неубогого и имеющего хорошие деревни, сделался в чем-то донос, и донос такого рода, что надлежало его схватить и тотчас отправить ко двору и в бывшую еще тогда и толико страшную тайную канцелярию.* Тогда не знали мы ничего, а после узнали, что дело состояло в том, что сидючи однажды за обедом и разговаривая с своим семейством, заврался он при стоящих за стульями слугах и что-то говорил обидное и пред-

---

*См. примечание 9 после текста в конце I тома.

осудительное о нашей императрице. И как один из сих слуг, будучи сущим бездельником, был им за что-то недовольным, то восхотелось ему злодейским образом отмстить своему господину. Он, ушед от него, явился прямо к губернатору и объявил, что он знает на господина своего слово и дело. Ныне, по благости небес, позабыли мы уже, что сие значит, а в тогдашние, несчастные в сем отношении времена были они ужасные и в состоянии были всякого повергнуть не только в неописанный страх и ужас, но и самое отчаяние; ибо строгость по сему была так велика, что как скоро закричит кто на кого «слово и дело», то без всякого разбирательства — справедлив ли был донос или ложный и преступление точно ли было такое, о каком сими словами доносить велено было — как доносчик, так и обвиняемый заковывались в железы и отправляемы были под стражею в тайную канцелярию в Петербург, несмотря какого кто звания, чина и достоинства ни был, и никто не дерзал о существе доноса и дела, как доносителя, так и обвиняемого допрашивать; а самое сие и подавало повод к ужасному злоупотреблению слов сих и к тому, что многие тысячи разного звания людей претерпели тогда совсем невинно неописанные бедствия и напасти, и хотя после и освобождались из тайной, но претерпев бесконечное множество зол и сделавшись иногда от испуга, отчаяния и претерпения нужды на век уродами.

Таковой-то точно донос сделан был и на помянутого несчастного графа Гревена; и как, по тогдашней строгости, губернатору, без всякого дальнейшего

исследования, надлежало тотчас, его заарестовав, отправить в тайную в Петербург, то нужен был исправный, расторопный и надежный человек, который бы мог сию секретную комиссию выполнить, которая тем была важнее, что граф сей жил в своих деревнях, и деревни сии лежали на самых границах польских, следовательно, при малейшей неосторожности и оплошности посланного, мог бы отбиться своими людьми и уйтить за границу в Польшу, а за таковое упущение мог бы напасть претерпеть и сам губернатор.

И тогда так случилось, что губернатор из всего множества бывших под командою его офицеров не мог никого найтить к тому лучшего и способнейшего, кроме меня, и, может быть, потому, что я ему короче других знаком был, и он о расторопности и способности моей более был удостоверен, нежели о прочих.

Итак, в один день — ни думано, ни гадано — наряжаюсь я в оию секретную посылку, и губернатор, призвав меня в свой кабинет и вручая мне написанную на нескольких листах инструкцию, говорит, чтоб я сделал ему особенное одолжение и принял бы на себя сию комиссию и постарался бы как можно ее выполнить. Я, развернув бумагу и увидев в заглавии написанное слово, по секрету, сперва было позамялся и не знал, что делать, ибо в таких посылках и комиссиях не случалось мне еще отроду бывать; но как губернатор, приметя то, ободрил меня, сказав, что тут никакой дальней опасности нет, что получу я себе довольную команду из солдат и казаков и что избирает он меня к тому

единственно для того, что надеется на мою верность и известную ему способность и расторопность более, нежели на всех прочих, и, наконец, еще уверять стал, что буде исполню сие дело исправно, так почтет он то себе за одолжение, то не стал я нимало отговариваться, но приняв команду и сев на приготовленные уже подводы, в тот же час в повеленное место отправился.

Теперь опишу я вам сие короткое, но достопамятное путешествие. Ехать мне надлежало хотя с небольшим сотню или сотни до полторы верст, но езда сия была мне довольно отяготительна, потому что я ехать принужден был в самое жаркое летнее время, в открытой прусской скверной телеге и терпеть пыль и несносный почти жар от солнца, ибо надобно знать, что в Пруссии таких кибиток и телег вовсе нет, какие у нас и у мужиков наших, но телеги их составляют длинные роспуски с двумя на ребро вкось поставленными и на подобие лестниц сделанными решетками; ни зад, ни перед ничем у них не загорожен, а и место в середине, где сидеть должно, между решеток так тесно и узко, что с нуждою усесться можно. В таковых телегах, или паче фурах, пруссаки возят и хлеб свой и сами ездят, и таковые-то по наряду из деревни приготовлены были под меня и под мою команду; казаки же мои все были верхами.

Не езжав от роду на таких дурных и крайне беспокойных фурах и притом без всякой постилки и покрышки, размучился я вправ и на первых десяти верстах, и насилу-насилу доехал до первой станции, где мне надлежало переменить лошадей.

Тут, отдохнув в доме одного честного и добродушного амтмана,* накормившего меня досыта и напоившего чаем и кофеем, выпросил я повозку, хотя такую же, но сколько-нибудь получше и с довольным количеством соломы, могущей служить мне вместо постилки, и накрыв оную епанчами солдат моих, уселся, как на перине, и продолжал уже свой путь сколько-нибудь поспокойнее прежнего. Сих солдат послано было со мною десять человек, при одном унтер-офицере, а казаков было двенадцать человек, и в инструкции предписано, что в случае если не станет граф даваться или станут люди его отбивать, то могу я поступить военною рукою и употребить как холодное, так и огнестрельное оружие. Для показания же дороги и указания графского дома и как самого его, так учителя и нескольких из его людей, которых мне вместе с ним забрать велено, послан был со мною и сам доноситель, и приказано было его столько же беречь, как и самого графа.

Итак, усажав солдат своих по разным телегам и приказав казакам своим ехать иным впереди, а другим позади, пустился я в путь и ехал всю ту ночь напролет и поледующее утро, проезжая многие прусские городки и местечки и переменяя везде лошадей, где только мне было угодно, ибо дано мне было открытое и общее повеление всем прусским жителям, чтоб везде делано было мне вспоможение и по всем требованиям моим скорое и безотговорочное исполнение.

---

*Должностное лицо, старшина.

Наконец, около полудня сего другого дня, приехали мы в одно небольшое местечко или городок, ближайший к дому графскому, и как он жил от сего местечка не далее двух верст, то надлежало мне тут об нем распроведать, дома ли он, и буде нет, то где и в каком месте мне его найтить можно? Как дело сие надлежало произвесть мне колико как можно искуснее и так, чтобы никто в местечке о намерении моем не догадался и не мог бы ему дать знать, то принужден я был советовать о том с бездельником-доносителем, который, будучи наряжен в солдатское платье, положен у нас был в телегу и покрыт епанчами, чтоб его кто не увидел и не узнал. Сей присоветовал мне завернуть на часок в один из тамошних шинков, и самый тот, в котором останавливаются всегда графские люди, когда приезжают и приходят в местечко, и где нередко они пьют и гуляют, и разговориться в нем как-нибудь с хозяйкою о графе, ибо он не сомневался, чтоб ей не было о том известно, где находился тогда граф наш. Но как домик сей не такой был, где б останавливались проезжие, то сделался вопрос, какую б сыскать вероятную причину к остановке в самом оном, и сие должен был уже я выдумывать. Я и выдумал ее тотчас, несколько подумав. Рассудилось мне употребить небольшую ложь и хитрость, и в самое то время, когда поровняемся мы против того домика, велеть закричать сидевшему с извозщиком моему солдату, чтоб остановились и взгореваться, что будто бы у нас испортилась повозка и надобно было ее неотменно починить, и все сие для того, чтоб, между тем, покуда они станут ее будто бы чинить на улице, мог

бы я зайтить в сей дом и пробыть в оном несколько времени.

Как положено было, так и сделано. Не успели мы с сим домом, который нам проводник наш указал, поровняться, как и закричал солдат мой во все горло:

— Стой! стой! стой! Колесо изломалось.

Вмиг тогда я соскакиваю с повозки и, засуетившимся солдатам своим приказав ее скорее чинить, вхожу в домик и попавшуюся мне в дверях хозяйку ласковейшим образом, по-немецки говоря, прошу дозволить мне пробыть в доме ее несколько минут, покуда солдаты мои починят испортившуюся повозку.

— С превеликою охотою, — сказала она и повела меня к себе в покои, и будучи, по счастию, крайне словоохотна и любопытна, начала тотчас расспрашивать меня, откуда и куда я с солдатами своими еду.

У меня приготовлена уже была выдуманная на сей случай целая история. Итак, я ну ей точить балы* и городить турусы на колесах** и рассказывать сущую и такую небылицу, что она, разиня рот, меня слушала и не могла всему довольно надивиться; а как спросила она меня, какого я чину и как прозываюсь, то назвал себя майором, а фамилию выдумал совсем немецкую и уверил ее тем действительно, что я был природою не русский, а немец, каковым и почла она меня с самого начала, потому

---

*Заниматься балами. Балы — лясы, балясы, пустой разговор, остроты, белендрясы.

**Нести турусы на колесах — молоть чепуху.

что я говорил по-немецки так хорошо, что трудно было узнать, что я русский. А как я при сем разговоре с нею употребил и ту хитрость, что не только употреблял возможнейшие к ней ласки, но и дал такой тон, что я хотя и в русской службе, но не очень русских долюбливаю, а более привержен к королю прусскому, то хозяйка моя растаяла и сделалась так благоприятна ко мне, что стала даже спрашивать меня, не угодно ли мне чего покушать, и что она с удовольствием постарается угостить меня, чем ее Бог послал.

— Очень хорошо, моя голубушка, — сказал я, — и ты меня одолжишь тем, я не ел благо еще с самого вчерашнего вечера.

Вмиг тогда хозяйка моя побежала отыскивать мне масло, сыр, хлеб, холодное жареное и прочее, что у ней было, и накрывать скорее мне на столике скатерть; а я между тем, покуда она суетилась, с превеликим любопытством смотрел на невиданное мною до того зрелище, а именно, как делают булавки; ибо случилось так, что в самом сем доме была булавочная фабрика.

Севши же за стол, вступил я с потчивающею и угостить меня всячески старающеюся хозяйкою в дальнейшие переговоры. Я завел материю о тамошнем местечке, хвалил его положение, расспрашивал, как оно велико, чем жители наиболее питаются, и мало-помалу нечувствительно добрался до того, есть ли в близости вокруг его живущие дворяне, и кто б именно были они таковые. Тогда велеречивая хозяйка моя и вылетела тотчас с именем милостивца и знакомца своего, графа Гревена, самого того, кото-

рый мне был надобен и до которого и старался я умышленно довести разговор наш.

Не успела она назвать его, как и возопил я, будто крайне обрадовавшись и удивившись.

— Как! Гревен! Граф Гревен живет здесь, и недалеко, ты говоришь?

— Так точно, — сказала хозяйка, — и не будет до дома его и полумили.

— О! Как я этому рад, — подхватил я, — скажу тебе, моя голубка, что этот человек мне очень знаком, и я его люблю и искренне почитаю. Года за два до сего имел я счастие с ним познакомиться, и он оказал еще мне такую благосклонность, которую я никогда не позабуду. Но скажи ж ты мне, моя голубка, где ж он? И как поживает? Все ли он здоров и с милым семейством своим? Где ж он живет и не по дороге ли мне будет к нему заехать. Ах! Как бы я желал с ним еще повидаться, с этим добрым и честным человеком! Как еще упрашивал он меня, при последнем с ним расставаньи, чтоб заехал я к нему, если случится мне ехать когда-нибудь мимо его жилища!

Хозяйка моя сделалась еще ласковее и дружелюбнее ко мне, услышав, что знаю, люблю и почитаю я ее милостивца. Она начала превозносить его до небес похвалами, и означая ту дорогу, по которой надлежало ему ехать и звание его деревни, присовокупила наконец, что вряд ли он теперь дома.

— Как? Да где ж он? — спросил я, будто крайне встужившись, и знает ли она, куда он поехал?

— Люди его, — сказала она мне, — бывшие у меня только перед вами, сказывали мне, что уже три

дня, как его нет дома, и поехал в другую свою деревню, мили за четыре отсюда; и говорят еще, что будто он там продает какую-то землю или уже продал; и поехал брать деньги.

— Ах! Как мне этого жаль! — подхватил я. — Но не дома ли хоть хозяюшка его?

— Нет и ее, а говорят, что поехал он и с нею, и самая барышня с ними, а дома один только старик учитель, да маленькие дети.

— Экое, экое горе! — качая головою сказал я, изъявляя мое будто бы сожаление, но которое я и действительно тогда имел, ибо было мне то крайне неприятно, что графа не было тогда в доме. — Но не сказывали ль тебе, голубка моя, люди сии, когда они ждут его обратно?

— Они ждут возвращения его сегодня же и говорили еще, что какой-то к ним был оттуда приезжий и сказывал, что граф в сегодняшний день выедет.

— Сегодня же, — возопил я, — о, если б я верно это знал, согласился б истинно даже ночевать здесь и подождать его приезда, так хотелось бы с ним видеться и обнять еще раз сего милого человека; но такая беда, что и медлить мне долго не можно, а спешить надобно за моим делом. Но не знаешь ли ты, моя голубка, в которой стороне эта его другая деревня, не по дороге ли моей и не могу ли я с ним повстречаться, как поеду?

— Этого я уже не могу знать, — сказала она, — слыхала я, что деревня сия где-то в этой стороне, а слыхнулось и то, что ездит он туда и оттуда двумя дорогами, иногда вот прямо тут и через клочок

Польши, а иногда окладником на монастырь католицкий; итак, Богу известно, по которой он ныне поедет.

Сие последнее извещение было мне очень неприятно, и привело меня в превеликое недоумение, что мне делать; я вышел тогда вон, будто для посмотрения, все ли починено и хорошо ли, а в самом деле, чтоб поговорить и посоветовать с лежащим под епанчею и закутанным проводником моим. Я рассказал ему в скорости всю слышанную историю, и он, услышав ее, сам возгоревался и не знал, как нам поступить лучше. Чтоб на дороге его схватить, это казалось обоим нам для нас еще лучше и способнее, нежели в доме; но вопрос был, которую дорогу нам избрать и по которой ехать к нему навстречу. Обе они были ему знакомы, и долго мы об этом думали; но, наконец, советовал он более ехать по той, которую называла хозяйка окладником* и которая шла вся по землям прусским, а не чрез вогнувшуюся в сем месте углом Польшу, и была хотя далее, но лучше, спокойнее и полистее. Более всего советовал он избрать дорогу сию потому, что лежит на ней один католицкий кластер или монастырь, и что граф всегда заезжает к тамошним монахам, которые ему великие друзья, и любит по нескольку часов проводить с ними время, и что не сомневается он, что и в сей раз граф к ним заедет.

Я последовал сему его совету и, решившись ехать по сей, распрощался с ласковою своею хозяйкою и,

---

*Состоящий в окладе, обложенный, окруженный.

благодаря ее за угощение, просил ее, что если случится ей увидеть графа, то поклонилась бы она ему от меня и сказала, что мне очень хотелось с ним видеться; и пустился наудачу в путь сей.

Уже было тогда за полдни, как мы выехали из местечка, и я не преминул сделать тотчас все нужные распоряжения к нападению и приказал всем солдатам зарядить ружья свои пулями, а казакам свои винтовки.

День случился тогда прекрасный и самый длинный, летний. Но не столько обеспокоивал меня жар, сколько смущало приближение самых критических минут времени. Неизвестность, что воспоследует, и удастся ли мне с миром и тишиною выполнить свою комиссию или дойдет дело до ссоры и явлений неприятных, озабочивало меня чрезвычайно, и чем далее подавались мы вперед, тем более смущалось мое сердце и обливалось как бы кровью.

Уже несколько часов ехали мы сим образом, переехали более двадцати верст, и уже день начал приближаться к вечеру, но ничего не было видно, и ни один человек с нами еще не встречался, и мы начинали уже было и отчаиваться; как вдруг, взъехав на один холм, увидели вдали карету и за нею еще повозку, спускающуюся также с одного холма в обширный лог*, между нами находящийся; я велел тотчас поглядеть своему проводнику, не узнает ли он кареты; как он с первого взгляда ее узнал и сказал мне, что это действительно графская, то вострепетало тог-

*Лощина, долина, широкий овраг.

да во мне сердце и сделалось такое стеснение в груди, что я едва мог перевесть дыхание и сказать команде моей, чтоб она изготовилась и исполнила так, как от меня им дано было наставление. Не от трусости сие происходило, а от мыслей, что приближалась минута, в которую и моя собственная жизнь могла подвергнуться бедствию и опасности. Все таковые господа, думал я тогда сам себе, редко ездят, не имея при себе пары пистолет, заряженных пулями, и когда не больших, так по крайней мере карманных, и они есть верно и у графа, и ну если он, испужавшись, увидя нас его окружающих, вздумает обороняться и в первого меня бац из пистолета! Что ты тогда изволишь делать? Однако, положившись на власть божескую и предав в произвол его и сей случай, пустился я с командою моею смело навстречу к графу. Всех повозок было с нами три; итак, одной из них с несколькими солдатами и половиною казаков велел я ехать перед собою, а другой с прочими позади себя, и приказал, что как скоро телега моя поровняется против дверец кареты, то вдруг бы всем остановиться самим и казакам рассыпаться и окружить карету и повозку со всех сторон.

Было то уже при закате почти самого солнца, как повстречались мы с каретою. Подкомандующие мои исполнили в точности все, что было им приказано, и не успел я поровняться с каретою, как в единый миг была она остановлена и сделалась окруженною со всех сторон солдатами и казаками. Я тотчас выскочил тогда из своей телеги и поступил совсем не так, как поступили бы, быть может, другие. Другой, будучи на моем месте, похотел бы еще похрабриться

и оказать не только мужество свое, но присовокупить к оному крик, грубости и жестокость; но я пошел иною дорогою и, не хотя без нужды зло к злу приумножать и увеличивать испугом и без того чувствительное огорчение, рассудил избрать путь кротчайший и от всякой жестокости удаленный. Я, сняв шляпу и подошед к карете и растворив дверцы у ней, поклонился и наиучтивейшим образом спросил у оцепеневшего почти графа по-немецки:

— С господином ли графом Гревеном имею я честь говорить?

— Точно так! — отвечал он и более не в состоянии был ничего выговорить.

А я, с видом сожаления продолжая, сказал:

— Ах! Государь мой! Отпустите мне, что я должен объявить вам неприятное вам известие и, против хотения моего, исполнить порученную мне от начальства моего комиссию. Я именем императрицы, государыни моей, объявляю вам арест.

Теперь вообразите себе, любезный приятель, честное, кроткое, миролюбивое и добродетельное семейство, жившее до того в мире, в тишине и совершенной безопасности в своей деревне, не знавшее за собой ничего худого, не ожидавшее себе нимало никакой беды и напасти и ехавшее тогда в особливом удовольствии, по причине проданной им весьма удачно одной отхожей и им ненадобной земляной дачи, получившей за нее более, нежели чего она стоила, и в нескольких тысячах талерах состоящую и тогда с ними тут в карете бывшую сумму денег, и занимавшееся тогда о том едиными издевками, шутками и приятными между собою разговорами; и представьте

себе сами, каково им тогда было, когда вдруг, против всякого чаяния и ожидания, увидели они себя и остановленными и окруженными вокруг вооруженными солдатами и казаками, и в какой близкой опасности находился действительно и сам я, подходя к карете. Граф признавался потом мне сам, что не успел он еще завидеть нас издалека, как возымел уже сомнение, не шайка ли это каких-нибудь недобрых людей, узнавших каким-нибудь образом о том, что он везет деньги, и не хотящая ли у него отнять их и погубить самого его, и потому достал и приготовил уже и пистолеты свои для обороны; а как скоро усмотрел казаков, останавливающих и окружающих его карету, то сочтя нас действительно разбойниками, взвел даже и курок у своего пистолета и хотел по первому, кто к нему станет подходить, опустя окно, выстрелить и не инако, как дорого продать свою жизнь; но усмотренная им вдруг моя вежливость и снисхождение так его поразили, что опустились у него руки, а упадающая почти в обморок его графиня, власно как оживотворясь от того, так тем ободрилась, что толкая и говоря ему: «Спрячь! спрячь! спрячь скорее!» — сама мне помогать стала отворять дверцы, и что он едва успел между тем спрятать пистолет свой в ящик под собою.

Вот сколь много помогла мне моя учтивость и как хорошо не употреблять, без нужды, жестокости и грубости, а быть снисходительным и человеколюбивым.

Теперь, возвращаясь к продолжению моего повествования, скажу вам, что сколько сначала ни ободрило их мое снисхождение, но объявленный арест поразил их как громовым ударом.

— Ах! Боже превеликий! — возопили они, всплеснув руками и вострепетав оба.

И прошло более двух минут, прежде нежели мог граф выговорить и единое слово далее; наконец, собравшись сколько-нибудь с силами, сказал мне:

— Ах! Господин офицер! не знаете ли вы, за что на нас такой гнев от монархини вашей? Бога ради, скажите, ежели знаете, и пожалейте об нас бедных!

— Сожалею ли я об вас или нет, — отвечал я ему, — это можете вы сами видеть, а хотя б вы не приметили, так видит то Всемогущий; но сказать вам того не могу, потому что истинно сам того не знаю, а мне велено только вас арестовать и...

— И что еще? — подхватил он скоро. — Уже сказывайте скорей, ради Бога, всю величину несчастия нашего!

— И привезть с собою в Кенигсберг! — отвечал я, пожав плечами.

— Обоих нас с женою? — подхватил он паки, едва переводя дух свой.

— Нет, — отвечал я, — до графини нет мне никакого дела, и вы можете, сударыня, быть с сей стороны спокойны, а мне надобны еще ваш учитель, да некоторые из людей ваших, о которых теперь же прошу мне сказать, где они находятся, чтоб я мог по тому принять мои меры.

— Ах! Господин офицер! — отвечал он, услышав о именах их. — Они не все теперь в одном месте, и один из них оставлен мною в той деревне, из которой я теперь еду, а прочие с учителем в настоящем моем доме и в той деревне, куда я ехал и где имею всегдашнее мое жительство.

— Как же нам быть? — сказал я тогда. — Забрать мне надобно необходимо их всех, и как бы это сделать лучше и удобнее?

— Эта деревня, — отвечал он, — несравненно ближе к той, так не удобнее ли возвратиться нам, буде вам угодно, хоть на часок в сию, а оттуда уже проехать прямою дорогою в дом мой, и там отдам я уже и сам вам всех их беспрекословно.

— Хорошо! Государь мой! — сказал я и велел оборачивать карете назад, а сам, увидев, что карета была у них только двуместная и что самим им было в ней тесновато, потому что насупротив их сидела на откидной скамеечке дочь их, хотел было снисхождение и учтивство мое простереть далее и сесть в проклятую свою и крайне беспокойную фуру; однако они уже сами до того меня не допустили.

— Нет! нет, господин поручик, — сказали они мне, — не лучше ли вместе с нами, а то в фуре вам уже слишком беспокойно.

— Да не утесню ли я вас? — отвечал я.

— Нет, — сказали они, — места довольно будет и для вас, дочь наша подвинется вот сюда, и вы еще усядетесь здесь.

— Очень хорошо, — сказал я, и рад был тому и тем паче, что мне и предписано было не спускать графа с глаз своих и не давать ему без себя ни с кем разговаривать.

Таким образом, усевшись кое-как в карете с ними, поехали мы обратно в ту деревню, откуда он ехал. И тогда-то имел я случай видеть наитрогательнейшее зрелище, какое только вообразить себе можно. Оба они, как граф, так и графиня, были еще

люди не старые и, как видно, жили между собою согласно и друг друга любили искренно и как должно; и как оба они считали себя совершенно ни в чем не виноватыми, то, обливаясь оба слезами, спрашивали друг друга, и муж у жены, не знает ли она какой несчастию их причины и чего-нибудь за собою, а она о том же спрашивала у мужа и заклинала его сказать себе, буде он что знает за собою, и он клялся ей всеми клятвами на свете, что ничего такого не знает и не помнит, за что б мог заслужить такое несчастие. А как самое несчастие воображалось им во всей величине своей, то оба погружались они не только в глубочайшую печаль, но и самое отчаяние. Несколько времени смотрел я только на них и на обливающуюся слезами и молчавшую дочь их, девочку лет двенадцати или тринадцати и, сожалея об них, молчал; но, наконец, как они мне уж слишком жалки стали, то стал я их возможнейшим образом утешать и уговаривать и употреблял на вспоможение себе всю свою философию. Сперва не хотели было они нимало внимать словам моим, но как увидели, что я говорил им с основанием и всего более старался убедить их к возвержению печали своей на Господа и к восприятию на него надежды и упования, могущего не только уменьшить несчастие их, которого существо всем нам было еще не известно, но и совершенно их избавить, и уверять их, что он и сделает то, а особливо, если они ни в чем не виноваты; то влил я тем власно как некакой живительный бальзам в их сердце и вперил в них о себе еще несравненно лучшее мнение, нежели какое они сначала восприяли. Со всем тем, имея о всех

наших русских как-то предосудительное мнение, чуть было не покусились они соблазнять меня деньгами и отведать подкупить и склонить к тому, чтоб я им дал способ скрыться и уехать в соседственную Польшу. О сем намекали они уже друг другу, говоря между собою по-французски и думая, что я сего языка не разумею, и вознамерились было уже пожертвовать хоть целою тысячью талеров, если дело пойдет на лад и я на то соглашаться стану, а особливо побуждало их к тому и то, что деньги у них были к тому готовы и вместе с ними в карете; но я при первом заикнувшемся мне издалека слове тотчас сказал им, чтоб они о том пожаловали и не помышляли и что видят они пред собою во мне честного и такого человека, который ни на что чести своей не променяет и не польстится ни на какие тысячи, хотя б их в тот час же получить было можно. Таковое бескорыстие не только их удивило, но и вперило их ко мне множайшее почтение и такую доверенность, что они не усумнились признаться мне, что находятся с ними в карете многие тысячи; а при сем самом случае граф и признавался мне в том, как почел было нас разбойниками и хотел меня застрелить и, чтоб в истине слов своих меня удостоверить и приобресть более себе доверия, то достал даже и самый спрятанный им пистолет и, выстрелив из обоих их с дозволения моего на воздух, хотел было для напоминания о сем случае меня подарить оными, но я и от сего подарка учтиво отказался.

В сих собеседованиях доехали мы до того католицкого монастыря, в который он действительно тогда заезжал и мимо ворот которого надлежало нам

тогда ехать. Тут из опасения, чтоб не мог граф каким-нибудь образом у меня ускользнуть в оный и из которого мне трудно б было его уже получить, велел я казакам ехать поближе к карете и окружить оную, но тем несколько пообиделись уже и мои арестанты.

— Ах! Господин поручик, — говорил мне граф. — Пожалуйте, в рассуждении нас ничего не опасайтесь. Когда мы при всем несчастии своем утешены по крайней мере тем счастием, что находим в вас такого честного, благородного, разумного и великодушного человека, то не похотим никогда сами, чтоб вы за нас претерпели какое зло и могли подвергнуться какому-нибудь бедствию; сохрани нас от того боже! Несчастие наше произошло не от вас, а как мы не сомневаемся, по воле божеской: так его воля и будь с нами; но вам на что же за нас несчастным быть? Нет, нет! Сего не хотим и не похотим мы сами.

Я благодарил их за сие, но присовокупил, что был бы еще довольнее, если б мог получить от них уверительное слово, что и в обоих деревнях их не будет делано ни малейшего шума и препятствия мне в исполнении всего того, что мне от начальства приказано.

— В противном случае, было б вам известно, — присовокупил я, — что отдана в волю мою не только что иное, но даже и самая жизнь ваша. А сверх того, вот прочтите сами данное мне открытое повеление всем прусским жителям и начальствам, по силе которого могу я везде и от всех получить вспомоществование, если б и команда моя оказалась недостаточна.

— Сохрани нас от того, Господи, — возопили они, — чтоб нужда дошла до такой крайности, но

мы вам даем не только честное слово, что ни малейшего нигде не будет шума и препятствия, но утверждаем слово свое и всеми клятвами в свете.

Они и сдержали действительно слово, и я не только обеспечен был совершенно с сей стороны, но имел удовольствие видеть их обходящихся со мною, как бы с каким-нибудь ближним родственником. Но я возвращусь к продолжению моей истории.

К помянутой деревне его доехали мы не прежде, как уже в сумерки, не въезжая в оную, остановились у тамошнего приходского священника или пастора, старика доброго и набожного, постаравшегося нас всячески угостить и накормившего нас хорошим ужином, а между тем посылал граф в деревню свою за человеком мне надобным, которого и привезли ко мне тотчас. Мы набили на него превеликие колодки и, поужинав, тотчас пустились опять в путь и для скорейшего переезда прямо уже чрез оный вдавшийся в Пруссию узкий угол Польши. Мы ехали во всю ночь напролет, и ночь сия была мне крайне мучительная; ибо как передняя скамеечка, на которой я сидел с их дочерью, была узенькая и низковата, и мне ног никуда протянуть было не можно, то сиденье для меня было самое беспокойное и мучительное, и я во всю ночь не смыкал глаз с глазом и только что посматривал на казаков, окружающих верхами карету нашу.

Мы приехали в настоящий дом его не прежде, как уже гораздо ободняло*, и граф повел меня прямо в

---

*Рассвело, настало утро.

то место, где был учитель. Мы застали доброго и честного старика сего еще спящим, и граф, разбуживая его, сказал:

— Вставай-ка мой друг! Небу угодно было, чтоб постигло нас обоих с тобою несчастие, чуть ли нам с тобою не побывать в Сибири!

Я не мог тогда довольно надивиться твердодушию старика того. Не приметил я ни в виде его ни малейшей перемены, ни ужаса и в словах смущения, а сказав только:

— Ну, что ж! Его святая воля и буди с нами! — и начал тотчас с столь спокойным духом одеваться, как бы ничего не произошло и не бывало. Со всем тем удивился я тому, что граф упомянул при сем случае о Сибири, и потребовал от него в том объяснения.

— Ах! Господин поручик! — сказал он. — Теперь не сомневаюсь я почти, чтоб не побывать мне в Сибири самой. Мнимый и больным называющийся солдат ваш в фуре, как ни скрывался под епанчею, но люди мои узнали в нем прежнего сотоварища, ушедшего от меня за несколько дней до сего времени и величайшего плута и бездельника. И как теперь мы ясно видим, что все несчастие наше терпим от него и, верно, не кто иной, как он, налгал на нас по злобе какую-нибудь небылицу, то ведая ваши строгие в сем случае законы, и предчувствую, что повезут нас в Петербург в вашу Тайную Канцелярию, а оттуда, боюсь, чтоб не сослали нас в Сибирь. Жена моя с ума теперь сходит, узнав о сем бездельнике, и почитает меня уже совсем погибшим; не можно ли вам, господин поручик, ее сколько-нибудь уговорить и утешить?

— С превеликим удовольствием, — сказал я и побежал тотчас в ее покой, и нашед ее плачущую навзрыд над малолетними детьми своими и называющую их бедными уже и несчастными сиротами, так печальною сценою сею растрогался, что, утирая собственные слезы, из глаз моих поневоле текущие, начал говорить ей все, что только мог придумать к ее утешению, и как их всего более устрашала Сибирь и она за верное почти полагала, что мужа ей своего на веки более не видать, и что он погибнет невозвратно, то клялся и божился я ей, что она напрасно так много тревожится и предается отчаянию, и уверял обоих их свято, что буде действительно не знают они за собою никакого важного преступления, например действительного умысла против государыни или измены настоящей, то не опасались бы нимало ссылки в Сибирь.

Правда, говорил я далее, то посылки в Петербург, не уповаю я, чтоб могли они избавиться; но дело в том только и состоять будет, что они побывают в Петербурге.

— Поверьте мне как честному и никак вас не обманывающему человеку, что и там люди, имеющие сердца человеческие, а не варвары, и не всех определяют в ссылку в Сибирь, на кого от бездельников таких, каков ваш бывший слуга, бывают доносы; и как опытность доказала, что из тысячи таких доносов бывает разве один только справедливый, то и оканчивается более тем, что их же канальев, пересекут и накажут, а обвиняемые освобождаются без малейшего наказания; а то же, помяните меня, воспоследует, сударыня, и с вашим сожителем.

Сими словами утешил и ободрил я настолько удрученную неизобразимою горестию графиню, а чтоб и более ее подкрепить, то, взяв ее за руку и шутя, продолжал:

— Полно, сударыня! Полно прежде времени так сокрушаться, а подите-ка лучше напоите нас чаем или кофеем, да прикажите скорее нам что-нибудь позавтракать изготовить; да не худо бы и на дорогу снабдить нас каким-нибудь пирогом и куском мяса. Ступайте-ка, сударыня, и попроворьте всем этим; мне ведь долго здесь медлить не можно: и так я, из снисхождения к вам, промедлил долее, нежели сколько мне надлежало.

Сие побудило всех просить меня убедительнейшим образом, чтоб помедлить еще часа два или три времени, дабы успеть можно было собрать графа в такой дальний путь и снабдить всем нужнейшим, а я, под условием, чтоб графиня более не плакала, охотно на то и согласился.

Она и действительно, ободрясь тем, стала всем проворить так хорошо, что вмиг подали нам и чай, и кофей, а часа чрез два потом изготовлен был уже не только завтрак, но и обед полный, а сверх того успела она и напечь, и нажарить, и напряжить* всякой всячины нам на дорогу, а не позабыта была и вся моя команда, но накормлена и напоена досыта.

Наконец настала минута, в которую надлежало графу расстаться с домом, имением, с милою и любезною женою и со всеми малолетними детьми и рас-

---

*Нажарить в масле.

ставаться когда не на век, так, по крайней мере, на неизвестное время. Каково расставание сие было, того описать никак не могу, а довольно, когда скажу, что было оно наичувствительнейшее и могущее растрогать и самого твердодушнейшего человека. Весь дом собрался для провожания графа: все, от мала до велика, любили его, как отца; все жалели об нем и прощались с ним, обливающимся слезами; что ж касается до графини, то была она вне себя и в таком состоянии, что я без жалости на нее смотреть не мог. Но всего для меня чувствительнее было, когда начал граф прощаться с детьми своими и, как не надеющийся более их видеть, благословлять их и целовать в последний раз.

Езда наша была довольно успешна, спокойна и даже весела для нас. Мы ехали все вместе: я, граф и учитель в графской весьма спокойной одноколке на четырех колесах, и не успела первая горесть сколько-нибудь поутолиться, как и вступили мы в разговоры о разных материях. И как старик учитель был весьма доброго, веселого и шутливого характера, то и умел он разговорам нашим придавать такую живость и издевками своими так успокоить и развеселить графа, а меня даже хохотать иногда заставить, что казалось, будто едем мы все не инако, как в гости; но веселость сия продлилась только до того времени, как приехали мы в Кенигсберг, ибо тут подхватили их тотчас от меня и чрез несколько часов повезли их на почтовых в Петербург, карауля их с обнаженными шпагами.

Губернатор был очень доволен исправным выполнением его повеления и благодарил меня за то; а

как восхотел от меня слышать все подробности моего путешествия, то расхвалил меня впрах, что я поступил так, а не инако, и я так повествованием моим его разжалобил, что он сам стал искренне сожалеть о графе и желать ему благополучного возвращения.

Сие, к общему нашему удовольствию, и воспоследовало действительно, и он возвратился к нам в ту же еще осень, не претерпев ни малейшего себе наказания в Петербурге, и я проводил его из Кенигсберга с радостными слезами на глазах. При расставаньи с ним я имел удовольствие видеть его благодарящего меня, со слезами на глазах, за все мои к нему ласки и оказанное снисхождение и уверяющего с клятвою, что он дружбы и благосклонности моей к себе по гроб не позабудет и что все его семейство обязано мне бесконечною благодарностью. Сим окончилось сие происшествие.

Других же, подобных тому, не было во все лето.

. . . .

Остаюсь, сказав вам, что я есмь ваш, и прочая.

. . . .
. . . .
. . . .

КОНЕЦ ВОСЬМОЙ ЧАСТИ

Часть девятая

ИСТОРИЯ МОЕЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ СЛУЖБЫ

Сочинена 1800 года,
переписана 1805 года

В ПЕТЕРБУРГЕ

ПИСЬМО 91-е

Любезный приятель! Описав в предследующих письмах и в последних частях собрания оных всю историю моей военной службы и достопамятного моего пребывания в Пруссии и жительства в Кенигсберге, приступлю теперь к сообщению вам моей петербургской службы, которая не может почтена быть военною, а была особливая, и хотя кратковременная, но по многим отношениям не менее достопамятная, как и военная.

Продолжалась она во все время царствования императора Петра III — время, которое в истории всех земель, а особливо нашего отечества, останется навеки достопамятным.

И как мне почти всему происходившему тогда у нас в Петербурге случилось быть самовидцем, и многие происшествия и обстоятельства у меня еще в свежей памяти, то, может быть, известия и описания оным или, по крайней мере, всего того, что случилось мне тогда самому видеть и узнать, будет для вас и для тех из потомков моих, коим случится читать сии письма, не менее интересно и любопытно, как и все прежние, к чему теперь и приступлю.

В последнем моем письме остановился я на том,

что приехал из Кенигсберга в Петербург, а теперь, продолжая повествования мое, прежде всего замечу, что случилось сие накануне самого Благовещения и что въезжал я в сей город с чувствиями особливыми и такими, которые никак изобразить не могу, — вам известно уже, по какому случаю и зачем я тогда ехал в сию столицу.

Я поспешил к прежнему своему начальнику, генерал-аншефу Корфу, отправлявшему тогда должность генерала-полицеймейстера в Петербурге, и ехал для служения при нем флигель-адъютантом, в которую должность угодно было ему меня избрать и от военной коллегии истребовать, ибо в тогдашние времена имели все генералы право в штаты свои выбирать кого они сами похотят, и военная коллегия обязана была беспрекословно давать им оных и выписывать их откуда бы то ни было, а таким точно образом истребован и выписан был и я.

Не успел я, приблизившись к Петербургу, усмотреть впервые золотые спицы высоких его башень и колоколень, также видимый издалека и превозвышающий все кровли верхний этаж, установленный множеством статуй, нового дворца Зимнего, который тогда только что отделывался, и коего я никогда еще не видывал, как вид всего того так для меня был поразителен, что вострепетало сердце мое, взволновалась вся во мне кровь и в голове моей, возобновясь помышления обо всем вышеупомянутом, в такое движение привели всю душу мою, что я, вздохнув сам в себе, мысленно возопил:

—О град! Град пышный и великолепный!.. Паки вижу я тебя! Паки наслаждаюсь зрением на красоты

твои! Каков-то будешь ты для меня в нынешний раз? До сего бывал ты мне всегда приятен! Ты видел меня в недрах своих младенцем, видел отроком, видел в юношеском цветущем возрасте, и всякий раз не видал я в тебе ничего, кроме добра! Но что-то будет ныне? Счастием ли каким ты меня наградишь, или в несчастие ввергнешь? И то и другое легко может быть! Я въезжаю в тебя в неизвестности сущей о себе! Почему знать, может быть, ожидают уже в тебе многие и такие неприятности меня, которые заставят меня проклинать ту минуту, в которую пришла генералу первая мысль взять меня к себе; а может быть, будет и противное тому, и я минуту сию благославлять стану?

Сими и подобными собеседованиями с самим собою занимался я во все время въезжания моего в Петербург. Но, наконец, одна духовная ода славного и любимого моего немецкого пиита Куноса, ода, которую во всю дорогу я твердил наизусть и которая, начинаясь сими словами: «Есть Бог, пекущийся обо мне, а я, я смущаюсь и горюю и хочу сам пещися о себе», неведомо как много ободряла и подкрепляла меня при смутных обстоятельствах тогдашних — прогнала и рассеяла и в сей раз, как вихрем прах, все смутные помышления мои и произвела то, что я въехал в город сей с спокойным и радостным духом.

Мое первое попечение было о том, чтобы приискать себе на первый случай какую-нибудь квартирку, ибо прямо к генералу во двор в кибитке своей мне не хотелось. Я хотя и не сомневался в том, что должен буду жить в его доме, однако все-таки хотелось мне, на первый случай обострожиться где-ни-

будь поблизости его на особой квартирке и явиться к нему не рохлею дорожным, а убравшись и снарядившись.

И потому, по приближении к дому его, бывшему на берегу реки Мойки, велел я квартирки себе поискать, а по счастию и нашли мне ее тотчас, хотя наипростейшую, но довольно уже изрядную и такую, что как после оказалось, что я мыслях своих обманулся и мне в генеральском доме поместиться было негде, и я должен был стоять на своей квартире, то я на ней и остался и стоял до самого моего выезда из Петербурга, будучи в особливости доволен тем, что она была близко от дома генеральского и притом не дорогая.

На другой день, и как теперь помню, в день самого Благовещения, вставши поранее, и желая застать генерала еще дома, и убравшись получше, и надев свой новый кавалерийский мундир, пошел я к генералу явиться и, пришед в дом, старался прежде всего распроведать, где б мне можно было найтить господина Балабина.

Меня провели к нему в другие маленькие хоромцы, бывшие на дворе, и он не успел меня завидеть, как бежал ко мне с распростертыми руками, говоря:

— Ах! Друг ты мой сердечный, Андрей Тимофеевич! Как я рад, что ты, наконец, к нам приехал; мы в прах тебя уже заждались и не знали, что о тебе думать, — боялись, что не сделалось ли уже чего с тобою при теперешней половоди! Ну, скажи же ты мне, мой друг!.. — продолжал он, меня обнимая и много раз целуя. — Все ли ты здорово и благополучно ехал? Все ли живы и здоровы наши

кенигсбергские друзья и знакомцы? Как они поживают и помнят ли меня?

— Все, все хорошо и слава Богу! — отвечал я. — И кенигсбергские наши все живы и здоровы, все вас по-прежнему еще любят и все велели вам кланяться.

— Ну пойдем же, мой друг, пойдем к генералу, — подхватил он. — Он будет очень рад, тебя увидев, и у нас не было дня, в который бы мы с ним о тебе не говорили.

— Хорошо, — сказал я и пошел за ним, туда меня поведшим.

Мы нашли генерала в его кабинете, чешущего волосы и убирающимся, с стоящим перед ним секретарем полицейским и держащим под мышкою превеликий пук бумаг.

Не успел генерал увидеть вошедшего меня в комнату свою, как, обрадовавшись, возопил он:

— Ах! Вот и ты, Болотов! Слава, слава Богу, что и ты приехал! Мы взгоревались было уже о тебе, мой друг! Как это ты по такой распутице ехал? Поди, поди, мой друг, и поцелуемся...

Я подбежал к нему и, будучи крайне доволен столь ласковым его приемом, благодарил его за оказанную им мне милость.

— Не за что! Не за что! — подхватил он. — А я сделал то, чем тебе был должен. Ты заслужил то, чтоб нам тебя помнить, и я очень рад, что мог тебе сделать сие маленькое, на первый случай, благодеяние. Поживем, мой друг, еще вместе, и я не сомневаюсь, что ты, по прежней дружбе и по любви своей ко мне, постараешься и ныне поступками и поведением своим оправдать хорошее мое о тебе мнение.

Я кланялся ему и уверял, что употреблю все силы и возможности к тому, чтоб заслужить дальнейшее его к себе благоволение и милость.

— Хорошо, мой друг! — подхватил он. — Я и не сомневаюсь в том; но скажи же ты мне теперь, как поживали вы без меня в нашем любезном Кенигсберге? Довольны ли вы были Васильем Ивановичем? И что поделывали там хорошенького?

Сие подало нам тогда повод к предлинному разговору. Он расспрашивал меня обо всем, а я рассказывал ему, что знал, и о чем ему более знать хотелось. Наконец спросил он меня, где же я остановился?

— На квартире, — сказал я.

— Но для чего же не ко мне прямо на двор взъехал? Мы нашли бы, может быть, местечко где б тебя поместить, хотя и тесненько, правду сказать, у меня в доме.

Я обрадовался, сие услышав, ибо надобно сказать, что мне самому не весьма хотелось жить у него в доме и быть всегда связанным и по рукам, и по ногам, а на квартире надеялся я иметь сколько-нибудь более свободы, а потому и отвечал я, что могу стоять и на квартире.

— Очень, очень хорошо! — подхватил он. — Но скажи, по крайней мере, не далеко ли она? И не будет ли тебе затруднения всякий день ко мне оттуда ездить?

— Очень близко, — отвечал я, — и чрез несколько только дворов от вашего дома.

— Всего лучше, — подхватил он, — но хороша ли и покойна ли она?

— Хороша, ваше высокопревосходительство!

— Ну, так, поживи же ты, мой друг, покуда на

оной, а там мы уже посмотрим, а между тем о содержании своем нимало не заботься. Кушать ты здесь у меня кушай, а лошадей-то... небось, ты ведь на своих приехал?

— На своих, — сказал я.

— Лошадей-то можешь ты всех распродать; на что они тебе здесь? А оставь только одну, на которой тебе со мной ездить, да и той вели-ка ты брать корм с моей конюшни, а не покупай и не убычься.*

Я благодарил его за сию милость, а генерал, начав осматривать между тем меня с ног до головы и увидев, что на мне не было шпор, сказал:

— Жаль, что нет на тебе теперь шпор, а то хотел было я поручить тебе теперь же маленькую комиссию, и чтоб съездил ты на минутку во дворец.

Я извинился в том, сказывая, что я пришел пешком и того не знал и что нет теперь со мною лошади.

— Лошадь — безделица! — сказал он. — Ею бы мы тебя уже снабдили... но постой, — продолжал он, — шпоры-то есть и у меня излишние. Подай-ка, малый, мои маленькие серебряные господину Болотову!... А ты, мой друг, — обратясь к одному полицейскому офицеру, продолжал он, — ссуди-ка нас, пожалуй, на несколько минут своею лошадкою, ей ничего не сделается, а послать-то мне очень нужно!

— С превеликою радостью! — отвечал офицер, — лошадь готова! — и пошел приказывать подавать ее, а слуга между тем отыскивал шпоры, надевал их на мои ноги.

---

* В смысле — не траться.

Я стоял и, простирая ему свои ноги, мысленно заботился о том, как бы мне получше исполнить первое возлагаемое на меня дело. Упомянутый генералом дворец возмутил во мне весь дух мой: как не бывал я еще от роду никогда во дворце, то был он мне тогда так страшен, как медведь, и я не знал, как к нему и приступиться и подъехать.

Но смущение мое еще более увеличилось, как между тем, как надевали на меня шпоры, генерал далее сказал:

— Вот какое дело, зачем хотелось бы мне, чтоб ты, мой друг, во дворец съездил. Мне хочется, чтоб ты распроведал и узнал, что государь теперь делает и чем занимается?..

Слова сии поразили и смутили меня еще более.

— Вот тебе на! — говорил я сам в себе, — и первый блин уже комом, и не напасть ли сущая? Ну как это мне там и у кого распроведывать? Никого-то я там не знаю и ни к кому приступиться, верно не посмею! Ах! Какое горе!

Говоря сим и подобным сему образом сам в себе, готовился было я прямо сказать генералу, что коммиссию, поручаемую им мне, я, по новости своей, вряд ли могу еще исполнить, но, по счастию, он сам, взглянув не меня, смущение мое приметил и, власно как опомнившись, мне сказал:

— Да, ведь вот еще! Ты, надеюсь, не бывал еще во дворце и ни положения его и ничего не знаешь?

— Точно так, ваше высокопревосходительство! — подхватил я. — И когда ж мне еще и бывать? Я приехал вчера в вечеру и нигде еще не был.

— Хорошо ж, — сказал он, — так я дам кого-

нибудь тебя проводить и указать то заднее крылечко, к которому надобно тебе подъехать, а и там как поступить, дам тебе наставление.

— Очень хорошо, — сказал я.

— А вот каким образом, — продолжал он, — как взойдешь ты на сие крылечко и маленькие тут сенцы, то войди в двери налево и в маленький покоец. Тут найдешь ты стоящего часового и ты постой тут и подожди, покуда войдет какой-нибудь из придворных лакеев: и тогда попроси ты, чтоб вызвали к тебе искусненько Карла Ивановича Шпрингера, и вели-таки сказать ему, что ты прислан от меня к нему. И как он к тебе выйдет, то поклонись ему от меня, но смотри ж, говори с ним по-немецки, а не по-русски, и скажи, что я велел просить распроведовать о том, что теперь государь делает, и чем занимается, и весел ли он? И чтоб он дал чрез тебя мне знать о том, и буде он тебе прикажет тебе подождать, то подожди.

— Хорошо! — сказал я и, взяв в проводники ординарца, поехал.

Не могу изобразить вам, с какими чувствиями и подобострастием приближался я в первый сей раз к сему обиталищу наших монархов; мне казалось, что самые стены его имели в себе нечто величественное и священное, и если б не было со мною проводника, ведущего меня смело к крыльцу тому, то я не только бы не нашел оного, но и не посмел бы подъехать к нему; но тогда шел я как по-писанному и, нашед назначенный маленький покоец и в нем часового, попросил его, чтоб он показал, если войдет туда какой придворный лакей. И как мне не долго было

дожидаться его, то по просьбе моей и вызван был ко мне Карл Иванович. Он был какой-то из придворных и, по всему видимому, такой, который мог свободно входить во внутренние царские чертоги, и не успел услышать от меня, чего генералу моему хочется, как сказал мне:

— Подождите, батюшка, немножко здесь, я тотчас схожу и проведаю.

И действительно, он, не более как минут через пять, опять ко мне вышел и велел Корфу сказать, что государь занимался тогда разговорами с господином Волковым, тогдашним штатс-секретарем и министром, и, как думать надобно, о делах важных, и что в сей день вряд ли он будет свободным, и притом был он все утро не гораздо весел. Я привез известие сие моему генералу, и он был исправлением порученной мне комиссии очень доволен, и как в самое то время докладывали ему, что был стол готов, то сказал он мне:

— Пойдем же, мой друг, теперь и пообедаем, а там поди себе отдыхать с дороги, а ко мне приезжай уже завтра поутру...*

Но ни с кем так я скоро не познакомился и не сдружился, как с ... генеральским секретарем, господином Шульцом. Был он человек молодой, хорошего поведения и притом студировавший в университетах и довольно ученый.

Он не успел узнать, что я говорю по-немецки и

* Дальше идет опущенное в настоящем издании описание обеда у Корфа и сослуживцев Болотова.

охотник к наукам, как тотчас прилепился ко мне, вступил со мною в разные разговоры, повел меня в свои комнаты, в которых он жил в доме генеральском, показывал мне маленькую свою библиотечку и, увидев меня крайне любопытным и все книги его, которых-таки было довольно, с великою жадностью пересматривающего, предлагал мне ее к услугам и уверял, что он за удовольствие почтет, если я всегда, когда мне будет досужено, посещать его стану в сих комнатах и праздное время препровождать с ним вместе: чем я и доволен был в особливости, и впоследствии времени подружившись с ним короче, и действительно всегда, когда мне только было можно, ухаживал к нему и там с лучшим удовольствием провождал время, нежели в передней генеральской, где мы обыкновенно сиживали, дожидаясь ежеминутно повелений от генерала, и нередко в праздности, не без скуки и зеваючи, время по несколько часов иногда провождали.

Из всех наших штатских сей секретарь жил только один в генеральском доме, а прочие все также, как и я, стояли на своих квартирах; для него же отведены были два покойца на другом конце дома, который и весь был не слишком велик, поземный деревянный, и стоял на берегу реки Мойки, в недальнем расстоянии от тогдашнего дворца. Что касается до сего императорского дома, то был тогда также деревянный и не весьма хотя высокий, но довольно просторный и обширный, со многими и разными флигелями. Но дворец сей был не настоящий и построенный на берегу Мойки, подле самого полицейского моста, на самом том месте, где воздвигнут

нынe огромный и великолепный дом для дворянского собрания или клуба. Он был временный и построен тут для пребывания императорской фамилии на то только время, покуда строился тогда большой Зимний дворец, подле адмиралтейства, на берегу Невы реки, который, существуя и поныне, был обиталищем великой Екатерины, и который тогда только что отстраивался, и говорили, что государь намерен был вскоре переходить в оный.

В сем-то деревянном дворце препроводила последние годы жизни своей и скончалась покойная императрица Елисавета Петровна.

. . . .
. . . .
. . . .

. . . . а теперешнее окончу, сказав вам, что я есмь, и прочая.

. . . .
. . . .

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СЛУЖБА

ПИСЬМО 93-е

Любезный приятель! Возвращаясь теперь к истории моей, скажу вам, что на другой день после приезда моего приехал я к генералу своему уже совсем готовым к отправлению моей должности, то есть одетым, причесанным по тогдашнему манеру, распудренным и уже в шпорах на лошади, с завороченными полами.

Генерала нашел я уже опять одевающимся и слушающим дела, читаемые перед ним секретарем полицейским. Не успел я войтить к нему, как осмотрев меня с ног до головы, сказал он:

— Ну, вот, хорошо! Одевайся всегда так-то и как можно чище и опрятнее; у нас ныне любят отменно чистоту и опрятность, и чтоб было на человеке все тесно, узко и обтянуто плотно. Но о мундирце-то надобно тебе постараться, чтоб у тебя был и другой, и новый. Хорош и этот, но этот годится только запросто носить и ездить в нем со мною в будни, а для торжественных дней надобен другой. Видел ли ты наши новые мундиры?

— Нет еще! — отвечал я.

— Так посмотри их, — подхватил генерал. — Они уже совсем не такие, а белые, с нашивками и аксельбантом. Иван Тимофеевич тебе их покажет,

поговори с ним. Он тебе скажет, где тебе все нужное достать и где заказать его сделать; только надобно, чтоб к наступающей Святой неделе был он у тебя готов и со всем прибором. Сходи к нему и теперь же посмотри, а там приходи опять сюда и будь готов в зале, не вздумается ли мне тебя куда послать. И приезжай ты ко мне всегда, как можно поранее!

— Хорошо, — сказал я и хотел было выйтить.

— Но лошадь ли есть у тебя, — спросил еще генерал, — и хороша ли?

— Есть, — отвечал я, — и, кажется, изрядная.

У меня и подлинно была одна лошаденка довольно изрядная.

— Ну! Хорошо ж, мой друг! Поди ж к Балабину. Он расскажет и о том, в чем состоять должна и должность твоя.

Господин Балабин встретил меня с обыкновенною своею ласкою и благоприятством.

— Ну, был ли ты у генерала, — спросил он, — и являлся ли к нему? Надобно, брат, привыкать тебе вставать и приезжать сюда как можно ранее. Генерал сам встает у нас рано и нередко рассылает нашу братию, адъютантов и ординарцев своих, едва только проснувшись; так и надобно, чтоб вы были уже готовы, и он любит это.

— Хорошо, — сказал я, — у генерала я уже был, и он послал меня к вам, чтоб вы мне рассказали, в чем должна состоять моя должность, и показали мне мундиры новые, и показали, где мне для себя заказать его сделать.

— Изволь, изволь, мой друг, — отвечал он мне, усмехнувшись, — но сядь-ка и напьемся наперед чаю...

Между тем как его подавали, продолжал он так:

— Что касается до должности, то она не мудреная: все дело в том только состоит, чтобы быть тебе всегда готовым для рассылок и ездить туда, куда генерал посылать станет; а когда он со двора, так и ты должен ездить всюду с ним подле кареты его верхом и быть всегда при боце — вот и все... А мундирцы-то посмотри-ка, брат, у нас какие! — и велел слуге своему подать свой и показать мне оный.

Я ужаснулся, увидев его, и с удивлением возопил:

— Да что это за чертовщина, сколько это серебра на нем, да, небось, он и Бог знает сколько стоит?

— Да! Таки стоит копейки, другой, третьей, — сказал он, — и сотняга рублей надобна.

— Что вы говорите? — подхватил я, удивившись, и позадумался очень.

— Что? Или он тебе слишком дорог кажется? — продолжал он, но это еще славу Богу. Генерал наш поступил еще с милостью, выдумывая оный, а посмотрел бы ты у других шефов какие! Еще и более балянпрясов-то всяких нагорожено! Ныне у нас всякий молодец на свой образец. Это, сударь, было бы тебе известно и ведомо, мундир Корфова кирасирского полку, и как генерал наш шефом в оном, то должны и мы все иметь мундир такой же, и эти мундиры вскружили нам всем головы все. Дороговизна такая всему, что приступу нет; ты не поверишь, чего эти бездельные нашивочки и этот проклятый аксельбант стоит! За все лупят с нас мастеровые втридорога, и все от поспешности только.

— Но где ж мне все это достать, и кому велеть сделать? — спросил я.

— Об этом ты не заботься! — сказал он. — Эту комиссию поручи уже ты мне, мастера и мастерицы мне все уже знакомы; но вот вопрос, есть ли у тебя деньги-то, и достаточно ли их будет?

— То-то и беда-то! — отвечал я. — Деньги-то будут, их пришлют ко мне из Москвы, я писал уже об них, но теперь-то маловато и вряд ли столько наберется.

— Ну что ж! — сказал он. — Иное-то возьмем в долг, а за иное, где надобно, заплатим деньги, и буде мало, так, пожалуй, я тебя ссужу ими. Бери, братец, их у меня, сколько тебе их надобно.

Я благодарил господина Балабина за дружеское его к себе расположение и просил уже постараться и заказать мне мундир сделать как можно скорей, и получив от него обещание, пошел к генералу ожидать его дальнейших повелений в зале.

Тут нашел я съехавшихся между тем и других сотоварищей своих. Был то упомянутый другой флигель-адъютант князь Урусов и полицейский дежурный офицер, исправляющий должность ординарца. Не успел я с ними поздороваться и молвить слова два-три об одевающемся еще генерале, как сделавшийся на улице под окнами шум привлекает нас всех к окнам, и какая же сцена представилась тогда глазам моим! Шел тут строем деташамент* гвардии, разряженный, распудренный и одетый в новые тогдашние мундиры, и маршировал церемониею.

Как зрелище сие было для меня совсем еще новое,

---

*Французское — отряд.

и я не узнавал совсем гвардии, то смотрел на шествие сие с особливым любопытством и любовался всем виденным; но ничто меня так не поразило, как идущий пред первым взводом низенький и толстенький старичек с своим эспантоном* и в мундире, унизанном золотыми нашивками, с звездою на груди и голубою лентою под кафтаном и едва приметною!...

— Это что за человек? — спросил я у стоявшего подле меня князя Урусова, — ... надобно быть какому-нибудь генералу?...

— Как! — отвечал мне князь. — Разве вы не узнали! Это князь Никита Юрьевич!

— Князь Никита Юрьевич, — удивляясь, подхватил я, — какой это? Неужели Трубецкой?

— Точно так! — отвечал мне князь.

— Что вы говорите!.. — воскликнул я , еще более удивившись. — Господи помилуй! Да как же это? Князь Никита Юрьевич был у нас до сего генерал-прокурором и первейшим человеком в государстве! Да разве он ныне уже не тем?

— Никак, — отвечал князь, — он и ныне не только тем же и таким же генерал-прокурором, как был, но сверх того недавно пожалован еще от государя фельдмаршалом.

— Но умилосердитесь, государь мой, — продолжал я далее, час от часу более удивляясь, спраши-

---

*Эспонтон — небольшая пика, длиною около 7 футов, с плоским наконечником и поперечным упором. В России со времен Петра I эспонтоном были вооружены в строю все мушкетерские офицеры; при Екатерине II они были оставлены только в гвардии, а в 1807 г. отменены.

вать, — как же это? Я считал его дряхлым и так болезнью своих ног отягощенным стариком, что, как говорили тогда, он затем и во дворец, и в Сенат по нескольку недель не ездил, да и дома до него не было почти никому доступа!

— О! — отвечал мне князь, усмехаясь. — Это было во время оно; а ныне, рече Господь, времена переменились, ныне у нас и больные, и небольные, и старички самые поднимают ножки, а наряду с молодыми маршируют и также хорошехонько топчут и месят грязь, как и солдаты. Вот видели вы сами. Ныне говорят: что когда носишь на себе звание подполковника гвардии, так неси и службу, и отправляй и должность подполковничью во всем!

— Ну! Нечего более говорить!... — сказал я, изумившись, и не могу тому надивиться...

— Но вы еще и то увидите! — сказал князь, — Поживите-ка с нами, и посмотрите на всех и все у нас, в Петербурге!

Выбежавший от генерала камердинер его перервал тогда наш разговор. Он сказал нам, что генерал уже совсем готов и приказал подавать карету, а вскоре потом вышел и сам он, и сказав мне:

— Ну, поедем-ка, мой друг! — пошел садиться в карету.

Не успел он усесться в карете, как высунувшись в окно, приказал мне ехать, как тогда, так и ездить завсегда впредь, по левую сторону его кареты и так, чтоб одна только голова лошади равнялась с дверцами кареты, и подтвердил, чтоб я всячески старался ни вперед далее не выдаваться, ни назади не отставать. Князь Урусов должен был ехать таким же

образом по правую сторону, а полицейский ординарец с обоими своими, всегда ездившими за нами полицейскими драгунами, уже позади кареты.

По распоряжении нас сим образом и полетел наш генерал по гладким петербургским мостовым, так что оглушал ажно треск и стук от колес.

Цуг* у него был ямской и самый добрый, и поелику был он генерал-полицеймейстер, то и езжал отменно скоро, и временем даже вскачь самую, так что мы с лошаденками своими едва успевали последовать за ним. Мы заехали тогда на часок в полицию, а потом объездили множество улиц и заезжали с генералом во многие дома знаменитейших тогда вельмож и пробывали в оных по небольшому только количеству минут.

Во всех их генерал ухаживал обыкновенно для свидания с хозяевами во внутренние комнаты, а мы все оставались в передних и галанивали** тут до обратного выхода генеральского, в которое время рассказывал мне князь Урусов о хозяевах тех домов и о том, какие были они люди, и все, что об них было ему известно.

. . . .

Сим окончу я сие письмо, а как праздновали мы праздник и что у нас происходило далее в Петербурге, о том узнаете вы из письма последующего, а теперь остаюсь навсегда ваш, и прочая.

---

* Старинная запряжка шестерней; здесь упряжь, постройка, выезд.

** Горланили, шумели, болтали.

ПРАЗДНОВАНИЕ ПАСХИ

ПИСЬМО 94-е

Любезный приятель! Наконец наступил праздник Святыя Пасхи. Я уже упоминал вам в прежнем письме своем, что к торжеству сему деланы были во всем Петербурге приуготовления превеликия. Но нигде так сие приметно не было, как во дворце. Государю хотелось неотменно перейтить к оному в большой новопостроенный дом свой; но как оный был еще не совсем во внутренности отделан, то спешили денно и ночно его окончить и все оставшее доделать. Во все последние дни перед праздником кипели в оном целые тысячи народа, и как оставался наконец один луг пред дворцом неочищенным и так загромощенным, что не могло быть ко дворцу и приезду, то не знали, что с ним делать и как успеть очистить его в столь короткое, оставшееся уже до праздника время.

Луг сей был превеликий и обширный, лежавший пред дворцом и адмиралтейством и простиравшийся поперек почти до самой Мойки, а вдоль от Миллионной до Исаакиевской церкви. Все сие обширное место не заграждено еще было тогда как ныне, великим множеством сплошных, пышных и великолепных зданий, а загромощено было сплошь премно-

жеством хибарок, избушек, шалашей и сарайчиков, в которых жили все те мастеровые, которые строили Зимний дворец, и где заготовляемы и обрабатываемы были и материалы. Кроме сего, во многих местах лежали целые горы и бугры щеп, мусора, половинок кирпича, щебня, камня и прочего всякого вздора.*

Как к очищению всего такого дрязга потребно было очень много и времени и кошта, а особливо, если производить оное, по обыкновению, наемными людьми, и успеть тем никак было не можно, то доложено было о том государю. Сей и сам не знал сначала, что делать; но как ему неотменно хотелось, чтоб сей дрязг к празднику был очищен, то самый генерал мой надоумил его и доложил: не пожертвовать ли всем сим дрязгом всем петербургским жителям, и не угодно ли будет ему повелеть чрез полицию свою публиковать, чтоб всякий, кто только хочет, шел и брал себе безданно, беспошлинно, все, что тут есть: доски, обрубки, щепы, каменья, кирпичья и все прочее. Государю полюбилось крайне сие предложение, и он приказал тотчас сие исполнить. Вмиг тогда рассеиваются полицейские по всему Петербургу, бегают по всем дворам и повещают, чтоб шли на площадь перед дворцом, очищали бы оную и брали б себе, что хотели. И что ж произошло тогда от сей публикации?

Весь Петербург власно как взбеленился в один миг от того. Со всех сторон и изо всех улиц бежали и ехали целые тысячи народа. Всякий спешил и, же-

---

*См. примечание 2 после текста.

лая захватить что-нибудь получше, бежал без ума, без памяти и, добежав, кромсал, рвал и тащил, что ни попадалось ему прежде всего в руки, и спешить относить или отвозить в дом свой и опять возвращаться скорее. Шум, крик, вопль, всеобщая радость и восклицания наполняли тогда весь воздух, и все сие представляло в сей день редкое, необыкновенное и такое зрелище, которым довольно налюбоваться и навеселиться было не можно. Сам государь не мог довольно нахохотаться, смотря на оное: ибо было сие пред обоими дворцами — старым и новым, и все в превеликой радости, волокли, везли и тащили добычи свои мимо оных. И что ж? Не успело истинно пройтить нескольких часов, как от всего несметного множества хижин, лачужек, хибарок и шалашей не осталось ни одного бревнышка, ни одного отрубочка и ни единой дощечки, а к вечеру как не бывало и всех щеп, мусора и другого дрязга и не осталось ни единого камешка и половинки кирпичной. Все было свезено и счищено, и на все то нашлись охотники. Но нельзя и не так! И одно рвение друг пред другом побуждало всякого спешить на площадь и довольствоваться уже тем, что от других оставалось. Коротко, самые мои люди воспринимали в том такое ж участие, и я удивился, увидев ввечеру, по возвращении своем на квартиру, превеликую стопу, накладенную из бревешек, досток, обрубков и тому подобного, и не верил почти, чтоб можно было успеть им навозить такое великое множество. Словом, дрязгу сего было так много, что нам во все пребывание наше в Петербурге не только не было нужды покупать дров, но мы при отъезде столько еще

продали оставшегося, что могли тем заплатить за весь постой хозяину.

Не успели помянутую площадь очистить, как государь и переехал в Зимний дворец, и переселение сие произведено в великую субботу, при котором случае не было однако никакой особливой церемонии. А и самое духовное торжество праздника не было так производимо во дворце, как в прежние времена, при бывшей императрице, ибо как государь не хранил вовсе поста и вышеупомянутое имел отвращение от нашей религии, то и не присутствовал даже, по прежнему обыкновению, при завтрени, а предоставил все сие одним только духовным и императрице, своей супруге. И все торжество состояло только в сборище к нему во дворец всех знаменитейших особ для поздравления его как с праздником, так и новосельем.

Мне самому не удалось в сей год чувствовать всю обыкновенную приятность, с сим праздником сопряженную: Я встал хотя и очень рано, но принужден был помышлять не о завтрени и богомолье, а о том, как бы скорее и лучше причесаться и, убравшись в свой новый мундир, ехать к генералу и с ним, с светом, вдруг скакать в разные домы знаменитейших господ для поздравления, и я так всем тем был занят, что насилу урвал несколько минут досужных для забежания в полицейскую церковь и отслушания в ней кончика обедни.

Генерал, как по должности своей, так и для политических причин, ездил в сие утро по разным местам отменно и так много, что мы с ним не прежде во дворец приехали, как уже в одиннадцать часов,

и когда уже был он весь наполнен народом, и вся площадь установлена была бесчисленным множеством карет и экипажей. Для меня зрелище сие было новое, но любопытнейшее дожидалось меня во внутренности дворца самого, в котором я до того времени еще не бывал. И самая уже огромность и пышность здания приводила меня в некоторое приятное изумление, а когда вошел я с генералом внутрь сих новых императорских чертогов и увидел впервые еще от роду всю пышность и великолепие дворца нашего, то пришел в такое приятное восхищение, что сам себя почти не вспомнил от удовольствия.

Все комнаты, через которые мы проходили, набиты были несметным множеством народа и людей разных чинов и достоинств. Все одеты и разряжены были впрах и все в наилучшем своем платье и убранствах. Но ни в которой комнате не поражен я был таким приятным удивлением, как в последней и той, которая была перед тою, в которой находился сам государь, окруженный великим множеством генералов и как своих, так и иностранных министров. Поелику * и сия, далее которой нам входить не дозволялось, набита была несметным множеством как военных, так и штатских чиновников, а особливо штаб-офицеров, а в числе оных было и тут множество еще генералов, и все они были в новых своих мундирах, то истинно засмотрелся я на разноцветность и разнообразность оных! Каких это разных колеров тут не было! И какими разными и новыми

* В смысле — так как.

прикрасами не различены они были друг от друга! Привыкнув до сего видеть везде одни только зеленые и синие единообразные мундиры и увидев тогда вдруг такую разнообразицу, не могли мы довольно начудиться и насмотреться и только и знали, что любопытствовали и спрашивали, каких полков из них которые, а наиболее те, которые нам более прочих нравились. Не меньшее же любопытство производили во мне и иностранные министры, выходившие в нашу комнату из внутренней государевой, разновидными и разнообразными орденами и кавалериями * своими. И товарищ мой, князь Урусов, которому все они были уже известны, должен был мне о каждом из них сказывать.

На все сие я так засмотрелся и всеми сими невиданными до сего зрелищами так залюбовался, что позабыл и о всей усталости своей и не горевал о том, что во всей той комнате не было нигде ни единого стульца, где бы можно было хоть на несколько минут присесть для отдохновения.

Но все мое любопытство было еще до того времени удовольствовано не совершенно, а оставалось еще важнейшее, а именно: чтобы видеть государя и государыню. Так случилось, что сколько раз ни бывал я до того во дворце, но никогда еще до того времени не удавалось мне видеть оных в самой близости, а видал их только в портретах, а потому давно уже и не ведомо, как добивался и желал видеть как их, так и самую фаворитку государеву, Воронцову,

---

* Орденскими знаками, лентами.

о которой, наслышавшись о чрезвычайной и непомерной любви к ней государя, будучи еще в Кенигсберге, мечтал я, что надобно ей быть красавицей превеликой. И как сей день и случай казался мне к тому наилучшим и способнейшим, и я никак не сомневался, что увижу их непременно в то время, когда они пойдут к столу чрез ту комнату, в которой мы находились, как о том мне сказывали, то, протеснившись сквозь людей, стал я нарочно и заблаговременно подле самых дверей, чтобы не пропустить их и видеть в самой близости, когда они проходить станут.

Не успел я тут остановиться, как чрез несколько минут и увидел двух женщин в черном платье, и обоих в Екатерининских алых кавалериях, идущих друг за другом из отдаленных покоев в комнату к государю. Я пропустил их без всякого почти внимания, и не инако думал, что были они какие-нибудь придворные госпожи, ибо о государыне и фаворитке думал я, что они давно уже в комнатах государских, в которые нам за народом ничего было не видно. Но каким удивлением поразился я, когда, спросив тихо у стоявшего подле себя одного полицейского, и мне уже знакомого офицера, кто б такова была передняя из прошедших мимо нас госпож, услышал от него, что была то самая императрица! Мне сего и в голову никак не приходило, ибо, видая до сего один только портрет ее, писанный уже давно, и тогда еще, когда была она великою княгинею, и гораздо моложе, и видя тут женщину низкую, дородную и совсем не такую, не только не узнал, но не мог никак и подумать, чтоб то была она. Я досадовал

неведомо как на себя, что не рассмотрел ее более; но как несказанно увеличилось удивление мое, когда на дальнейший сделанный ему вопрос о том, кто б такова была другая и шедшая за нею толстая и такая дурная, с обрюзглою рожею, боярыня, он, усмехнувшись, мне сказал:

— Как, братец! Неужели ты не знаешь? Это Елисавета Романовна!

— Что ты говоришь? — оцепенев даже от удивления, воскликнул я, — Эта-то Елисавета Романовна!.. Ах! Боже мой... да как это может статься? Уж этакую толстую, нескладную, широкорожую, дурную и обрюзглую совсем любить и любить еще так сильно государю?

— Что изволишь делать? — отвечал мне тихонько офицер, — и ты дивись уже этому, а мы дивились, дивились, да и перестали уже.

— Ну, правду сказать, есть чему и дивиться, — подхватил я, пожимая только плечами, ибо в самом деле была она такова, что всякому даже смотреть на нее было отвратительно и гнусно.

Еще я не опомнился от чрезмерного своего удивления, как взволновался весь народ и, разделяясь в две стороны, сделал улицу и свободный проход идущим и вдали уже показавшемуся государю. Не могу никак изобразить, с какими разными душевными движениями смотрел я в первый раз тогда на сего монарха и тогдашнего обладателя всей России. Куча народа, состоявшая из первейших чиновников и вельмож государственных, последовали за ним и провожали его в столовую в своих орденах, лентах и в богатых одеждах.

Наш генерал шел тут же и разговаривал с фавориткою государевою; но я в сей раз не удостоил ее уже и зрением, а смотрел вслед за государем и императрицею и сам в себе только всему видимому дивился и пожимал плечами.

Как генералу нашему, за помянутым разговором с идущею с ним рядом фавориткою, не удалось на меня взглянуть, и никто ему из товарищей моих в толпе на глаза не попался, то по ушествии их не знали мы, что нам делать, и домой ли ехать или тут оставаться далее и дожидаться повеления от генерала. И как домой ехать мы не отважились, то чуть было не дошло до того, чтобы быть нам для праздника такого без обеда. Мы и были б действительно без него, если б, по счастию, третьему товарищу нашему, полицейскому офицеру, которому во дворце было все знакомое, не удалось пронюхать и узнать, что в задних и отдаленных комнатах есть накрытый превеликий стол для караульных офицеров и ординарцев. Он не успел узнать о сем, как, прибежав к нам, звал нас скорее с собою туда, уверяя, что и нам там можно обедать, нужно только захватить и не упустить место. Сперва посовестились было мы и не хотели нартом там искать себе обеда, но он силою почти нас за собою утащил и, проведя нас чрез множество комнат и на другой даже край дворца, привел нас действительно к превеликому столу, установленному уже кушаньями, и за который как караульные офицеры, так и многие другие начинали уж садиться.

Мы сели также, хотя без всякого приглашения, и наелись и напились себе досыта, и были смелостью

своею очень довольны, ибо узнали чрез то, что и впредь нам всегда можно сим офицерским и ординарческим столом пользоваться и когда ни похотим оставаться тут обедать, что мы и действительно потом и не раз делывали, а особливо когда случалось, что не хотелось нам ехать домой на короткое время.

Как обед наш не так долго продолжался, как государев, то кончивши оный, пошли мы в тот покой, который служил вместо буфета и был подле самого того, где государь кушал, дабы мог генерал наш, вставши из-за стола, тотчас нас увидеть, ибо всем надлежало, вставши из-за стола, иттить чрез покой сей.

Но мы принуждены были долго сего обратного шествия дожидаться: государь любил посидеть за столом и повеселиться. Натурально, не гуляли притом и рюмки. Более часа дожидались мы тут, покуда стол кончится, и имели удовольствие в сие время слышать голос государев и почти все им говорящее. Голос у него был очень громкий, скаросый, неприятный, и было в нем нечто особое и такое, что отличало его так много от всех прочих голосов, что можно было его не только слышать издалека, но и отличать от всех прочих. Наконец, встали они, и как государь пошел тотчас опять во внутренние свои чертоги, то вышел вслед за ним и генерал наш и обрадовался, нас увидев.

— Ну! Спасибо, что вы здесь, — сказал он, — и что домой не уезжали; мне давеча сказать вам о том было некогда, но обедали-ль вы? Вам бы здесь пообедать за столом офицерским!

Мы сказали ему, что мы сие уже сделали.

— Ну! Хорошо ж, — сказал он, — так поедем же теперь домой и отдохнем.

Сказав сие, пошли мы вниз, где князь, товарищ мой, отпросился от него к своим родным, а я поехал с ним и готовиться был должен ехать с ним опять во дворец на куртаг с товарищем моим, полицейским офицером.

По приезде к нему в дом отпросился я тотчас на свою квартиру, чтоб отдохнуть хоть часок на оной; ибо как я почти всю ту ночь не спал, то склонил меня тогда ужасно сон, и я впервые еще в сей день спал после обеда. Но, чтоб не заспаться, то посадил подле себя человека с часами и велел ему тотчас себя разбудить, как скоро пройдет час. О сем упоминаю я для того, что как в последующее время и часто таким образом удавалось мне по ночам спать очень мало и заменять то единочасным спаньем после обеда, и я таким же образом всегда саживал подле себя слугу для бужения, то чрез короткое время обратилось сие в такую привычку, что, наконец, не было нужды меня будить, но я уже и сам точь в точь по прошествии часа просыпался, а что удивительнее всего, то и на все продолжение жизни моей всегда, когда ни случалось мне после обеда спать, никогда не сыпал более часа и всякий раз, как тогда, пробуждался сам собой.

Как куртаги придворные были тогда для меня также зрелищем новым и никогда еще невиданным, то охотно я поехал на оный с генералом и, делаясь час от часу во дворце смелейшим, нашел средство наконец втесниться и войтить туда ж в галерею, где он продолжался.

Тут насмотрелся я уже досыта, как на государя, так и всему тут происходившему. Видел, как тут играли в карты и как танцовали, наслушался прекрасной музыки, в которой государь сам брал соучастие и играл на скрипице вместе с прочими концерты, и довольно хорошо и бегло; наконец, за большим столом и со многими, с превеликим хохотанием и криком забавлялся он в любимую свою игру кампию, которую игру также не видывал я никогда до того времени; и как хотелось мне ее очень видеть, то был так уже смел и отважен, что подошел близехонько к столу, смотрел на оную и не мог довольно насмотреться и надивиться.

Мы пробыли тут с генералом до самого окончания сей вечеринки, а как он оставлен был у государя и ужинать, то принужден был и я опять тут окончания оного дожидаться и также перехватить хоть немного за столом офицерским. Но ожидание конца ужина, бывшего в прежней столовой, было для нас очень скучновато.

Ужин продлился очень долго и гораздо за полночь, и мы все сие время должны были галанить и ждать в проходной буфетной. И как не было, как в сем, так и во всех других тут комнатах ни единого стульца, на которое бы можно было присесть и отдохнуть, то, от беспрерывного стояния и хождения взад и вперед, для прогнания дремоты, вправ мы все измучились, а особливо я, по непривычке. Сон клонил меня немилосердным образом, а подремать не было нигде ни малейшего способа. Несколько раз испытывал я становиться для сего где-нибудь к стенке или к уголку, но все мои испытания были тщетны, ибо

не успеют глаза начать сжиматься и сон воспринимать верх над бдением, как вдруг подгибаются колени и, приводя чрез то человека в движение, разбужают оного к неописанной досаде и мешают сладкой дремоте.

Измучившись и изломавшись, насилу-насилу дождался я конца сего ужина и всей бывшей за оным доброй попойке. Мы возвратились домой почти уже пред рассветом, а как поутру должен был я опять вставать рано, то судите, каково мне тогда было!

Но первый день куда уже ни шел! Я имел много труда и беспокойства, но за то, по крайней мере, насмотрелся многому, а потому и не помышлял и горевать даже о помянутых беспокойствах, думая, что впредь, по крайней мере, не таково будет, но как увидел, что и все последующие дни были ничем не лучше, а точно таковые ж, и не было дня, в который бы мы с генералом по нескольку десятков верст и всегда почти вскачь не объездили, не побывали во множестве домах, и разов двух не посетили дворца, и в оном либо обедали, либо ужинали, либо обедать к кому-нибудь из первейших вельмож вместе с государем не ездили, и я, всякий раз таким же образом измучившись и изломавшись, не прежде, как уже перед светом домой возвращался, то скоро почувствовал всю тягость такой беспокойной и прямо почти собачьей жизни, и не только разъезды свои с генералом, и беспрерывные рассылания меня то в тот, то в другой край Петербурга до крайности возненавидел и проклинал; но и самый дворец, со всеми пышностями и веселостью его, которые и в первый раз так были для меня занимательны и забавны, на-

конец так мне опостылел и надоел, что мне об нем и вспоминать не хотелось, и я за величайшее наказание считал, когда доводилось мне с генералом нашим в него ехать.

Какая б собственно причина побуждала генерала моего к толь частым посещениям знатнейших господ и других разных людей, того, как тогда мы все не знали и не понимали, так истинно не знаю я и поныне.

Будучи генерал-полицеймейстером в государстве и имея толь великую обузу дел на себе, что ему в каждое утро приносили из полиции целые кипы бумаг для читания и подписывания, казалось, что могло б и одно сие его занимать, умалчивая о прочих делах, к его должности относящихся, и за сими не до того, казалось, было ему, чтоб разъезжать по гостям и терять на то время свое.

Но он, при всей тогдашней строгости государя, по-видимому, всего меньше рачил о исправном исправлении толь важной должности своей и всего реже езжал по делам, до должности его относящимся. Но, напротив того, так мало ее уважал, что и десятой доли приносимых и заготовленных к подписанию его бумаг не прочитывал, а подписывал множайшие из них, совсем не читая. А все выезды его были по большей части к канцлеру и к некоторым другим из знаменитейших наших господ, как например, к прежнему моему командиру, генералу Вильбоэ, который был тогда у нас фельдцейхмейстером, принцу Гольштинскому, Шувалову, Скавронскому и многим другим, а что всего удивительнее, то и к самым иностранным министрам, а особливо к аглинскому и

прусскому, до которых равно как и до других министров, казалось, не было б ему ни малейшего дела. Со всем тем, он не только сам езжал ко всем к ним очень нередко, но сверх того обоих нас с князем замучивал посылками к ним то и дело, и что всего досаднее, за сущими иногда безделицами и ничего не стоящими делами.

Не могу и поныне забыть, с каким огорчением и досадою скачешь без памяти иногда версты две к какому-нибудь паршивому парнчишке и единственно только за тем, чтоб спросить в добром ли он здоровье.

Часто случалось, что он обоим нам одним утром домов по десяти наскажет куда ехать, и мы скачем, как угорелые кошки, и за все свои труды, что всего было досадней, получаем еще от чудного своего генерала брани. Часто случалось, что, будучи как-то беспамятен или имея голову набитую уже слишком всяким вздором, позабывал он, кому из нас приказал куда съездить, и вдруг требовал от меня отчета в том, о чем приказывал князю, а от него в том, что было мне поручено, а что всего смешнее и досаднее, то случалось не однажды, что, наказывая нам многих, к кому ехать, про иного позабывал, а потом спрашивал, были ли мы у того? И как скажешь и докажешь записками своими, что про того он и не упоминал вовсе, то сердился, досадовал и бранил нас за то, для чего сами не догадались заехать или ему не напомнили. Не чудные ли по истине и не сумасбродные ли были требования и взыскания таковые? Но мы должны были молчать, терпеть и переносить его гнев праведный, внутренно же не могли, чтоб не хохотать тому и не смеяться.

Далее скажу, что ко всем сим рассылкам употребляем был от генерала более я, нежели князь Урусов и, может быть, потому что умел я говорить по-немецки и мог с множайшими из тех, к коим он посылал, говорить на природном языке, ибо множайшие из них были немцы. Сверх того князь Урусов был как-то увертливее меня и находил средства отбывать иногда не только от таких посылок, но и от самой езды с генералом; и потому он и в половину столько не терпел беспокойств, сколько я, а особливо сначала и покуда я сколько-нибудь не наторел и научился также кое-как и отбывать иногда.

В самые выезды свои со двора и разъезды по домам знатных вельмож, а особливо после полдни, бирал он обыкновенно только меня одного; но сии для меня сопряжены были не настолько с беспокойством, сколько со скукою, ибо я имел всегда, по крайней мере, ту выгоду, что мог везде находить стулья и место где сидеть во все то время, покуда генерал сиживал у хозяина. И сначала переламливала меня только одна скука, а особливо в таких домах, где он сиживал по нескольку часов сряду, и я принужден бывал все сие время провожать один-одинешенек, в какой-нибудь пустой передней комнате; но как после я догадался и стал запасаться всегда на такие случаи какой-нибудь любопытною книжкою в кармане, то бывало, засев где-нибудь в уголок или подле окошечка, вынимаю себе книжку, занимаюсь себе чтением, как бы дома, и не горюю о том, сколько б ни сидел генерал у хозяина.

Но во дворце было дело совсем иное: тут не только что о читанье токмо и помыслить было не можно, но

та пуще всего была напасть, что сидеть было вовсе не на чем. Я уже упоминал, что во всех тех комнатах, где мы бывали, не было тогда ни единого стульца, а стояли только в одной проходной комнате одни канапе, но и те были обиты богатым штофом и такие, на каких мы сначала на смели и помыслить, чтоб садиться, к тому же стояли они не в самой той комнате, где мы во время утренних генеральских приездов всегда должны были отстаивать и его дожидаться. Комната сия была самая та, о которой я уже упоминал, а именно ближняя подле той, где государь обыкновенно бывает и с приезжающими к нему по утрам разговаривает, и которую редко не нахаживали мы наполненную многими людьми. Итак, принуждены будучи в ней иногда по нескольку часов стоять и без всякого дела галанить, имели только ту отраду и удовольствие, что могли всегда в растворенные двери слышать, что государь ни говорил с другими, а иногда и самого его и все деяния видеть. Но сие удовольствие было для нас удовольствием только сначала, а впоследствии времени скоро дошло до того, что мы желали уже, чтобы разговоры до нашего слуха и не достигали; ибо редко стали уже мы заставать государя трезвым и в полном уме и разуме, а всего чаще уже до обеда несколько бутылок аглинского пива, до которого был он превеликий охотник, уже опорознившим, то сие и бывало причиною, что он говаривал такой вздор и такие нескладицы, что при слушании оных обливалось даже сердце кровью от стыда пред иностранными министрами, видящими и слышащими то, и, бессомненно, смеющимися внутренно. Истинно бывало, вся душа так поражается всем тем, что бе-

жал бы неоглядкою от зрелища такового! — так больно было все то видеть и слышать.

Но никогда так много не поражался я досадными зрелищами таковыми, как в то время, когда случалось государю езжать обедать к кому-нибудь из любимцев и вельможей своих, и куда должны были последовать все те, к которым оказывал он отменное свое благоволение, как, например, и генерал мой и многие другие, а за ними и все их адъютанты и ординарцы. Табун бывало целый поскачет вслед за поехавшими, и хозяин успевай только всех угащивать и подчивать; ибо натурально везде и для нас даваемы были столы. Одни только трубки и табак приваживали мы с собою из дворца свой. Ибо, как государь был охотник до курения табаку и любил, чтоб и другие курили, а все тому натурально в угодность государю и подражать старались, то и приказывал государь всюду, куда ни поедет, возить с собою целую корзину голландских глиняных трубок и множество картузов* с кнастером** и другими табаками, и не успеем куда приехать, как и закурятся у нас несколько десятков трубок и в один миг вся комната наполнится густейшим дымом, а государю то было и любо, и он ходючи по комнате только что шутил, хвалил и хохотал. Но сие куда бы уже ни шло, если б не было дальнейшего и для всех россиян постыднейшего. Но та-та была и беда наша! Не успевают

---

*Пакетов.

**Кнастер — особый сорт табаку, употреблявшийся иностранцами.

бывало сесть за стол, как и загремят рюмки и покалы и столь прилежно, что, вставши из-за стола, сделаются иногда все как маленькие ребяточки и начнут шуметь, кричать, хохотать, говорить нескладицы и не сообразности сущие. А однажды, как теперь вижу, дошло до того, что вышедши с балкона прямо в сад, ну играть все тут на усыпанной песком площадке, как играют маленькие ребятки. Ну все прыгать на одной ножке, а другие согнутым коленом толкать своих товарищей под задницы и кричать:

— Ну! ну! братцы, кто удалее, кто сшибет с ног кого первый? — и так далее.

А по сему судите, каково же нам было тогда смотреть на зрелище сие из окон и видеть сим образом всех первейших в государстве людей, украшенных орденами и звездами, вдруг спрыгивающих, толкающихся и друг друга наземь валяющих? Хохот, крик, шум, биение в ладоши раздавались только всюду, а покалы только что гремели. Они должны были служить наказанием тому, кто не мог удержаться на ногах и упадал на землю. Однако все сие было еще ничто против тех разнообразных сцен, какие бывали после того и когда дохаживали до того, что продукты бакхусовы* оглумляли** всех пирующих даже до такой степени, что у иного наконец и сил не было выттить и сесть в линею, а гренадеры выносили уже туда на руках своих.

Но никогда так сильно дружба с Бакхусом*** не

---

*Хмельные напитки.

**Одуряли, доводили до беспамятство; оглум — столбняк.

***Бахус, Вакх, у греков чаще Дионис — бог вина, оргий.

возобновляема была, как во дворце за ужинами, за которыми должен был и генерал мой очень часто присутствовать. Государь любил его как-то около сего времени очень и был к нему милостив, а потому и езжал он почти ежедневно во дворец, а с ним и моя милость. Итак, бывало засядут они себе за стол и, вступя в премудрые и пространные разговоры, ну погромыхивать рюмками и стаканами, а мы между тем во всю ночь галанить и ходить взад и вперед по буфетной, присланиваться к стенам и к уголкам, ссориться ежеминутно со сном и дремотою, мурчать себе под нос и проклинать час своего рождения. Не могу и поныне позабыть, как досадны и мучительны бывали для нас сии дворцовые предлинные ужины и к каким даже дуростям доводимы были мы иногда непреодолимым почти хотением спать...

Но я заговорился уже так и позабыл, что письмо мое уже слишком увеличилось и что мне давно пора его кончить; итак, окончив сим, скажу, что я есмь навсегда, и прочее.

ЗАГОВОР

ПИСЬМО 95-е

Любезный приятель! Таким образом жил я в Петербурге и мыкал свое горе. О должности моей, как ни говорил г. Балабин, что она легкая и ничего незначущая, но она была в самом деле крайне трудная и пребеспокойная, а особливо в первый месяц по моем приезде в Петербург, и в короткое время так мне надоела и наскучила, что я проклинал ее и все на свете и не рад был почти животу своему.

И я истинно не знаю, как бы мог переносить ее далее, если б, по происшествии праздников, по вскрытии реки Невы, по наведении чрез нее на Васильевский Остров моста и по наступлении весны не произошло в обстоятельствах наших небольшой и такой перемены, которая стала доставлять нам времянем и отрады и довольное уже иногда отдохновение и чрез то сделала мне должность мою сноснейшею.

Произошло сие более от двух или трех причин, и во-первых, оттого, что генерал наш, имея давно уже у себя близкую приятельницу в жене того старичка Волчкова, который славен у нас переводами многих (сочинений), стал по-прежнему ездить к ней очень часто на Васильевский Остров, где она с мужем своим жила, и пробывать у ней по целой иногда поло-

вине дня и вечера целые. Ибо, как он туда никого из нас не биривал*, то, при всех таких случаях и оставались мы дома и могли по воле отдыхать и употреблять сие время на себя. Второе обстоятельство, уменьшившее также некоторым образом ежедневное наше беспокойство, было то, что государь, по вскрытии весны, начал уже чаще заниматься экзерцированием и смотрами своих войск и другими упражнениями, а потому и подобные там пиршества, о каких упоминал я прежде, бывали уже реже, и мы с генералом своим езжали во дворец и на оные не так уже часто.

Наконец, третья и наиглавнейшая причина перемены происшедшей была та, что как около сего времени ропот на государя и негодование ко всем деяниям и поступкам его, которые чем далее, тем становились хуже, не только во всех знатных с часу на час увеличивалось, но начинало делаться уже почти и всенародным, и все, будучи крайне недовольными заключенным с пруссаками перемирием и желея об ожидаемом потерянии Прусии, также крайне негодуя на беспредельную приверженность государя к королю прусскому, на ненависть и презрение его к закону, а паче всего на крайнюю холодность, оказываемую государыне, его супруге, на слепую его любовь к Воронцовой, а паче всего на оказываемое отчасу более презрение ко всем русским и даваемое преимущество пред ними всем иностранцам, а особливо голштинцам, — отважились публич-

* Многократное от «брал».

но и без всякого опасения говорить, и судить, и рядить все дела и поступки государевы. О государыне же императрице, о которой носилась уже молва, что государь вознамеривается ее совсем отринуть и постричь в монастырь, сына же своего лишить наследства, изъявлять повсюду сожаление и явно ей благоприятствовать; то генерал наш, будучи хитрым придворным человеком и предусматривая, может быть, чем все это кончится, и начиная опасаться, чтоб в случае бунта и возмущения или важного во всем переворота не претерпеть бы и самому ему чего-нибудь, яко любимцу государеву, при таком случае — уже некоторым образом и не рад тому был, что государь его отменно жаловал, и потому, соображаясь с обстоятельствами, начал уже стараться понемногу себя от государя сколько-нибудь уже и удалять, а напротив того тайным и неприметным образом прилепляться к государыне императрице и от времени до времени бывать на ее половине и ей всем, чем только мог, прислуживаться и подольщаться, что после действительно и спасло его от бедствия и несчастия при последовавшей потом революции. Сия-то была третья причина, уменьшившая гораздо всегдашние его выезды и заставлявшая более сидеть дома и заниматься будто своими полицейскими делами, равно как и при самых выездах не всегда нас брать с собою, но оставлять дома, что делывал он всегда, когда случалось ему ездить на половину к государыне или ее приверженцам. Сперва мы не знали всего того и только что дивились такой неожидаемой перемене; но как узнали о потаенных его бываниях у императрицы, о препровождении у

нее иногда по несколько часов времени в игрании в карты и в разговорах, то скоро догадались, к чему все сие клонится, и отчего примеченная нами перемена происходила.

Но как бы то ни было, но мы ею были очень довольны, а горевали и озабочивались только о себе с другой стороны. Всем нам помянутый народный ропот и всеобщее час-от-часу увеличивающееся неудовольствие на государя было известно, и как со всяким днем доходили до нас о том неприятные слухи, а особливо когда известно делалось нам, что скоро с прусским королем заключится мир, и что приготовляется уже для торжества мира огромный и великолепный фейерверк, то нередко, сошедшись на досуге, все вместе говаривали и рассуждали мы о всех тогдашних обстоятельствах и начинали опасаться, чтоб не сделалось вскоре бунта и возмущения, а особливо от огорченной до крайности гвардии. Мысли о сем тем более всех нас тревожили, смущали и озабочивали, что мы опасались, чтоб нам при таком случае не претерпеть бы и самим чего-нибудь.

— Сохрани Бог, ежели что действительно произойдет, — говаривали мы не один раз между собою, — то генералу нашему трудно будет тогда уцелеть. Все почитают его любимцем государевым, хотя он и далеко не в такой милости у него, как другие; но разбирают ли при таких случаях? И Боже сохрани, ежели сделается с ним что-нибудь дурное, то берегись и мы все, при нем живущие! Сочтут и нас во всем соучастниками, и чтоб не пострадать и нам всем тогда ни за Христа, ни за Богородицу, и не погибнуть бы невозвратно.

Сим и подобным тому образом говаривали мы часто между собою, поканчивали обыкновенно разговор свой общим гореванием о том, что живем в такие сумнительные времена и находимся при таком генерале, от которого, кроме беды впрочем, никакого добра ожидать не можно; ибо не в похвальбу ему можно сказать, что несмотря на все свое великое богатство и обстоятельство, что ему, как бездетному, совсем некому было прочить, был он в рассуждении нас до чрезвычайности скуп и никогда даже и не помышлял о том, чтоб чем-нибудь нас облагодетельствовать или возблагодарить нас за всю нашу к нему ревность, труды и услуги чем-нибудь существительным. Никто из нас не видал от него во всю нашу бытность при нем ни малейшего себе подарка или какого благодеяния особливого, а все состояло только в том, что мы едали за столом его; но к сему обязывала его и должность, а потому с сей стороны были мы ему не весьма благодарны.

Теперь, кстати, расскажу я вам, любезный приятель, одно случившееся около сего времени со мною происшествие, которое, по важности своей относительно до меня, особливого примечания достойно. В один день, и как теперь помню, перед обедом, когда мы все были дома, приезжает к нам тот самый господин Орлов, который в последующее время был столь славен в свете, и, сделавшись у нас первейшим большим боярином, играл несколько лет великую роль в государстве нашем. Я имел уже случай в прежних письмах своих сказывать вам, что сей человек был мне знаком по Кенигсбергу, и тогда, когда был он еще только капитаном и приставом у плен-

ного прусского королевского адъютанта графа Шверина, и знаком более потому, что он часто к нам хаживал в канцелярию, что мы вместе с ним хаживали танцовать по мещанским свадьбам, танцовали вместе на генеральских балах и маскарадах и что он не только за ласковое и крайне приятное свое обхождение был всеми нами любим, но любил и сам нас, а особливо меня, и мы с ним были не только очень коротко знакомы, но и дружны. Сей-то человек вошел тогда вдруг в залу, где я с прочими находился, и как он был все еще таков же хорош, молод и статен, как был прежде, то нельзя мне было тотчас не узнать его, и как я об нем с того самого времени, как он от нас тогда с Швериным поехал, ничего не слыхал и не знал, не ведал, где он и находится, то, обрадовавшись неведомо как сему нечаянному свиданию, не успел его завидеть, как с распростертыми для объятия руками побежал к нему, закричав:

— Ба! ба! ба! Григорий Григорьевич!..

А он в ту же минуту, узнав меня также, с прежнею ласкою ко мне, воскликнул:

— Ах! Болотенько (ибо так всегда он меня любя и шутя в Кенигсберге называл)! Друг мой! Откуда ты это взялся? Каким образом очутился здесь? Уж не в штате ли у Николая Андреевича?

— Точно так! — отвечал я ему, обнимающему и целующему меня дружески. — Флигель его адъютантом!.. Ах, боже мой! — продолжал я, — как я рад этому, что тебя здесь нахожу и вижу здоровым и благополучным.

— Ко мне, ко мне, братец, пожалуй! — сказал

он. — Я живу вот здесь близехонько, подле дворца самого, на Мойке!

— Но скажи ж ты мне, — подхватил я, — где ж ты ныне находишься и при чем таком! Вот уж не в полевом прежнем, а в артиллерийском мундире; уж не сделался ли ты, враг,* артиллеристом.

— Здесь, здесь, братец, — отвечал он, захохотавши, — точно артиллеристом и господином еще цальмейстером** при артиллерии.

— Ну поздравляю ж, поздравляю тебя, Григорий Григорьевич, получив чин сей! Дай Бог тебе и выше, и выше. Еще ты лучше и пригоже в этом мундире. Ей-ей, красавец! Сущий враг!

Я хотел было далее говорить, но вошедший в ту минуту к нам генерал наш помешал мне в том и, увидев г. Орлова, который ему также по прежнему знакомству очень был известен, также воскликнул:

— А, Григорий Григорьевич! Здравствуй, мой друг! — и поцеловав его, взял за руку и повел его к себе в кабинет и пробыл там с ним более часа.

Что они там с ним говорили, того ничего я уже не знаю, а видел только то, что генерал унял его у себя обедать, говорил и обходился с ним дружески, разговаривал за столом с ним о кенигсбергской нашей жизни и о том, как мы там поживали, веселились и танцовали вместе и о прочем. Когда же встали из-за стола и г. Орлову пришло время от нас

---

*Враг — собственно противник, супостат; часто в смысле нашего: черт, дьявол, леший.

**Немецкое — казначеем.

ехать, то, обняв, расцеловал он меня, опять по прежнему своему кенигсбергскому еще обыкновению и опять убедительнейшим образом стал меня звать к себе и просить, чтоб я у него побывал и навестил в его квартире.

— Хорошо, хорошо! — сказал я. — Как скоро только можно будет, то твой гость, и побываю у тебя.

Сим кончилось тогда наше первое свидание, и я почел его ничего не значащим; да и можно ль было мне тогда помышлять и вообразить себе, что призыв сей был превеликой важности и открывал было мне путь к достижению высоких чинов и достоинств к приобретению великих богатств и к восшествию, может быть, на высокие ступени чести и знатности. Ибо я тогда ничего еще об Орлове не знал, и мне в голову тогда вселиться никак не могло, чтоб был сей человек тогда уже очень и очень коротко знаком государыне императрице и, будучи к ней в особливости привержен, замышлял уже играть свою роль и набирал для ей и для производства замышляемого великого дела и последовавшего потом славного переворота из всех друзей и знакомцев свою партию, и которых всех он потом осчастливил, вывел в люди, поделал знатными боярами богачами и на век счастливыми, и чтоб, как сумневаться в том не можно, назначил он и меня тогда в уме своем себе в товарищи.

Всего того не зная ни мало и не ведая, и пропустил я сей случай без всякого уважения. Но как удивился, как чрез несколько дней является ко мне присланный нарочно от г. Орлова, кланяется от него и говорит, что приказал он меня звать как можно к себе и что есть ему до меня нужда!

— Хорошо, хорошо, братец! — сказал я присланному. — Я побываю у него, как скоро найду свободное время.

— Он было приказал вас звать теперь к себе, и приказал было мне проводить вас до его квартиры.

— Душевно б рад, мой друг, но теперь мне никак не можно! Вот, видишь, карета стоит перед крыльцом, генерал сию минуту едет со двора, и мне надобно с ним ехать. Итак, кланяйся, братец, Григорию Григорьевичу и скажи, что теперь мне никак не досужно и что я повидаюсь с ним после.

Сие и в самом деле так было: мы в тот же час поехали со двора, и я не уважил и сего вторичного призыва, и почел оный ничего не значащим, и мысленно еще сам смеялся и говорил:

— Какая чорту нужда! А так, небось, хочется пошалберить и повидаться.

Но не успело еще несколько дней пройтить, как, к превеликому удивлению моему, является опять тот же присланный от г. Орлова и, остановив меня в сенях, спешащего иттить к генералу, и опять кланяется мне от него, и опять зовет к нему почти неотступно, говоря, что он велел мне сказать, что, ей-ей, есть ему до меня крайняя нужда и чтоб я как можно к нему пожаловал, приехал и хоть бы на одну минуту.

— Батюшка ты мой! — отвечал я ему. — Ей-ей! Мне и теперь никак не можно. Генерал спрашивает меня, и я, видишь, спешу иттить к нему.

Сие было и в самом деле, и генерал чрез несколько минут послал меня со двора и надавал мне столько комиссий, что я с превеликою досадою до

самого обеда проездил и впрах измучился. Но на дороге не один раз приходило мне на мысль сие призывание.

— Господи, — говорил я сам себе и говорил не однажды, — какая бы такая Орлову была до меня нужда? Да еще крайняя? Никаких у нас с ним не было связей и никаких таких дел между нами, по которым бы могла дойтить до меня когда-нибудь надобность, а того меньше и нужда!.. Не понимаю я!.. — продолжал я, пожимая плечами, и отъехавши опять то же и то же вспоминал и дивился.

Наконец, и вздумал было к нему завернуть, но так случись, что было тогда уже поздно, надобно было поспешать домой к генералу, а к тому ж как-то и позабыл я и не мог в точности вспомнить, где именно была его квартира, а у присланного хотел было еще расспросить, но его, вышедши в сени, уже не застал, он тогда уже уехал; сверх того, опасаясь, чтоб сие меня не задержало, отложил я и в сей раз свидание с ним до другого случая, а пропустил благополучно и сей случай и не уважил нимало и сего третичного призыва.

Но как бы вы думали, любезный приятель, ведь при сем одном не осталось еще сие. Но г. Орлову видно так усердно хотелось вплести меня в свое дело, что не преминул решиться он сам опять к генералу и нарочно только для того приехать, чтоб со мною видеться, и меня как можно убедить приехать к нему; и потому, нашед меня в сей раз в зале, тотчас ко мне адресовался и власно, как с некакою досадою мне сказал:

— Эх, братец, ты какой! Не мог ты по сие время

никак побывать у меня, как я тебя и сам и чрез посланного просил о том!

— Эх, братец, — отвечал я, — ну как это? Разве не знаешь ты нашего генерала и не насмотрелся в Кенигсберге, каков он и каково жить при нем его подкомандующим. Ведь он и здесь таков же: будь безотлучно при нем и как от дяди ни пяди. Если б можно было, то давно бы побывал, а то, ей-ей, не мог никак ни на один час во все сии дни от него оторваться. Замучил-таки нас до бесконечности.

— Да как-таки так, — подхватил он, — как бы не найтить свободного времени, если б похотел; а я божусь тебе, что имею до тебя крайнюю нужду и что искренно нарочно для того сюда наиболее и поехал, чтоб тебя звать к себе; ну, поедем же хоть теперь ко мне!

— Нельзя, голубчик мой, и теперь никак, — отвечал я. — Генерал уже совсем готов и собирается ехать со двора, и мне приказано уже от него, чтоб с ним ехать!

— Экое горе! — подхватил он. — А мне крайняя до тебя есть нужда, и ты не поверишь, какая крайняя надобность поговорить с тобою.

— Господи, — удивляясь отвечал я, — да какой такой нужде необходимой быть?.. Не понимаю я, никаких у нас с тобою дел нет и не было!

— Этакой ты; ну, право, нужда, ей-ей! Нужда, и нужда крайняя!

— Фу, какой! — подхватил я. — Ежели есть нужда, так разве не можно тебе сказать мне ее здесь и теперь же!

— Нет, нельзя никак, — отвечал он, — а мне

хотелось бы поговорить с тобою дома о том; пожалуйста, братец, поедем.

— Ну, истинно нельзя, голубчик ты мой! — отвечал я. — А ежели подлинно есть тебе нужда, то для чего ж и здесь не сказать? Разве не хочешь говорить о том при людях? Ну так пойдем вот туда, в дальние комнаты, там никого нет, и мы можем себе говорить обо всем и обо всем, никто нас не увидит и не услышит, а благо время к тому теперь свободное, и генерал еще не совсем оделся.

От предложения сего позадумался было он, однако, вдруг опять, власно как встрепенувшись, мне сказал:

— Нет, мой друг! Здесь никак и ни под каким видом нельзя, а, пожалуйста, приезжай ко мне! Ты одолжишь меня тем неведомо как!

Тут опять, и власно как нарочно, растворились двери в комнату генеральскую, и как нам против самых оных тогда стоять случилось, то генерал, увидев Орлова, стал звать его к себе, и он принужден был, оставив меня, иттить к нему. Но в сей раз не долее пробыл он у него, как только несколько минут, но, проходя опять через залу, не преминул поцеловаться со мною и опять мне сказать:

— Ну, пожалуйста же, мой друг, побывай у меня, и как можно скорей, ты всегда найдешь меня дома, а особливо по утрам.

— Хорошо, хорошо, — сказал я, — и как скоро только можно будет.

С сим и расстались мы тогда с сим человеком, и я ему хотя и верное почти дал слово побывать у него, но в самом деле стали мне неотступные его прось-

бы и столь усиленные зовы уже и несколько подозрительны становиться и приводить меня в недоумение превеликое, так что я, поехав тогда с генералом, во всю дорогу о том думал и сам себе говорил:

— Господи, что за диковинка и что за нужда такая? Не понимаю я! Никакой, кажется, нужды быть не можно, а того меньше такой, о которой при людях и даже в доме у нас говорить не можно! Не понимаю, что за секреты такие? Уж нет ли каких у него сплетней особливых, и не хочет ли он уже меня заманить во что-нибудь дурное? Да! Вот и нашел человека! — продолжал я сам себе, усмехаясь, говорить. — Тотчас ведь и согласился на все! Не на такого он напал!

Сим и подобным сему образом размышлял и сам с собою говорил я тогда во все утро и всячески старался мыслями своими добраться до того, зачем таким призывал он меня к себе. Более всего подозревал я, что не по масонским ли делам то было?

Принадлежал он, как то известно было мне, к сему ордену. И как он не однажды меня и в Кенигсберге еще ко вступлению в оный уговаривать старался, но я, имея как-то во всю жизнь мою отвращение как от сего ордена, так от всех других подобных тайных связей и обществ, не соглашался к тому никак; то приходило мне в мысль, не хотел ли он и тогда заманить меня в оный и не затем ли призывал меня с таким усилием, но истинной причины никак мне и в голову не приходило.

Совсем тем, как тогдашнее время было очень шатко и самое критическое, то не имел я охоты вхо-

дить ни в какие сплетни, а особливо при тогдашнем моем философическом расположении мыслей, и потому, подумав гораздо и сказав сам себе:

— Уж ехать ли мне к нему и не погодить ли по крайней мере еще? Решился, наконец, к сему последнему, а чрез самое сие все это происшествие тем и кончилось. Г. Орлов более сего уже мне не скучал и меня не видал, а я также, чем далее, тем меньше охоты имел к нему ехать и скоро совсем о том и думать перестал.

Но после как по вступлении на престол императрицы Екатерины открылось, что такое был Орлов и что он тогда делал и предпринимал, то легко я мог в помянутом его усиленном домогательстве к заманению меня к себе усмотреть истинную причину и не мог уже нимало сумневаться в том, что ему хотелось вплесть меня в тогдашний свой комплот и преклонить вступить вместе с тем в заговор тогдашний и хотелось, может быть, потому наиболее, что я был у Корфа адъютантом, а сей находился в милости у государя, и они, может быть, ласкались надеждою узнавать от меня о многом, до государя относящемся.

Но, как бы то ни было, но я крайне поразился изумлением, услышав о революции и обо всем, во время оной и после происходившем. Однако не думайте, любезный приятель, чтоб я терзался при том сожалением и тужением о том, что упустил четверократный призыв себя к тому же, может быть, счастью, каким воспользовались тогда все сообщники гг. Орловых и бывшие с ними в заговоре, и досадою на самого себя, для чего не послушался я г. Орлова

и не ездил тогда к нему, к чему натурально, если б только похотел, то мог бы найтить свободное время. Нет, нет, любезный приятель, сие всего меньше меня беспокоило; а я как тогда, так и после и даже и поныне, всегда, когда ни вспомню тогдашнее время и все помянутое с г. Орловым происшествие, как нахожу во всем оном нечто таинственное и примечаю почти явные следы действия пекущегося тогда о истинном благе моего промысла Господня, старавшегося как чрез все вышеупомянутое, власно как нарочно случившееся мне препятствия и невозможности к езде к г. Орлову, так и последующим потом удивительным почти нехотением моим, или паче никаким и власно как по неволе удержанием меня от того, спасти и предохранить меня, когда не от совершенного бедствия и несчастия, которое могло всего легче воспоследовать, так по меньшей мере от наимучительнейшего состояния.

Ибо, судя по тогдашнему моему расположению мыслей и прямо по философическим правилам жизни, к каким я прилепился столь крепко еще в Кенигсберге, за верное полагаю, что я никак бы ни под каким видом не согласился на предложение г. Орлова, если б я к нему тогда и поехал и от него оное услышал, но что оное поразило бы меня как громовым ударом, смутило бы весь мой дух и повергло бы меня в наимучительнейшее состояние. Ибо, как, с одной стороны, вся душа моя была тогда всего меньше заражена честолюбием и любостяжательством и всего меньше обожала знатные и высокие достоинствы, а жаждала единственно только мирной, сельской, спокойной и уединенной жизни,

в которой бы мог я заниматься науками и утешаться приятностями оных; а с другой стороны, дело сие и тогдашнее предприятие г. Орлова было такого рода, которого счастливый и отменно удачный успех не мог еще быть никак предвидим и считаться достоверным, то, напротив того, все сие отважное предприятие сопряжено было с явною и наивеличайшею опасностью, и всякому, восприимающему в заговоре том соучастие, надлежало тогда, власно как на карту, становить не только все свое благоденствие, но и жизнь самую, и подвергаться самопроизвольно всем величайшим бедствиям в свете; то подумал ли бы и восхотел ли б я тогда для недостоверного получения таких выгод, которые почитал я тогда сущими ничтожностьми и единою мечтою, самопроизвольно несть голову свою на плаху и подвергнуть себя без всякой нужды наивеличайшей опасности в жизни и пожертвовать тому всем спокойствием и благоденствием в жизни?

Нет! нет! Никогда бы и никак я на то не согласился, и как бы г. Орлов не стал меня уговаривать, но я верно бы его не послушался. А как бы скоро сие случилось, то подумайте, не подверг ли б я себя и самым сим превеликой опасности? Не вооружил ли б я всю их шайку на себя злобою? Не произвел ли б во всех их опасение, чтоб я не донес на них государю и не подверг их всех опасности величайшей, и не могли-ль бы они, для обеспечения себя от меня, предпринять против самого меня еще чего-нибудь злого и даже восхотеть сбыть меня с рук и с света? Да хотя б и того не было, как не мог ли б я и после, как не хотевший быть с ними заодно,

претерпеть какого-нибудь за то бедствия и опасности? А оставляя и все сие, не могло ль бы единое узнание такого страшного дела, при всем нехотении вступить в такой опасный заговор, подвергнуть меня в наимучительнейшую нерешимость, крайнее сумнительство и недоумение, что мне тогда делать, и молчать ли о том или донести где надлежало? Оба сии случаи были б для меня страшны и могли б дух мой поражать неописанным страхом и ужасом; ибо и самое молчание не сопряжено ль уже было с явною опасностию и ожиданием непременного себе бедствия, в случае если б заговор открылся и вкупе узнано было, что и я о том знал и ведал? Не стал ли б тогда меня самый долг присяги побуждать открыть столь страшный заговор самому государю? Но отважился ли бы я и на сие предприятие? А все сие не стало ль бы меня ежеминутно терзать и мучить?

Итак, другого не заключаю, что благодетельствующий мне промысл Всемогущего, положивший доставить мне и без того такую жизнь, какую только желало мое сердце, и одарить меня истинным, а не ложным благополучием жизни, восхотел меня всем тем спасти и не только от величайших бедствий и опасностей, но оказать мне и самым тем наивеличайшее благодеяние в жизни.

Но я удалился уже от моего повествования и письмо мое так увеличилось, что мне пора его кончить и сказать вам, что я есмь, и прочее.

ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ С ПРУССИЕЙ

ПИСЬМО 96-е

Любезный приятель! Между тем государь, будучи в совершенной беспечности, продолжал провождать время свое по-прежнему, в ежедневных опоражниваниях бутылок с аглинским своим любимым пивом, в частых у себя, а особливо по вечерам, пирушках с любимцами своими и фавориткой, в удостоивании первейших вельмож своих посещениями, в экзерцировании и превращении на иной лад любезного своего кадетского корпуса и войск, как бывших тогда в Петербурге, так и вновь пришедших. А между тем при помощи любимцев своих занимался и разными политическими делами, также и относящимся до правления.

. . . .

. . . .

. . . Что касается до войны нашей с пруссаками, то, по пресечении военных действий, с самого вступления государева на престол, переговоры о мире начало свое восприяли и продолжались при содействии самого государя с такой ревностью, что 24-е апреля был наконец тот день, в который несчастная сия и толь много крови и убытков нам стоющая война, получила действительное свое окончание и в кото-

рый заключен были между нами и пруссаками так называемый вечный мир и самим государем подписан. А 30-го числа того ж месяца был он и всему собранному ко двору генералитету и другим знатнейшим особам чрез великого канцлера, графа Воронцова, объявлен. И государь принимал от всех поздравления с оным, и дал потом превеликий обед, радуясь оному, как бы великой находке, и при продолжении стола, при беспрестанной пальбе из пушек пил за здоровье короля прусского к крайней досаде и огорчению всех истинных сынов отечества. После сего обнародован был сей мир во всем городе, и 10-е число мая назначено для всеобщего мирного торжества.

Торжество сие последовало действительно помянутого числа и было в своем роде хотя самое пышное и великолепное, но для всех россиян не весьма приятное.

Собрание во дворце всех знатных господ и генералитета было многочисленное, а стечение народа, для смотрения приготовленного к сему случаю огромного и прекрасного фейерверка, было несметное.

Для обеда и бала после оного приготовлен и с великой поспешностью отделан был большой зал во дворце, в том фасаде оного, который был под окнами на Неву-реку. И государь, опорожнив, может быть, во время стола излишнюю рюмку вина и в энтузиазме своем к королю прусскому дошел даже до такого забвения самого себя, что публично, при всем великом множестве придворных и других знатных особ и при всех иностранных министрах, стал пред портретом короля прусского на колени и, воз-

давая оному непомерное уже почтение, назвал его своим государем; происшествие, покрывшее всех присутствующих при том стыдом неизъяснимым и сделавшееся столь громким, что молва о том на другой же день разнеслась по всему Петербургу и произвела в сердцах всех россиян и во всем народе крайне неприятное впечатление. Совсем тем самому мне происшествия сего не случилось видеть и помянутых слов, произведших потом страшные действия, слышать своими ушами, а говорили только тогда все о том.

Нехотение пробыть сей день без обеда и весь оный промучиться в тесноте и в крайней скуке между множеством нашей братии в передних дворцовых комнатах, а напротив того, крайнее любопытство и желание видеть на свободе сожжение фейерверка и оным досыта налюбоваться, побудило меня употребить в сей день небольшую и позволительную хитрость и под предлогом недомогания отделаться в сей день от езды за генералом и остаться дома. Итак, пообедав в свое время и одевшись попростее, пошел я заблаговременно ко дворцу, и, выбрав себе наилучшее и способнейшее для смотрения фейерверка место, стал спокойно зажжения оного дожидаться. И хотя был тогда принужден ждать того несколько часов и не без скуки, однако заплачен был с лихвою за то неописанным удовольствием при смотрении сего наипрекраснейшего зрелища, продолжавшегося несколько часов сряду и достойного по всем отношениям всякого внимания от любопытного человека.

Был он самый огромный и стоющий много тысяч. Главнейшие его фитильные щиты воздвигнуты были

на берегу Васильевского острова против дворца и окон самой оной залы, где отправлялось тогда торжество. Впереди, против сих щитов, поделаны были другие движущиеся колоссальные фигуры, изображающие Пруссию и Россию, которые будучи сдвигаемы по склизам* и загоревшись, сходились издалека вместе и, схватившись над жертвенником руками, означали примирение. Не успело сего произойтить, как произросло вдруг на сем месте пальмовое дерево, горевшее наипрекраснейшим зеленым и таким огнем, какого я никогда до того не видывал. А вслед за сим, выросли тут же и многие другие такие же деревья и составили власно как амфитеатр крутом сего места. Уже и одно сие зрелище было таково, что я не мог им довольно налюбоваться; но сколь удовольствие мое увеличилось, когда вслед за сим вспыхнул и загорелся вдруг большой щит и когда, по прошествии первого дыма, представился зрению моему огромный и великолепный Янусов храм с галереями по обоим сторонам и двумя портиками или присенками, горящий разными и прекрасными фитильными огнями. Не видав никогда еще в таком совершенстве сделанный фитильный щит, не мог я зрелищем сим насытить тогда довольно глаз своих. А неменьшим удовольствием наполнялось сердце мое при последующих потом и более часу сряду продолжавшихся верховых и низменных огнях и много различных фигур, составляющихся из оных. Какое множество горело тут разного рода наипрекрасней-

---

* От скользить, скользский, склизкий.

ших колес огненных и фонтанов и других тому подобных штук! Какое множество выпущено было верховых ракет и луст-кугелей! Какое множество бураков с швермерами и звездами и какое множество разных водяных фигур, горевших на Неве перед дворцом самым и производивших разные звуки и шумы. Зрелища сии были так разнообразны и хороши, что я истинно едва успевал следовать очами своими за всеми сими и на большую часть новыми и невиданными для меня предметами, и удовольствие мое было превеликое.

Наконец, не менее увеселяли меня и другие щиты, построенные на больших ладьях, приводимые по воде и устанавливаемые против дворца на место сгоревших. Один из них был прорезной и составленный из искр несметного множества швермеров и колес, горевших позади его, а другой — из так называемых свечек и белого огня, и обе сделанные очень хорошо и горевшие весьма удачно.

Словом, фейерверк сей был огромный и такой, какие бывают редки, и стечение смотревшего народа было чрезвычайно великое. Все берега Невы и все ближние места были унизаны людьми, а не осталась и сама река праздною, но усеяна была множеством суденышков, наполненных зрителями. По счастию, погода случилась тогда самая тихая и наиприятнейшая вешняя, только жаль было, что вечер тогда случился светловат и не так было темно, как для фейерверка было надобно. Впрочем, зрелище сие продолжалось нарочито долго, и мы не прежде разошлись, как уже около полуночи.

Сим образом, кончилось мирное торжество в тот

первый день. Но государю угодно было, чтоб оно некоторым образом продолжалось и в последующий день. Но как в оный выставлены были только для подлого народа быки* и вино, то о сем, как не заслуживающем дальнего внимания деле, я и не упоминаю; а вспомнив, что письмо мое достигло обыкновенных своих пределов, решился на сем месте остановиться и предоставить дальнейшее повествование письму будущему, сказав вам, что я есмь, и прочее.

---

* Быки — закуска, постное блюдо: толокно с постным маслом.

НАРОДНЫЙ РОПОТ

ПИСЬМО 97-е

Любезный приятель! Как государь ни старался сделать мирное свое торжество для всех подданных своих приятнейшим и самою пышностию оного ослепить народ подлый, однако сделанное им чрез помянутую крайне неосторожную поступку и ни с чем не сообразное уничижение себя пред портретом короля прусского, неприятное и глубокое впечатление осталось в сердцах подданных его неизгладимым и не только не уменьшило, но бесконечно еще увеличило всеобщее на него негодование. Все, до которых только доходил о том слух, были поступкою сею крайне недовольны, а как присовокупилось к тому и то, что тогда всему народу сделалось уже известно, что примирились мы с пруссаками ни на чем и он при заключении мира сего не удержал себе ни малейшей частички из завоеванных земель, а положено было не только Померанию, но и все королевство прусское отдать обратно, которого всем россиянам было крайне жаль и о котором некоторым известно было, что король, находясь в последней своей крайней нужде, намерен был уже и сам уступить его нам навеки, если б мог только купить через то одно себе — мир. А тогда не только получил его, так сказать, безданно, беспошлинно, но,

сверх того, и ту, совсем неожидаемую им и неописанно полезную для него выгоду, что государь наш из единой любви и непомерного к нему почтения, отстав от прежних всех союзников наших, с которыми вместе толико лет проливали мы кровь свою, за которых потеряли толь многие тысячи наилучших своих воинов и пожертвовали толь многими миллионами наших денег и истощили тем даже все государство наше, и не только отстал, но расположился еще и помогать против их королю прусскому всеми своими силами и возможностьми, и что для учинения тому начала велел уже бывшему при цесарской армии Чернышевскому корпусу примкнуть к прусской армии и вместе с пруссаками воевать против прежних наших союзников цесарцев. А рассеявшаяся о том в народе повсеместная молва прибавляла еще, что будто бы государь помянутый наш в двадцати тысячах человек состоящий Чернышевский корпус даже подарил совсем и навсегда королю прусскому; а со всем тем о возвращении прочей армии в Россию никто еще не говорил ни слова, а напротив того начинала рассеиваться молва, что государь, всем тем еще не удовольствуясь, затевал еще за Голштинию свою какую-то новую войну против Датского королевства и что готовился уже флот наш к отплытию в море, а армии нашей велено было иттить опять в поход и пробираться через Померанию в Мекленбург, и что некоторая оной часть, под предводительством графа Румянцева, туда уже выступила; и что у государя не то было на уме, чтоб через помянутое примирение с королем прусским доставить государству своему мир, тишину, спокойствие и отдохновение, но он вознаме-

рился через предпринимание без всякой нужды новой, отдаленной и совсем бесполезной для нас войны повергнуть все государство свое вновь в бездну многоразличных зол и отягощений и войны сей так жаждал, что вознамеривался даже сам в поход с армией своею отправиться и, самолично командуя оной, и королю прусскому помогать, и с новыми неприятелями драться. То все сие не только огорчало и смущало умы всех россиян, но и сердца их раздражало против его до бесконечности и так, что никто не мог взирать на него с спокойным духом и не чувствуя в душе и сердце своем досады и крайнего негодования и неудовольствия на него.

А все сие и произвело то последствие, что не успело помянутое мирное торжество окончиться, как бывший до того, но все еще сносный и сокровенный народный ропот увеличился тогда вдруг скорыми шагами и дошел до того, что сделался почти совершенно явным и публичным. Все не шептали уже, а говорили о том въявь и ничего не опасаясь, и выводили из всего вышеописанного такие следствия, которые всякого устрашить и в крайнее сумнение о благоденствии всего государства повергать в состояние были.

Теперь посудите, каково ж было тогда нам, находившимся при полицейском генерале и о увеличивающемся с каждым днем помянутом всенародном ропоте, огорчении и неудовольствии получающим ежедневные уведомления? Не долженствовало ль нам тогда наверное полагать, что таковой необыкновенный ропот произведет страшное действие и что неминуемо произойдет какой-нибудь бунт или всена-

родный мятеж и возмущение? Ах! любезный приятель, мы того с каждым почти часом и ожидали, и я не могу вам изобразить, каково было для нас сие критическое время и сколь много смущались сердца наши от того ежедневно.

Но никто, я думаю, так много всем тем не смущался, как я. Известное уже вам тогдашнее расположение моего духа и мыслей делало меня ко всему тому еще чувствительнейшим. Я воображал себе все могущие при таком случае быть опасности и бедствия, тужил тысячу раз, что находился тогда при такой должности и жил при таком генерале, который, в случае мятежа или возмущения, всего легче мог и сам погибнуть, и нас с собою погубить; желал быть тогда за тысячу верст от него в отдалении; помышлял уже несколько раз о том, что воспользуюсь дарованною всему дворянству вольностью, просить в отставку и требовать себя абшида*, но и досадовал вкупе и досадовал неведомо как, что тогда собственно учинить того было не можно и что необходимо долженствовало дожидаться наперед месяца сентября, с которого дозволено только было проситься в отставку. Сие обстоятельство паче всего меня огорчало, и я истинно не знаю, что бы со мною было и до чего б я дошел, если б при всех сих — крайне смутных обстоятельствах — не подкрепляло меня мое твердое упование на моего Бога и сделанное единожды навсегда препоручение себя в его Святую во-

---

*Немецкое — отставка; здесь, в смысле послужного списка, аттестата.

лю не ободряло весь мой дух и не успокаивало сердце. Я надеялся, что святой его и пекущийся о благе моем промысл верно не оставит меня и при сем случае и произведет то, что за лучшее и полезнейшее для меня признает. И, ах! Я не постыдился и в сей раз в сем уповании моем на моего творца и Бога!

Он и действительно не оставил меня и произвел то, чего я всего меньше мог тогда ожидать и думать! Словом, Святой воле его угодно было расположить тогда так обстоятельствы, что я вдруг и против всякого чаяния и ожидания сперва власно как некоею невидимою силою оторван был от моего генерала, наводившего собою на нас толь великое опасение, а вскоре потом ни думано, ни гадано получил то, чего только жаждала вся душа моя и вожделело сердце. И как происшествие сие принадлежит к достопамятнейшим в моей жизни и имело великое влияние на весь остаток оной, то и опишу я оное вам в подробности.

Случилось это в один день и, что удивительнее, в самый таковой, в который мы по дошедшим до нас чрез полицейских служителей новым слухам о увеличившемся ропоте и недовольствии народном в особливости были растревожены, и о том, собравшись перед самым обедом в кучку, между собою судачили, воздыхали и говорили, как вдруг без памяти прискакал к генералу нашему один из государевых ординарцев и, пробежав мимо нас к генералу в кабинет, ему сказал, чтоб он в ту же минуту ехал к государю и что государь на него в гневе. Не могу изобразить, как нас всех необыкновенное сие явление поразило и удивило. Что ж касается до генерала, который только что взъехал тогда во двор, возвра-

тившись из обыкновенных своих всякий день путешествиев и расположившись на сей день обедать дома, хотел было только скидывать с себя кавалерию и раздеваться; то он, побледнев и посмертнев от сей неожидаемой вести, только что кричал: «Карету! Скорей карету!» и бежал в нее садиться опять, и как оная была еще не отпряжена и ее вмиг опять подвезли, то, подхватя с собой товарища моего, князя Урусова и полицейского ординарца, которые одни в тот день с ним ездили, полетел от нас как молния туда, где государь тогда находился, и с такою поспешностию, что едва успел нам сказать, чтоб мы погодили обедать, покуда он либо сам приедет, либо пришлет карету обратно.

Оставшись после его, не знали мы, что думать и гадать о сем происшествии, и прежнее наше судаченье сделалось еще больше и важнее.

— Уж не произошло ли чего особливого? — говорили мы между собой. — Уж не сделалось ли где мятежа или возмущения какого? Ныне того и смотри, и гляди!

О государе всем нам известно было, что он в то утро поехал за город смотреть пришедший только накануне того дня к Петербургу прежний свой и любимый кирасирский полк.

— Уж не произошло ли там чего-нибудь не дарового? — продолжали мы говорить. — Или не увидел ли он чего во время езды своей туда?.. И, ахти!.. Беда будет тогда генералу нашему!.. На первого он оборвется на него и первому скажет, для чего он, будучи полицеймейстером, не глядит, не смотрит...

Далее думали мы и говорили мы:

— Уж не узнал ли каким-нибудь образом государь, что генерал наш тайком и часто ездит к государыне и просиживает у ней по нескольку часов сряду, и не за то ли он на него разгневался?..

Сим и подобным сему образом догадывались и говорили мы между собою, дожидаясь возвращения генеральского, и сгорали крайним любопытством, желая узнать истинную причину, которая, однако, при всех наших думаньях и догадках никому из нас и на мысль не приходила. А потому и судите, сколь великому надлежало быть нашему изумлению, и сколь сильно поражены были мы все, когда, вместо генерала, прискакал к нам один товарищ мой, князь Урусов и, вбежав к нам в зал, его любопытством встречающим, учинил нам пренизкий поклон и сказал:

— Ну, братцы! поздравляю вас всех!

— С чем таким? — подхватили мы и воспылали еще множайшим любопытством слышать дальнейшее.

— А вот с тем, государи мои, — продолжал он, — что всякий из нас изволь-ка готовиться в путь!

— Куда это? — спросили мы в несколько голосов и перетревожились уже от одного слова сего.

— Куда? — подхватил он. — Ни меньше ни больше как в заграничную армию!

— Что ты говоришь? — спросили мы, крайне смутившись. — Неужели генерала посылают в армию?

— Какое тебе генерал? — отвечал он. — Генерал как генерал остается там же, где был, и поехал теперь с государем обедать, а изволь-ка все мы за границу!

— Как это? — подхватили мы, еще больше изумившись. — Нам то, зачем же таким в армию?

— Как зачем? — сказал он. — Затем, чтоб слу-

жить, иттить с нею в поход и воевать против неприятеля. Словом, было б вам всем, государи мои, известно и ведомо, что мы уже теперь не находимся в штате у генерала; а всех нас у него отняли, велено отправить нас в армию и распределить по полкам опять.

Слова сии поразили нас всех как громовым ударом. Мы оцепенели, даже и не в состоянии были долго выговорить ни единого слова. Но вдруг потом приударились в разные голоса спрашивать и говорить. Иной, не веря всему тому, говорил, что он шутит; другой считал это пустяками; третий крестился и говорил:

— Господи, помилуй! Как это можно!

Но те, которые не находили в том шутки, приступали к князю и просили его, чтоб он не томил их больше и сказал им: подлинно ли все то правда, и буде он не шутит, то каким же образом и как это так сделалось и от кого произошла такая неожидаемость?

И тогда князь, побожившись, что он нимало не шутит и что то не только точная правда, но он слышал и знает, от кого и произошло все сие.

— Словом, — продолжал он, оборотясь к стоящему с ним рядом нашему обер-квартермистру Лангу, — говорить, причиною тому не кто иной, как вы, и по милости вашей вышла на нас всех теперь такая невзгода и беда!

— От меня? — с удивлением спросил Ланг.

— Точно так, и от вас одних все это загорелось; а вот я вам и расскажу все дело. Вы ведь были прежде сего в кирасирском государевом полку и из оного к нам взяты?

— Был! — сказал на сие Ланг. — Ну, так что ж?

— А вот что, — отвечал князь. — Как государю все офицеры сего полку, а в том числе и вы, были коротко известны, то сегодня, приехавши смотреть свой полк, не находит он вас и спрашивает, где б вы были и для чего вас нет во фрунте. Ему отвечают, что вас давно уже нет в полку и что вы взяты генералом нашим к нему в обер-квартермистры. Государь не успел сего услышать, как и вспылил, и прогневался ужасным образом на нашего генерала. «Как это смел, — кричал он в гневе, — взять его Корф из полку моего, как мог отважиться сделать то и оторвать от полку лучшего офицера и без моей воли и приказания? Да на что ему обер-квартермистр? Армией ли он командует? В походе что ли был? Ба! ба! ба! Да на что ему и штат-то весь?» Никто не посмел сказать на сие государю ни одного слова, а он, час от часу все более гневаясь, велел в тот же миг скакать ординарцу за генералом нашим, а сам тотчас между тем дал именное повеление, чтоб у всех генералов, кои не командуют действительно войсками и не в армии, штатам впредь не быть и у всех таковых чтоб оные отнять и, отослав в армию, распределить по полкам. — Вот, государи мои! — продолжал князь, — как началось, произошло и кончилось это дело. Генерал наш, прискакав, хотя и оправдался перед государем тем, что по прежним распорядкам имел он право требовать кого хотел, сделанного переменить не только уже не мог, но не посмел и заикнуться о том, а доволен был, что государев гнев на него поутих и что получил он приказание ехать с ним обедать к принцу Жоржу, а с сим известием и прислал он меня к вам, государи мои!..

Теперь не могу я никак изобразить, с каким любопытством мы все сие слушали и в каковых разных душевных движениях были мы все при окончании сей повести, а при услышании о сей ужасной и всего меньше ожидаемой с нами перемене. Мы задумались, повесили все головы и не знали, что думать и говорить. Никому из нас не хотелось ехать в армию и к тому ж еще и заграничную, а особливо при тогдашних обстоятельствах, когда известно нам уже было, что начиналась новая война против датчан.

Но никому не было известие сие так поразительно, как мне, едва только из-за границы приехавшему и в отечество свое возвратившемуся.

— Ах, батюшки мои!.. — говорил я. — Ну-ка, велят распределить еще по самым тем полкам, где кто до сего распределения сюда был?.. Что тогда со мною будет? Полк-то наш в Чернышевском корпусе и находится теперь при прусской армии! И ну-ка то правда, что говорят, будто он вовсе отдан и подарен королю прусскому? Погиб я тогда совсем, и не видать уже мне будет отечества своего навеки. О, Боже всемогущий, что тогда со мною будет?

. . . .

. . . .

Но как письмо мое достигло до своих пределов, то дозвольте мне, любезный приятель, на сем месте остановиться и, предоставляя дальнейшее повествование письму будущего, сие окончить уверением, что я есмь, и прочая.

ОТСТАВКА

ПИСЬМО 98-е

Любезный приятель![*]. . . . .
. . . .
. . . . 24 мая назначен был для нас всех, просившихся тогда в отставку, смотр, и мы должны были поодиночке входить в присутственную комнату и показывать себя господам членам. Смотр сей для некоторых из означенных к оному был и неблагоприятен. Они выходили из судейской с огорченными и печальными лицами и сказывали, что им было для разных причин отказано. Я трепетал тогда духом, боясь, чтоб не последовало того же и со мною, и минута, в которую предстал я пред господ решителей своего жребия, была для меня самая тяжкая: я стоял ни жив ни мертв, когда они меня осматривали с головы до ног и бывший первым членом генерал-поручик Караулов стал говорить другим, что мне в отставку было бы еще рано и я слишком еще молод.

Вся кровь во мне взволновалась при услышании сего слова, а сердце затрепетало так, что хотело вы-

---

[*] Болотов должен был возвратиться в армию. При содействии друга своего отца, Яковлева, Болотов, однако, хлопочет об отставке.

скочить из груди моей; но, по счастию, г. Яковлев недолго дал мне страдать в сем мучительном состоянии. Он, обратясь к г. Караулову, сказал:

— Он ведь просится на свое пропитание, так для чего ж не отпустить нам его?

И не дожидавшись его ответа, а обратясь ко мне, спешил громко произнесть то важное и толико ободрившее и обрадовавшее меня слово:

— С Богом! С Богом, когда на свое пропитание!

А как то же повторил уже и господин Караулов, то я, сделав им пренизкий поклон, вышел из судейской, сам себя почти не вспомнив от радости и удовольствия. Ибо минута сия была решительная, и я мог уже считать себя с самой оной отставленным и от всей службы освобожденным вольным человеком.

Не могу изобразить, с каким удовольствием шел я тогда на свою квартиру и как обрадовал известием о том людей своих. И поелику я тогда почитал отставку свою достоверною и надеялся вскоре получить и свой абшид, то начали мы с самого того дня собираться к отъезду из Петербурга в деревню и запасаться всем нужным к такому дальнему путешествию. Я тотчас поручил приискивать мне скорее купить лошадей, ибо прежние были распроданы, и люди мои так тем спроворили, что достали мне на третий же день после того купить прекрасную и добрую пару серых лошадей, а как третья у меня уже была, то в короткое время и готовы мы были уже к отъезду. Со всем тем, дело мое в военной коллегии по разным обстоятельствам продлилось долее, нежели как я думал и ожидал, и даже до самого 14-го июня месяца.

Во все сие время не оставлял я всякий день ходить в военную коллегию и горел как на огне, желая получить скорее свой абшид. Пуще всего тревожило меня то, что обстоятельствы в сие время в Петербурге становились час от часу сумнительнейшими. Ибо как государь около сего времени со всем своим двором отбыл из Петербурга на летнее жилище в любезный свой Ораниенбаум, то по отъезде его народный ропот и неудовольствие так увеличились, что мы всякий день того и смотрели, что произойдет что-нибудь важное, и я трепетал духом и боялся, чтоб таковой случай не остановил моего дела и не захватил меня еще неотставленным совершенно и чтоб не мог еще совсем оного разрушить.

Наконец настало помянутое 14-е число июня, день, наидостопамятнейший в моей жизни; и я получил свой с толиким вожделением желаемый абшид. В оном переименован я был из флигель-адъютантов армейским капитаном; ибо как я в чине сем не выслужил еще года, то сколько ни хотелось господину Яковлеву дать мне при отставке чин майорский, но учинить того никак было не можно; но я всего меньше гнался уже за оным, а желал только того, чтоб меня скорее отставили и отпустили на свободу.

Таким образом кончилась в сей день вся моя 14 лет продолжавшаяся военная служба, и я, получив абшид, сделался свободным и вольным навсегда человеком.

Не могу изобразить, как приятны были мне делаемые мне с переменою состояния моего поздрав-

ления и с каким удовольствием шел я тогда из коллегии на квартиру.

. . . .
. . . .

После сего не стал я уже ни минуты долее медлить в Петербурге; но уклавшись, велел скорей запрягать лошадей и, пролив слезы две, три при прощаньи с моим другом г. Балабиным, поскакал неоглядкою из сего столичного города, оставив его и все в нем в наисмутнейшем состоянии, и будучи неведомо как рад, что уплелся из него целым и невредимым. И как самым сим кончилась и вся моя петербургская служба и в сей столице пребывание, то окончу сим и теперешнее письмо свое, сказав, что я есмь, и прочее.

РЕВОЛЮЦИЯ 1762 ГОДА

ПИСЬМО 99-е

Любезный приятель! Продолжая теперь повествование мое далее, скажу вам, что не успели мы, выбравшись за заставу, от Петербурга несколько отъехать, как сделавшееся в повозке моей небольшое повреждение принудило нас на несколько минут остановиться, и как случилось сие в таком месте, откуда можно было нам еще сей город видеть, то, воспользуясь сею остановкою, восхотел я посмотреть еще на него в последний раз и посмотреть не одними телесными, но вкупе и умственными, душевными очами. Итак, покуда кибитку поправляли, вышел я из оной и, присев на случившийся тут небольшой бугорок и смотря на город сей, углубился в разные об нем размышления. Я вспоминал, с какими чувствиями я в него въезжал за три месяца до того, пробегал в мыслях своих все мною виденное в нем в течение сего времени и все случившееся в нем со мною, и наконец, вообразив все критическое и смутное положение, в котором я его оставил, сам себе говорил:

— Ах! Что-то произойдет в тебе, милый и любезный город? Не обагришься ли ты вскоре кровью граждан твоих и не текли бы целые потоки оной по

твоим стогнам и мостовым! Обстоятельства очень дурны, в каких я покинул тебя! Наготове все к превеликому в тебе возмущению. Дай Бог, чтоб не произошло бунта, подобного стрелецкому!.. Слава Богу, что я уплелся из тебя благовременно и что не увижу всех зол, которые готовятся, может быть, поразить тебя. Счастлив ты будешь, если произойдет в тебе что-нибудь не столь опасное и бедственное, и ты отделаешься без междуусобной брани от того. Но я-то, я-то! Зачем таким приведен был в недра твои?.. Не получил я в тебе в сей раз ни малейшей себе пользы, кроме того, что отставлен от службы; но сие не мог ли б я при нынешних обстоятельствах и не будучи в тебе и везде получить?.. Со всем тем, верно не без причины же приведен я был в тебя судьбою моею?... И ах! не для того ли сие было, чтоб, во-первых: избавить меня через то от езды из Кенигсберга к полку моему, бывшему тогда в землях цесарских, а ныне находящемуся в прусских владениях, в корпусе графа Чернышева, куда б по разрушении нашего правления королевством прусским, должен был неминуемо ехать и ныне вместе с пруссаками воевать против цесарцев и там подвергаться таким же военным опасностям, каким подвергаются другие офицеры полку нашего. И благодетельная судьба не хотела ли меня спасти и освободить от оных! Во-вторых: чтоб я, находясь в тебе, имел случай видеть большой свет, видеть двор и все происходящее в нем, насмотреться жизни знатных и больших бояр, насмотреться до того, чтоб получить к ней и ко всему виденному омерзение совершенное. Сего только мне недоставало еще, и сие, может быть, и надобно было

еще к тому, чтоб я не мог впредь и ею никогда прельщаться и тем спокойнее и счастливее жить в деревне, куда теперь ведет меня судьба моя!.. И ах! ежели это так, то сколь обязан я за то пекущемуся о пользе моей промыслу Господню? Сколь много должен я благодарить его за то! А что оный имел и здесь попечение обо мне, это доказал мне ясно последний случай и почти очевидное вспоможение, оказанное им мне при отставке моей. Вообще, мог ли я при отъезде моем из Кенигсберга думать и помышлять, чтоб я в такое короткое время мог так много увидеть, так многое узнать и так скоро получить то, чего желало всего более мое сердце? Не очевидное ли в том во всем было распоряжение судеб и промысла обо мне Господня?.. Мог ли я даже за месяц до сего думать и помышлять, чтоб я теперь уже был совершенно на свободе и так скоро находиться буду в путешествии и куда же? На свою родину и в деревню, которую за полгода до сего никогда и видеть не надеялся?.. Ах! все это действовала невидимая рука Господня, и не обязан ли я ему за то бесконечною благодарностью.

Сим и подобным сему образом говорил я сам с собою до тех пор, покуда продолжалась поправка, и меня стали звать садиться в повозку. Тогда, взглянув в последний раз на Петербург и сказав:

— Прости, любезный град! Велит ли Бог мне когда опять тебя видеть? — сел в свою кибитку и, поскакав, старался и в самый еще тот же день отъехать колико можно далее. Однако, как мы ни спешили, но не прежде могли доехать до Новагорода, как 25-го числа июня. Тут сделался вопрос: куда

мне ехать и прямо ли продолжать свой путь в Москву, или повернуть направо во Псков и заехать к старшей сестре моей и ее мужу, г. Неклюдову. Многие причины убеждали меня к сему последнему. Уже миновало тому более шести лет, как я расстался с сею сестрою моею, и Богу известно, когда б удалось мне ее видеть опять, если б не решился я тогда к ней заехать.

Отдаленность жилища ее от моих деревень не могла подавать мне никакой надежды к скорому с нею свиданию, к тому ж влекла меня к ней и маленькая моя библиотечка. Вся она, будучи из Кенигсберга морем в Петербург, а оттуда к ней привезена, находилась у ней в доме, и мне хотелось привезть ее с собою в свою деревенскую хижину; а не менее и самая любовь, которую с самого младенчества имел я к сестре своей, к тому ж меня преклоняла. А все сие и убедило меня велеть поворачивать вправо и ехать по псковской дороге.

Как время было тогда почти наилучшее в году и погода случилась добрая и сухая, то ехать нам при спокойном и радостном сердце было не скучно и хорошо; и езда продолжалась с таким успехом, что мы 28-го июня доехали благополучно до Пскова, а 29-го числа и до жилища сестры моей, не имев в пути сем никаких приключений, кои стоили б того, чтоб упомянуть об оных.

Не успел я приблизиться к тем пределам, где жила сестра моя, и увидеть те места, которые мне с малолетства были знакомы и в которых я весь почти четырнадцатый год моей жизни препроводил так весело и хорошо, как по всей душе моей разлилась

некая неизобразимая радость, и я на все знакомые себе места смотрел с таким удовольствием, какое удобнее чувствовать, нежели описать можно. Я нашел в самом селении зятя моего уже превеликую перемену. Он жил хотя еще в прежнем своем доме, но у него построен был уже новый, несравненно перед тем огромнейший, и воздвигнут на высоком холме на поле по конец всего селения сего и стоящий несравненно на красивейшем перед прежним месте. Я увидел здание сие уже издалека и не узнал бы, если б не так коротко знакомы были мне все окрестности оного.

Зять мой и сестра находились тогда дома, как я приехал, и как они обо мне давно уже ничего не слыхали и, не зная даже и о петербургской моей службе, считали меня все еще в армии и в Кенигсберге, то, судите сами, сколь великой надлежало быть их радости, когда они вдруг увидели меня, вошедшего к себе в комнату. Сестра моя сама себя не вспомнила от чрезмерности оныя, а не менее рад был и я, ее увидев. Слезы радости и удовольствия текли только тогда из ее и из моих очей, и мы едва успевали отирать оные. А не менее рад был приезду моему и зять мой. Что ж касается до их сына, которого имели они только одного и которого, оставив ребенком, увидел я тогда уже довольно взрослым мальчиком, то он не знал, как лучше приласкаться ко мне и не отходил от меня ни пяди. Весь дом и все люди их, любившие меня издавна, сбежались от мала до велика; все хотели видеть меня, и я принужден был всем давать целовать руки свои. И, о как приятны были мне первые минуты сии. Сестра

не могла довольно наговориться со мною, а услышав, что я уже в отставке, не могла долго поверить, а потом довольно надивиться и нарадоваться тому. Словом, вечер сей был для всех нас радостный и один из наилучших в жизни моей.

Я расположился в сей раз пробыть у сестры моей не более недель двух или трех, дабы мне можно было до осени еще успеть доехать до своей деревни. Но не прошло еще и одной недели с приезда моего, как вдруг получаем мы то важное и всех нас до крайности поразившее известие, что произошла у нас в Петербурге известная революция, что государь свергнут был с престола и что взошла на оный супруга его, императрица Екатерина II*.

Не могу и поныне забыть того, как много удивились все тогда такой великой и неожидаемой перемене, как и была она всем поразительна и как многие всему тому обрадовались, а особливо те, которым характер бывшего императора был довольно известен и которые о добром характере нашей новой императрицы наслышались. Для меня все сие было уже не так удивительно, ибо я того некоторым образом уже и ожидал. И как я из Петербурга только что приехал, то и заметан был от всех о тамошних происшествиях вопросами, и я принужден был, как родным своим, так и приезжавшим к им соседям все, что знал и самолично видел, рассказывать. Но как и я о точных обстоятельствах сего великого происшествия столь же мало знал, как и они, ибо из

---

*См. примечание 1 после текста.

первого короткого о том манифеста ничего дельного нам усмотреть было не можно, то не менее и я был любопытен о всех подробностях узнать, как и они. Узнав же потом обо всем в подробность, радовались тому, что совершилось сие без всякой междуусобной брани и обагрения земли кровью человеческой.

Теперь не за излишее почел я известить вас, любезный приятель, хотя вкратце о помянутых подробностях сей великой революции, при которой хотя и не случилось мне быть самолично, но как наиглавнейшие обстоятельствы оной и бывшие при том происшествия сделались мне со временем знакомы, то и могу вам оные, как современник тому, пересказать и тем усовершенствовать сколько-нибудь историю о правлении, жизни и конце бывшего у нас императора Петра III.

Я уже упоминал вам, каким слабостям и невоздержанностям подвержен был сей внук Петра Великого и как своими крайне соблазнительными и неосторожными поступками возбудил он в народе на себя ропот и неудовольствие, а в высших и знатных господах совершенную к себе ненависть. Со всем тем и каково сие всенародное неудовольствие было ни велико, однако, казалось, что государю всего того вовсе было неизвестно. Он, окружен будучи льстецами и негодными людьми и не зная ничего или не хотя-таки и знать, что в народе происходило и в каком расположении были сердца оного, продолжал беззаботно по-прежнему упражняться всякий день в пированиях, забавах и всякого рода увеселениях и обыкновенном своем прилежном опоражнивании рюмок и стаканов. И дабы свободнее можно было

ему во всем том, в сообществе с любимцами и любовницею своею, Воронцовой, упражняться, переехал со всем своим придворным штатом в любимый свой Ораниенбаум, где и происходили у него ежедневно по дням муштрования своего голштинского маленького и только в 600 человек состоящего корпуса, но на который он всех больше надеялся, а по вечерам пирушки и всех родов забавы. А как приближался день его имянин и ему хотелось препроводить его как можно веселее, то и приглашены были туда из Петербурга многие знатные обоего пола особы, и по сему случаю было там великое собрание оных.

Между всеми сими веселостьми и забавами не оставлял он, однако, заниматься временно и политическими делами и затеями; но все они были как-то невпопад и не столько в пользу, сколько во вред ему служили и обращались. Привязанность его к помянутому дяде своему, голштинскому принцу Жоржу, была так велика, что он, не удовольствуясь тем, что осыпал его честьми и богатством и сделал штатгальтером и наместником своим во всей Голштинии, но восхотел еще, каким бы то образом ни было, доставить ему и Курляндское герцогство во владение, которым владел тогда принц Карл, сын Августа, короля польского. У сего принца намерен был государь, оное отняв, доставить сперва освобожденному из ссылки прежнему герцогу Бирону, а сего заставить потом поменяться на иные земли с принцем Жоржем.

Итак, сие намерение занимало его с одной стороны, а с другой, и всего более, занят был он затеваемою войною против датчан. На сих сердит он был

издавна и ненавидел их даже с младенчества своего, за овладение ими каким-то неправедным образом большею частию его Голштинии. Сию-то старинную обиду хотелось ему в сие время отмстить и возвратить из Голштинии все отнятое ими прежде, и по самому тому и деланы были уже с самого вступления его на престол к войне сей всякого рода приготовления. А как слухи до него дошли, что и датчане, предусматривая восходящую на них страшную бурю, также не спали, а равномерно не только делали сильные к войне приготовления, но и поспешили захватить войсками своими некоторые нужные и крайне ему надобные места; то сие так его разгорячило, что он, приказав иттить армией своей из Пруссии прямо туда, решился отправиться сам для предводительствования оною и назначил уже и самый день к своему отъезду, долженствующему воспоследовать вскоре после отпразднования его именин Петрова дня. Принца же Жоржа отправить в Голштинию наперед, который для собрания себя в сей путь и приехал уже из Ораниенбаума в Петербург, и по самому тому и случилось ему быть в сем городе, когда произошла известная революция.

Таковые его замыслы и предприятия были всем россиянам столь неприятны, что некоторые из бывших у него в доверенности и прямо ему усердствующих вельмож отговаривали ему, сколько могли, все сие оставить, а советовали лучше ехать в Москву и поспешить возложением на себя императорской короны, дабы через то удостоверить себя поболее в верности и преданности к себе своих подданных; также, чтоб он лучше первое время правления сво-

его употребил на узнание своего государства, нежели на путешествие в чужие земли и на занятие себя такими делами, в которых он еще не имел опытности. Но все таковые представления и предлагаемые ему примеры деда его, Петра Великого, были тщетны. Он не внимал никаким сим искренним советам, отвергал все оные, а последовал только внушениям своих льстецов и друзей ложных, старающихся слабостьми его всячески воспользоваться и толикий верх над ним уже восприявших, что он повиновался почти во всем хотениям оных.

У сих негодных людей наиглавнейшее попечение было о том, чтоб рассорить его с императрицею, его супругою, и привесть ее ему в ненависть совершенную, и не можно довольно изобразить, сколь много они в том успели. Они довели его до того, что он не только говорил об ней с явным презрением публично, но употреблял притом столь непристойные выражения, что никто не мог оных слышать без досады и огорчения. Словом, слабость его в сем случае до того простиралась, что запрещено было от него даже садовникам петергофским, где тогда сия государыня по его велению находилась, давать ей те садовые фрукты, о которых он знал, что она была до них великая охотница.

При таком расположении его духа и произведенной ненависти к его супруге, не трудно было им наговорить ему, что сплетается против него от нее с некоторыми приверженными к ней людьми умысел и заговор и что у ней на уме есть тотчас по отбытии его из государства уехать в Москву и там, при помощи их, велеть себя короновать и что она посягает

на самую жизнь его. И как государь всему тому поверил, то и стал думать только о том, чтоб супругу свою схватить и заключить на весь ее век в монастырь. Сие, может быть, он и произвел бы действительно, если б обыкновенная его неосторожность все его намерения, разрушив, не уничтожила. Так случилось, что накануне самого того дня, в который положено было им сие исполнить и в действо произвесть, ужинал он в доме у одного из своих первейших министров, где, по несчастию его, находились и некоторые из преданных императрице и такие люди, которым поручено было от нее наблюдать все его движения и замечать каждое его слово и деяние. Итак, при присутствии их надобно было ему проговориться и неосторожно выговорить некоторые слова, до помянутого намерения относящиеся. Не успел один из сих преданных императрице оных услышать и из них усмотреть намерения государя, как в тот же момент ускользает он из того дома и скачет в ту же ночь в Петергоф, где находилась тогда императрица и, ничего о том не зная, спала спокойно с одной только наперсницею своею. Всего удивительнее то, что наперсницею сею и вернейшею приятельницей ее была родная сестра любовницы государевой, Катерина Романовна Воронцова, бывшая замужем за князем Дашковым, и женщина отличных свойств и совсем не такого характера, какого была сестра ее*. Обеих их разбуждают и прискакавший уведомляет их, в какой опасности они находят-

---

*См. примечание 3 после текста.

ся. Императрице сделался тогда каждый час и каждая минута дорога. По случаю заарестования одного из числа приверженных к ней, подозревала она, что государь узнал как-нибудь о их заговоре; к тому ж и он сам дал ей знать, что желает он в следующий день вместе с нею обедать в Петергофе, а в самый сей день и намерен он был ею овладеть. Итак, государыне нельзя было терять ни минуты времени, и она должна была употреблять все, что только могла, и отваживаться на все для своего спасения; а потому минута сия и сделалась решительною, и она мужественно отважилась на то предприятие, которому все так много после удивлялись. Она в тот же миг выходит тайно из дворца петергофского, садится в простую коляску и господами Орловыми с величайшею поспешностью отвозится в Петербург. Она приезжает 28-го июня еще до восхождения солнца в Невский монастырь и посылает тотчас в гвардейские полки за знаменитейшими их и преданными ей начальниками оных. Сии рассеивают тотчас слух о том по всей гвардии и по всему городу, так что в семь часов утра был уже весь Петербург в движении. Вся гвардия без всякого порядка бежала по улицам, и смутный крик и вопль народа, не знающего еще о истинной тому причине, предвозвещал всеобщую перемену. А через несколько потом минут и является государыня, въезжающая в город, окруженная почти всею конною гвардиею, ее прикрывающею. Шествие ее простиралось прямо к Казанской соборной церкви, и тут провозглашается она императрицею и самодержицею всероссийскою и принимает первую, от случившихся при ней, присягу; а потом, при про-

вождении своей гвардии и множества бегущего вслед народа, шествует в Зимний дворец и окружается там гвардиею и бесчисленным множеством всякого звания людей, радующихся и кричащих: — Да здравствует мать наша императрица Екатерина!

Со всем тем для всех непонятно было сие происшествие. Самый народ, наполняющий всю площадь и все улицы кругом дворца и восклицающий во все горло, не знал ничего о самых обстоятельствах сего дела. Тотчас привезены были и поставлены для защищения входа во дворец заряженные ядрами и картечами пушки, расстановлены по всем улицам солдаты и распущен слух, что государь, будучи на охоте, упал с лошади и убился до смерти и что государыня, как опекунша великого князя, ее сына, принимает присягу. В самое то же время приказано было всем полкам, всему духовенству, всем коллегиям и другим чиновникам собраться к Зимнему дворцу для учинения присяги императрице, которая и учинена всеми, не только без всякого прекословия, но всеми охотно и с радостию превеликою. Наконец издан был в тот же еще день первый о вступлении императрицы краткий манифест и с оным, и с предписаниями что делать разосланы всюду во все провинции и к предводителям заграничной армии курьеры.

Между тем, как сия торжественная присяга производилась, забраны были под караул все те, на которых было хотя некоторое подозрение, а народ вламывался силою в кабаки и, опиваясь вином, бурлил и грозил перебить всех иностранцев; но до чего, однако, был не допущен, так что претерпел от него только один принц Жорж, дядя государев. Сей не

успел увидеть самопервейшего стечения народа, как догадавшись о истинной тому причине, вскакивает с поспешностью на лошадь и скачет в Ораниенбаум к государю. Никто из всех слуг его не видал, как он вышел из дома, и один только гусар его последовал за ним. Но один отряд конной гвардии, встретившись с ним за несколько шагов от дома, узнав, схватывает его и, позабыв все почтение, должное дяде императорскому, снимает с него шляпу и принуждает сойтить с лошади, и он подвергается при сем случае величайшей опасности. Один рейтар* взмахнулся уже на него палашом своим и разнес бы ему голову, если б, по счастию, не был еще благовременно удержан и до того не допущен. Его сажают в карету и везут ко дворцу; но в самое то время, когда он стал из нее выходить, присылается повеление отвезть его опять в его дом и приставить там к нему и ко всему его семейству крепкий караул. Принц, при привезении его туда, находит весь свой дом уже разграбленным, людей своих всех изувеченных и запертых в погреб, все двери разломанные и все комнаты начисто очищенные. У самых принцев, сыновей его, отняты часы, деньги, сняты кавалерии и сорваны даже мундиры самые. Одна только спальня принцессы осталась пощаженною, да и то потому, что защищал ее один унтер-офицер. Принц, увидев сие, сделался как сумасшедший от ярости, но ему ни мстить за сие, ни племяннику своему, императору, помочь было уже не можно.

---

*Немецкое — кавалерист, всадник.

Такое ж несчастие претерпел при самом сем случае и мой генерал Корф, случившийся в сие время также в Петербурге. Толпа гренадер вломилась в дом его и не только разграбила многое, но и самому ему надавала толчков; но, по счастию, присланный от государыни успел еще остановить все сие и спасти его от погибели.

Между тем, как все сие происходило в Петербурге, государь, ничего о том не зная, не ведая, находился в своем Ораниенбауме, и говорили, что оплошность его была так велика, что в ту же еще ночь, когда государыня уехала из Петергофа, некто хотел его о том уведомить и, написав цидулку, положил подле него в то время, когда он, веселяся на вечеринке, играл на скрипице своей какой-то концерт, и хотя цидулку сию он и усмотрел, но находясь в музыкальном энтузиазме и не хотя никак прервать игру, оставил ее без уважения, а намерен был прочесть ее после; но как по окончании концерта он об ней вовсе позабыл и от стола того отошел прочь, то нашлись другие, которые видевши все то и как подозрительную ее искусненно и поприбрали к себе, и чрез то не допустили его узнать и прочесть такое уведомление, от которого зависела безопасность не только его престола, но и самой жизни. А как и в Петербурге приняты были все предосторожности и расставлены были по всем дорогам люди, чтоб никто не мог прокрасться и дать обо всем происходившем знать государю, то и не узнал он до самого того времени, как по намерению своему приехал в Петергоф, чтоб в последний раз с государыней отобедать и ее взять потом под караул. Теперь посудите сами,

сколь изумление его долженствовало быть велико, когда, приехав в Петергоф, не нашел он тут никого, и легко мог заключить, что это значило и чего ему опасаться тогда надлежало. Неожидаемость сия поразила его как громовым ударом и повергла в неописанный страх и ужас... Со всем тем усматривал он, что надлежало ему принимать скорейшие меры, и его первое намерение было то, чтоб послать за своими голштинскими войсками и защититься ими от насилия. Но престарелый фельдмаршал Миних представил ему, что такому маленькому числу войска и шестистам его человекам не можно никак противоборствовать целой армии и что в случае обороны легко можно произойтить, что от раздраженных россиян и все находящиеся в Петербурге иностранцы могут быть изрублены. Напротив того, предлагал он два пути, которые неоспоримо в тогдашнем случае были наилучшие, выключая третьего, но о котором тогда ни государю, ни другим и в мысль не пришло.

— Всего будет лучше, — говорил ему сей опытный генерал, — чтоб ваше величество либо прямо отсюда в Петербург отправиться изволили, либо морем в Кронштадт уехали. Что касается до первого пути, то не сомневаюсь я, что народ теперь уже уговорен; однако если увидит он ваше величество, то не преминет объявить себя за вас и взять вашу сторону. Если ж, напротив того, отправимся мы в Кронштадт, то овладеем флотом и крепостью и можем противников наших принудить к договорам с собою.

Государь избрал сие последнее. Отсылает голштинцев своих обратно в Ораниенбаум, приказывает

им тотчас сдаться, как скоро на них нападут, а сам, со всеми при нем бывшими, садится на яхту и отплывает к Кронштадту. Многие знатные госпожи, коих мужья были в Петербурге, не восхотели отстать от своего государя и последовали за оным.

Как расстояние от Петергофа до Кронштадта не очень велико, то приплывают они туда довольно еще рано, но принимаются очень худо. Часовые кричат, чтоб яхта не приставала к берегу, и как государь сам кричит и о своем присутствии им объявляет, то они отвечают ему, сказывая напрямки, что он уже не император, а обладает Россиею уже не он, а императрица Екатерина Вторая. Потом говорят ему, чтоб он отъезжал прочь, а в противном случае дадут они залп изо всех пушек по его судну.

Что оставалось тогда сему несчастному государю делать? Он приводится тем в неописанное изумление и другого не находит, как восприять обратный путь. Несчастие начало его гнать уже повсюду, и согласно с тем сплелись и обстоятельства все удивительным образом. Известие о вступлении государыни на престол получено было в Кронштадт только за полчаса до его прибытия и привез оное один офицер из Петербурга, с повелением, чтоб комендант присягал со всем гарнизоном императрице. И надобно ж было так случиться, что комендант сею неожидаемостью приведен был в такое смущение и замешательство мыслей, что ему и в голову не пришло того, чтоб сего присланного арестовать и донесть о том государю. А он начал только делать некоторые оговорки, дабы собраться между тем с духом; а присланный так был расторопен, что воспользуясь сим изумле-

нием коменданта, велел тотчас самого его арестовать приехавшим с ним многим солдатам, сказав ему при том то славное и достопамятное слово:

— Ну, государь мой, когда не имели вы столько духа, чтоб меня арестовать, так арестую я вас.

Между тем яхта отвозит изумленных пловцов своих в обратный путь и приплывает с ними уже не в Петергоф, а прямо к Ораниенбауму, однако не прежде как уже поутру на другой день. Тут поражается государь еще ужаснейшим известием, а именно, что императрица, его супруга, прибыла уже с многочисленным войском и со многими пушками из Петербурга в Петергоф. Было сие действительно так; ибо государыня успела еще в тот же день, собрав все гвардейские и другие бывшие в Петербурге полки и предводительствуя сама ими, вечером из Петербурга выступить и, переночевав по походному в Красном Кабачке, со светом вдруг отправиться далее, и как Петергоф отстоит только 28 верст от Петербурга, то и прибыла она в оный еще очень рано. А не успел государь от поразившего его, как громовым ударом, известия сего опамятоваться и собраться с духом, как доносят ему, что от новой государыни прибыл уже князь Меньшиков с некоторым числом войска и с пушками для вступления с ним в переговоры, и требует, чтоб все голштинские войска сдались ему военнопленными. Сие смутило еще более государя и расстроило так все его мысли, что как некоторые из офицеров его, случившиеся при том, как было принесено известие сие, стали возобновлять уверения свои, что они готовы стоять до последней капли крови за своего государя и охотно

жертвуют ему своею жизнью, то не хотел он никак согласиться на то, чтоб толико храбрые люди вдавались, защищая его, в очевидную опасность. И пекущийся о благе России промысл Господень так тогда затмнил весь его ум и разум, что он и не помыслил даже о том, что ему оставался еще тогда путь, никем еще не прегражденный и свободный. Он имел тогда при себе более 200 человек гусар и драгунов, снабденных добрыми лошадьми, преисполненных мужества и готовых обороняться и защищать его до последней капли крови. Весь зад был у него отверстым и свободным и не легко ль было ему пуститься с ними в Лифляндию и далее? В Пруссии ожидала уже прибытия его сильная армия, на которую мог бы он положиться. Бывшая с императрицею гвардия не могла бы его никак догнать, она находилась от него еще за 20 верст расстоянием, в Петергофе, и он, по крайней мере, предускорил бы оную пятью часами. Никто бы не дерзнул остановить его на дороге, а если б и похотел какой-нибудь гарнизон в крепости его задержать, так могли бы гусары его и драгуны очистить ему путь своим оружием. Но все сии выгоды ни он, ни все друзья его тогда не усматривали, а встрепенулись тогда уже о том помышлять, когда было уже поздно.

Но что говорить! Когда судьба похочет кого гнать или когда правителю мира что не угодно, так может ли тут человек что-нибудь сделать? А от того и произошло, что вместо всего вышеупомянутого государь впал тогда в такое малодушие, что решился послать к супруге своей два письма, и в одном из оных, посланном с князем Голицыным, просил он только,

чтоб отпустить его в голштинское его герцогство, а в другом, отправленном с генералом-майором Михаилом Львовичем Измайловым, предлагал он даже произвольное отречение от короны и от всех прав на российское государство, если только отпустят его с Елизаветой Воронцовою и адъютантом его, Гудовичем, в помянутое герцогство.

Легко можно вообразить себе, какое действие долженствовали произвесть в императрице таковые предложения! Однако по благоразумию своему она тем одним была еще не довольна, но чрез упомянутого Измайлова дала ему знать, что буде последнее его предложение искренно, то надобно, чтоб отречение его от короны Российской было произвольное, а не принужденное, и написанное по надлежащей форме и собственною его рукою. И г. Измайлов умел преклонить и уговорить его к тому, что он и согласился наконец на то и дал от себя оное и точно такое, какого хотела императрица.

Не успел он сего достопамятного начертания написать и оное доставить до рук императрицы, как посажен он был с графинею Воронцовой и любимцем своим Гудовичем в одну карету и привезен в Петергоф, где тотчас разлучен он был со всеми своими друзьями и служителями и под крепким присмотром отвезен в мызу Ропшу и посажен под стражу. Ни один из служителей его не дерзнул следовать за оным, и один только арап его отважился стать за каретою, но и того на другой же день отправили в Петербург обратно.

Таким образом кончилось сим правление Петра III, и несчастный государь сей, имевший за немногие

дни до того в руках своих жизнь более 30-ти миллионов смертных, увидел себя тогда пленником у собственных своих подданных и даже до того, что не имел при себе ни единого из слуг своих; а сие несчастие и жестокость судьбы его так его поразили, что чрез немногие дни он в заточении своем занемог, как говорили тогда, сильною коликою и, претерпев от болезни столь жестокое страдание, что крик и стенания его можно было слышать даже на дворе, в седьмой день даже и жизнь свою кончил, и 21-го числа того ж июля месяца погребен был в Невском монастыре без всякой дальней церемонии. А сие и утвердило императрицу Екатерину на престоле к славе и благоденствию всей России.

Таково-то окончание получила славная сия революция, удивившая тогда всю Европу, как своею необыкновенностью, так и благополучным своим окончанием. Все мы не могли также довольно оной надивиться и, хотя я тогда и мог заключать, что легко бы и я мог иметь в ней такое же соучастие, как господа Орловы и многие другие, бывшие с ними в сообществе и заговоре, однако нимало не тужил о том, что того не сделалось, а доволен был своим жребием и тем, что угодно было учинить со мною промыслу Господню.

Но как письмо мое слишком увеличилось, то дозвольте мне сим оное кончить и сказать вам, что я есмь ваш, и прочее.

В МОСКВЕ

ПИСЬМО 100-е

Любезный приятель! . . . .

Как я ни спешил своим отъездом, но не мог никак вырваться прежде, как по наступлении уже августа месяца. Сестра и сам зять мой не хотели меня никак отпустить скоро и упрашивали неведомо как, чтоб я сделал им удовольствие и погостил у них подолее.

— Кому-то велит Бог впредь видеться и когда-то это будет! — твердили они то и дело оба. — Живем мы не так близко друг от друга, — продолжали они, — чтоб можно было нам льстить себя частыми свиданиями.

— Да, — говорил и я, — проклятая отдаленность много тому мешает; однако все-таки отчаиваться не можно.

— То так, — подхватил зять мой, — но лета и слабости нас стращают. Почему знать? Вот, может быть, уж и в последний раз мы тебя видим!.. Я, по слабости здоровья своего, не смею и подумать о том, чтоб мог пуститься в такой дальний путь, а и тебе нужно только заехать в такую даль и там обострожившись* жениться, как позабудешь и об Опанкине.

---

*Укрепившись; от острог — частокол.

— И, что вы говорите! — подхватил я. — Этого никогда не будет, чтоб я позабыл сие милое селение и вас, любезных родных моих.

— Хорошо, посмотрим, — сказал зять, — и дай Бог, чтоб мы дожили до того, чтоб увидели опять вас в странах здешних.

Сие говорил он, власно как предчувствуя, что ему впредь меня уже никогда не видать и что и самого меня судьба едва ли допустит видеть опять его Опанкино. Я и действительно с того времени уже не видал сего обиталища родных моих, равно как и с ним в последний раз уже тогда виделся...

— Но что вы ни говорите, — сказал мне наконец зять мой, — но я не отпущу вас никак до того времени, покуда не перейду в новые хоромы. Воля твоя, а, по крайней мере, сделай нам то удовольствие, что отпразднуй вместе с нами новоселье и поживи хоть немного дней вместе с нами в новом нашем доме; а там уж и Бог с тобой!..

Что было делать и как можно было отговориться? Я принужден был дать слово и пробыть у них до сего деревенского праздника. Сие и совершилось вскоре после того времени, и праздник сей был в своем роде превеликий. Все соседственное дворянство и все друзья и знакомцы приглашены были к оному. Весь новый дом, как ни велик был, но наполнен был людьми и гостями, и как съехалось множество и господ, и госпож, и девиц, то мы и повеселились-таки в сей последний раз гораздо и гораздо, и окончили пиршество сие с удовольствием особливым.

После сего не стал я уже долее медлить, да и они не держали уже меня более. Итак, собравшись и ук-

лав всю свою библиотеку на особую подводу, которою снабдил меня мой зять, 10-го августа отправился я в сей путь, распрощавшись с сими милыми и любезными родными и смочив взаимно друг у друга слезами свои лица.

Не могу изобразить, сколь чувствительны для меня были проводы из сего селения. Все люди собрались провожать меня и все целовались со мною, как не надеясь уже никогда более видеть, что, кроме немногих, и действительно так случилось. Зять и сестра провожали меня версты три и до самой реки Утрой, и я навек не позабуду той минуты, когда, расставшись с ними и переехав вброд реку, с другого берега видел я в последний раз возвращающегося уже в дом моего зятя, машущего своею шляпою и кричащего мне:

— Прости, прости, мой друг!

. . . .

В Москву приехали мы 30-го августа, и приезд в сей столичный город не менее был для меня чувствителен и приятен. Не видав оного уже много лет, не мог я довольно налюбоваться и видом его, как скоро он нам вдали еще показался. С неописанной радостью перекрестился я, завидев впервые его башни и колокольни, и благодарил Бога, что довел он меня до оного благополучно. И как мы приехали в оный уже к вечеру, то решился я в оном передневать для запасения себя кой-какими надобностями для будущей деревенской жизни. Пуще всего хотелось мне запастись тут какими-нибудь экономическими книгами: до сего во всей моей библиотеке не было ни одной экономической, потому что, как не над-

еялся я никак быть скоро дома, то и не запасался ими, и у меня часть сия была совсем в небрежении. А тогда, как ехал я домой для посвящения себя навсегда деревенской жизни, то считал уже необходимостью познакомиться и с экономиею. И как я всего меньше разумел оную, то и надеялся научиться оной из книг, и потому и желал в Москве запастись хоть несколькими на первый случай.

Но сколь же удовольствие мое было велико, когда при распроведывании о том, нет ли в Москве книжной и такой лавки, где б продавались не одни русские, но вкупе и иностранные книги, услышал я, что есть точно такая подле Воскресенских ворот*. С превеликою поспешностью побежал я в оную. Но сколь радость и удовольствие мое увеличилось еще больше, когда нашел я тут лавку, подобную почти во всем такой, какую видел я в Пруссии в Кенигсберге, и в которой продавалось великое множество всякого рода немецких и французских книг в переплете и без переплета. Я спросил каталог, и как мне его подали, то спешил отыскивать в нем и потом пересматривать все экономические; и как по счастию случилось со мною тогда довольное число оставшихся денег, то накупил я несколько десятков оных, и как вообще экономических, так в особливости и садовых, и повез их с собою, как бы новое какое сокровище, в деревню.

Мы выехали из Москвы сентября первого числа, и как ехать нам оставалось уже немного, то скоро

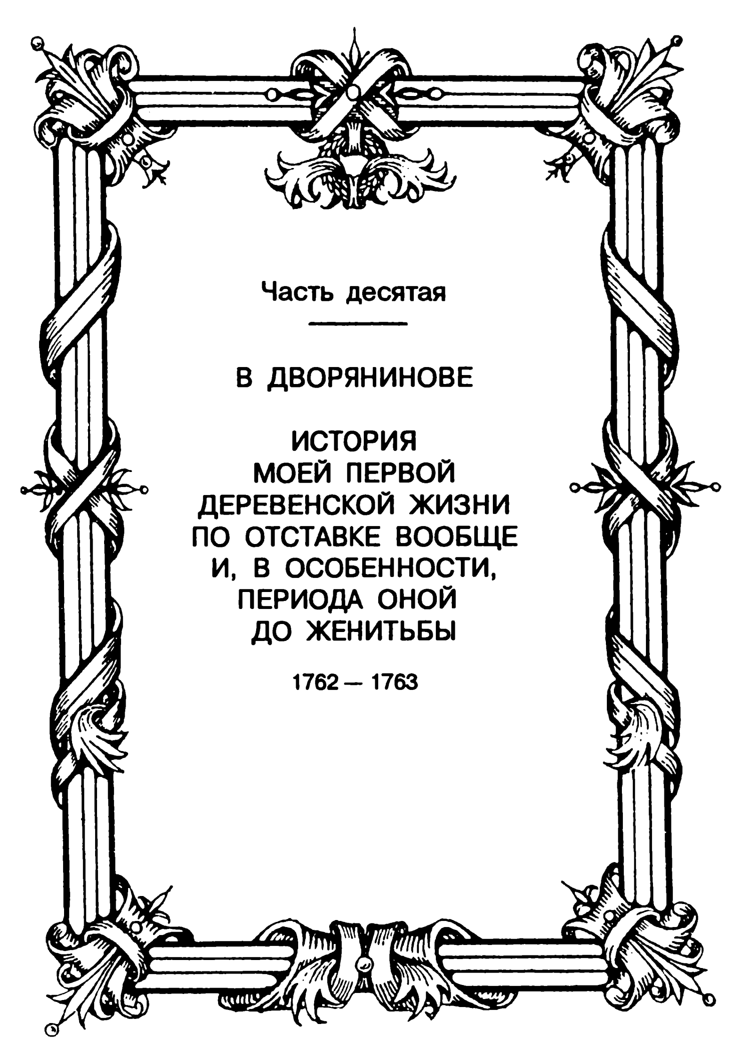
*См. примечание 4 после текста.

и доехали до Серпухова, а, наконец, 3-го числа достигли и до тех пределов, где я увидел свет в первый раз в своей жизни и проводил многие годы в моем младенчестве и малолетстве. День сей мне в особливости памятен.

Никогда не позабуду я того, каким неописанным и сладким удовольствием наполнялась вся душа моя при приближении к тем местам, где было мое жилище и как, подъезжая к Городне, восхищался я видимыми уже вдали знакомыми мне лесами и местоположениями приятными; как приветствовал я все оные, как мысленно говорил со всеми ими и как, проехав Городню и поворотив для скорейшего приезда вправо мимо Дурнева, досадовал я на горящую под повозкою моею ось, не допускающую нас так поспешать ездою своею, как мне тогда хотелось. Во всю дорогу она у нас ни однажды не горела, а тут вздумала гореть, как бы нарочно, для увеличения моей нетерпеливости. С какою досадою принуждены были мы несколько раз для нее останавливаться и, скидывая колесо, тушить оную, и чем ни тушили мы ее и колесо! Но, наконец, преодолели мы сие последнее препятствие, и я довольно еще рано приехал в любезное свое Дворяниново и в обиталище предков своих и свое собственное.

А сим и окончу я, друг мой, и письмо сие, а вкупе и все сие собрание оных, сказав вам, что я есмь ваш, и прочая.

КОНЕЦ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ

Часть десятая

В ДВОРЯНИНОВЕ

ИСТОРИЯ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКЕ ВООБЩЕ И, В ОСОБЕННОСТИ, ПЕРИОДА ОНОЙ ДО ЖЕНИТЬБЫ

1762 — 1763

ВСТУПЛЕНИЕ
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В ДЕРЕВНЕ
ПИСЬМО 101-е

Любезный приятель! В предследовавших пред сим моих письмах сообщил я вам историю моих предков, моего младенчества, моего малолетства и всей моей военной службы. А теперь начну описывать вам историю моей первой двенадцатилетней деревенской жизни, как нового, и такого периода моей жизни, который можно почесть самым цветущим во все течение оной: ибо простирался он с двадцать пятого по тридцать седьмой год моего возраста. Но не знаю, будет ли история сего времени для вас так любопытна и занимательна, чтоб могли вы ее читать без скуки и иметь при том хоть некоторое удовольствие. Никаких отменно важных и особливых происшествий не случилось со мною во все продолжение сего времени; но оно протекало в мире, тишине и во всех удовольствиях, какие только может доставлять уединенная, простая и невинная сельская жизнь мыслящему и чувствительное сердце имеющему человеку.

Я расскажу вам, как по приезде из службы в отставку обостроживался я в маленьком своем домишке, как учился хозяйничать и привыкал к сельской экономии, поправлял и приводил в лучшее состояние

свое домоводство, как познакомливался с своими соседьми и приобретал их к себе в дружбу и любовь; как потом женился, нажил себе детей, построил дом новый, завел сады; сделался экономическим, историческим и философическим писателем и вообще, как и в чем наиболее препровождал праздное время: чем себя занимал, чем веселился и что предпринимал для сделания себе уединенной сельской жизни приятною и веселою, покуда, наконец, провидению угодно было паки меня на несколько лет оторвать от дома и доставить мне иной, и такой род жизни, который был для меня совсем новый, и хотя с меньшею вольностию соединенный, но не меньше приятный и полезный.

Вот краткое содержание истории всего того периода времени, который я описывать теперь предпринимаю. Но я не знаю, найду ли при описывании всего того доволь таких вещей, которые бы могли сколько-нибудь достойны быть вашего любопытства и поддерживать внимание ваше при читании оного. И вы извините уже меня в том, когда, за неимением важных вещей, буду я иногда рассказывать вам о самых мелочах и безделках, и делать то более для того, что когда не вам, так для потомков моих могут и они быть столь же интересны и любопытны, как и другие. Словом, я поступлю таким же образом, как делал прежде, и дело стану мешать с бездельем и самым тем придавать повествованию своему сколько-нибудь более живости и приятности.

Итак, приступая к продолжению моего прежнего повествования и прицепливаясь опять к прерванной нити оного, скажу вам, что помянутый третий день

месяца сентября 1762-го года, в который возвратился я из службы в свою деревню, был одним из наиприятнейших в моей жизни. Я рассказывал уже вам, как мы, приближаясь к тем пределам, где я родился, поспешали своею ездою, как предварительно веселился уже я всеми окрестностями, наше жилище окружающими, и как досадовал на горящую ось под повозкою моею, мешавшую нам поспешать по желанию; а теперь опишу вам все подробности сего достопамятного моего возвращения и приезда в свое обиталище.

День случился тогда ясный и погода самая теплая, тихая и наилучшая из сентябрьских, и мы, потушив и подмазав вновь свое колесо, не ехали, а катились по гладкой и сухой тогда дороге. Я только и знал, что твердил повозчику своему, чтобы он понуживал* лошадей и спешил довезть меня до двора прежде еще наступления вечера. Мне хотелось приехать в дом мой сколько можно поранее для того, чтоб успеть еще можно было из повозок выбраться и сколько нибудь осмотреться; а старанием толико же поспешающего к жене своей моего кучера, мы и действительно доехали довольно рано и задолго еще до захождения солнечного. Чтобы лучше успеть в том, то предложил он мне — не прикажу ли я своротить с большой Тульской дороги еще прежде приезда в Ярославцево, где мы обыкновенно, едучи из Москвы, сворачиваем вправо, и брался меня провезть прямо от Городни знакомыми ему полевыми дорожками и тропинками, и как я на то согласился, то и

---

*Понуждал, заставлял; здесь — погонял.

провез он меня прямо мимо Дурнева и чрез Трешню так, что мы подъехали к селению нашему уже не от Яблонова, а с Хмырова.

Теперь никак не могу я изобразить того сладкого восхищения, в котором находилась вся душа моя при приближении к нашему жилищу. И ах! как вспрыгалось и вострепеталось сердце мое от радости и удовольствия, когда увидел я вдруг пред собою те высокие березовые рощи, которые окружают селение наше с стороны северной и делают его неприметным и с сей стороны невидимым. Я перекрестился и благодарил из глубины сердца моего Бога за благополучное доставление меня до дома, и не мог довольно насытить зрения своего, смотря на ближние наши поля и все знакомые еще мне рощи и деревья. Мне казалось, что все они приветствовали меня, разговаривали со мною и радовались моему приезду. Я сам здоровался и говорил со всеми ими в своих мыслях. А не успели мы въехать в длинный свой между садов проулок, как радующийся кучер мой полетел со мною как стрела, и раздавался только по рощам стук и громкий его свист, и ежеминутные его окрики на лошадей, и понукание оных. В единый миг очутились мы пред старинными и большими воротами моего двора, покрытыми огромною кровлею и снабженными претолстыми и узорчатыми вереями*, и вмиг вскакивают спутники мои с повозок, и с громким скрыпом растворяют оные, и мы въезжаем на двор, и летим как молния к крыльцу господского дома.

---

*Вереи — столбы, на которые навешивают ворота.

Во всем доме никто тогда еще не знал и не ведал о моей отставке и возвращении в дом свой; но все, считая меня еще в службе и в Петербурге, всего меньше нас ожидали. И как время тогда было рабочее, и не весь хлеб убран был еще с поля, то и не было почти никого, кроме одних старух и ребятишек тогда в доме.

Все сии, увидев взъехавшие на передний двор повозки, не знают, что б это значило, сбегаются со всех сторон видеть сию необыкновенность и, узнав моего кучера, разбегаются паки врознь и с громким кричанием: «боярин, боярин приехал!» рассевают слух о том по всем избам и клетям, где знали, что находились тогда их деды и бабки.

Вдруг тогда оживотворяется весь двор: со всех сторон и углов оного стекаются старики и старухи и, позабыв всю свою дряхлость и слабость, спешат и бредут видеть своего барина. И мне не успели еще отпереть замкнутых хором моих, как увидел я себя всеми ими окруженным. Все кланялись, все целовали мои руки, все изъявляли радость о том, что Бог вынес меня на Святую Русь, и все говорили, что они меня не чаяли уже и видеть, и теперь почти глазам своим не верят и не могут довольно тому нарадоваться; и что они говорили правду, то доказывали мне слезы, текшие действительно из глаз некоторых из них от радости.

Приятно было мне смотреть на сии нелицемерные знаки их ко мне любви и усердия; а вскоре за сим увидел я и усача домоправителя своего, поспешавшего ко мне с гумна, где находился он с мужиками и складывал хлеб, привезенный ими с полей в оное.

Старик он был совершенный, служивший еще при покойном отце моем кучером, и, привыкнув еще тогда ходить в усах, не хотел и по смерть расстаться с оными. Звали его Григорьем, а по прозвищу Грибаном, и я управлением его был нарочито доволен. Для сего человека была тогда сугубая радость: вместе со мною увидел он возвратившегося к нему и меньшего сына своего — в младшем, а родного племянника — в старшем из слуг моих. При целовании им руки моей горячая слеза, капнувшая из глаз его и ее смочившая, так меня тронула, что я поцеловал сего старинного слугу отца моего и радовался, что нашел его еще в силах и довольно бодрым. Потом дал ему волю обниматься с приехавшими родными своими, а сам пошел в отворенные уже сени дома моего.

Не могу забыть той минуты, в которую вошел я впервые тогда в переднюю комнату моего дома, и тех чувствований, какими преисполнена была тогда вся душа моя. Каково ни мало и ни любезно было мне сие обиталище предков моих и мое собственное в малолетстве; но возвращаясь тогда в оное, не только уже в совершенном разуме, но, так сказать, из большого света и насмотревшись многому большому, смотрел я на все иными уже глазами: и как сделал я уже привычку жить в домах светлых и хороших, то показался мне тогда дом мой и малым-то, и дурным, и тюрьма тюрьмой, как и в самом деле был он. А особливо тогда при вечере, с маленькими своими потускневшими окошками и от древности почти почерневшим потолком и стенами — весьма, весьма не светел. И передняя моя комната, по множеству образов, в кивотах и без них, которыми установлены

были все полки и стены в угле переднем, походила более на старинную какую-нибудь большую часовню, нежели на зал господского дома, а особый пустынный запах придавал еще более неприятности. Со всем тем я первейшим делом почел повергнуть себя ниц пред святынями, которым поклонялись еще самые прадеды и предки мои, и принесть Господу благодарения моего за благополучное возвращение в тот дом, в котором я родился и впервые стал дышать воздухом.

Между тем, как выбирали из повозок и носили все в хоромы, пересматривал я всех предстоящих предо мною и, разговаривая с ними, искал глазами своими старинного своего слугу и дядьку Артамона. Время изгладило уже давным давно в сердце моем всю бывшую на него досаду и возобновило паки прежнюю мою любовь и приверженность к нему. Он приходил мне во время путешествия моего многажды на ум, и я располагал уже в мыслях своих — как мы опять с ним жить и вместе о поправлении дома и экономии моей трудиться станем. Но как он тогда не всречался нигде с зрением моим, то любопытство меня побудило спросить об нем у жены его.

— Ах, батюшка, — сказала она мне, утирая слезы, потекшие ручьями из глаз ее. — Его уже нет на свете! Дня три только тому, как мы его схоронили.

— Что ты говоришь? — воскликнул я, чрезвычайно сим известием поразившись.

Горячая слеза покатилась тогда из глаз моих, и я не мог далее выговорить ни одного слова. Минуты две стоял я, отворотившись с молчанием и утирая

глаза свои и щеки. Сию жертву благодарности и сожаления принес я тогда праху сего любимца и воспитателя своего, и сие так меня растрогало, что я весь тот вечер далеко не таково весело проводил, как надеялся.

— Куда как мне жаль твоего мужа, — говорил я жене его, — но воля Господня и со всеми нами! Между тем постарайся-ка, Алена, о том, чтоб мне было что поужинать.

— Тотчас, батюшка, — сказала она, забыв на тот раз всю печаль и огорчение свое, и пошла готовить мне мой ужин. Ибо скажу вам, что она, как при покойной еще моей матери, так и в прежнее мое жительство в деревне отправляла должность стряпухи и была в сем рукомесле довольно искусна.

Между тем, как оный готовили, осматривался я в своих, пустынью и гнилью пахнувших хоромах: ходил по всем комнатам, поднимал окошечки для впущения свежего воздуха и помышлял о том, как бы мне в них лучше обостробжиться и расположиться, и которую из комнат назначить себе спальнею, которую жилою и гостиною, и где назначить место для лучшего своего на службе приобретения и всего моего тогдашнего сокровища, а именно своей библиотечки. Как и всех к жилью сколько-нибудь способных комнат было только две, а третья, передняя была почти пустая и холодная, то не долго было делать мне выбор и распоряжения. В сию велел я переносить все сундуки свои с книгами, угольную назначил своею спальнею, а вкупе и жилою, и гостиною, и столовою; а комнату, которая всех прочих была еще сколько-нибудь посветлее и веселее,

сделал до времени и заднею, и лакейскою своею, и всем, и всем.

В сих распоряжениях и не видел я, как прошла оставшая часть дня и наступил вечер. Я спешил тогда поужинать и лечь спать на постланной для меня на том же месте постели, где сыпала покойная мать моя. Я надеялся, что от дорожных трудов и беспокойств просплю я всю ночь как убитый, но в мыслях своих обманулся.

Не успело пройтить и двух часов после того как я заснул и все в доме угомонилось, как вдруг посещает меня на постели моей незванная и совсем неожиданная гостья, пресекает мой сладкий сон, заставливает меня с постели моей вскочить, будить и кликать спавших в комнате людей и просить их, чтоб они мне, как умели помогали в моей нужде.

Ну! теперь думайте и гадайте, что б это была за гостья; только ради Бога не заключайте ничего худого и непристойного. То хотя и правда, что была то одна из тутошних жительниц; однако прошу меня не обидеть... была то не женщина, а госпожа крыса, и крыса превеличайшая.

Далее, не подумайте, чтоб я вскочил, испужавшись оной. Ах, нет! Крыс и мышей я никогда не баивался; а вскочить принудила меня самая неволя: ибо госпоже крысе вздумалось поступить со мною как-то неучтиво и приласкать приежнего в жилище свое гостя уже слишком грубо. Словом, думать было надобно, что была она, либо наиглупейшая из сих тварей, либо крайне голодна и несколько дней ничего не ела: ибо судите, не дура ли она была самая и не глупейшая тварь в свете, что не умела разобрать, что живое тело

и что мясо, но, сочтя один палец руки моей, закинутой за голову и лежащей на подушке, куском какого-нибудь мяса и обрадуясь, нашед находку сию, может быть, еще в первый раз в своей жизни, так по своей вере его типнула* и куснула, что вырвала из него даже целый кусок тела, величиною с большую горошинку. Ну, можно ли быть глупее и безрассуднее сей негодяйки и быть такою неучтивицею против обладателя своего жилища?

Однако заплатил же и я ей за наглость и грубость сию такою же монетою и доказал ей, что не она, а я господин сему жилищу. Не успела боль, сделавшаяся от того, меня разбудить, как, почувствовав подле уязвленного пальца своего нечто отменно мягкое, не с другого слова, схватил я гостью свою и так удачно рукою, что не могла она никак из оной вырваться, да и не имела к тому и времени: ибо я в тот же миг, взмахнув, так мужественно и сильно бросил ее на пол, что она и не пикнула, но тут же тогда и околела.

Произведя такое героическое дело и учинив столь жестокое враговке** своей наказание, лег было я попрежнему и хотел продолжать спать, но боль руки и лиющаяся из раны кровь принудила меня встать и помянутым образом раскликать спавших людей, велеть им принесть скорее к себе кусок густой грязи и сыскать какую-нибудь тряпицу для перевязания моей раны.

---

*Схватила.

**Женский род от враг; более употребительное — врагуша.

Вот первое происшествие, случившееся со мною по возвращении моем в дом из службы. И возможно ли?.. Во все продолжение оной на самом сражении не был я ни однажды ранен, а тут проклятая крыса так меня поранила и уязвила, что я несколько дней принужден был ходить с обвязанным пальцем, и хотя не мог тому довольно насмеяться, но нередко рана сия и докладывала мне своею болью и заставляла почти охать.

На другой день собрались ко мне все мои крестьяне на поклон и нанесли мне множество всякой всячины. Я, поздоровавшись и поговорив со всеми ими, пошел таким же образом осматривать всю свою усадьбу и все знакомые себе места, как осматривал в предследовавший вечер свои хоромы. Тут опять, смотря на все также другими глазами, не мог я надивиться тому, что все казалось мне сначала как-то слишком мало, бедно, мизерно и далеко не таково, каковым привык я воображать себе все с малолетства. Все вещи в малолетстве кажутся нам как-то крупнее и величавее, нежели каковы они в самом деле. Прежние мои пруды показались мне тогда сущими лужицами, сады ничего не значащими и зарослыми всякой дичью, строение все обветшалым, слишком бедным, малым и похожим более на крестьянское, нежели на господское, и расположение всему самым глупым и безрассудным.

Не успел я, обходивши все места, возвратиться в хоромы, как нахожу в них уже первых моих посетителей и гостей, пришедших ко мне и дожидавшихся моего возвращения. Был то приходский наш священник, отец Иларион, с братом своим, дьяконом

Иваном. Они, поздравляя меня с приездом, не могли довольно изобразить того, как они были обрадованы, услышав о моем возвращении из службы, и я уверен был, что они говорили правду. Любя обоих сих духовных особ с моего младенчества, не перестал я еще и тогда их любить и был очень доволен посещением оных. И как сие случилось кстати, то и просил я отца Илариона отслужить в доме моем тогда же благодарный молебен Господу Богу и, освятив воду, окропить ею все мое будущее обиталище.

С превеликою охотою учинил он то, чего я требовал; а между тем, покуда посланные ходили за ризами, книгами и прочим, расспрашивал я у его обо всем, как у сведущего все и такого человека, который мог обо всем подать мне лучшее понятие, нежели мои люди. Словом, я занялся почти весь тот день сими первыми и приятными для меня гостями. Они должны были, по отслужении молебна, остаться у меня обедать, обходить со мною еще многие места в моей усадьбе и пробыть у меня столько, сколько мне хотелось. И как отец Иларион умел очень хорошо, важно и сладко говорить, а брат его был веселого и доброго характера и умел разговоры свои приправлять приятными шуточками и издевками, то было мне с ними и не скучно; и могу сказать, что они мне как тогда, так и после бывали всегда приятными гостями, и я всегда был рад, когда они ко мне прихаживали.

От сего-то отца Илариона узнал я тогда, во-первых, что Дворяниново наше было в сие время не таково пусто, как в прежнюю мою бытность, и что во время отсутствия моего произошли с обоими со-

седями однофамильцами и родственниками моими важные перемены. О прежнем моем ближайшем соседе и родном брате отца моего, сказывал он, что старичку сему наскучило как-то, наконец, жить в прежнем вдовстве своем и вздумалось при старости жениться; но что женитьба сия была ему не слишком удачна, власно как бы в наказание за то, что погнался он за одним достатком: ибо невеста его была хотя девушка довольно достаточная, но таких же почти престарелых лет, как и он: и что во время свадьбы их вся еще Москва смеялась тому, что новобрачным сим было полтораста лет от роду.

Я удивился, сие услышав. Но удивление увеличилось еще больше, когда, при дальнейшем расспрашивании о том, кто она такова и есть ли у ней с ним дети, отец Иларион, рассмеявшись, мне сказал:

— Каким, сударь, быть детям!.. Посмотрите-ка только тетушку вашу, вы удивитесь и не поверите, как это могло статься, что такому благоразумному человеку, каков Матвей Петрович, вздумалось жениться на такой дряхлой, больной и такой старушке, которую вскоре после свадьбы расшиб и паралич, и которая и поныне, и с самого того времени без языка и не может выговорить ни одного слова.

— Что вы говорите? — воскликнул я, удивившись. — Ах, какая диковинка!.. Но в доме ли они и здесь ли теперь?

— Нет, — отвечал мне отец Иларион, — а оба они теперь в Москве и живут у брата ее, господина Павлова, весьма зажиточного человека.

— Жаль же мне, — сказал я, — что я этого не

знал; а то повидался бы с ним в Москве, ехавши через оную.

— Это вы еще успеете сделать, — отвечал мне отец Иларион. — Они живут безсъездно в Москве, а особливо в зимнее время; и как вы поедете, надеюсь, в оную для коронации государыни, которая, как говорят, в нынешнем же месяце воспоследует, то и можете не только им, но и всему их житью и бытью и семейству досыта насмотреться и надивиться.

Что касается другого моего однофамильца и родственника, живущего также в одной со мною деревне и который доводился мне внучатной дед и был самый тот, у которого бывал я в прежнюю мою в Петербурге бытность... то сказывал отец Иларион, что и сей, будучи из полковников пожалован генерал-майором, находился потом несколько лет сыщиком воров и разбойников в Нижнем-Новегороде; и наконец, будучи отставлен и получив генерал-поручицкой штатский чин, живет уже несколько лет в деревне и в здешнем доме дедов и отцов своих.

— Во, во, во, — сказал я удивившись, — так и у нас теперь завелись здесь превосходительные и генералы! Ну, слава Богу!.. Но не вздумалось ли и сему также на старости лет жениться, как и моему дядюшке?

— Конечно, — отвечал мне отец Иларион, — Но сей, по крайней мере, взял уже за себя хотя вдову, но гораздо уже и достаточнее и помоложе, и всем и всем получше, и Софья Ивановна у нас боярыня изрядная и хоть куда бы. Но самому-то ему деревенская жизнь как-то не посчастливилась...

— А что такое? — спросил я.

— Стрелял как-то из окошка из штуцара* — отвечал он мне — и штуцар этот разорвало и повредило ему так руку, что остался у него на ней один только указательный палец, а прочие все лекаря принуждены были отрезать, и насилу насилу могли залечить. Несколько недель принужден он был жить для сего в Туле, но и теперь еще носит ее всю обвязанную.

— Что вы говорите? — воскликнул я удивившись. — Ах, какое несчастие! И вот другой пример на глазах моих, что человек целый век служил, бывал на войнах и в сражениях, но нигде не был ранен и поврежден, а наконец, приехав домой на покой, претерпевает какое несчастие.

Потом рассказал я отцу Илариону то, что случилось на дороге с господином Федцовым и что довелось самому видеть.

Наконец, на вопрос: дома ли сей генерал тогда находился? сказал мне отец Иларион:

— Дома, сударь. И где же им быть? Он никуда почти не ездит; и только изредка кое-когда бывает у сестрицы своей Варвары Матвеевны Темерязевой.

— А жива еще сия милая старушка? — спросил я.

— Жива еще и все такова же — отвечал он. — И мы сегодня же еще ее видали, заходя давеча на часок к Никите Матвеевичу. И они все еще изъявляли великую радость о вашем приезде и усердно желают вас видеть, а особливо генеральша.

— Что таково? — воскликнул я удивившись.

---

*Нарезное ружье, винтовка.

— Так-таки, — отвечал мне отец Иларион, — люди вы еще не знакомые, и она еще новый человек; так хочет вас видеть и с вами познакомиться. А легко статься может, что и другое что-нибудь имеет на мыслях.

— А что бы такое это было? — спросил я с родившимся во мне тотчас и превеликим любопытством.

— Бог знает, — сказал отец Иларион усмехнувшись. — Может быть, я и обманываюсь, и она мыслей таких и не имеет; но по натуральности судя, быть это легко может. У ней есть от первого мужа дети, сын да дочь, и сия живет при ней, и девушка изрядная и поспевает в невесты; а вы, батюшка, человек также молодой, холостой, достаточный; приехали теперь в отставку, и вам не одному же жить в деревне, а натурально надобно будет помышлять и о том, чтоб нажить себе и хозяюшку. Ну, так судите сами, милостивый государь, не легко ли статься может, что спознакомившись с вами, не захочет ли она попробовать вас ей в женихи? Ей, как матери, то и натурально.

— Во, во, во, — сказал я. — Этого я всего не ведал; и хорошо, батюшка, что вы мне это сказали. Я очень вам за то благодарен.

— Однако, — отвечал мне отец Иларион, — невеста не невеста, а вам, батюшка, отбегать от них ненадобно. Люди они старые, почтенные, хотя дальные, но все родственники.

— Конечно, — сказал я. — Мой и первый выезд будет к ним; и как скоро осмотрюсь, то и побываю у них.

После того говорили мы о других моих дальних

родственниках, живших у меня не в дальнем соседстве. Но все они были уже тогда в царстве мертвых, и из всех их был почти только один, по имени Захарий Федорович Каверин, живший тогда от меня неподалеку. Сей добренькой и мягкодушный старичок доводился мне по матери внучатым дядею и был мне очень знаком. Он служил в последнее время в одном со мною полку и, будучи секунд-майором, оставался с батальоном в Кенигсберге, где я его нередко видал, и как он был там и с женою своею, и детьми, то не один раз случалось мне бывать у них и на квартире и обходиться с ними, как с родными. Я очень рад был, узнав, что находился уже он также почти в отставке и жил тогда с женою и детьми своими в маленьком своем домике в селе Каверине, и положил возобновить с ним прежнее свое знакомство.

Кроме сего, сказывал мне отец Иларион, что жива еще и та любезная старушка, Матрена Ивановна Аникеева, которая была родная сестра дяди моего, г. Арсеньева, а мне тетка, и которую за добрый ее и ласковый характер любил я с самого еще младенчества. Я положил и с нею повидаться, как скоро только мне возможно будет, и жалел только, что жила она от меня не близко, и верст за сорок от моего селения, под Каширою, и мне часто с нею видеться было не можно.

В сих немногих особах состояли в сие время все близ меня живущие мои родственники. А из живущих далее известен был мне еще один, из фамилии господ Бакеевых, а по имени Василий Никитич, который доводился матери моей внучатный брат, но был ею отменно почитаем. Но как сей находился

еще в службе и служил в Москве при полиции, то и не случалось мне до того времени никогда его еще видать. Следовательно, и знал я его по одному только имени и по тому, что он не оставлял нас при разных случаях своими вспоможениями, и между прочим и самым переводом ко мне денег из деревни в Петербург. С сим своим дальным родственником положил я также при первой езде своей в Москву познакомиться; и тем паче, что доброту его характера все не могли мне довольно выхвалить.

Я не преминул также расспросить отца Илариона и обо всех прочих соседях, живущих от меня неподалеку, и с которыми, как думал, надлежало мне со временем познакомиться. И он не только известил меня об них, но и описал их и характеры, сколько мог, и поколику они самому ему были известны, и всем тем услужил мне так, что я был им очень доволен и отпустил от себя, благодаря искренно за сие посещение.

В сем собеседовании с отцом Иларионом препроводил я с удовольствием большую часть первого дня моей деревенской жизни. По ушествии же его, ходил я еще раз по всем местам моей усадьбы: посетил свое господское гумно, полюбовался многими скирдами, складенными вновь из своженного хлеба, обходил все рощи.

Но паче всего хотелось мне походить по остаткам старинных наших садов и порассмотреть пристальнее тогдашнее их весьма жалкое и незавидное состояние: ибо охота к ним начанала уже тогда во мне рождаться. И я, едучи еще дорогою, помышлял многажды о том, как бы мне их поправить и привесть

в лучшее и такое состояние, чтоб мне можно было в них с удовольствием провождать время в своем сельском уединении. И как мне часть сия хозяйства столь же мало или еще меньше была известна, нежели все прочие, то, для самого того в проезд свой чрез Москву и запасся я несколькими иностранными, до садоводства относящимися, книгами, из которых вознамеревался я искусству сему учиться. Паче же всего любопытен я был видеть младший из всех наших садов и тот, о котором писал я еще из Кенигсберга к своему бывшему дядьке, чтоб он мне его, по посланному тогда к нему рисунку, превратил в регулярный.*

Но в каком состоянии нашел я оные и другие места в моей усадьбе, о том услышите вы в письме последующем, которое к тому назначаю я в особливости, а теперешнее, как довольно увеличившееся, сим кончу, сказав вам, что я есмь, и прочая.

---

*Правильный — здесь; благоустроенный.

СВИДАНИЕ С РОДНЫМИ И ЕЗДА В МОСКВУ

ПИСЬМО 103-е

Любезный приятель! Приступая теперь к продолжению моей повести, скажу, что не успел я, по возвращении в деревню, всю свою усадьбу и все строения и сады окинуть глазом, а в доме всем разобраться, как усмотренные в премногих вещах недостатки заставили меня тотчас же начинать помышлять о том, как бы себя скорее всеми ими запасти и в доме всем обосторожиться получше. А ко всему тому потребны были и деньги, то самое сие побуждало меня войтить и в состояние моих доходов и деревень. И как о сем надеялся я всего лучше узнать от старика своего приказчика, то и призван был он на конференцию о том со мною и должен был мне все и все рассказывать, что ему было о сем известно.

Уведомления его были для меня не весьма радостны и приятны. Он изображал мне состояние моих деревень таковым, каковым оно действительно было, то есть очень худым и недостаточным; а и доходы, получаемые с них, не увеличивать, а уменьшать еще старался, к чему он имел и причину; ибо боялся, чтоб я за все прошедшие годы не стал его считать и делать с него взыскания.

Но как бы то ни было, но я, узнав всю малочисленность моих доходов, гораздо и гораздо от того сначала позадумался и смутился. Ибо видел ясно, что я в прежних мыслях о деревнях своих очень много обманулся, и что они далеко не таковы были выгодны, каковыми я их себе воображал, и что мне не без труда будет получать с них столько, сколько нужно было мне и на свое содержание, и на запасение себя всем нужным.

Мысли о сем озабочивали меня чрезвычайно, и признаюсь, что приуменьшили гораздо собою и то удовольствие, какое я имел сначала по возвращении из службы в дом свой. На все и на все потребны были деньги, а денег сих не было, и я горевал, не зная, где мне столько их будет доставать, сколько нужно было их для исправления всех нужд и необходимых потребностей.

Итак, осмотрев все строения в доме моем, хотя и видел я, что нужна всем им превеликая реформа и поправление; однако, соображаясь с помянутым правилом, положил до оного на первый случай нимало еще не касаться, а предоставляя то до будущего и удобнейшего времени, хотел только снабдить себя такими вещами, без которых мне не можно уже было никак обойтиться. И как для самого сего нужно было побывать хоть на короткое время в Москве, то и положил, осмотревшись в доме, туда на несколько дней съездить; а между тем познакомиться сколько-нибудь с соседями своими. Но и в рассуждении сих вознамеревался я не спешить никак сводить тесного знакомства со всеми ими, а особливо с теми, кои мне были еще вовсе незнакомы, а доволь-

ствоваться на первый случай одними только ближними, и такими, которые были мне либо сродни, либо знакомы.

Из сих первым и знаменитейшим из всех был помянутый и ближний мой сосед Никита Матвеевич Болотов. Я за долг себе почитал побывать у него всех прочих прежде и сходить к нему на третий день по своем приезде. И как я сего человека с самого того времени не видал, как я, по произведении меня в офицеры, бывал у него в Петербурге, когда был он еще только полковником, то был я очень любопытен видеть, как примет он меня и как обойдется со мною, сделавшись генералом. Но, к удивлению моему, не нашел я ни в нем, ни в доме его ничего такого, чтоб походило на генеральское, но во всем господствовала единая деревенская простота, и все пахло не пышностию, а также единою только умеренностию и небогатым состоянием. Ибо и сей родственник мой, хотя и всю свою жизнь провел в военной службе и служил беспорочно, но не вывез с собою также никаких богатств и сокровищ, а деревнями собственно своими был он еще беднее меня. Итак, все обстоятельствы принуждали его жить не по-генеральски, а весьма умеренно и просто.

Что ж касается до собственно его особы, то нашел я его точно таковым же, как он был и прежде. Он принял меня и обходился хотя ласково, но с таким удалением от откровенного, поверенного и дружелюбного родственного обхождения, что я легко мог видеть, что все его ласки и благоприятствы происходили не от чистого сердца, а имели основание свое на едином досадном этикете или, того еще хуже, на

природном свойственном ему лукавстве. Почему и заключал предварительно, что вряд ли этот дом найду я таким, где мне можно было бывать часто; но паче опасался, чтоб примечаемая во всем обхождении крайняя принужденность мне скоро не наскучила б и не отдалила меня от сего дома, что и воспоследовало действительно. Ибо не успел в нем побывать несколько раз, как, видя всегда единообразное обхождение, удаленное от всякого простосердечия и откровенности, и принужден будучи всегда сидеть на месте и строго наблюдать все чины, так всем тем наскучил, что стал ездить к нему как можно реже и просиживать у него кратчайшее время.

Что касается до превосходительной его молодой супруги, то называлась она Софья Ивановна, была гораздо его моложе и показалась мне боярынею очень-очень незамысловатою, а простодушною и прямо деревенскою.

Не успел я возвратиться* опять в свой дом, как и приступил уже к поправлению в разных пунктах моего домоводства и экономии. Мое первое и наиглавнейшее дело в сию первую осень состояло в распространении нашего молодого сада за проулком, известного ныне под именем верхнего. Всею прибавкою оного, сделанного умершим моим дядькою, был я весьма недоволен, но мне восхотелось распространить его и увеличить гораздо больше. И как, по счастию, случился подле самого сего сада превеликий коноплянник, занимающий все место между им и рощею,

---

*Из Москвы.

то и решился я весь оный занять под сад и совокупить с помянутым маленьким садиком.

Не могу и поныне надивиться тому, как имел я столько духа, что мог пуститься на такое великое предприятие, то есть на уничтожение всего старинного конопляника и превращение его в большой и обширный регулярный сад, дело, которое бы в старину почтено было за великое законопреступление, а предприятие сие беспримерною героическою отвагою! А оттого самого и от излишнего уважения и почтения к старине старики наши так мало и делывали дел и оттого так мало и оставили нам подле себя вещей, могущим нам припоминать оных.

Но как бы то ни было и как косо ни смотрели все старики из дворовых моих людей на затеваемое мною новое и, по мнению их, величайшее дело, но я приступил к оному и прожектировал план; как умелось, так и расчертил, и потом и начал засаживать его липками и яблонками. Все мои дворовые люди и все крестьяне, сколько я их не имел в близости, должны были помогать мне в сем великом деле и возить из леса липки и другие деревья, и копая рвы и ямки, садить оные в них и заниматься с утра до вечера.

Что касается до меня, то я был почти безвыходно в саду сем. И как это была для меня первоученка*, и я в первый еще раз в жизни заводил у себя совсем новый сад, то не мог довольно нарадоваться и навеселиться, когда начал он образоваться и получать

---

*Первоначальное обучение чему-нибудь.

свой вид и фигуру. Сколько раз ходил я взад и вперед по длинным и прямым, липками усаженным дорожкам и аллейкам! Сколько раз я до восхищения даже любовался яблонками и всем сим произведением ума и рук своих! И какие горы удовольствия не обещевал я себе от него в предбудущее время! Словом, я плавал тогда в неописанном удовольствии, и оным заплачен был с лихвою за все труды и убытки, которые употреблены были мною при посадке оного.

Но сколько же и погрешностей наделано было мною при основании и заведении тогда сего сада! И как тужу я и поныне, что я тогда слишком уже поспешил заведением оного и не взял времени, чтоб познакомиться наперед короче со всеми обстоятельствами деревенскими и с самым существом садов, которые до того были мне известны по одной наслышке; а, впрочем, был я в рассуждении их совсем еще не знающим и во всех моих делах бродил, как курица слепая...

Но ах, сколь мало знал я тогда, что я делал, и сколь мало все они были того достойны! Мне и в мысль тогда не приходило, что я сажал сущую и такую дрянь, которая саду моему была пагубна и навек его портила, и что я в последующее время тысячу раз тужить о том буду, что я ими, а не лучшими деревьями занимал тогда наилучшие места в саду этом...

Но как бы то ни было, но я засадил весь мой сад сею, ни к чему годною и такою дрянью, которая и поныне мне только досаду причиняет, и, выросши с дубья, не только приносит плод ни к чему годной,

но и дают плода так мало и приходят с плодом так редко, что не один уже раз собирался я от досады все их вырубить. И многие действительно, нимало не жалея, рублю, режу и кромсаю, стараясь их, но уже поздно, превратить в лучшие и достойнейшие садов моих деревья. И за счастие себе еще почитаю, что накупил их тогда не так много, чтоб можно было мне напичкать ими весь мой сад часто, и что садил я их так редко, что между ими мог еще подле помещать яблонки, воспитанные уже дома и родов лучших.

Но как бы то ни было, но я произвел у себя в самое короткое время преогромный регулярный сад, которым не мог довольно налюбоваться. И как было сие моим первым деянием экономическим, то и был я оным весьма доволен; и тем паче, что мог оное показать гостям своим в приближающийся день именин моих, к которому хотелось мне пригласить соседей и сделать для них обед и маленький деревенский праздник.

Но как письмо мое достигло до своих пределов, то дозвольте мне на сем месте остановиться и оное окончить, сказав вам, что я есмь, и прочее.

СОСЕДИ И ИМЕНИНЫ

ПИСЬМО 104-е

Любезный приятель!.. Наставшие осенние дожди и ненастья, сделавшие повсюду грязь и, наконец, самая стужа и зазимье, согнали меня с надворья и принудили сидеть в тепле и помышлять о внутренних занятиях и забавах.

И тогда-то, особливо в короткие и мрачные дни и длинные осенние вечера, почувствовал и узнал я впервые, что такое есть холостая и уединенная, одиночная и прямо деревенская жизнь! И как до того времени живал я всегда в людстве, был на людях и имел с светом сообщение; а тогда вдруг увидел себя удаленного от всякого сообщения с светом и в совершенном одиночестве и уединении.

Перемена сия, а особливо сначала, по непривычке еще, была для меня очень поразительна! И я не знаю, чтоб со мною было, если б не помогла мне в сем случае охота моя к книгам и литературе. Тут-то оказали книги и науки мои первую и наиважнейшую мне услугу, превратив скоро и самое скучнейшее осеннее время в наиприятнейшее и усладив так мою уединенную жизнь, что не только не чувствовал ни малейшей скуки и тягости, с уединением сопряженной, но, напротив того, был

еще так весел, что и не видал, как протекали дни и длинные вечера.

Ибо, не успел я приняться опять за свои книги, как тотчас и завели они меня в разные ученые упражнения и сделали то, что мне и в сие скучное осеннее время сделалась всякая минута так дорога, что мне не хотелось терять оную понапрасну. Почему и находился я в беспрерывных упражнениях и занимался то чтением книг, то размышлениями о читанном, то самим описанием, и либо сочинением чего-нибудь, либо переводом, либо переписыванием набело. И употреблял к тому не только все дневное время, но просиживал и вечера, и занимался иногда тем до полуночи самой, сидючи один с свечкою в больших своих и пустых почти хоромах и не чувствовав нимало скуки, с таким одиночеством и уединеннием сопряженной.

Я прочел в сие время не только множество разных книг, но, занимаясь нередко философическими мыслями, сочинил некоторые небольшие нравоучительные пьесы. Из сих в особливости памятны мне мысли мои «о времени и о душевном сне», в котором погружены бывают все люди, и некоторые другие, помещенные в книге, содержащей в себе первые опыты моих нравоучительных сочинений. И сии сочинения могут служить свидетельством тогдашнего расположения и занятия моих мыслей.

Словом, ученые мои упражнения произвели то, что я вместо скуки начинал и тогда уже чувствовать всю приятность свободной и ни от кого не зависимой, непринужденной и спокойной деревенской жизни, и не скучал нимало ни временем, ни одиночеством своим...

Не помню я ничего особливого, что б случилось со мной в течение всей осени, кроме того, что женил я младшего из бывших со мной в службе слуг и тогдашнего своего камердинера и лакея, Аврама. И как в доме не случилось тогда ни одной девки, которая б могла б быть ему невестою, то в удовольствие старика приказчика, отца его, купил я девку ему в одном соседственном дворянском доме и, по тогдашней дешевизне, только за десять рублей. А как был в доме у меня и другой жених, брат старшего моего слуги, Якова, то восхотелось сделать мне и ему удовольствие и женить таким же образом его брата на купленной в постороннем доме девке.

Впрочем, по наступлении настоящей зимы начал я мало-помалу собираться ко вторичной своей езде в Москву. Причины, побуждающие меня к сей езде, были разные. Во-первых, хотелось мне пожить сколько-нибудь подолее в Москве и спознакомиться короче с прежними моими знакомцами и родными, которых в первую мою поездку я видел только вскользь и сдружиться с ними не имел и времени. Во-вторых, нужно было мне и пообмундироваться и запастись таким платьем, какого у меня недоставало.

Далее думал я и том, не случится ли мне где-нибудь найти себе и невесту, с мыслями моими согласную: ибо, признаться надобно, что женитьба часто уже и самому мне приходила на мысль и возбуждала желание. Стечение в Москву со всех сторон в сию зиму дворянства, по случаю пребывания императрицы в оной, подавало к тому некоторую надежду; а к тому ж хотелось восприять участие и в разных уве-

селениях, о которых молва носилась, что в ту зиму в Москве будут...

Но как к путешествию таковому потребны были деньги, а у меня от прежних оставалось уже очень мало, то не мог я в путешествие сие прежде отправиться, как дождавшись возвращения отправленного в Москву обоза с хлебом. Сей обоз был первый, который отправил я при себе на продажу. И хотя я всячески старался сделать его многочисленным, но денег привезли ко мне за него весьма-весьма умеренное количество: но чему и дивиться не можно, если рассудить о тогдашних низких ценах хлебу и другим нашим деревенским продуктам. Рожь не выкупалась тогда выше рубля четверть; а которая была хуже, за ту не более 90 и 80 копеек давали. Ячменя четверть продавалась только по 90, а овса по 80 копеек; самое пшено и пшеница покупалась только по 160, а крупу и горох по 150 копеек четверть; самое масло покупалось только по 180 копеек пуд. Не ужасная ли разница с нынешними ценами, и что тогда и на превеликом обозе получить было можно?.. Но зато и сахар продавался тогда не дороже 10 рублей пуд, а в сравнении с ним и все другие вещи также. Вот какая разница произошла в течение каких-нибудь 30 или 40 лет! Но и то правда, что мы тогда не имели еще бумажных денег и не розданы еще были толь многие миллионы оных взайму дворянству.

Снабдив себя деньгами и собравшись в путь, отправился я в оный на другой день Рождества Христова. Но выезд в сей раз был мне очень неудачен. Не успел я проехать Серпухов, как занемог рвотою и жестоким поносом так сильно, что испужавшись,

чтоб не слечь в дороге, велел я тотчас оборачивать назад оглобли и везти меня обратно в деревню; но, по счастию, болезнь моя была самая кратковременная, не продлилась более одних суток и не имела никаких дальнейших последствий: ибо, как произошла она единственно от того, что я, разговевшись на Рождество, неосторожно наелся свиного желудка и тем свой желудок испортил; но не успела рвота и понос желудок мой очистить, как вся болезнь и прошла благополучно сама собою, и я в скором времени так оправился, что мог смело отважиться опять в путь свой и приехал в Москву благополучно.

Но как с сего времени наступил не только новый 1763-й год, но некоторым образом и новый период моей жизни, то и начну я описывать оный в письме будущем; а теперешнее тем кончу, сказав вам, что я есмь и прочая.

МОСКОВСКАЯ ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ

ПИСЬМО 105-е

Любезный приятель! Начиная теперь описывать вам новый и особый период жизни и происшествия, случившиеся со мной в течение 1763-го года, скажу вам, что период сей потому почитаю я некоторым образом особливым, что в оный спознакомился я сколько-нибудь с нашею приватною дворянскою светскою жизнию. Ибо до сего времени была вся жизнь моя более военная, находился я наиболее вне отечества своего, занимался мыслями своими более о книгах и ученых делах, а о светской жизни и обращении в оной имел всего меньше попечения; и потому относительно до оной был я почти совершенный еще невежда, и мне не только недоставало потребных к тому сведений и навыка, но было во мне много еще дикого, грубого и неболваненного,* — так, что я в светском обращении, а особливо в нашем дворянском приватном роде жизни, был еще очень несовершенным и представлял собою фигуру, со многими недостатками сопряженную. И с сего только времени начал я с сей стороны сколько-нибудь и

---

*Неотесанного; оболванить — обтесать, придать желаемый вид.

мало-помалу выправляться. Ибо, что касается до первых четырех месяцев, прожитых в деревне, то и сие время, препровожденное мною наиболее в уединении, не могло еще к тому много способствовать и преподало мне только случай узнать и приметить собственные мои в том и с сей стороны недостатки.

Сим выправление своим обязан я сей первой моей московской жизни или паче тем четырем домам, с которыми наиболее я тогда ознакомился и в которых наиболее провождал свое время. Все они были мне родные и для меня очень благоприятные и дружественные. Но дабы преподать вам лучшее о том понятие, то расскажу об них подробнее.

Первейшим и более всех соучастие в том имевшим домом, был дом преждеупоминаемого г. Павлова, шурина моего дяди.

Жена его была боярыня умная, расторопная, нарочито бойкая, знающая светское обращение и старающаяся жить так, как живут другие, с наблюдением, однако, во всем доброго хозяйства и благоустройства в доме. И как я имел счастие поведением и всеми поступками своими и ей понравиться и полюбиться, то обходилась и она со мною не только ласково и дружелюбно, но так, как бы действительно родная. И я выправлением всех своих несовершенств и недостатков весьма много обязан ее советам и обращению со мною. Что касается до моего дяди и тетки, то от них научиться и перенять мне было нечего; они сами были люди совсем не светские, а благодушные и простые, и я пользовался только их в себе ласкою и приязнею.

Итак, сей-то дом был первым, в котором, бывая всякий почти день и провождая действительно все

праздное время, спознакомился я сколько-нибудь с обращением светским. Ибо, как хозяева жили не совсем уединенно, а был к ним и довольный приезд всякого рода людей, то и имел я тут случай насмотреться, наслышаться и навыкнуть многому, к чему несколько поспешествовали и оба сыновья г. Павлова, бывшие уже взрослыми и воспитаны так, как требовала тогда светская жизнь и обращение. И как я всегда за правило себе поставлял прикраиваться во всех возможных случаях не только к старикам и степенным людям, но и к молодым и даже самым детям, то полюбили и они оба меня также, и обходились со мною искренно и дружелюбно. Словом, я был всем семейством г. Павлова и даже всеми приезжавшими к нему его родными и знакомыми очень доволен, и многие дни и часы с удовольствием особым препроводил в их доме.

Другой дом, имевший также в поправлении моем великое соучастие, был того дяди моего, г. Арсеньева... Я езжал к нему так часто, как только мне можно было; и как дядя, так и тетка принимали меня всякий раз с обыкновенным их ко мне дружелюбием, ласкою и благоприятством. Как оба они жили тогда в большом свете и к ним также был довольный приезд, и редко случалось, чтоб я у них не находил кого посторонних, и во всем наблюдалось тут уже более чинов и этикета, то имел я случай насмотреться многому такому, чего не видал в доме г. Павлова, и занять* также для себя кое-что, к по-

---

*Позаимствовать.

правлению недостатков моих служащего и был с сей стороны и сим домом обязан многим.

Третий дом, в который я также в сию бытность мою в Москве часто езжал, был прежде уже отчасти упоминаемого родственника моего, господина Бакеева, по имени Василья Никитича...

Я нашел в нем такого родственника, какого только могла желать душа моя. Был он человек самый добрый, благоприятный, степенный, обхождения самого простого, милого, откровенного, нецеремониального и так меня обласкал, что я с первого нашего свидания искренно и столь много его полюбил, что с особливым удовольствием обещал исполнить то, чего ему и всему семейству его очень хотелось, а именно, чтоб я видался с ними и приезжал к ним как можно чаще.

Сему дому обязан я был также чрезвычайно много, относительно до усовершенствования моего поведения. Люди они были хотя не богатые, но жили порядочно и в светском обращении были столь знающи, что весьма много занял я с сей стороны и в их доме.

Нельзя изобразить, сколь многому насмотрелся я, бывая во всех упомянутых мною домах, и какое множество получил новых для себя понятий! Всегдашнее обращение с людьми есть лучший для нас наставник и учитель. И как-то уже всем нам свойственно то, что от всякого рода сожития и обращения с людьми всегда что-нибудь и само собою и без всякого умышленного перенимания прилипает, то кольми паче* прилипало тогда ко мне все то, что я

---

*Кольми паче, коли — тем более, особенно.

видел и слышал в домах сих хорошего, когда о том я и сам еще старался и не упускал замечать в мыслях своих всякую всячину.

Впрочем, не помню я, чтоб в сию бытность мою в Москве произошло со мною что-нибудь особливое, кроме немногого нижеследующего.

Первое было то, что и тут, везде,где ни бывал я у моих родственников и знакомцев, твердили мне все то же, что говорено мне было уже в деревне от моих соседей и знакомцев, а именно, что мне надобно жениться и помышлять уже и о сыскании себе невесты. Напоминания таковые слышал я везде и везде и слышал многажды. И хотя я нимало того не отвергал, но паче и сам охотно со мнением их соглашался, и нередко всем им говаривал:

— За чем дело стало? Жениться, так жениться; а сыщите только невесту.

Но как просьбы о том никогда почти не были прямо серьезные, а наиболее смехом, и никому еще не хотелось входить в сватовство, а все наболее отзывались тем, чтоб я сам наперед приискал себе по мыслям своим невесту, то и не доходило еще никогда до настоящего сватовства. Один только дядя мой, Матвей Петрович, и любезный мой сосед, Александр Иванович Ладыженской, который также в сие время был в Москве, и с коим мне случилось увидеться, поступили несколько далее.

Первый, по любви своей ко мне, настоял всех больше на то, чтоб я искал себе невесты и женился скорее. Не проходило почти ни одного дня, в который бы не возобновлял он вновь со мною о том разговора и чтоб не спрашивал меня: не случилось ли

мне где-нибудь заприметить девушки такой, которая бы мне годилась в невесты? Но как я всегда сказывал ему, что — нет, как то и действительно было, то всякий раз и сожалел он вновь, что не было тогда в Москве одной девушки, бывшей у него на примете, и такой, которая, по мнению его, могла б годиться мне в невесты, а именно госпожи Палициной...

О сей девушке упоминал он мне еще в самую первую мою в Москве бытность и, приписывая ей многие похвалы, не сомневался почти в том, что ее за меня отдадут, как скоро я посватаюсь. А и в сей раз не проходило почти дня, в который бы он ее не напоминал и мне не расхваливал. Но я не знаю, что-то особое и непостижимое меня так от невесты сей удаляло, что я с самого начала не хотел нимало прилепляться к ней своими мыслями; а после, всякий раз, даже и слышать не хотел о ее имени, хотя я ее никогда не видал, и какова она, о том ни малейшего понятия не имел. Может быть, происходило от того, что невеста сия казалась мне слишком против меня недостаточна: ибо дядя мой с самого начала от меня того не таил, что за нею не более пятидесяти душ; а сие количество, по свойственному желанию всем женихам — жениться на богатых невестах, казалось мне уж слишком мало.

Я хотя и не искал себе слишком богатой невесты, каковую б получить за себя и не надеялся, но на слишком бедной жениться мне также не хотелось; а особливо потому, что и собственный мой достаток был не слишком велик, а весьма-весьма незнаменит. Почему и твердил я всегда, что хорошо бы, когда мой был обед, а женин ужин. Всходствие чего и не

спешил прилепляться слишком скоро к небогатым невестам, но ожидал от времени — не случится ли богатее и лучше. А потому из сего предложения дяди моего ничего и не вышло; и сколько он мне об ней, как тогда, так и после того не твердил, но я не только свататься, но и видеть ее, — и тем паче не соглашался, что не почитал дядю своего способным судить о качествах невесты, а особливо, когда и самому ему она не была коротко знакома.

Что ж касается до помянутого соседа моего, господина Ладыженского, то сему, также по любви своей ко мне, вздумалось мне предложить: не хочу ли я видеть одних знакомых ему и тогда в Москве находившихся девушек и не понравится ли мне какая-нибудь из них, в котором случае мог бы он охотно взять на себя комиссию и за меня посватать.

— А ежели не придет ни одна по мыслям, — говорил он — то так тому и быть: мы и не начнем никакого дела.

— Очень хорошо, — сказал я, — посмотреть не диковинка, но только без всякого наперед сватания. Но как же это можно? И кто они таковы? И как богаты? Это мне также наперед знать надобно.

— Это и дело, — отвечал он. — И все это я тебе, сосед мой дорогой, и расскажу. Видеть можем мы их в собственном их доме; сядем-таки в санки с тобою вместе и поедем прямо к ним в дом. Мне они знакомы и несколько сродни: отец их доводится мне дядя, а они сестры. Однако не подумай, чтоб я тут мог иметь какое пристрастие; этого ты от меня не опасайся, и для меня все равно: полюбится ли тебе из них какая, или нет. А чтобы лучше можно было

тебе их рассмотреть, то поедем так, чтоб нам можно было их застать врасплох и нимало не предуведомляя о нашем приезде. Я скажу, что я вместе с тобою ездил в город, и как давно с ним не видался, то вздумал к ним заехать и уговорил тебя сделать мне компанию.

— Очень хорошо, — сказал я, — и это всего лучше. Удастся — квас, а не удастся — кислые щи!

— Ну, ладно! — подхватил он. — А на другой твой вопрос — кто они таковы, скажу тебе, что они Кушелевы. Что ж касается до того, сколь они богаты, о том не могу сказать тебе в точности; и сколько отец приданого даст — не знаю. А то только скажу, что и сам он не слишком богат, и многого дать ему за ними не можно. К тому ж, есть у него еще и сын. Однако об этом в точности узнать можно после; а наперед посмотреть только: ежели и не полюбится ни одна, то и начинать нечего.

— Хорошо, — сказал я, — изволь, поедем.

Мы, не отлагая сего дела вдаль, и произвели оное в действо, и в дом господина Кушелева ездили. И один вид уже сего дома не обещал мне ничего хорошего. Был он самый старинный, низенький и обветшалый. Нас провели через закоптевшую от древности залу, в гостиную, которая была еще того темнее и имела приборы наипростейшие в свете. Тут нашли мы самого хозяина, лежащего в расслаблении в одном углу, подле дверей самых. Он был рад нашему приезду и посадил нас подле себя.

Между тем, покуда мы с ним говорили и он меня кой о чем расспрашивал, искал я с любопытством девиц, дочерей его, и за темнотою комнаты и самых

почти сумерок, насилу усмотрел их, сидящих всех рядышком в черном платье, подле противоположной стены и в нарочитом от нас отдалении.

Я напрягал сколько мог зрение мое для точнейшего их рассматривания; но не находил ни в одной того, чего искал. Все они казались мне девушками изрядными; но ни одна не была по моим мыслям и таковою, чтоб могла сколько-нибудь привлечь на себя особенное внимание. В самой лучшенькой из них не только не находил я ничего для себя прелестного, но было в ней что-то такое особливое, что меня от нее власно как отторгало. А как сверх того, в доме сем наблюдались такие чины и во всем приметна была превеликая и такая принужденность, что я не слыхал ни единого слова, выговоренного девушками сими, то все сии обстоятельствы, а вкупе и небогатое состояние самого дома, так мне не полюбилось, что я захотел уже из оного скорее вырваться. И потому, мигнув товарищу своему, побудил его поспешить окончанием нашего визита и своим отъездом.

Не успели мы выехать за вороты, как спросил меня мой товарищ о том, каковы показались мне девушки?

— Что, братец, — сказал я, — девушки изрядные; но что-то ни одна из них не пришла мне как-то по мыслям. Но в образе и самой лучшенькой из них, которую ты называл Анною Ивановною, находил я что-то особливое, и такое, что вселяло в меня некоторое от нее и непреоборимое отвращение. И по всему видимому вряд ли ей быть когда-нибудь моей невестою: и судьба видно ее не мне, а кому-нибудь другому назначила.

— Это я отчасти и сам в тебе заприметил, — сказал мне мой товарищ. — А как в то время, когда ты выходил вон, я успел с дядею словца два и о тебе и о приданом перемолвить,то узнал, что хотя ты ему полюбился очень-очень и он охотно бы хотел иметь тебя своим зятем; но приданое-то за ними так мало, что я ажно ужаснулся и тужил уже о том, что и привозил тебя сюда. А теперь, благо и тебе они не понравились, так и Бог с ними, и мы дело сие и оставим.

Сим образом кончилось тогда сие происшествие и начальное мое, так сказать, полусватанье и неудачное свидание с невестами. Я выложил их тотчас из головы, и тем паче, что не находил в них и сотой доли тех приятностей и совершенств, какие видел я почти ежедневно в родственницах моих Бакеевых, а особливо в меньшой, и каковые хотелось мне охотно найтить в своей невесте.

. . . .

Сим кончу я сие письмо мое и, предоставив о прочем рассказание в письмах будущих, скажу, что я есмь ваш, и прочая.

МАСКАРАД

ПИСЬМО 106-е

Любезный приятель! Приступаю к продолжению моей повести. . . . .

. . . .

Подошла нечувствительно и сама масленица, которую неотменно хотелось мне взять в Москве и видеть все приуготовляемые там увеселения. . . . . .

Я нашел тогда всю публику московскую, занимающуюся разговорами о имеющем быть вскоре уличном маскараде. Как зрелище сие было совсем новое, необыкновенное и никогда, не только в России, но и нигде не бывалое, то все дожидались того с великою нетерпеливостию. Новой нашей императрице* угодно было позабавить себя и всю московскую публику сим необыкновенным и сколько, с одной стороны, великолепным, столько, с другой стороны, весьма замысловатым и крайне приятным и забавным зрелищем.

Маскарад сей имел собстенною целию своею осмеяние всех обыкновеннейших между людьми пороков, а особливо мздоимных судей, игроков, мотов,

---

*Екатерина II.

пьяниц и распутных и торжество над ними наук и добродетели: почему и назван он был «торжествующею Минервою».* И процессия была превеликая и предлинная: везены были многие и разного рода колесницы и повозки, отчасти на огромных санях, отчасти на колесах, с сидящими на них многими и разным образом одетыми и что-нибудь особое представляющими людьми, и поющими приличные и для каждого предмета нарочно сочиненные сатирические песни. Пред каждою такою раскрашенною, распещренною и раззолоченною повозкою, везомою множеством лошадей, шли особые хоры, где разного рода музыкантов, где разнообразно наряженных людей, поющих громогласно другие веселые и забавные особого рода стихотворения; а инде шли преогромные исполины, а инде удивительные карлы. И все сие распоряжено было так хорошо, украшено так великолепно и богато, и все песни и стихотворения петы были такими приятными голосами, что не инако как с крайним удовольствием на все то смотреть было можно.

Как шествие всей этой удивительной процессии простиралось из Немецкой слободы по многим большим улицам, то стечение народа, желавшего сие видеть, было превеликое. Все те улицы, по которым имела она свое шествие, напичканы были бесчисленным множеством людей всякого рода; и не только все окны домов наполнены были зрителями благо-

---

*Минерва — римская, Афина — греческая богиня, покровительница поэтов, ученых, врачей и т.д.

родными, но и все промежутки между оными установлены были многими тысячами людей, стоявших на сделанных нарочно для того подле домов и заборов подмостках. Словом, вся Москва обратилась и собралась на край оной, где простиралось сие маскарадное шествие. И все так оным прельстились, что долгое время не могли сие забавное зрелище позабыть; а песни и голоса оных так всем полюбились, что долгое время и несколько лет сряду увеселялся ими народ, заставливая вновь их петь фабричных, которые употреблены были в помянутые хоры и научены песням оным.

Мне при помощи помянутого родственника моего г. Бакеева удалось получить наилучшее место для смотрения сего всенародного зрелища. Как он служил при полиции, то не трудно ему было приискать для всех своих знакомцев особый и покойный дом, где компания наша могла занять все окны. Тут была наша княгиня, тут были его родные и некоторые другие. Но я так охотно хотел видеть внятнее сие необыкновенное зрелище, что не восхотел смотреть в окны из-за боярынь, а, желая иметь более простора, сошел вниз на двор и, выбрав себе любое место на сделанном возле забора помосте, смотреть оное на свободе оттуда. А как по счастию случилась на тот раз и погода самая умная, то есть серая, тихая и умеренная, и не было ни тепло, ни холодно слишком, то и было мне смотреть очень хорошо.

Кроме сего, помянутый родственник мой, у которого в доме я в сие время почти всякий день бывал, доставил мне и другое, и для меня особенное удовольствие, а именно свозил меня с собою в придвор-

ный театр и дал случай видеть придворными актерами самую ту трагедию представляемую, которая была мне почти вся наизусть знакома: а именно «Хорева». Театр сей был тогда еще деревянный и построенный на поле неподалеку от Головинского дворца и набит был в сей раз таким множеством народа, что мы насилу могли с ним выгадать себе местечко в партерах.* И удовольствие, которое я имел при смотрении сей трагедии, было неописанное, а не менее увеселяла слух мой и придворная музыка.

Впрочем, как тогда в Москве не было еще таких публичных маскарадов и съездов, какие введены в обыкновение после, а особливо по построении большого каменного московского петровского театра, а все таковые балы и маскарады даваны были только при дворе во дворце Головинском, а туда не всем можно было иметь вход, а места мало было и для одних знатных; то в сих и не могли мы иметь ни малейшего соучастия, а довольствовались уже своими, приватными съездами и вечеринками, а днем — катанием и ездою в санях по всем лучшим улицам и к горам, на которых народ веселился катаньем.

В сих беспрерывных увеселениях препроводил я всю тогдашнюю масленицу. Я стоял на прежней своей квартире и не выпрягал почти лошадей за ежедневным разъезжанием по гостям. Во всех знакомых мне домах бывал я по нескольку раз и не один раз получал случай кой-где и потанцовать, а особливо в доме у княгини Долгоруковой, где быва-

---

*См. примечание 5 после текста.

ли часто превеликие собрания, музыка и самые танцы. . . . .

По наступлении ж второй недели не стал я уже более медлить и жить в Москве; но, распрощавшись со всеми моими родными и знакомцами и оставив дядю моего заниматься своими приказными хлопотами до самого последнего пути, пустился в обратный из Москвы путь, в милое и любезное свое уединение, и повез с собою хотя множество снисканых новых знаний и общих понятий, но сердце не столь свободное и спокойное, с каким приехал; однако нельзя сказать, чтоб и слишком беспокойное. Ибо не успел я и приехать в деревню и заняться прежними своими литературными упражнениями, как и позабыто было скоро почти все, и я сделался столько же спокоен, как был и прежде.

Окончив сим образом свою московскую поездку, окончу я и сие мое письмо, как достигшее уже до своих пределов, и скажу вам, что я есмь, и прочее.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ И УПРАЖНЕНИЯ

ПИСЬМО 107-е

Любезный приятель! Между тем как я помянутым образом жил и веселился в Москве, происходили в деревне у нас другие увеселения и такие происшествия, которые были для меня весьма неприятны и кои произвели во мне великую досаду, как, возвратясь в дом, об них услышал.

В дачах наших находился один молодой заказ,* подле деревни нашей, Болотовой, воспитанный и береженный уже несколько десятков лет, и лесок столь прекрасный, что я, видая оный осенью, не мог им довольно налюбоваться. Сей-то прекрасный и почти единый молодой, какой мы имели, вздумалось нашим деревенским жителям срубить весь без нас до основания и чрез то единым разом разрушить всю нашу на него надежду.

Я ужаснулся и обомлел даже, когда увидел на дворе у себя весь колясочный сарай, набитый сплошь и до самого верха и установленный стоймя сим лесом, который успел уже вырости в нарочитое бревешко. Усач, приказник мой, зазвав меня

---

*Лес — заказник — заповедная роща, оберегаемый лес.

в оный, вздумал тем еще похвастать и надеялся получить за это от меня великую себе благодарность.

— Посмотрите-ка, сударь, — сказал он, — сколько наготовил я вам дров — на круглый год их станет!

— И!.. Да где ты такую пропасть взял? — спросил я его, удивяся.

— Где? — отвечал он. — В молодом заказе Болотовском.

— Да кто тебе дозволил его рубить?

— Никто не дозволял; а его более нет, — сказал он — весь его снесли до хворостинки. И если б я немного помедлил, так бы ничего не застал и этого б не было!

Обомлел я, сие услышав, и не хотел было почти верить словам его — так было мне жаль заказа!

— Да умилосердись, как это сделалось? Расскажи ты мне порядочнее.

— А вот как, — отвечал он мне — вы знаете, что лес сей у нас общий у всех; но мы никто до сего времени в нем не рубили, но более двадцати лет берегли. Но ныне, без вас, вздумалось что-то дедушке вашему Никите Матвеевичу послать в него всех крестьян своих и приказать рубить. А не успел он сего сделать, как поехали и дядюшкины: а на них смотря, и все наши деревенские: и ну его рубить сподвал,* и как не попало взахват.** Я, видя, что все его рубят и денно и нощно, рассудил, что мне от-

---

*Сплошь, без разбору.

**Насильственно присваивая.

ставать от других не можно. И так, против хотения, принужден и я всех своих послать и таким же образом велеть рубить. И вот сколько мы навозили; а таким же образом завалены теперь и все крестьянские дворы и здесь, и в Болотове. Всякий рубил, кто только мог и хотел: и в три дня всего заказа как не бывало!

— Куда как хорошо, — вздохнув, отвечал я, — и вот следствия общего чрезполосного владения! Но можно ль было ожидать того от его превосходительства?.. Ну, скажет же ему, дядюшка мой, за то спасибо!

Но что мы с ним ни говорили, но заказа нашего как не бывало, и превосходительный наш господин генерал умничаньем своим сделал нас на долгое время без дров и без леса.

Чрез несколько недель после того съехал с Москвы и дядя мой и приехал жить к нам на все лето с женою своею в деревню. Я был очень рад его приезду, ибо с ним мог я и видеться чаще, и время свое препровождать сколько-нибудь приятнее, нежели с другими. Итак, покуда продолжалась зима, то делил я свое время с ним и с моими книгами. За сии не преминул я приняться опять, как скоро возвратился из Москвы в деревню, и они, вместе с красками и кистями, которыми, будучи в Москве, запасся, заменяли мне много недостаток общества. Кроме их, занимал меня много и вышедший из наук столяр мой. Я снабдил его всеми нужными инструментами, и мы тотчас начали с ним кое-что шишлить,* мастерить и работать.

---

*Копаться, возиться с чем-нибудь.

Я указывал и надоумливал его в том, чего он еще не разумел, и отменное его удобопонятие ко всему меня радовало и веселило.

Посреди всех сих упражнений я и не видал, как прошла достальная часть зимы; а не успела весна начать вскрываться, как множество разнообразных новых дел и упражнений дожидались уже меня и готовились занимать собою и ум мой, и члены, в сердце же водворять мало-помалу все приятности уединенной и свободной сельской жизни.

Как весна сия была еще первая, которую в совершенном возрасте и научившись любоваться красотами натуры, препровождал я тогда в деревне, то не могу изобразить, сколь бесчисленное множество наиприятнейших и невинных радостей и забав доставила она мне во все продолжение течения своего.

. . . .

Со всем тем не упускал я заниматься и экономиею сельскою и посвящать ей знаменитую часть праздного времени своего. В течение зимы имел я довольно досуга к тому, чтобы обдумать все части оной и позаметить в мыслях своих, что и что сделать бы мне в течение наступающей весны, лета и осени.

Не хотя вести домоводства своего так слепо и с таким небрежением, как ведут его многие, а желая основать оное колико можно порядочнее и лучше, завел я всему порядочные записки, переписал все замышляемые дела, все нужные поправления старых вещей и все затеваемые вновь заведения и предприятия и, соображаясь с малолюдством

и достатком своим, избирал то, что казалось нужнейшим пред другими вещами, и давал всегда сим преимущество пред такими, кои были либо не столь нужны, либо могли терпеть еще несколько времени. А всегдашнее наблюдение сего правила и порядка в самых работах и помогло мне очень много в моем домоводстве, и сделало то, что я очень немногими людьми в самое короткое время успел произвесть то, чего иные и многими людьми и несравненно в должайшее время произвести не в состоянии.

Все мои упражнения относились в течение сего лета наиглавнейше только к двум предметам: к зданиям и садам моим. Первым как ни располагался я спешить, но как нужду терпел я и в первейшей потребности житейской, то есть ту, что мне жить было негде, ибо дом мой был уже слишком ветх и староманерен, и те комнаты, где я сначала расположился жить, были и скучны, и темны, и дурны, и совсем не по моим мыслям; то расположился я воспользоваться находящеюся в конце хором за сеньми нежилою и, по-видимому, довольно еще крепкою двоенкою* и не только сделать из них для жилья себе два порядочных покойца, но присовокупить к ним еще и третий, сделав оный из задней половины передних больших и просторных сеней.

Итак, решившись предпринять сие дело, которое бы в старину почтено было смертным грехом

---

*Двойной избой.

и неслыханным отважным предприятием, не успел я дождаться приближения весны, как и должны были плотники прорубать стены и проваливать где двери, где места под печь, где окошки большие, где забирать вновь стены, где из дверей делать окны, и так далее. И работа, по указанию и распоряжению моему, пошла с таким успехом, что усач приказчик мой, смотря на все сие, молчал и пожимал только плечами: ибо ему таких отважных предприятий не приходило никогда в голову. А увидев чрез короткое время прекрасные и веселые покойцы, в которых жить никому было не стыдно, не верил почти глазам своим и только удивлялся, как я успел все то так скоро и хорошо сделать.

Сие и действительно так было: ибо мне как-то удалось очень скоро всю сию работу кончить и нажить себе три, хотя небольшие, но прекрасные и веселые комнатки с большими окнами и не только с подбитыми холстиною и выбеленными потолками, но и обитые самим мною по холстине и довольно хорошо разрисованными обоями. Один и величайший из сих покойцев, сделанный из бывшей до сего харчевой светлички, составлял у меня некоторой род гостиной или передней. Я осветил его тремя большими и порядочными окнами: одно из них было на двор, а два прорублены вновь в сад, где пред самыми оными отгородил я особый огородец и сделал порядочный цветничок. Для нагревания же оного снабдил его особою, и хотя кирпичною, но порядочно складеною и мною расписанною печкою. Обои же в оном сделал я свет-

ло-пурпуровые с цветочками и столь красивые, что горенка сия была хоть куда.

Второй покоец сделал я своею спальнею, превратив ее из старинной темной кладовой и соединив дверьми, осветил его двумя большими окнами, которые оба были в сад. И как одно из них было на полдень, то сие и придавало обоим сим покойцам довольно светлости. Я обил стены сего желтыми и также росписными обоями.

Третий, маленький и из задней половины больших сеней сделанный покоец, составлял по нужде и заднюю и лакейскую комнату. Дверьми имел он соединение и с передними и задними сенями, и с моею спальнею, с которою и одна печь его нагревала.

Сия-то была первая в доме моем внутренняя и далеко еще не совершенная переделка; но, по крайней мере, я тогда и сим был очень уж доволен и тотчас перебрался туда жить, как скоро она поспела. А дабы любопытнейшим из потомков моих можно было видеть сию мою первую переделку, то изобразил я оную в приобщенном при сем плане и рисунке...

Но сие было не одно, в чем я тогда упражнялся. Но между тем, покуда сие плотники с столяром моим перестроивали, занимался я садами своими. Я навещал ежедневно свой новонасажденный и поспешествовал чем можно было скорейшему его принятию. А сверх того начал помаленьку приниматься и за старинный свой и подле хором находящийся сад.

. . . .

Во всех сих садовых занятиях и упражнениях моих был сотоварищем и помощником моим один из стариков, живших тогда во дворе. Не имея у себя никакого садовника и ни единого из всех людей моих такого, который хотя б сколько-нибудь знал сию важную часть сельского домоводства, долго не знал я и не мог сам с собою согласиться в том, кого бы мне приставить к садам моим и сделать садовником. Но, наконец, попался мне сей старичок на глаза и полюбился по своей заботливости, замысловатости и трудолюбию. Он служил при покойном отце моем, бывал с ним во всех походах и звали его Сергеем, но известен он был более под именем Косова. Так называл его всегда мой родитель, так называл его я, но, наконец, прозвали его все дядею Серегою.

Сему-то доброму старичку решился я препоручить все сады мои в смотрение. И сей-то прежний служитель отца моего, которого на старости мы женили и выпустили было в крестьяне, но взяли опять во двор, был и садовником моим, и помощником, и советником, и всем, и всем. И хотя сначала и оба мы ничего из относящегося до садов не знали; но иностранные книги обоих нас в короткое время так всему научили, что он вскоре сделался таким садовником, какого я не желал лучше. И он пришелся прямо по мне и по моим мыслям; ибо не только охотно исполнял все, мною затеваемое и ему повелеваемое, но по замысловатости своей старался еще предузнавать мои мысли и предупреждать самые хотения мои, чем наиболее он мне и сделался приятным. И я могу сказать, что все прежние сады мои разными насаждениями

своими и всем образованием своим обязаны сему человеку. Его рука садила все старинные деревья и воспитывала и обрезывала их; и его ум обработал многие в них места, видимые еще поныне и служащие мне всегдашним памятником его прилежности и трудолюбия. Словом, я был сим служителем своим, дожившим до глубочайшей старости и трудившимся в садах моих до последнего остатка сил своих, так много доволен, что и поныне при воспоминании его и того, как мы с ним тогда живали, как все выдумывали и затеи свои производили в действо, слеза навертывается на глазах моих, и я, благословляя прах его, желаю ему вечного покоя, — и тем паче, что приемник и ученик его, нынешний мой главный садовник, далеко не таков, каков был сей рачительный и добрый старичок.

Наконец, книги, сии всегдашние и наилучшие мои друзья и собеседники, преподавали мне также многие поводы к чистым и непорочнейшим забавам и утехам. Весьма понятно и поныне мне еще то, как много помогли они мне тогдашнюю, прямо уединенную и от всего светского шума удаленную жизнь препровождать в спокойствии и удовольствии совершенном, и как много с своей стороны поспешествовали всем тогдашним моим увеселениям. При помощи их вел я тогда жизнь прямо философическую, и большую часть времени своего посвящал им и науке сельского домоводства.

К сей, при помощи их же, я так прилепился, что позабывал почти о разъезжании по гостям, но всегда охотнее оставался один дома, занимался своими са-

дами и книгами, нежели препровождал время в сообществах с такими соседями и людьми, из которых не было ни одного, с кем бы можно было молвить разумное словцо и побеседовать прямо дружески. Словом, весь тогдашний образ моей жизни был особливый и так единообразен и прост, что я могу оный немногими словами описать.

В каждое утро, встав почти с восхождением солнца, первое мое дело состояло в том, чтоб, растворив окно в мой сад и цветничок, сесть под оным и вознестись при том мыслями к производителю всех благ и пожертвовать ему первейшими чувствиями благодарности за все его к себе милости. Между тем как я сим первым и приятнейшим для себя делом занимался, готовил мой Абрам (который продолжал и в деревне мне служить и отправлять должность камердинера, при помощи одного мальчишки, по прозвищу Бабая) мой чай.

Сей был у меня в тогдашнее время особливый. Некогда имея нужду полечить себя от заболевшей груди вареною в воде известною травою буквицею*, подслащенною медом и приправленною сливками и продолжая пить сего напитка несколько дней сряду, я так к нему привык, и он мне сделался так приятен, что я позабыл совсем о чае и пил вкусный отвар сей всякое утро с таким же удовольствием, как и самый лучший чай китайский. Итак, не успею, бывало, встать, как чрез несколько минут и принашивал ко мне мой Абрам

---

*Буквица — буковица, буковина — полевой шалфей.

на подносе чайничек с вареною буквицею и с кострюлечкою с растопленным медом, и с другою такою ж с согретыми сливками; а Бабай мой следовал за ним с раскуренною трубкою с табаком. И я, опорожнив их до дна и напившись досыта, вскидывал на себя легкую, простую и спокойную деревенскую одежду и, всунув в карман какую-нибудь книжку, спешил в сады свои.

Там, ходючи по своим аллеям и дорожкам, любовался я вновь всеми приятностями натуры, вынимал потом из кармана книжку и, уединясь в какое-нибудь глухое местечко, читывал какие-нибудь важные утренние размышления, воспарялся духом к небесам, повергался на колена пред обладателем мира и небесным своим отцом и господом и изливал пред ним свои чувствования и молитвы. Препроводив в том несколько минут, продолжал я хождение свое, отыскивал своего садовника, приказывал ему, что в тот день или час ему делать; и обходив сим образом и сады свои все, а иногда и всю усадьбу свою, возвращался я паки к удовольствию в свою комнату. Тут находил я всегда уже готовый для себя завтрак.

Сей состоял у меня обыкновенно из сваренной в кастрюлечке грешневой каши-размазенки. Приправив ее хорошим чухонским маслом, выпоражнивал я ее с особливым вкусом и приятностию. После чего либо садился на верховую лошадь и выезжал на свои поля осматривать и производимое хлебопашество, либо отхаживал опять в сады и в те места, где в тот день производились работы, и присутствовал при оных.

Двенадцатый час возвращал меня опять в мои комнаты. Тут дожидался уже меня изготовленный легкий и хотя не пышный, но сытный и приятный деревенский обед. И я, насытив себя, либо выходил опять в сад и, между тем как обедали и отдыхали мои люди, занимался там, сидючи где-нибудь под приятною тенью, читанием взятой с собой приятной книжки; либо брал в руки кисти и краски и что-нибудь рисовал до того времени, покуда работы воспринимали опять свое действие и меня к себе призывали. Приятное же вечернее время посвящал я опять увеселениям красотами натуры; и чтоб удобнее ими пользоваться и наслаждаться, то удалялся обыкновенно в старинный свой нижний сад, откуда видны были все окрестности и все прекрасное течение извивающейся нашей реки Скниги. У меня выбрано было к тому особое и лучшее местечко на самом обнаженнейшем хребте горы своей.

Тут, сидючи на мягкой мураве, при раздающемся по всем рощам громком пении соловьев, любовался я захождением солнца, бегущею с полей в дом и чрез речку перебирающеюся скотиною, журчанием воды, переливающейся чрез камушки милой и прекрасной реки нашей Скниги. И нередко приходя от того в приятные даже восторги, просиживал тут иногда до самого позднего вечера, и до того, покуда прихаживали мне сказать, что накрыт уже стол для ужина.

Сим и подобным сему образом провождал я тогдашнюю свою уединенную холостую жизнь и за беспрерывными упражнениями не видал, как прошла

вся весна тогдашнего года. Наступившее потом лето принесло некоторые другие занятия, но о которых упомяну я в письме последующем; а теперешнее, как довольно увеличившееся, сим окончу, сказав вам, что я есмь, и прочее.

ПРОИСШЕСТВИЯ КРИТИЧЕСКИЕ

ПИСЬМО 108-е

Любезный приятель! Изобразив вам в последнем письме всю приятность первоначальной моей деревенской жизни, скажу теперь, что сколь ни была она приятна и как я ею ни был доволен, но со всем тем чувствовал я всегда, что мне при всех моих заботах и увеселениях чего-то недоставало и что самым сей недостаток делал все их как-то несовершенными.

Сначала недостаток сей был мне не весьма чувствителен; но чем далее, тем становился он мне чувствительнее — и сделался, наконец, столь приметен, что я стал уже об нем и размышлять, и существо его исследовать. И тогда скоро открыл я, что важный недостаток сей происходил от совершенного моего одиночества и состоял единственно в неимении при себе другого и такого мыслящего существа, которому мог бы я сообщать все свои мысли и с которым бы мог разделять все свои чувствования. Словом, мне нужен был товарищ такой, который бы имел согласные со мною мысли и такие же чувствования, как я ...

Все те дни и часы, которые провождал я в сообществе с приезжавшим кой-когда ко мне приятелем моим, господином Писаревым, доказывали

мне, сколь многое зависело от сообщества с человеком, с которым можно было обо всем говорить, и сколь отменны дни сии были от препровожденных в совершенном уединении. И как недостаток становился мне час от часу ощутительнее, и я наградить оный надеяться мог только чрез женитьбу, то хотя надежда сия была и не достоверная, но как не было ничего иного лучшего, то само сие обстоятельство и побуждало меня чем далее, тем чаще и более помышлять о моей женитьбе и о приискании себе в жены такого товарища, какого, собственно, мне недоставало и какого желало мое сердце.

Но сие скорее сказать, нежели сделать было можно. Ибо, как хотелось мне не только такой, которая бы была довольно умна и к составлению мне такого товарища, какой мне нужен был, способна; но которая бы и собою была, хотя не красавица, но по крайней мере такова, чтоб мог я ее, а она меня любить; а сверх всего того, которая не совсем была бедна, но приданым своим сколько-нибудь могла б не большой, а весьма умеренный достаток мой увеличить, то таковую при тогдашних обстоятельствах моих и найтить не скоро или паче с трудом было можно.

Знакомство мое было не так обширно, чтоб я всех бывших тогда в домах взрослых девушек мог видеть и сколько-нибудь узнавать. Родственников и таких людей, которые бы могли в сем случае помогать, имел я также мало, а которых и имел, так все они были не таковы, чтоб мог я ожидать от них важной и существительной в сем случае услуги и вспоможе-

ния. А сверх всего того, и во всех ближних окрестностях и соседстве нашем было тогда как-то очень мало девиц, могущих быть мне сколько-нибудь под пару. Ибо, в иных домах хотя и были, но слишком против меня богатые, и такие, о которых мне помышлять было не можно; а другие, напротив того, но слишком еще молоды и малы и в невесты мне еще не годились. О других носилась молва, что они привязаны уже были слишком к светской жизни, и которые, будучи девушками самыми модными, были совсем не на мою руку; а иные, наконец, не имея никакого воспитания, были уже слишком просты и таковы, что живучи с ними не можно было ожидать себе желаемой подмоги. А что всего хуже, то число и всех их было так невелико, что и выбирать было не из чего. А все сие сколько с одной стороны удерживало меня от поспешности при выбирании себе невесты, столько с другой стороны озабочивало и производило опасения, чтоб за такими переборами не остаться, когда не навсегда, так надолго без невесты.

Итак, хотя и были у меня с дядею и другими многократные разговаривания о невестах, но до половины лета не было у меня ни одной такой на примете, за которую бы можно мне было посвататься. Из всех, по достатку, сколько-нибудь казалось мне сходнейшею одна, о которой упоминала мне одна из заводских немок, называемая Ивановною. Сия добренькая старушка всегда, когда ни случалось ей у меня бывать, говаривала мне, что у ней есть на примете для меня хорошая и такая невеста, которая была бы мне очень под стать; но сожалела, что была

она еще слишком молода и что ей только минуло двенадцать лет. А сие не допускало ни меня, ни ее о сей невесте и думать. Другие же, кой-кем предлагаемые, были все как-то не по моим мыслям и таковы, что мне никак не хотелось начинать с ними какое-нибудь дело.

. . . .

. . . .

Дозвольте мне сим оное кончить и сказать вам, что я есмь, и проч.

НАЧАЛЬНОЕ СВАТОВСТВО

ПИСЬМО 109-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .

Старушка бабка моя, госпожа Темирязева, увидевшись со мною, насказала мне так много об одной знакомой ей и довольной достаток имевшей девушке, из фамилии Хотаинцовых — что я, восхотев ее усердно видеть, с особливою охотою согласился на предлагаемое старушкою в доме у ней с девушкой сею свидание. Старушка не успела получить на то мое согласие, как дала тотчас о том знать матери той девушки; и как та давно уж того дожидалась и дочь свою за меня прочила, то и назначен был тотчас к тому и день. И мы с дедом моим, Никитою Матвеевичем, приглашены были к помянутой старушке, сестре его, и туда поехали.

Во всю дорогу старик, издеваясь, и шутками говорил мне, чтоб я смотрел невесту сию пристально, а не излегка, и чтоб не прельщался одною красотою, а рассматривал и все прочее. Но, по счастию, не нужны были все внушаемые им мне предосторожности.

Невеста, которую нашли мы приехавшею туда уже до нас, не показалася мне и при первом уже

на нее взгляде. Она была хотя недурна собою, но показалася мне девушкою уже гораздо посидевшею и притом столь дородною и толстою, что и один взгляд на нее привел меня уже в замешательство. А как, сверх всего того, была она впрах разряжена, разбелена и разрумянена и оказывала себя наиревностнейшею подражательницею всей модной московской светской жизни, так мало со всеми склонностями моими сообразной, и в поступках своих, в разговорах и поведении столь вольною, что я, увидев все сие, даже содрогнулся и сам себе в мыслях сказал: «Э, э, э! да куда мне с этакою чиновною деваться? И как можно будет с эдакаю модницею ладить?.. Сохрани меня от ней, Господи! Нет, нет, нет! И не мне, не мне с эдакою ладить, а пускай она ищет себе другого и ей приличнейшего жениха: а я ей под пару не гожуся». А как таких же мыслей был и старик дед мой и находил между нами совсем неровню, то и рад я был, что от ней благополучно отделался и что из свидания сего ничего не вышло. И мы, посидев немного, поехали назад с тем же, с чем приехали, и я, без дальних околичностей, а прямо старушке сказал, что невеста мне не по нраву.

Со всем тем произошло от сего свидания то следствие, что я того же самого стал опасаться и в рассуждении других предлагаемых кое-кем мне невест. И сия так меня настращала, что я отчаивался уже найтить между всеми ими какую-нибудь себе по мыслям. И чем более я о сем размышлял, тем менее я имел к тому надежды; а напротив того, тем более стал прилепляться мыслями своими к той, которая предлагаема мне была немкою Ивановною. Ибо в

рассуждении сей, льстила меня, по крайней мере, надеждою ее молодость. Я думал, что когда она так молода, то некогда еще ей заразиться московским модным духом и всею пышностью светской жизни.

— И почему знать, может быть, — говорил я сам себе далее, — по молодости ее и удастся мне лучше приучить ее к себе и ко всему тому, что хотелось бы мне иметь в будущей жене своей?

Сим и подобным сему образом сам с собою рассуждая, восхотел я поговорить еще раз об ней с помянутою немкою и расспросить обо всем обстоятельнее. Немка не успела узнать, что я хочу с ней видеться, как тотчас прилетела ко мне, и не успел я довесть до нее речь, как и начала она о сей знакомице своей с таким жаром говорить и насказала мне о сей молодой девушке, а особливо о матери ее столь много хорошего, что я, наконец, почти соглашался уже на то, что начать за нее и свататься.

К сему побудила она меня наиболее тем уверением, что она хотя летами и действительно молода, но ростом так велика, что могла уже быть невестою. А в том она почти не сомневается, что согласились бы, может быть, ее и отдать, если б посвататься. Словом, конференция наша тогдашняя об ней кончилась на том, чтоб Ивановне моей взять на себя труд и, съездив в этот дом, пораспознать, по крайней мере, мысли матери ее о том: расположилась ли б она ее замуж отдать, если б стал кто свататься и, например, такой человек, как я.

Не успели мы о сем с Ивановною смолвиться, как начала она уже требовать и назначения самого дня, в который бы ей туда на моих лошадях съездить.

Сердце вострепетало тогда в груди моей, как дошло до того, чтоб назначить день сей. И я, не инако как благословясь, и воспарив мысли свои к небу и обратив помышления свои к Богу, отважился на сей неизвестный мне путь и к назначению дня сего. И как обоим нам не хотелось дело сие откладывать вдаль, то и назначено было к тому 13-е сентября; и я снабдил ее парою своих лошадей и повозчиком.

Не могу и поныне позабыть, с каким нетерпением дожидался я возвращения сей старушки и с какими душевными чувствиями препроводил я все те три дня, которые она в сей путь проездила! Дом госпожи Кавериной был от нас не близко: жила она в соседственном к нам Алексинском уезде и в селе, отстоящем от нас не ближе, как верст за 40. Итак, надлежало употребить целый день, покуда она туда доехала, другой весь прогостила она там, как в знакомом себе уже давно и ей благоприятствующем доме, и ко мне не прежде могла возвратиться, как ввечеру третьего дня.

Во все сии дни не были мысли мои ни на минуту в покое. Ивановна моя не выходила у меня из ума и памяти, и я не знал, радоваться ли мне или тужить о том, что ее отправил и начал такое дело, которое не могло почесться безделкою, а могло возыметь важные по себе последствия. Обстоятельство, что предпринял я оное сам собою, и никому о том не сказавши, и ни с кем о том не посоветовав, еще более меня смущало. Все мысли мои колебались тогда, как трость, колеблемая ветром. До сего имел я твердое предприятие не начинать отнюдь ни на ком свататься, покуда не узнаю я коротко невесты и ее

нрава, и характера. А как поступил тогда совсем несообразно с сим правилом и начинал свататься за такую, которую не только не знал, но и не видал, а что того еще страннее — за сущего почти ребенка; то мысли о сем еще более меня смущали и доводили до того, что я несколько раз уже раскаивался, что поспешил так сим делом, которое казалось мне несообразным ни с каким благоразумием.

— По крайней мере, — думал и говорил я сам себе, — надлежало бы мне с кем-нибудь иным о том наперед поговорить и посоветовать, а не с одною ничего не знающею старухой и ни о чем правильно судить не могущею немкою, которая старается о том только из интереса и надеясь получить себе за то какую-нибудь награду. Может быть, — говорил я далее, — и не все то правда, что насказала она мне о невесте и ее матери. Хорошо, если б услышал я об них от других, коим они знакомы и которые лучше судить о том могут, нежели простодушная немка, которой, по простоте ее, все кажется хорошим.

И тут приходило мне и то на мысль, что, к несчастию, и посоветовать о том мне было не с кем: все родственники, соседи и знакомцы мои были не таковы, чтоб пристально мною интересовались. К тому ж дом сей никому из них, по отдаленности, и знаком не был. Наконец, и то обстоятельство приходило мне на мысль, что по непомерной молодости помянутой девушки и стыдился даже я и не отваживался и упоминать об ней никому.

Из всех моих друзей и знакомых хотя и был г. Писарев такой, с которым бы мог я о сем важном деле поговорить и посоветовать; но и тому не имел

бы я духа в том открыться. К тому ж как случилось, что его во все сие лето не было дома, но он был в дальней отлучке, и я его давно уже не видал; а ежели б и был, то, по подозреваемому в нем тайному намерению женить меня на сестре своей, едва ли бы я ему решился в намерении своем открыться.

Сими и подобными сему мыслями занимался я тогда; но как дело было уже сделано, и Ивановна моя уже поехала, то и не осталось иного, как ополчаться на все неизвестности и ждать всего от времени и случайности. По крайней мере, ободрял я себя тем, что полагал почти за верное, что вся езда моей Ивановны будет тщетная, и что ей, по причине чрезвычайной молодости невесты моей, откажут совершенно, и что из сего дела не выйдет ничего.

Наконец увидел я и возвратившуюся мою посланницу — и сердце затрепетало во мне, как вошла она нечаянно ко мне в комнату.

— Ах, вот и ты, Ивановна, — воскликнул я. — Ну что, моя голубка: «ель или сосна» и имела ли ты какой успех в своем путешествии? И не даром ли проездила?..

— Бог знает, батюшка, — отвечала она мне, — и даром и недаром; и не знаю истинно, что сказать вам.

— Что ж по крайней мере? — продолжал я ее спрашивать. — Была ли ты там? Застала ли дома? Видела ли и говорила ли обо всем?

— Это все было, — сказала она, — и видела, и говорила обо всем и обо всем, и мне были там очень рады, и насилу отпустили оттуда: хотели было еще на целые сутки удержать, но я уже отговорилась

кое-как и сказала уже, что повозчик мой не соглашается никак долее ждать.

— Хорошо! — сказал я, — но о деле-то нашем что?

— Ну что, батюшка, — отвечала она, — я не знаю, что и сказать вам о сем. Слушать они слушали все, что ни говорила и ни рассказывала я об вас, и им, кажется, все было не противно, и все слушали они с удовольствием. Но как дошло до дела, то и стали они в пень и не знали, что мне сказать на то, а твердили только, что невеста-то слишком еще молода, что ей и тринадцати лет еще не совершилось и что при такой ее молодости им и подумать еще о выдавании ее замуж невозможно.

— Ну, так поэтому они совершенно отказали тебе? — сказал я.

— Ах, нет! — отвечала она. — Отказать они никак не отказывали; и именно мне сказано, что не отказывают, а хорошо, говорят, когда бы можно было взять терпение и дать время невесте подрость, а им между тем с родными своими о том посоветовать. А на сие нечего мне было более говорить.

— Это, конечно, так, — сказал я, — а посему и нам о том говорить более нечего; а видно, что иного не остается, как искать другой невесты. Но, по крайней мере, не сказали ль они тебе, сколько ж бы времени хотели бы они еще, чтоб я подождал?

— Хоть бы годок место,* говорили они, — сказала она.

---

*Здесь — повременить годок.

— О, моя голубка! — подхватил я, — год не неделя и не безделка; в это время много воды утечет, и я со скуки, живучи один, пропаду. Дело иное, если в сие время не найду я никакой иной невесты по себе.

— Ну, авось-либо, — сказала на сие старуха, — по моим счасткам* это так и сделается, и никакой другой и не найдется.

Сим образом кончилось тогда сие первоначальное мое сватовство. И я, оставшись в неизвестном, рад был, по крайней мере, тому, что не завязалось еще сие дело так, чтоб мне от сей невесты и отстать было не можно. И как ничего решительного положено не было, то и рассудил я — никому о сем происшествии не сказывать, а сокрыть оное в глубине моего сердца, а между тем продолжать приискивать себе других невест.

Но все мои старания о том, как в последующую за сим осень, так и в первые зимние месяцы, были тщетны: нигде не отыскивалось невесты, которая сколько-нибудь была бы мне под стать. Дядя мой, хотя и не переставал твердить мне о своей госпоже Палициной, а помянутая старушка бабка госпожа Темирязева — о своей Хотаинцовой, уверяя, что я матери сей последней очень полюбился и она охотно соглашается отдать за меня дочь свою; но мне об них и слышать, а первую и видеть никак не хотелось. И провидение, власно как очевидно, как от сих, так и от нескольких других, кой-кем предлага-

---

*На мое счастье.

емых мне невест и, может быть, для того меня отводило, что ему известно было, что всех их век недолго продолжится: ибо к особливому удивлению из всех их нет уже ни одной в живых, и все они уже давно переселились в царство мертвых. Словом, промысл Господень строил свое, а не то, что я думал и располагал.

. . . .

. . . .

Дозвольте мне... сказать вам, что я есмь, и прочее.

КОНЕЦ ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ

Часть одиннадцатая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКЕ ВООБЩЕ И, В ОСОБЛИВОСТИ, МОЕЙ ЖЕНИТЬБЫ

1764

Сочинена 1801. года,
переписана 1805 года,
в Дворянинове

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

ПИСЬМО 111-е

Любезный приятель! Тысяча семьсот шестьдесят четвертый год, которого историю я теперь писать начинаю, был наидостопамятнейший из всех в моей жизни. Промыслу и провидению Господню угодно было, чтоб в течение оного решился, наконец, мой жребий, и я перешел в иной род жизни и сделался уже женатым мужем. Но как сия важная и на всю достальную жизнь мою великое влияние возымевшая перемена со мною произошла не в начале сего года, а посреди уже лета, то дозвольте мне возвратиться к тому времени, на котором я в последнем моем о себе письме остановился, и прерванную тогда нить повествования продолжать теперь далее по порядку.

Из помянутого письма знаете уже вы, в каких обстоятельствах находился я при конце минувшего года. Я жил один и в совершенном почти уединении в своей деревне, и хотя за беспрерывными и наиболее любопытными упражнениями своими и не чувствовал дальней скуки, однако, несмотря на то, великое мое одиночество было мне не весьма приятно и, делаясь мне уже и отяготительным, побуждало меня к приискиванию себе подруги и товарища. Но вы знаете также, что все мои старания о том были до сего вре-

мени не весьма успешны. Нигде я не мог отыскать такой, какую бы мне иметь хотелось и какой желало мое сердце. Говоря с вами о сей материи, рассказывал я вам и то именно, с какими дарованиями желал я сначала найтить себе невесту; но как последствие оказало, что таковую мне всего труднее найтить было можно, то начинал я в том совершенно отчаиваться.

Узнав короче и состояние свое и все обстоятельства, в каких я находился, и спознакомившись сколько-нибудь и с деревенскою и московскою жизнью, предусматривал я ясно, что мне долго надлежало искать, буде хотеть, чтоб невеста моя была точно такова, каковою образовал я ее себе в своем воображении, и что не открывалось к тому еще ни малейшего следа. А как пошел мне уже тогда двадцать шестой год от роду, то и жениться было уже высочайшее и лучшее время; то лишался я надежды найтить по желанию моему вскорости и рад был уже и такой, которая бы, хотя не во всех частях, а сколько-нибудь уже с мыслями и желаниями моими сообразовалась. Но как и такой еще не отыскивалось и нигде не было на примете, то и находился я относительно до сего пункта в величайшем недоумении, что самое и побудило меня наиболее к начатию прежде упоминаемого мною и некоторым образом отдаленного и не совсем формального сватовства за малолетнюю госпожу Каверину. Но как из сего сватовства не вышло еще ничего положительного и важного, и я перестал почти и о сей невесте думать, то при начале сего года и был я вовсе без невесты и не знал, куда и в какую сторону направить мне стопы свои для искания себе подруги.

. . . .

Но не успело еще и двух дней пройтить сего вновь начавшегося года, как от нечаянного и особливого совсем случая и возобновились во мне паки помышления о упомянутой юной невесте.

В одну ночь ни думано, ни гадано приснилась она мне во сне, и что удивительнее всего, то совсем в ином и не таком виде, в каком я изображал ее себе при всех прежних моих об ней помышлениях. Мне приснилось, будто находился я с нею вместе в какой-то компании и что некто из бывших тут же гостей, указывая на нее, говорил мне точно сими словами:

— Ну, вот твоя невеста, смотри ее себе, пожалуй.

И как была она совсем не такова, какой образ начертан был ей в моем воображении, то будто сие меня не только удивило, но и поразило так, что я сам себе говорил:

— Как же это? Сказали, что она девушка такая и такая, а она вот ажно какая. Эта девушка годится и изрядная, да не так мала, как говорили...

Далее памятно мне было, что я хотя и не говорил с нею ни одного слова, но рассматривал все черты лица ее и весь рост и вид ее наивнимательнейшим образом и так, что образ ее впечатлелся так глубоко в душе моей, что я, и проснувшись поутру, не мог никак еще позабыть оного, но видел как наяву пред собою.

Удивился я неведомо как сему сновидению, и хотя более наклонен был полагать, что было оно натуральное и произошло оттого, что я в предследующий вечер, ложась спать, о сей невесте думал; однако по-

мыкался мыслить* и то нет ли в сем случае чего-нибудь чрезвычайного и не назначается ли девушка сия мне и действительно уже в жены промыслом Господним? И как я до сего времени никогда ее еще не видал, да как-то и не слишком и хотел ее видеть, то с самой сей минуты и возродилось во мне сильнейшее желание ее видеть.

— Что ж, заправду! — говорил я сам себе: — свататься я начинаю, а не имею об ней ни малейшего понятия. Бог ее знает, какова еще она. Может быть, она и в самом деле совсем еще не такова, каковою я ее себе воображаю! И почему знать, может быть, она мне и совсем еще не полюбится, и я никак не захочу жениться, хотя б и отдавать ее за меня стали.

Но что ж воспоследовало за сим далее? Не успел я сим образом сам с собою поутру поговорить и той глупости своей еще похохотать и посмеяться, что начинал свататься, а невесты никогда еще и не видал: как вдруг является предо мною и как бы нарочно ко мне присланная моя Ивановна — немка. Я не видал ее с самого того времени, как возвратилась она из своей посылки в сентябре месяце, и как тогда дело осталось ни на чем, то и не имела она дальней охоты быть у меня; а и в сей раз приехала ко мне по случаю тогдашних праздников, и как я всего меньше тогда ее к себе ожидал, то, обрадовавшись, возопил я, как скоро ее увидел:

— Ба! ба! ба! Ивановна! Что так запала и так давно у меня не была? Мне кажется, уже несколько лет, как мы с тобою не видались.

---

* Приходило в голову.

— Виновата, батюшка, — отвечала она мне, — все как-то было недосужно, да и дома-то была редко: все кой-куда ездила; а и теперь только что приехала... Да, знаете ли что, барин? Привезла к вам еще поклон.

— От кого это? — подхватил я.

— Угадайте? — сказала она и, приняв на себя отменно веселый вид, засмеялась.

Сие явление меня смутило, и вся кровь во мне в один миг так взволновалась, что я, не дав ей далее говорить, спешил спросить ее:

— Уж не от невесты ли?

— Хоть не от ней прямо, а от матушки ее, Марии Абрамовны!

— Неправда! — возопил я. — Как это может статься?

— Ей! ей! и я только что от них приехала, — отвечала она.

— Как! Так ты была опять у них? — спросил я далее. — И зачем же ты ездила?

— Была, сударь! — отвечала она. — Я к ним всякий год около сего времени в святки езжу, и они мне кое-что жалуют; а потому и ныне ездила и целые сутки у них провела, и они мне были очень рады.

— Ну, не знал же я, — сказал я, — а то бы я тебя попросил еще о нашем деле...

— Это я и без вашей просьбы сделала, и у нас много кой-чего говорено было о вас.

— Что ты говоришь? — подхватил я. — Ну, расскажи ж ты мне, пожалуйста, что такое говорили вы обо мне.

— Мало ли чего, — сказала она, — и как можно все упомнить и пересказать? А скажу вам только то,

что в сей раз говорено было там об вас уже охотнее, нежели как прежде, и они, может быть, во все то время, как я у них не была, более об вас думали и помышляли, нежели мы считали. Мария Абрамовна мне призналась, что она расспрашивала об вас кой-кого, и от всех, кроме похвалы одной, об вас не слыхала. А особливо расхвалил ей вас какой-то господин Сонин, который сказал, что вас коротко знает, потому что служил с вами в одном полку.

— Уж не Яков ли Титыч? — спросил я.

— Точно он, — отвечала она.

— Ну, спасибо же ему, — сказал я, — он действительно мне знаком, и человек добрый.

— Так от него-то, — продолжала она, — наслышались они об вас так много, и все хорошего, что Марья Абрамовна и гораздо уже гораздо помышляет об вас и сожалеет уже о том, что дочка ее не достигла еще совершенного возраста и молодовата. Ей не хотелось бы, как видно, упустить такого жениха, как вы, и сколько мне показалось, то желалось бы ей вас видеть и с вами познакомиться...

— Ах! голубка моя, Ивановна! — пресекши ее речь, сказал я, — мне и самому хотелось бы ее и дочь ее видеть и получить об них понятие. Скажу тебе, Ивановна, что я дочь ее в самую сегодняшнюю ночь во сне видел. И как она мне совсем не таковою показалась, каковою я себе ее воображал, то и родилось во мне крайнее любопытство ее в самом деле видеть и узнать, какова она. А то смешно, право! Свататься мы сватаемся, а я ее и они меня в глаза еще не видали!

Ивановна моя удивилась, сие услышав, и стала расспрашивать обстоятельнее о моем сне и о том виде, в

каком я ее видел; и как я ей, сколько мог, ее образ описал, то она еще больше удивилась и уверяла меня, что она чуть ли действительно не такова, каковою я ее во сне видел, и рассмеявшись потом, сказала:

— Ну, когда это случилось, то чуть ли сему делу и не быть. Сон этот верно не простой, а что-нибудь значит! И дура я буду, если дело это не совершится! Помяните меня тогда...

— Хорошо, хорошо! — сказал я. — Но, оставя шутки, мне право как-то хочется и очень захотелось ее видеть, и нельзя ли, Ивановна, смастерить того как-нибудь, чтоб я их, а они меня видели. Мне очень жаль, что из всех моих здешних знакомцев нет никого, кто бы им знаком был и к кому б они ездили.

— То-то и дело, — сказала она, задумавшись, — а разве нет ли у них какого-нибудь знакомого дома, где бы нам можно было съехаться и друг друга видеть? Мне жаль, что мне не пришло на ум поговорить о сем. А разве еще у них побывать и поговорить о том?

— Весьма бы ты меня одолжила тем, Ивановна! Но не дурно ли тебе так скоро к ним опять ехать?

— И, нет, — сказала она, — они меня благо звали и просили, чтоб я к ним ездила чаще!

— А что, право, Ивановна! Уж не съездить ли в самом деле тебе опять и не поговорить ли о том? Ты можешь прямо сказать, что дело не дело, а это бы нимало не мешало, если бы они меня, а я их мог видеть, и сколько-нибудь мы между собою познакомились. Можно б сделать сие без дальней огласки и где-нибудь в постороннем и знакомом им доме и расположить так, что будто бы съехались мы ненарочным образом.

— За чем дело стало? — сказала Ивановна. — Давайте лошадей! Я на будущей неделе готова опять ехать и скажу им, будто я была на Вепрее у своих немцев и оттуда к ним рассудила заехать опять.

— Право, съезди-ка, Ивановна, и поговори, и буде дело пойдет сколько-нибудь на лад, то смотри ж, постарайся уже о том, чтобы именно было и назначено, куда и когда мне приехать.

— Это разумеется само собою, — сказала она. — Извольте, и я вам дам знать, когда вам ко мне прислать лошадей.

Сим образом условились мы тогда с нею, и мне не было нужды долго дожидаться. Не прошло и недели еще после того, как она и прислала уже за лошадьми и повощиком и в путь сей и отправилась. Но за то промучила она меня опять целых три дня нетерпеливым себя ожиданием. Во все оные, а особливо в последний я как на огне пряжился и насилу-насилу дождался ее.

— Ну, моя голубка, — закричал я, увидев ее к себе вошедшую, — получила ли ты успех в своем деле и не по- пустому ли проездила?

— Нет, нет, — отвечала она с радостным видом, — не по-пустому, и дело наше начинает, слава Богу, клеиться. Они не только на предложение мое охотно согласились, но сыскали уже и дом, где бы вам видеться, и хотели мне дать знать, когда именно и приехать вам туда.

— Что ты говоришь? — сказал я. — И где ж и у кого, Ивановна?

— У Василия Тихоновича Недоброва, — отвечала она. — Он им сродни и очень знаком и дружен, живет

недалеко от Вепреи и наполовине почти дороги отсюда к ним. Но как нужно им было наперед с ним видеться и условиться обо дне, в который бы им и вам к ним приехать, то и хотели они мне знать тогда дать...

— Очень хорошо! — сказал я. — Итак, станем мы ждать от них известия. Но смотри ж, Ивановна, дай же ты мне знать тогда о том поскорее, чтоб я мог сколько-нибудь к тому приготовиться и кого-нибудь пригласить с собою: не одному же мне ехать!

— Конечно, — сказала она, — и я тотчас либо сама прибегу, либо пришлю к вам сына. А говорили только они, чтоб приехали вы без дальних сборов и не набирали бы с собою многих.

— Да кого мне набирать, — подхватил я. — А разве попросить одну Софью Ивановну, не съездит ли она со мною.

— Это всего будет лучше. Им хотя и хочется, чтобы свидание сие было как возможно простее, но нельзя же вам ехать туда и без женщины с своей стороны: без того некому будет и поговорить с невестою и с ее матушкою. А Софья Ивановна, хотя и генеральша, но боярыня у нас не чиновная, а простая, и ей открыться в этом деле можно. Не надобно только многих других набирать с собою.

— Хорошо, хорошо! — сказал я. — Точно так и сделаем. Мне и самому не хотелось бы дела сего распускать слишком в огласку. Софью Ивановну я уже упрошу, чтоб она за собою подержала.* А пожалуй, и ты, Ивановна, не сказывай о том никому.

---

*Помолчала.

— Хорошо, — отвечала она, — от меня никто того не услышит.

Обещанное известие и получено было ею чрез немногие дни после того времени, и Ивановна моя не успела получить оное, как и прилетела ко мне с превеликою радостью.

— Ну вот, барин, — сказала она, ко мне вошедши, — я в своем слове устояла. Приказали вам кланяться и сказать, чтоб вы пожаловали после завтрева к Василию Тихоновичу к обеду.

Кровь во мне вся воспламенилась, как я сие от ней услышал, и сердце хотело власно как вон выскочить от трепетания. Но оправившись кое-как от своего смущения, спросил я у ней: не знает ли она, не будет ли кого с ними из посторонних?..

— Никого, — сказала она, — разве одна невестка Марьи Абрамовны, братнина жена, Матрена Васильевна Арцыбашева, с которой она живет очень дружно и согласно, и к тому ж и невестина она родная тетка.

— Ну, хорошо, Ивановна! Стану же я к сему времени готовиться и сегодня же съезжу к Софье Ивановне и позову ее с собою. Но поедет ли она еще к ним, как совсем ей незнакомым людям?

— Поезжайте, сударь, и попросите: может быть, и согласится. Об них и о хозяевах уверьте ее, что они люди все добрые, простые и не чиновные, и вы их полюбите. А особливо Василий Тихонович, какой это добрый человек! Вы не наговоритесь с ним довольно, а и я верно знаю, что и он вас полюбит.

Теперь не могу изобразить, в каком смущении и беспокойствии духа препроводил я как достальную

часть того, так и весь последующий день. Я не преминул съездить к старику, своему деду и, открывшись в намерении своем, просить жену его, генеральшу, одолжить меня в сем случае и со мною туда съездить. Софья Ивановна сначала было отнекивалась, но как я стал просить о том и старика, и он, желая искренно, чтоб я скорее женился, радовался, что отыскивается мне такая невеста и, советуя мне не упускать сего случая, охотно на то соглашался, чтоб ей ехать и сам на то еще настаивал, то, наконец, согласилась и она и дала мне в том слово.

. . . .

. . . .

Мы приехали к господину Недоброву еще довольно рано и гораздо до обеда, но нашли невесту мою с ее матерью и теткою, госпожею Арцыбашевою, нас уже дожидавшихся. Дом господина Недоброва был в самом деле небольшой и не слишком прибранный, ибо он был человек небогатый, а притом и старинного века. Что ж касается до самого характера его, то был он в самом деле человек очень добрый и старичок неглупый и очень ласковый и благоприятный. А такова же была и жена его, Авдотья Дмитровна. Оба они обласкали меня неведомо как и не могли довольно наговориться со мною.

В тетке невесты моей нашел я боярыню умную и такую, с которой можно было с удовольствием о многом говорить. Она говорила также со мною много. А равномерно и мать невесты моей казалась боярынею тихой, но разумною; однако не имела почти духу со мною говорить, а довольствовалась слушанием, как другие со мною говорили, и примечанием

всех моих поступок. Что ж касается до самой дочери ее, а моей невесты, то не могу изобразить, как много удивился я, увидев образ и все черты лица ее действительно похожие на те, какие видел я в моем сновидении. И чем более я в нее всматривался, тем множайшее, казалось мне, находил я с виденным во сне подобием ее сходство.

Странность сего удивительного и редкого происшествия так меня поразила, что не сходила она у меня с ума во всю мою тогдашнюю в сем доме бытность. И как за обедом случилось мне сидеть прямо против моей невесты, то начинал и сам уж я почти не сомневаться в том, что едва ли не она назначается мне промыслом Господним действительно в жены, и потому и рассматривал я ее наивнимательнейшим образом. Однако, сколько ни старался и даже сколько не желал я в образе ее найтить что-нибудь для себя в особливости пленительное, но не мог никак ничего найтить тому подобного: великая ее молодость была всему тому причиною.

Она была действительно так молода, что не можно было никак почесть ее совершенною невестою, и потому, хотя и была она недурна собою, но весь образ и все черты лица ее имели в себе нечто детское и не в силах еще были произвесть какие-нибудь особые чувствия. Со всем тем доволен я был, по крайней мере, тем, что не находил я в ней ничего для себя противного и отвратительного; а сверх того, и ростом была она больше, нежели каковою я ее себе воображал, и так что если б неизвестны мне были ее лета, то почел бы я ее девушкою лет пятнадцати.

Впрочем, во все пребывание мое там не удалось и не можно было мне ничего с нею самою говорить и не слыхал почти, как и говорит она. Немногие только слова проговорила она в ответ спрашивавшей ее что-то тетки. Что касается до всех ее бывших тут родных, то они мне поступками и обхождением своим полюбились. В особливости же приятно было мне то, что все они были люди не слишком светские, пышные, чиновные и модные, но более простые и деревенские и такие, какие наиболее мне под стать и мною желаемы были.

Мы пробыли у них не более как несколько часов, ибо, как случилось сие 18-го января и дни были в сие время самые короткие, то, боясь, чтоб не захватила нас в дороге метель, не стали мы дожидаться до самого позднего вечера, но как скоро начал приближаться оный, то, распрощавшись с ними, и отправились домой.

Сим кончилось тогдашнее первое свидание, и как условлено у нас было предварительно, чтоб в сей раз с обоих сторон ничего не говорить и ничего не спрашивать, то и действительно не было ничего говорено и сей раз о самом деле, но мы были и поехали так, как бы приезжали в гости.

А сим дозвольте мне окончить и сие письмо и, предоставив дальнейшее повествование будущему, сказать вам, что я есмь ваш, и прочая.

. . . .
. . . .
. . . .

СВАТОВСТВО И СГОВОР

*ПИСЬМО 114-е**

Любезный приятель! . . . . стал я с нетерпеливостью дожидаться наступления весны, дабы вместе с началом оной начать и свое важное дело. А не успела весна сия наступить, как мая в 18-й день, благословясь, и отправил я Ивановну мою к госпоже Кавериной с формальным предложением руки моей ее дочери и для истребования от ней также решительного ответа: согласны ли они на то или не согласны? И буде согласны, то чтоб назначен был ими уже и день, когда бы быть сговору. С превеликим нетерпением и беспокойствием духа дожидался я возвращения сей посланницы, ибо хотя и не сомневался почти в получении благоприятного ответа, однако все-таки смущался еще духом и мучился неизвестностью.

Наконец приезжает моя Ивановна и привозит мне ответ, какой мною был уже ожидаем, а именно, что они решились, наконец, дать свое соглашение и, по-

---

* В одном из предыдущих писем Болотов рассказывает о своем сватовстве к двенадцатилетней девочке. Родители невесты просили Болотова повременить со сватовством в течение одного года, пока невеста подрастет.

читая то волею небес, назначают и самый день, в который бы нам начать сие дело формальным сговором. Кровь во мне взволновалась вся, как услышал я сие изречение, и смущение мое было так велико, что я едва имел столько духа, чтоб спросить, когда ж бы хотелось им, чтоб сие было?

— Тридцатого мая, или на самый троицын день, — сказала она. — И я, сколько ни говорила, чтоб быть тому прежде, но они никак не согласились.

— Да какая в том и нужда, — сказал я, — и очень, очень хорошо, что не так скоро, тем более буду и я иметь времени к тому приготовиться.

Сии приготовления и начал я с самого того же дня делать и трудился в том ежедневно. Состояли они, во-первых, в том, чтоб одеть себя и людей своих к сему времени получше; во-вторых, чтоб исправить экипаж, в котором бы на сговор ехать; в-третьих, чтоб приискать людей, которые бы помогли мне в сем случае, ибо одному ехать мне не годилось; в-четвертых, запастись какими-нибудь вещами, которыми бы мне невесту свою дарить можно было; в-пятых, как я не сомневался, что после сговора в непродолжительном времени назначится и свадьба, то надлежало поспешить и переправкою дома, также прибранием сколько-нибудь получше и сада своего. Всеми сими делами и начал я заниматься, но горе мое было, что не было у меня ни одного человека, с кем бы я мог тогда обо всем том посоветовать.

Дядя мой находился тогда еще в Москве, а хотя б и дома был, но к тому был бы неспособен. О старике деде, генерале нашем, и говорить нечего. Сей был на меня в некотором внутреннем, хотя скрытом,

неудовольствии за то, для чего не хочу жениться на его падчерице. Дядя мой, господин Каверин Захарий Федорович, был также человек в таких делах совсем не сведущий, а жена его была самая госпожа «Чудихина» и советами своими могла б скорее все дело испортить. Сам господин Ладыженский был совсем странного и оригинального характера и не мог никак советов дать, как только сообразных с своими странными мыслями.

. . . .

Итак, не имея у себя никого, кто б хотя несколько мог мне помочь, принужден я был один и так хорошо, как умел, делать все нужные приготовления. Себя-таки и людей я кое-как поодел, да и то не совсем по-людскому и далеко не так, как модные женихи одевались и собирались. Но что касается до экипажа, то долго не знал я, что мне делать.

Кареты были тогда еще очень, очень редки, и в таких небогатых домах, каков был наш, были они еще совсем не в употреблении, а езживали все наши братья в четырехместных и так называемых венских колясках. Но у меня не было и такой, а было две старинных и староманерных коляски, из коих одна была большая, четвероместная, но с какою и показаться никуда было не можно, а другая такая же и поменьше, и полегче, и так, как бы визави, двуместная, и образом своим не лучше первой. Для покупки же новой, а того паче кареты, недоставало у меня денег. Итак, не знал я, что мне делать, и вздумал, наконец, велеть Павлу, столяру своему, большую свою коляску как-нибудь преобразить и сделать получше. Итак, ну-ка мы оба с ним ее коверкать,

инако устраивать, обивать, раскрашивать и золотить. Но как бы то ни было, но смастерили себе и сгородили коляску изрядную, и такую, которая нам потом несколько лет прослужила и на которой ездить было никуда не постыдно.

Что касается до подарков, то для закупки оных послал я нарочного человека в Москву и писал к тамошним родным своим, чтоб они искупили мне все, к тому нужное. Но каковы сии дары были, о том я и не говорю уже. Ни от кого-то из всех моих знакомых не мог я добиться толку, что б такое употребить к тому лучше. Иной советовал мне то, иной другое. Один затевал дары сии уже не по моему достатку, а другой выдумывал что-нибудь уже странное и нелепое. Итак, я истинно не знал, что мне и делать и не сомневаюсь, что подарки мои были тогда очень смешные, а особливо, если сравнить их с обыкновением нынешних времен, но зато, по крайней мере, не были они мне разорительны и не завели меня в долги превеликие, как заводят иных женихов нынешние.

Что касается до переправки хором, то в этом деле не было мне нужды в советниках посторонних, а мог я и один и лучше всех оное произвесть, и мне удалось и смастерить переправку сию так хорошо, что все не могли довольно ухвалиться. Я поступил в сем случае уже слишком героически и так, что иной бы, на моем месте не мог бы иметь никак столько духу.

Я отважил прорубать стены и окна превращать в двери, а двери — в окна в комнатах, священных от древности. Оставшая половина передних сеней должна была превращаться в комнату, из которой мы

сделали, на случай свадьбы, род другой и маленькой гостиной и которая потом отправляла нам должность и гостиной, и столовой, и моего кабинета, или штудирной комнаты. А старинная наша, от древности закоптевшая или потемневшая передняя получила от себя выход прямо с надворья, с стеклянными дверьми, и превращена была в большую и такую комнату, которая бы могла служить в случае нужды, вместо залы, а в другое время служить вместо лакейской и сеней самих; а через сие самое и соединил я обе половины хором и произвел в них целых семь довольно просторных комнат. И как я во всех потолки подбелил, а стены обил бумажными обоями, то и сделался домик мой хоть куда, и можно было в нем уже без нужды играть свадьбу.

А таким же образом поприбрал я и всю ближнюю часть сада к дому, и сделал ее так, что в ней с удовольствием гулять уже было можно. В особливости же украсилась верхняя часть сего сада, тою прозрачною и из дуг и столбов сделанною, осьмиугольною отверстою беседочкою, которая построена была под группою случившихся тут высоких и прямых берез. Я выкрасил ее и с перилами внизу празеленою* краскою, и как она к самому тому времени поспела, как нам надлежало ехать на сговор, то и обновил я ее накануне того дня ввечеру, приказав в ней накрыть вечерний стол и отужинав в ней с съехавшимися гостьми и спутниками моими. Вечер сей случился тогда наилучший и наиприятнейший, какие

---

* Празелень — иссиня-зеленая земляная краска.

только быть могут в месяце мае, и мы препроводили оный с отменным удовольствием.

Что касается до сих спутников моих при езде на сговор, то мне не за кого более было взяться, как за дядю моего Захара Федоровича Каверина и жену его, да за соседа своего Александра Ивановича Ладыженского. Сих-то упросил я сделать мне в сем случае сотоварищество и присутствовать при сем первом обряде.

Итак, 30-го мая, собравшись гораздо поранее и севши все четверо в переделанную мою большую коляску, пустились мы в свой путь и, пообедав на дороге, приехали в село Коростино еще довольно рано и вскоре после обеда, и господин Ладыженский шутками и издевками своими увеселял нас так во всю дорогу, что мы все до слез почти иногда смеялись.

Теперь не могу никак изобразить тех чувствований, с какими въезжал я в первый раз на двор, где жила моя невеста, и с каким любопытством смотрел я на их дом и все жилище, которое вскоре долженствовало принадлежать уже мне.

Весьма просто и незнаменито* оно было. Мне представился маленький и старинный домик с тремя только покойцами, разделенными еще между собою сенями. И одна половина оного казалась вросшею от древности почти совсем в землю и была с небольшими окошечками и с кровлею, поседевшею уже от выросшего и размножившегося на ней моха. Другая

---

*Не замечательно.

сколько-нибудь была поновее и повыше, по случаю, что все хоромцы стояли на косогоре.

Небольшое, высокинькое и тесом покрытое крылечко вводило в сени, посреди хором сих находящиеся, а маленький и узенький цветничок, насаженный кой-какими цветами и осененный тенью от насажденных подле решетки высоких уже черемух и других деревцов, был единым только наружным дому сему украшением или паче вещью, увеличивающею еще более его простоту и безобразие. А потому все сие и не в состоянии было очаровать мое зрение и произвесть в уме моем выгодное обо всем мнение. Но я уже молчал и не говорил ничего, каково у меня на сердце уже ни было.

Но каков маловажен ни показался мне сей дом снаружи, но вошед с товарищами своими из сеней прямо в величайшую из всех комнат, поразился я вдруг, увидев всю ее наполненную множеством разряженных впрах гостей обоего пола. Было тут несколько человек мужчин, а того более боярынь, и из первых не было мне, кроме старика Недоброва и господина Хвощинского, Василия Панфиловича, ни одного знакомого; а из последних была знакома только мать и тетка невесты моей, госпожа Арцыбашева, а прочие были мне совсем не знакомы. И как многие из них были молодые, то искал я глазами между ими своей невесты, и почел было ею сперва одну, которая была всех моложе и села в уголку, всех от меня отдаленнее. Однако скоро увидел я, что это была не она, а совсем мне незнакомая, и перестал удивляться, находя ее совсем в ином виде, нежели в каковом видел я свою невесту.

Нас приняли с обыкновенными учтивствами и посадили. Но не успели почти все усесться и минут двух посидеть, как и сделано было от дяди моего обыкновенное в таких случаях предложение. И как на оное также с их стороны было по известной форме ответствовано, то и пошли тотчас некоторые из них за невестою, и через минуту и введена была она к нам из другой комнаты.

Все собрание встало тогда с мест своих, и как в ту же минуту явился и священник, бывший уже наготове, то и поставили тотчас нас обоих посреди комнаты и начали петь и читать обыкновенные в сих случаях стихи. В минуту сию был я почти вне себя. Важность начинаемого дела представилась тогда уму моему во всем ее пространстве, и я так смутился, что едва в силах был стоять на ногах и столько духа иметь, чтобы несколько раз взглянуть на поставленную подле меня невесту.

Но каким приятным изумлением поразилось тогда мое сердце, когда не увидел я уже в ней прежнего ребенка, а девушку уже совершенно почти взрослую и не такую уже тонкую, как была прежде, и лицом несравненно уже лучшею и мне приятнейшую, нежели какою показалась она мне при нашем первом свидании. Не могу изобразить, как много обрадовался я тому, как много ободрило и подкрепило меня сие и с каким удовольствием смотрел уже я на свою невесту.

Но в самую сию минуту блеснула молния, и громкий звук загремевшего над нами грома встревожил нас и всех присутствующих при сем обряде. Все стали креститься и дивиться тому, что никому и не в

примету была взошедшая в самое то время тучка, и все стали считать неожидаемое явление сие, а особливо линувший в то самое время сильный дождь добрым предзнаменованием нашему начинающемуся союзу. А не успел обряд кончиться и нас, по обыкновению, благословили образом, как и начались обыкновенные со всех сторон взаимные поздравления, рекомендации и целования друг друга, и поелику собрание было велико, то продлилось сие несколько минут сряду. После чего посадили нас обоих в передний угол и стали по обычаю сперва поздравлять нас кругом ходящим покалом с вином, а потом потчивать кофеем и заедками.*

Все достальное время сего дня и до самого ужина должен был я сидеть в помянутом углу и как на огне пряжиться. Глаза и внимание всего собрания устремлено было на меня и на невесту мою, и замечались не только все мои слова, но и движения самые, а сие и приводило меня в неописанное смущение. Я знал, что мне надлежало тогда разговаривать что-нибудь с моею невестою и ласкаться к оной всячески, но для меня составляло самое сие наивеличайшую и труднейшую коммиссию и было таким делом, которое на все старания мои несмотря, не мог я никак произвесть по желанию. Ибо, не упоминая о природной моей застенчивости и несмелости в таких случаях, каков был сей и в каковых никогда еще и быть мне не случалось, не знал я тогда, и как ни старался, но не мог и придумать, что б такое и о

---

*Закусками, сластями, лакомствами.

чем мне говорить тогда с такою молодою невестою, какова была моя, и которая, несмотря на всю свою возмужалость, была все еще почти дитя или очень еще мало от детства удаленною.

Как скоро все, что было заблаговременно в уме приготовлено, я ей пересказал и все переговорил, то и стал я, наконец, в пень и не знал более, что и пикнуть, и тем паче, что и с ее стороны не мог дождаться никаких совопрошаний. Да и в самом деле, какие разговоры и о чем можно было иметь с такою молодою особою? Словом, мы сидели потом, не говоря почти ни единого слова с нею, и я неведомо как рад был, что сидевшие близко подле меня мужчины вступили со мною кое о чем в разговоры, и тем меня сколько-нибудь заняли. Итак, по причине молодости невесты моей и лишен я был того удовольствия, какое имеют женихи, сговаривающие на невестах взрослых и им понравившихся и которое для них обыкновенно бывает очень лестно и приятно.

Вечерний стол приготовлен был у них в другой половине, и нас повели туда по наступлении вечера и посадили по обыкновению опять вместе. Но оба мы не столько ели, сколько кланялись всем поздравляющим нас и пьющим за наше здоровье. Стол был у них нарядный и все в оном в порядке. По окончании ж ужина и в рассуждении, что нам за дальностию не можно было успеть домой возвратиться, приглашены мы были ночевать к соседу и родственнику их, господину Колюбакину, Ивану Алексеевичу, живущему в том же селе и от них только через улицу, чем мы были в особливости и довольны.

Тут во всю ночь я очень мало спал, ибо вся голова моя набита была помышлениями о начатом деле и о моей невесте. Я не знал, счастием ли то почитать или несчастием, и обо всем виденном и слышанном так много размышлял, что не мог уснуть очень долго.

На другой день надобно было мне посетить невесту, и, по обыкновению, отвезть ей подарок. А она с их стороны, по обыкновению старинному, дарила людей своих, а я всех дворовых и людей потчивал водкою, привезя с собою для самого того погребец свой, и меня уверили, что обряд сей необходимо надобно было исполнить.

В сей раз был я с невестою своею хотя несколько уже познакомее, однако все наше знакомство не имело как-то дальних успехов, и я приписывал то ничему иному, как ее молодости, и не без удовольствия проводил с нею все сие утро. Ибо нас и в сей день без обеда не отпустили, и мы не прежде возвратились в свою деревню, как уже по наступлении ночи.

Сим образом сговорил я, наконец, жениться, и как сие случилось на самый троицын день и свадьбе в тот же мясоед быть было некогда, то и отложили мы оную до начала будущего мясоеда, или до июля месяца.

Сие время употреблено было с обеих сторон на приуготовления к свадьбе, с их стороны — на шитье платья и на приготовление приданого, а с моей — на окончание того, что у меня было еще не доделано, и также на дальнейшие приготовления к сему великому для меня и торжественному дню.

Между тем, сколько мне время тогдашние проливные ненастья и обстоятельства дозволяли, езжал я к моей невесте; однако далеко не так часто, как ездят другие. Тогда не было либо сего в столь великом обыкновении, как ныне, и у меня никогда и на уме того не было, чтоб препровождать там по нескольку дней сряду и не отходить от невесты, так сказать, ни пяди, и ходить только ночевать в другой двор, какой-нибудь чужой, а весь день с утра до вечера быть с невестою; либо происходило сие от того, что я к своей, по великой ее еще молодости, не имел еще дальней привязанности. К тому ж и она как-то ко мне нимало не ласкалась, но все от меня власно как дичилась. Сие обстоятельство было всего более причиной тому, что я не имел охоты и побуждения к тому, чтоб ездить часто в такую даль единственно для свидания с нею, ибо оное не производило мне никакого дальнего удовольствия, но, напротив того, служило иногда поводом к досаде и к чувствительному неудовольствию на самого себя.

. . . .

. . . .

Что ж воспоследовало далее, о том услышите вы в письме последующем; а теперешнее дозвольте мне на сем месте кончить и сказать вам, что я есмь, и прочая.

ПРИУГОТОВЛЕНИЯ К СВАДЬБЕ

ПИСЬМО 115-е

Любезный приятель! . . . .

По наступлении петровского поста, который в сей год был очень невелик, решился я употребить оный на побывание в Москве, куда хотелось мне съездить, как для закупки всех нужных вещей к свадьбе, так и в особливости для того, чтоб убедить просьбою моею старика дядю моего, Матвея Петровича, съехать на то время, как я буду жениться, в деревню и послужить мне при сем важном случае вместо отца.

Итак, собравшись налегке, отправился я в Москву. И это было в четвертый раз после приезда моего в отставку, что я был в сей нашей столице.

Мое первое дело было адресоваться с просьбою моею к дяде, и старик согласился на просьбу и желание мое охотно, и по любви своей ко мне радовался искренно тому, что я нашел себе невесту, и что он будет иметь еще удовольствие видеть меня женатым. . . . .

. . . .

Впрочем был я в сей раз в Москве очень недолго, и не успел с . . . родственниками своими повидаться и искупить все нужное к свадьбе, как

и спешил возвратится домой, чтоб успеть достальное все кончить, что у меня было начато и еще не окончено.

Итак, по возвращении своем в деревню и занялся я действительно всем тем в достальное время поста. А вскоре после меня не преминул съехать с Москвы и приехать к нам и дядя мой, и, увидев переправленные мои хоромы, не мог выдумку мою довольно расхваливать и ей надивиться. Впрочем, не преминул я также побывать еще раза два и у своей невесты, с которою познакомливался и от часу больше.

Наконец окончился наш пост и начался мясоед, долженствующий решить мой жребий и судьбу мою кончить. Чем ближе подвигался я к сему времени, тем более волновался и смущался и беспокоился весь мой дух. Совершенная неизвестность — будет ли мне женитьба моя удачна, и счастливее ли я чрез оную сделаюсь или бессчастнее — тревожила меня и смущала чрезвычайно, и тем паче, что не было никаких особых видов, которые могли б льстить меня сколько-нибудь приятными надеждами, а встречались с мыслями моими более сумнительствы в получении всего того, чего наиболее желало мое сердце.

Сие, будучи сотворено уже от природы с наинежнейшими чувствованиями, желало всего более, чтоб и будущий сотоварищ в жизни моей имел сердце с такими ж чувствиями или сколько-нибудь ему подобное. Но сие было не только неизвестно, но, к величайшему моему неудовольствию, не было к тому ни малейшего луча надежды. Ибо, как ни

старался я то примечать при всех моих с нею свиданиях, подававших мне случай к разговорам с нею о разных материях и к желаемому испытыванию и узнаванию всех ее природных способностей, а отчасти и самых свойств душевных, но не мог приметить ни малейшей к тому наклонности, что хотя и приписывал я чрезвычайной ее молодости, но все-таки надеялся и желал найтить в ней хотя некоторые начатки и приготовления к тому; но как не находил и сих, то огорчало сие меня до бесконечности.

. . . .

. . . .

. . . . Хозяйкою во время . . . . приближающегося торжества быть в доме моем назначил я тетку мою, Матрену Ивановну Аникееву, и не находил никого способнее к тому оной, ибо мне хотя и весьма хотелось, чтоб находилась при том и сестра моя Травина, но ей за болезнью своею быть ко мне никак было не можно, а поелику помянутая тетка жила всех прочих ближе, то и послал я за нею за несколько дней до свадьбы. А как она не отреклась нимало ко мне приехать и охотно согласилась на мою просьбу, чтоб быть в сие время вместо матери моей хозяйкой в моем доме, то и принялись мы с нею, милою и любезною старушкою, приготовлять и запасать все, что нужно было к сему великому для меня празднику, также советовать о том, кого и кого пригласить нам к сему случаю и как лучше расположить нам все сие дело.

Все из наших мне знакомых соседей приглашены были к сему празднику. Но знаменитейшим из всех

был тот же дядя мой г. Каверин, о котором я упоминал прежде. Он с женою своею и сосед мой, господин Ладыженский, также с женою были наизнаменитейшие мои гости. Однако были и некоторые другие. Сверх того присутствовал при том и дядя мой родной, Матвей Петрович. Старик же генерал, дед мой, не похотел никак удостоить меня своим посещением, хотя и был к тому убедительно и приглашаем. Но я того на нем и не взыскивал, потому что он никуда почти не ездил со двора и мог бы нам при сем случае наделать более связи*, нежели удовольствия.

Впрочем, для сделания праздника сего колико можно лучшим, порядочнейшим и веселейшим, то не только запаслись мы нужною провизиею и конфектами, но выпросили, не помню у кого, хорошего повара, также достали и музыку. Сию выпросили мы у господина Трусова, мужа соседки моей, Натальи Ивановны. А чтоб не стыдно мне было приехать к церкви, то не помню также от кого, выпросил и достал я себе на это время двуместную карету. Словом, мы не упустили ничего, чего только можно было нам с теткою сделать и приготовить к сему случаю.

Наконец Ивановна моя должна была то и дело переезжать то от нас в дом к невесте, то от них к нам и совещаться о том, когда именно быть нашей свадьбе и где совершаться сему таинственному и священному обряду; и как с обоих сторон

---

*В смысле — стеснить, связать.

все нужные приуготовления к тому были сделаны, то и не стали мы долее медлить, но назначили к тому 4-е число месяца июля и согласились с обоих сторон, чтоб бракосочетанию быть в стоящей на дороге и на половине почти расстояния от них и от меня, посторонней церкви в селе Гатницах и чтоб обряд сей совершать отцу Илариону как моему духовнику.

Каким образом все сие происходило, о том расскажу я в письме последующем . . . . . . Итак, окончив оное, скажу, что я есмь, и прочая.

МОЯ СВАДЬБА

ПИСЬМО 116-е

Любезный приятель! Наконец приступаю я к повествованию вам истории того дня, который был наиважнейшим в моей жизни, того самого дня, в который сделался я уже женатым мужем и который никогда не выйдет у меня из памяти.

Во весь оный был я равно как в некаком чаде и тумане и от разных душевных движений в таком смущении, что всех подробных и мелких происшествий, бывших в сей день, вовсе не упомню и не могу никак все их, виденные как во сне, описать вам так, как бы хотелось. Одно только мне памятно, и памятно очень, что весь праздник сей был хотя изрядный, но более прост, нежели великолепен. Не было при оном не только чрезвычайного, но еще многого недоставало к тому, чтоб быть ему порядочному и такому, какие обыкновенно бывают при таких случаях.

Причиною тому был не я и не моя тетка, также и не скупость моя. Провизии всякой и других вещей было приготовлено и запасено было множество; но недоставало людей, которые могли б сделать при том лучшие распоряжения и расположить все сие дело так, чтоб было мне не постыдно. Не было никого,

кто б мог быть при том добрым хозяином и распорядителем. Людей было хотя много, но все на большую часть — старые, последних обыкновений не знающие, да и неспособные. Из молодых же не было и не случилось ни единого человека, которому б можно было быть шафером или хоть несколько потанцовать. А то музыка хотя и была, но для единого только слуха. Словом, свадебка была самая простая дворянская, и не с пышной руки, и не мотовская. Но ежели здраво рассудить, то такая была и здоровее, и для обоих сторон соединена была с меньшими хлопотами и затруднениями.

Гости, приглашенные мною к сему торжеству, съехались ко мне еще накануне того дня, как быть свадьбе, и довольно рано, ибо всем хотелось видеть, как привезут приданое. И как погода тогда стояла наилучшая июльская, то весь вечер проводили мы в саду, гуляя в оном и слушая играющих вальторнистов, ибо музыка была к нам уже привезена, и мы восхотели ею попользоваться. И это было в первый еще раз, что раздавался звук музыкалических инструментов в моем саду и окрестностях моего жилища.

В самое то время, как мы помянутым образом в саду гуляли и занимались музыкою, возвещено нам было, что показались везущие приданое. Все мы бросились тогда из сада в хоромы и спешили приттить туда прежде их приезда, дабы видать весь порядок наблюдаемого при том обыкновенного обряда.

Приданое было хотя очень не знаменитое, в каком и не было никакой надобности, поелику невеста шла за меня со всем своим достатком, да и самого

платья, по молодости ее, нельзя было готовить многого; однако привезли оное по обыкновению на нескольких цугах и вносили как кровать, так и все прочее, при зрении сбежавшегося народа, по обычаю, на коврах и церемониально.

Для постановления кровати с обыкновенным ее занавесом отвели мы тот наугольный покоец, в котором я до того времени сыпал; и как присланные люди оную поставили и наитишь* снарядили, то угостив и одарив их по обыкновению, отпустили мы их обратно и уже довольно поздно ночью и по отъезде их спешили и сами взять скорей покой себе.

Последующий затем и достопамятный день встретил я с особыми чувствиями. Увидев чистое и прекрасное восходящее солнце, сказал я сам себе к нему:

— В последний раз, будучи холостым, вижу я тебя, о солнце, восходящим! Еще прежде, нежели ты опустишься за горизонт, присоединюсь я уже к мужам женатым и в завтрашний день буду видеть восход твой уже перешед в состояние иное... О, буду ли я в оном счастлив? И будет ли будущая подруга моя помогать мне веселиться так много тобою и твоим утренним светом, как много веселился я тобою, будучи холостым и в свободном состоянии?

Первая мысль сия повлекла тотчас за собой многие и другие, и я, вскочив и накинув на себя легкое утреннее платье, побежал в сад и, уклонившись от людей, пал ниц на землю перед невидимым Господом и отцом своим небесным и, принося

---

*Тишком, втихомолку — без крика, без ссор.

ему за все обыкновенные свои благодарения, просил его на коленях о ниспослании своего в сей толико важный для меня день и о том, чтоб он был ко мне милостив.

Едва я успел возвратиться из сада, как сказано мне было, что пришел уже священник со своим причтом для служения всенощной. Был то отец Иларион с братом своим, дьяконом Иваном, и его детьми. Мы тотчас начали служение и отслужили не только всенощную, но потом и молебен с водосвятием, и весь дом окроплен был освященною водою. Никогда почти не маливался я с таким усердием и благоговением, как в сей раз; но и было о чем молиться.

Обед был у нас ранний и не слишком церемониальный, а после обеда и начали мы тотчас собираться и располагать время так, чтоб нам от церкви возвратиться можно было не позже и не ранее сумерек. Меня нарядили и убрали, как водится, однако не с пышной руки и не так, как бы какого петиметра. Наконец, как все было уже готово, то поставлен был по обыкновению посреди комнаты стол с образом и хлебом и солью. За оный посадили меня и всех, ехавших со мною в церковь.

По восстании из-за стола и по принесении последних молитв Господу благословляем был я образом вместо отца дядею моим Матвеем Петровичем, а вместо матери — теткою Матреною Ивановною. Слеза, капнувшая из глаз моих, смочила тогда самую икону, с которою, по обыкновению еще старинному, поехал вперед помянутый духовник мой. Я последовал за ним и, севши с дядею Захарьем Федоровичем в карету, ехал во всю дорогу, сам себя почти не помня

от волнующихся в душе моей разных мыслей и пристрастий. Погода случилась тогда наипрекраснейшая и день самый ясный, тихий и жаркий.

Мы приехали к церкви еще довольно рано, и тут не было еще никого. Обряд требовал, чтоб невесте приезжать после и чтоб жениху не инако, как несколько времени дожидаться оной в церкви, и сие обыкновение наблюдалось как-то от самой древности. Каковы были для меня сии минуты, а особливо та, в которую увидели мы показывающиеся с горы экипажи невесты моей и другие с нею бывшие, того описать и изобразить я никак не могу, а довольно, когда скажу, что во все сие время сердце у меня было далеко не на месте и трепетало так сильно, что в ту минуту, когда сказали нам, что подъехали они уже к входу церковному, хотело оно из меня власно как выпрыгнуть.

Наконец введена была в церковь и невеста, и вошли и все приехавшие с нею мужчины и женщины. Взоры мои устремились натурально тотчас на ту, которая через несколько минут долженствовала соединиться со мною неразрывными узами. И как она мне в сей раз отменно хороша и столь приятною показалась, каковою она мне никогда еще до того не была, то сие ободрило меня очень, и я бодро и охотно пошел за ведущим меня на середину церкви. Но тут, не успели нас обоих поставить рядом и начать обряд бракосочетания, как мало-помалу, смущаясь мыслями, пришел я в такое замешательство мыслей, и кровь во мне взволновалась столь сильно, и я в таком находился беспорядке, что я дрожал тогда так, как бы от лихорадки или от мороза, хотя было

тогда в церкви и очень еще жарко. И состояния, в каком находился я во все время, покуда отправлялся сей священный и таинственный обряд, не в силах я никак изобразить словами моими. Я был вне себя и сам себя почти не помнил.

Совершаем был оный помянутым духовником моим, отцом Иларионом, со всею важностью и степенностью, каковая была сему духовному мужу свойственна и какой требовало и само существо сего обряда. По окончании оного прочтено было нам небольшое и обыкновенное в сем случае поучение. Когда же все кончилось и я поцеловал в первый раз невесту свою так, как уже жену свою, то возгремели со всех сторон поздравления и начались взаимные рекомендации между всеми в новое родство и знакомство друг с другом вступившими. И минуты сии были для меня восхитительны! С меня свалилась тогда власно как некая гора с плеч, и я сделался уже веселее и отважнее.

По окончании сего обряда и обыкновенного при том этикета, поехали мы домой и спешили колико можно ездою, чтоб успеть доехать еще засветло и за несколько минут прежде прочих. Во весь сей обратный путь был я уже гораздо веселее и спокойнее в мыслях. Я чувствовал в себе некакое облегчение и власно как новую жизнь, и не однажды говорил сам себе:

— Ну, слава Богу! Как бы то ни было, но дело теперь уже кончилось, и я теперь уже женатый муж!.. Теперь не станет меня уже более мучить нерешимость и сомнительства прежние. Неразрешимый узел уже связан и теперь остается только

просить Бога, чтоб он благословил сей наш брак своею святейшею десницею и не отверг нас обоих от лица своего, но продолжал прежние свои ко мне щедроты и милости. Далее можно мне помышлять уже о том, как бы довольным быть сим со мною происшествием, о котором уверен я, что не могло никак произойтить и совершиться без воли и соизволения на то моего Бога. А всходствие того и должно мне с сего времени уже стараться приноравливать себя ко всему и ко всему, и как ко времени, так и к обстоятельствам, в каких я впредь находиться буду, несмотря каковым бы им быть не случилось и быть всем довольным, что б ни воспоследовало со мной!

Тако сам с собою говоря и размышляя, проводил я все время при обратной своей езде от церкви. Мы приехали домой, действительно, в самые сумерки, так что нас встретили уже с огнем, и все комнаты мои освещены были множеством огней. Вальторны встречали нас своим звуком уже издалека, а не успели мы приехать и я, приняв из коляски молодую свою жену, подвесть ее к крыльцу, где при входе в дом встречал нас дядя и тетка с образом и хлебом и солью, и не успели мы к первому приложиться, а последний принять и поцеловать и древний сей похвальный обряд кончить, как при входе нашем в покои загремела музыка и не переставала играть разные симфонии, покуда не окончился весь вечерний стол, за который нас тотчас и посадили.

Стол был набран и приготовлен был не в зале, а в угольной и той комнате, где я прежде сего живал

и которую в прежнюю свою бытность в деревне распачкивал* разными фигурами, но которая тогда обита была уже обоями и прибрана лучше. И как стол поставлен был глаголем,** то и оказалось в ней довольно простора для помещения гостей всех.

Мы во весь ужин, по глупому старинному обыкновению, ничего не ели, да и прочие ели мало. Кушаньев настряпано и приготовлено было хотя и очень много и более, нежели сколько еще надобно было, но как тогда не было еще в обыкновении кушанья обносить кругом лакеям в соусниках и блюдах, а все надлежало кому-нибудь из сидящих за столом раздавать, то за безделкою стало дело, что кушанье раздавать было некому. Из стариков никому не хотелось принять на себя сию комиссию, а помоложе и такого, кто б мог сию должность взять на себя никого не было и не случилось; итак, уже кое-как и кое-кем было дело сие совершимо, и я размучился впрах с досады, приметя и видя сей беспорядок, но которому пособить был не в состоянии, да и переменить было нечем.

По окончании ужина тотчас повели нас за так называемые сахары или за стол, установленный конфектами и другими всякого рода фруктами и вареньями. Сей стол приготовлен был в тогдашней моей жилой и лучшей угольной комнате, ибо в комнатке, или в другой угольной поставлена была кровать. Тут потчиваны мы были кофеем и конфекта-

---

*Размалевывал.

**Глаголь — старинное название буквы «Г»; в виде буквы «Г».

ми, а потом отведена была невеста в спальню и раздеваема была боярынями, которые, возратясь оттуда и распрощавшись с нами, возвратились все в прежнюю столовую комнату, из которой между тем вынесены были столы и сделан был простор желаемый.

Ничто мне тогда так досадно не было, как известное древнее и наиглупейшее наше обыкновение, наблюдаемое и поныне при множайших бракосочетаниях, но начинающее ныне мало-помалу выходить из обычая; а именно, чтоб всем ночующим тут в доме гостям не спать, а в скуке дожидаться иногда по нескольку часов, покуда можно будет им новобрачным принесть свои поздравления.

Глупое и досадное сие обыкновение почиталось так свято, что и помыслить было не можно о преступлении оного, как много ни желал я того. В особливости же хотелось мне сего для того, чтоб доставить скорее покой незнакомым и новым гостям своим, которым за дальностью их домов, ехать было некуда, а всем надлежало ночевать у меня же в доме.

И хорошо, что в сей раз так случилось, что гостям не долгое время принуждено было сидеть молча и провожать время свое в скуке и что за препровождением целого почти часа в посещении новобрачной всеми гостями, во взаимных поздравлениях, при опоражнивании всеми, по обыкновению, бокала с напитками и в изъявлении всеобщей радости и прочих, бываемых при таких случаях обрядов, осталось еще довольно времени к тому, чтоб всем и выспаться и взять отдохновение.

Между тем как в доме моем происходило сие брачное пиршество и весь оный наполнен был таким

множеством народа, какого никогда в нем до того не бывало, мать жены моей, сделавшаяся тогда уже моею тещею, для скорейшего об нас и обо всем узнания и чтоб быть к нам ближе, переехала после нас из Калединки, откуда невеста отпускаема была к венцу, ночевать в Ченцовский завод, к общей нашей знакомке Ивановне.

Тут нашел я ее на другой день, приехавши поутру по обыкновению благодарить ее за содержание и воспитание своей дочери и для приглашения ее к нам на обед или так называемый княжой пир, на который она приехала вслед почти за мной. И с сего времени мы уже не расставались никогда с нею, но она, сделавшись общею нашею семьянинкою, к особливому счастью обоих нас с женою и детей наших, жила всегда уже с нами и живет еще и поныне, и приобрела к себе от меня такое почтение и уважение, что я всегда не инако ее себе почитал, как своею родною матерью.

Помянутый княжой пир был уже не только порядочнее, но живее и веселее предследовавшего ужина. Все гости сделались уже друг другу знакомее и между всеми господствовала радость и удовольствие. Музыка гремела опять во все продолжение стола, равно как и во все послеобеденное время, которое препровождено было всеми без скуки и весело.

Мы старались угостить колико можно лучше всех гостей своих и не отпустили никого из них от себя, не упросив ночевать еще у нас ночь. И они разъехались не прежде, как после обеда уже на третий день и расстались с нами с удовольствием и пожеланиями нам всех благ и благополучного супруже-

ства. Мы же, с своей стороны, в особливости довольны были тем, что никакое противное и досадное происшествие не помутило общей нашей радости и удовольствия во все время брачного сего пиршества, и что и сама погода была наилучшая.

Сим образом кончилось наше пиршество, и я сделался мужем женатым, вступил со многими, до того совсем незнакомыми, людьми в новое родство и знакомство и перешел совсем в иной и от прежнего отменный образ жизни. Моя прежняя одинокая и уединенная жизнь кончилась, и я нажил себе уже семейство, которое было хотя и не велико, но все уже был я не один, как прежде.

И как с сего времени пошло уже все иное, что дозвольте и мне дальнейшее повествование о случившихся со мною происшествиях начать с письма последующего, а теперешнее сим окончить, и сказать вам, что я есмь, и прочая.

МОЯ ТЕЩА

ПИСЬМО 117-е

Любезный приятель! Начиная теперь описывать вам историю моей жизни с того времени, как я женился, скажу вам, что по окончании брачного пиршества и по разъезде гостей мое первейшее дело было то, чтоб вместе с молодою своею женою объездить всех, бравших в брачном пиршестве нашем соучастие и одолживших нас своим посещением, и принести нашу общую благодарность; также чтоб познакомить новых семьянинок своих короче с моими родственниками и соседями, а между тем и самому спознакомиться ближе с матерью жены своей, также и с самою ею.

. . . .

. . . .

. . . Спознакомливался и свыкался я час от часу более и с молодою своею женою и тещею. Но в рассуждении первой свычка наша шла как-то очень очень медленными стопами. Я, полюбив ее с первого дня искреннею супружескою любовью, сколько ни старался к ней с своей стороны ласкаться и как ни прииискивал и не употреблял все, что мог, чем бы ее забавить, увеселить и к себе теснее прилепить можно было, но успех имел в том очень малый. Она каза-

лась иметь характер самый хладнокровнейший и ко всему тому нимало не чувствительною, и сие ее природное свойство простиралось даже до того, что в самый прошпективический ящик с картинами, производящий всем, не видавшим его еще никогда, толь великое удовольствие, смотрела она с совершенным хладнокровием, и он жену мою, несмотря на всю ее молодость, нимало не веселил, и неприметно было в ней ни малого к таким вещам любопытства.

Не находил и не примечал я также в ней ни малейшей склонности и охоты к читанию книг и ко всему, до наук относящемуся. Не видно было и того, чтоб она и к садам могла быть когда-нибудь охотница и чтоб ее и в них что-нибудь особливое веселило, но она смотрела на все с равнодушием совершенным.

Но что всего важнее, то и к самому себе не мог я от ней ни малейших взаимных и таких ласк и приветливостей, какие обыкновенно молодые жены оказывают и при людях и без них мужьям своим. Нет, сего удовольствия не имел я в жизни! И хотя было все и очень, очень неприятно, но как все оное приписывал я тогда наиглавнейше тогдашней ее молодости, а не природному ее свойству, то и переносил все то прямо с философическим твердодушием и не роптал на судьбу свою нимало, и тем паче, что не совсем еще лишился надежды увидеть и получить со временем то, чего тогда в ней недоставало. Напротив того, утешался тем, что многое из того, чего искал и желал я в жене своей, находил я в моей теще, а ее матери, и через самое то не совсем лишился тех душевных удовольствий, каких получения домогался я через женитьбу.

Я упоминал уже, что главнейшее мое желание состояло в том, чтоб через женитьбу нажить себе такого товарища, с которым мог бы я разделить все свои душевные чувствования, все радости и утехи в жизни и которому мог бы я сообщить обо всем свои мысли, заботы и попечения и мог пользоваться его советами и утешениями. Одним словом, который бы брал во всем, относящемся до моей жизни, искреннее соучастие и помогал мне прямо носить бремя оной. А все сие и находил и такого себе товарища и нажил я в особе моей богоданной матери.

Она была так умна, что я мог разговаривать с нею обо всяких материях, а притом так любопытна во всех частях, что всегда слушивала меня с удовольствием, и я мог относиться к ней во всем и передавать на апробацию* ее все и все. Кроме сего, имела она довольную охоту к садам и находила в украшениях оных великое для себя удовольствие. К самым красотам натуры не была она совсем не чувствительною. А что всего лучше и всего для меня приятнее было, то любила и сама читать книги и слушать других, когда ей читали, и слушивала не только с любопытством, но и с желаемым вниманием. А как была сверх того очень хорошего нрава и самого благородного и похвального поведения и любви и почтения достойного характера, то и получил я в ней такого товарища, какого желала наиболее душа моя.

Я мог адресоваться к ней всегда и со всем, что ни относилось как до литературы и до наук, так и до

---

*Латинское — на осмотр, на испытание и одобрение.

художеств, а наконец, до самых садов и других частей сельского домоводства, и ожидать от ней желаемого одобрения или, когда в чем надобно было, искреннего совета. Получал ли я откуда и от кого ни есть новую какую-нибудь книжку, то было мне кому сообщить о том свою радость, было кому взять в ней соучастие, было мне с кем ее почитать и посудить об оной! Удалось ли мне когда самому сочинить или перевесть что-нибудь, то было кому то прочесть и у кого спросить, хорошо ли то или нет, и было кому чрез одобрение свое меня побуждать и поощрять к дальнейшим таким предприятиям. Вздумалось ли мне когда что разрисовать или что-нибудь нарисовать вновь, то было кому работу свою показать и ожидать от кого себе похвалы и одобрения. Случалось ли что-нибудь особое, новое, важное или любопытное услышать или узнать, то было к кому спешить о том рассказывать и с кем о том поговорить и посудачить.

В садах ли находил я себе что-нибудь в особливости приятное, меня занимающее и увеселяющее, то было кому сообщить радость и удовольствие свое и быть уверенным, что возьмется в них соучастие. Удалось ли мне когда что-нибудь в них вновь затеять, выдумать или сделать, то было кого звать и с кем ходить того смотреть и тем любоваться. Случалось ли дождаться либо всхода, либо расцветания какого-нибудь нового, у нас не бывалого и нам обоим еще не известного цветочного или какого иного произрастания, то было к кому мне бегивать и спешить сказать свое о том удовольствие и звать кого смотреть оное. А таким же образом и в прочих частях экономии сельской случалось ли мне что новое выдумать, или

открыть, или увидеть, или сделать, или еще только затеять, то было с кем о том поговорить, подумать и посоветовать, или все показать и спросить о его мыслях, или с кем чему-нибудь хорошему, в особливости полезному, порадоваться и повеселиться.

Одним словом, был у меня человек, которому мог я все и все сообщать и который мог брать во всем относящемся до меня, и как в приятных, так и в самых неприятных вещах и происшествиях, живейшее и искреннейшее соучастие. А сего с меня было и довольно: ибо сего только мне холостому и недоставало, сего только я добивался. Сие я и нашел в моей теще, расположившейся жить всегда неразлучно с нами и быть в доме моем до совершенного возраста жены моей полною хозяйкою. А все сие и помогло мне с великодушием сносить все примечаемые недостатки жены моей и не так тем огорчаться, как бы стал тогда, если б не случилось и человека, могущего собою заменять оные. А как жизнь ее, по особливому счастью для меня, для жены и самых детей моих, продлилась до самого вечера дней моих и продолжается, к удовольствию нашему, и поныне, то и была причина быть мне женитьбою своею довольным и благодарить Бога, и мне оставалось только уметь пользоваться сим новым к себе благодеянием божеским.

Но как письмо мое неприметно увеличилось, то дозвольте мне оное на сем месте прервать, и сказать вам, что я есмь, и прочая.

КОНЕЦ ОДИННАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Часть двенадцатая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКЕ И ПО ЖЕНИТЬБЕ

1766
Сочинена 1802 года,
переписана 1805 года,
в Дворянинове

МОЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ПИСЬМО 121-е

Любезный приятель! Приступая теперь к описанию происшествий, бывших со мною в течение 1766-го года, скажу вам вообще, что сей год ознаменован был в жизни моей многими и довольно важными происшествиями. Имел я в оной много удовольствий, но посещен был и некоторыми неудовольствиями, огорчениями и печалями, из которых иные были весьма для меня чувствительны. Не отлучался я хотя от дома ни в какие дальние и долговременные отлучки, однако нельзя же сказать, что и сидел все дома и чтоб не было и отлучек и довольно иногда отдаленных. Сих так было много, что я, вздумав пересчитать при конце года из любопытства все те дни, в которые меня не было дома, удивился, насчитав их почти целую сотню, следовательно целую почти треть года.

Произошло сие от того, что ни в который почти год мы так много по гостям не разъезжали, как в сей, и все оные дни провели мы в помянутых разъездах. А нельзя сказать, чтоб и у нас никого не бывало; но при помянутом счислении с таким же удивлением насчитал я почти столько же дней и таких, в которые к нам приезжали гости, и мы дома провели их с чужими и посторонними людьми.

Но как количество обоих их ни велико, однако не подумайте, чтоб столь многие разъезды по гостям и приезды к нам гостей отвлекли меня от домашней экономии и прочих дел. Ах нет, любезный приятель! Но год сей, напротив того, можно почесть деятельнейшим в моей жизни, и я не помню, чтоб когда-нибудь предпринимал я так много разных дел и занимался столь много разными упражнениями, как в течение сего года. Вы удивились бы истинно, если б рассказать вам, что и что, и какие разные опыты предпринимал я в рассуждении хлебопашества и других частей домоводства и сколько навели мне хлопот и забот и одни огородние и цветочные произрастания!

Так случилось, что все знакомцы, друзья и соседи мои, власно, как наперерыв друг перед другом, старались доставлять мне все, что кто только имел из семян и произрастений таких, каких у меня еще не находилось. А иные выписывая оные и, покупая дорогою ценою, не хотели даже сами у себя их садить и сеять, а присылали ко мне, будучи уверены, что у меня они лучше не пропадут, нежели у самих их. Такое предубеждение имели они о моем любопытстве и отменной обо всем старательности. И как количество их всех было превелико, все же они мне как новому и молодому эконому были совсем еще незнакомы и со всеми надлежало познакомливаться, узнавать их натуру и свойство, и как лучше их садить, сеять и размножать, то судите сами, сколько одни сии должны были меня занимать!.. Но зато доставили они мне несметное множество и удовольствий и приятных минут в жизни. Когда же присово-

купить к тому и то, что никак не отставал я и от литературы, как любимейшего своего упражнения, но посвящал ей многие праздные часы и минуты, а сверх того имел я много и совсем особых дел и занятий, то усмотрите сами, что я не всуе назвал его деятельнейшим.

Однако я пойду по порядку и, возвратясь к нити прежнего повествования, буду рассказывать вам, что за чем происходило.

Не успел сей год начаться, как небольшое, но очень нужное дельцо принудило меня съездить на короткое время в Москву и побывать уже восьмой раз в сем столичном нашем городе. Не нарочно случилось мне узнать, что один старичок, из живущих у нас в соседстве небогатых дворян, продавал небольшую свою землянную дачку в Чернском уезде и в самом том месте, где я имел маленькую деревушку; и как была она очень малоземельна, то хотя и не было у меня наличных денег, но, напротив того, я сам нуждался ими, ибо и все доходы мои в тогдашние времена были еще очень-очень невелики, но мне не хотелось никак упустить сей земельки; но я, отыскав сего доброго старичка, уговорил его продать мне ее не за дорогую цену и с обожданием еще некоторого количества денег, и для сей-то земли и покупки ездил я тогда с старичком сим, которого звали Василием Матвеевичем Молчановым, в Москву, ибо крепости писать нигде, кроме сего столичного города, было не можно.

Но кто б мог думать тогда, что сия малозначущая и кратковременная езда моя в Москву назначена была благодетельствующею мне моею судьбою для про-

изведения мне, хотя еще отдаленной, но превеликой пользы, и пользы такой, которая бы имела на всю мою предбудущую жизнь и все мои обстоятельствы наивеличайшее влияние. И мог ли я тогда думать и воображать, что возвращусь из поездки сей, по-видимому, хотя с одной только безделкою, но безделка сия послужит потом поводом и побуждением мне к такому предприятию, которое отдаленным образом положило первое основание не только всего поправления состояния и достатка моего, но и бесчисленным счастливым и благополучным дням в жизни моей, и не только доставила мне весьма выгодное место, но и сделала имя мое всему государству с доброй и такой стороны известным, что я имел потом лестное и приятное удовольствие видеть, что весьма многие и именитые люди желали и искали случая меня видеть и узнать лично; заочно же и по одному имени меня весьма многие знали и почитали. — Ах, любезный приятель! Сколь мало знаем и в состоянии мы усматривать сокровенные пути и следы, которыми ведет нас провидение для доставления нам чего-нибудь важного и им нам предназначаемого, и сколь неприметны иногда нам те средствы, которые оно к тому употребляет!!!

Пример мой может служить сему ясным доказательством. Помянутая безделка, или паче средство, употребленное промыслом Господним к положению основания к великим переменам и происшествиям в моей жизни, состояло не в чем ином, как в одной небольшой книжке, доставленной мне нечаянным образом в руки.

Благодетельной судьбе моей угодно было, чтоб од-

нажды, идучи по площади, пред рядами в Москве находящейся, повстречался я не нарочно с одним человеком, носящим ее для продажи и получившим оную, может быть, от такого человека, которому она была совсем не по вкусу и не надобна, и чтоб по любопытству своему и охоте к книгам я на нее взглянул, вмиг полюбил, почел для себя очень нужною и в ту же минуту сторговал и купил себе оную.

Теперь не сумневаюсь, что вы очень любопытны узнать, какого бы рода была сия книга, которую я и поныне еще храню у себя, как некаким важным монументом. — Она была экономическая и составляла первую часть Трудов нашего экономического общества и только что изданная тогда в свет и вышедшая в Петербурге из печати.*

Я и поныне не могу еще довольно надивиться тому, как могла она так скоро прислана быть в Москву и попасться в продажу носящему и дойтить до рук моих. Не прежде как в самом сем году была она напечатана, а года сего не окончился еще и первый месяц, как я купил ее, и мы не только об ней, но и о учреждении самого экономического общества не имели еще ни малейшего слуха, знания и понятия.

Но как бы то ни было, но книжка сия и одним своим титулом ввергнула меня в превеликое любопытство. Многим другим неизвестно было, что такое экономическое общество, и могла книжка сия показаться тарабарскою грамотою, а мне, начитавшемуся уже довольно иностранных экономических сочи-

---

*См. примечание 6 после текста.

нений, было дело сие известное. И как о экономических обществах в иных землях и о всех их установлениях имел я уже довольное понятие, то, увидев из книжки сей, что и у нас такое ж учредилось, да еще и именитое и взятое самою императрицею в особое покровительство, вспрыгался я почти от радости и с превеликою жадностью и вниманием начал читать все в ней напечатанное: и удовольствие мое усугубилось еще больше, когда увидел я, что и у нас по примеру иностранных, приглашались к сообщению обществу экономических своих замечаний все живущие в деревнях дворяне, равно как и другие всякого звания люди, и что для проложения им к тому удобнейшего пути приложены было при конце сей книжки и 65 вопросов такого существа и о таких материях, о которых не мудрено и не трудно было всякому ответствовать, буде только кто сколько-нибудь о деревенской жизни и сельской экономии имел понятие, и сколько-нибудь умел писать и владеть пером.

Самое сие и побуждало меня более прилепляться к сему предложению в особливости. Я помышлял уже и едучи дорогою домой о том, не можно ли мне на сие требуемое соответствие отважиться; а как возвратился в дом, то не выходило сие у меня почти из ума, и тем паче, что я чувствовал сам себя довольно в силах к соответствованию на все оные вопросы.

Со всем тем прежде не отважился я никак пуститься на такое, у нас совсем еще необыкновенное дело, не повидавшись, не переговорив и не посоветовав о том наперед с другом и соседом моим Ива-

ном Григорьевичем Полонским. И как сей почтенный и меня искренно любивший сосед не только того не отсоветовал, но паче еще более меня к тому побуждал, давая совет, чтоб нимало и не мешкать, дабы другие в том меня не предупредили; то и приступил я тотчас к сему делу и расположился не только ответствовать на все заданные от общества вопросы, но приобщить к нашим земледельческим орудиям и рисунки.

Теперь признаюсь, что сколь знания мои, относящиеся до сельского домоводства, ни были довольно еще обширны, но во многих пунктах был я все еще не совершенно сведущ, так что для объяснений оных принужден был брать прибежище к старику своему Фомичу, приказчику и, призвав его к себе, о многом расспрашивать и пересказываемое им брать себе в замечание.

Усачу сему было сие крайне приятно, и я и поныне не могу еще забыть, как он, стоючи в комнате моей у притолоки и спрятав обе руки свои в рукава овчинного своего тулупа так, как в муфту, с некаким особым и внутреннее удовольствие изъявляющим видом, рассказывал мне, вопрошавшему его, что знал и ведал, и властно как гордился всеми сведениями своими.

Но как бы то ни было, но я в немногие дни сочинил все мои ответы и сочинил их так хорошо, что приятель мой, которому возил я их показывать, не только не выкинул из них ничего, но, расхвалив, советовал мне скорее переписывать и отсылать, что я и учинил, и делом сим так поспешил, что в начале месяца марта были они от меня в Петербург уже

отправлены. По счастию, отъезжал около сего времени меньшой мой двоюродный брат Гавриил Матвеевич записываться на службу; почему и поручил я ему свое сочинение, прося, чтоб пакет сей отдать в Москве на почту.

Сие было первейшее начало переписки моей с экономическим обществом и первое мое с ним заочное знакомство, которое послужило мне после того в толикую пользу. Я приложил к сочинению моему не только прекрасный и с отменною прилежностью выработанный рисунок, изображающий здешние земледельческие орудия; но приобщил еще и особое письмо с означением места, откуда оно отправлено и расположил все мое сочинение так, что необходимо должно было оно экономическому обществу понравиться и вперить ему обо мне и о способностях и сведениях моих хорошее и выгодное мнение; а сие и воспоследовало действительно, как то вы сами после увидите.

Первым последствием от сего моего нового дела было то, что сколько до сего я ни прилежал* к сельской экономии, но с сего времени охота моя увеличилась вдвое. Я властно как предчувствуя, что судьба предназначила меня быть со временем знаменитым экономическим писателем и что мне доведется писать много и обо многом, начал не только входить во все части сельской экономии с наивозможнейшим вникновением и прилежностью, и для удостоверения себя во всем предпринимать много-

---

*Увлекался, усердно работал.

различные опыты, но и все узнанное и примеченное записывать для себя в особую книжку, назвав ее «Экономическим магазином» власно так, как бы предвидел, что некогда буду я и в печать издавать журнал под сим именем.*

При сих экономических затеях и упражнениях ничто мне так не досаждало, как наша чрезполосчина или то обстоятельство, что жил я в деревне не один, а с другими владельцами, и как полевая земля, так и все другие угодья были у нас в общем владении и не в разделе, а пашенная земля разделена была подесятинно, и владение оною перемешано чрезвычайным образом.

Сие приносило с собою то досадное следствие, что мне и с собственными своими пашнями ничего особливого предпринять было не можно, а с лугами и лесами и подавно, как с принадлежащими всем вообще, ничего особливого, хотя бы и хотел, сделать было не можно. Словом, я связан был с сей стороны по рукам и по ногам и не только не знал, чем сему злу пособить, но и не предвидел и впредь никаких к тому способов. Ибо хотя я старался всячески преклонять важнейшего совладельца и соседа своего, старика генерала, к разделу, когда не земли, так прочих угодьев, а особливо лесов наших так, как мы и разделили уже один заказ, называемый Шестунихою. Но сей престарелый старый воин всего меньше о том помышлял, и хотя наружно и казался быть на то согласным, но происходило то от срод-

* См. примечание 6а после текста.

ного ему нечистосердечия и лукавства, и я легко мог усматривать, что у него сего раздела и на уме не было.

. . . .

Седьмому числу мая назначено было доставить мне новое великое и до сего времени неизвестное удовольствие. . . . .
Жена моя давно была уже беременна, а сего числа разрешилась она бременем, и я сделался отцом. Не могу вам довольно изобразить, какова была моя радость при рождении сего первенца из всех детей моих; с каким особым чувствием принимал я от всех поздравления и как приятно было мне, когда меня отцом называли.

. . . .

Не успел настать июнь месяц, как я обрадован был до чрезвычайности нечаянным и совсем неожиданным получением письма от экономического общества из Петербурга. Как таких повсеместных почт тогда еще не было, какие учреждены у нас ныне, то письмо сие прислано было в каширскую воеводскую канцелярию, а оттуда с нарочным ко мне доставлено. Было оно благодарительное от имени всего общества за присланное от меня сочинение, и в самом существе своем хотя ничего не значило, но для меня в тогдашнее время казалось неведомо как важным.

Я кичился тем, властно как великим каким приобретением, и поставлял себе то за великую честь, что сам президент того общества и первая тогда знаменитейшая в государстве особа удостоила меня своею перепискою. Президентом сим был тогда у них

граф Орлов, самый тот Григорий Григорьевич, который так меня любил в Кенигсберге и который, сделавшись фаворитом государским, играл тогда знаменитейшую роль в России и без всякого сумнения всего меньше обо мне думал и помнил. Но как для общества весьма нужны были корреспонденты, а особливо такие как я, и надобно было повсюду их отыскивать и всячески их поощрять к дальнейшей с собою переписке, то им самим я был очень нужен; почему и не мудрено, что они тогда ко мне написали несколько строк и в оных, изъявив свое удовольствие о присылке моих ответов, изъявили желание свое о том, чтоб и впредь сообщаемо было от меня все мне известное.

Но как бы то ни было, но я получением письма сего был крайне доволен и по сродному всем любославию* не преминул показывать его всем знакомым и незнакомым так, как бы сокровище какое.

Но не успел я еще от радости сей опомниться, как другое важное и также совсем нечаянно полученное известие и письмо, всю мою радость прервав, погрузило меня, напротив того, в печаль и огорчение превеликое. Пришли нарочные ходаки из Пскова и принесли мне такое известие, которого неожидаемость привела меня даже в изумление и поразила как громовым ударом. Зять мой, господин Неклюдов, уведомлял меня, что всемогущему угодно было прекратить век жены его, а моей старшей сестры Прасковьи Тимофеевны; и 19-е

*Тщеславию.

число марта был последний день ее жизни, а 26-го числа того ж месяца предано было и тело ее земле в их приходской церкви.

. . . .

В конце минувшего года издан был тот славный манифест о межеванье,* который произвел во всем государстве толь великое потрясение и всех владельцев деревенских заставил так много мыслить, хлопотать и заботиться о всех своих земляных дачах и владениях. Повелено было размежевать все земли в государстве, и учреждены были межевые канцелярии и конторы; составлен целый межевой корпус из землемеров и других чиновников, и как всем им поступать и что делать — предписаны формы и подробнейшие наставления в сочиненных для того и обнародованных межевых инструкциях.

Важность сего нового дела была так велика, что у всех сельских и деревенских жителей объяты были все умы помышлениями и разговорами об оном. И как межевание сие долженствовало тотчас и начаться и около сего времени и действительно уже проводилось в Московской губернии и в уездах к оной принадлежащих, и в ближнем к нам городе Серпухове учреждена была межевая контора, то все начинали уже готовиться к оному и снабжать себя всеми нужными к тому сведениями и вещами.

Как помянутые межевые инструкции, а особливо канцелярская и конторская, составляли книгу, которую всякий запастись или, по крайней мере, про-

---

* См. примечание 7 после текста.

честь старался, то легко можете заключить, что не преминул и я не только запастись оною, как скоро она вышла, но и несколько над нею посидеть и поштудировать для узнания всего написанного в ней и для предварительного получения обо всем межевом деле надлежащего понятия. А при сем-то случае увидел я, что не позабыты были никак и наши степные впусте лежащие земли, но их все велено было канцелярии московской распродать как завладевшим оными, так и другим охочим* людям.

Повеление сие сколько одних обрадовало, столько других опечалило и привело в задумчивость. Цена, назначенная сим землям, была совсем не такая, какой все ожидали, но вместо гривны за десятину, как все полагали и думали, определено и за самую впусте лежащую и никем не владеемую землю брать по рублю за десятину, а с строевым лесом — по три рубля; а за завлаженную не иначе как тройную цену, то есть за пашенную и луговую по три рубля, а с лесом по девяти рублей. Цена, показавшаяся тогда всем чрезвычайною, хотя в самом деле была и она весьма малая и умеренная.

Но как бы то ни было, но все показавшие, из единой ненасытной жадности в завладении своем многие тысячи десятин, тогда ахнули и не знали, что делать. Доводилось иным платить по нескольку десятков тысяч, и хорошо, если кому было за что, и земли столько у них в завладении было, сколько ими показано. Но многие наклепывали на себя, чего не

---

*Желающим.

бывало, и долженствовали теперь платить многие тысячи понапрасну.

Точно сие случилось тогда с некоторыми из соседей моих в шадской или тамбовской деревне. Что ж касается до меня, то хотя и мне доводилось заплатить немалую и до несколька сот рублей простирающуюся сумму; но как она все еще была для меня сносная, то я радовался, по крайней мере, что поступил не по примеру жадных соседей моих и не навлек сам на себя несносного бремени, а напротив того, стал помышлять о том, как бы скорей воспользоваться сею государскою милостию и получить ту землю себе в покупку.

Худое состояние всех моих небольших деревнишек, крайняя малоземельность во всех оных и малое количество доходов, получаемых тогда и со всех их, которые в последний год простирались только до 480 рублей, суммы ничего почти не значущей, заставляли меня спешить помянутою покупкою, дабы чрез то, хотя ту степную деревню снабдить довольным количеством земли и сделать ее доходнейшею. А о том же самом помышлял и брат мой Михаил Матвеевич, находившийся в сие время уже дома и в отставке.

По особливому счастью, находился тогда при первом члене межевой канцелярии генерале Штофельне, один наш родственник, господин Арцыбашев, Афанасий Афанасьевич. И как он был в особливом у него кредите, то и хотелось нам воспользоваться сим в случае и чрез его основать сию покупку. Сие и удалось нам произвесть в действо. Мы списались о том с ним, и он уведомил нас, когда нам можно было подать о продаже нам сей земли челобитную. И сие-то прошение подали мы чрез его в сие время в межевую кан-

целярию, расположив оную сообразно с прежним нашим объявлением в комиссии о засеках.

Наконец, четвертую достопамятностию сего времени было то, что я, будучи ободрен благоволением, оказанным мне экономическим обществом, и благосклонным принятием посланного моего к ним сочинения решился приступить к сочинению второго и от самого уже себя, и материю избрал к тому относящуюся до лесов и до рубки оных частями. Побудило меня к тому наиболее то, что я не только о лесах начитался в иностранных книгах и в особливости довольно, но предпринимал уже и некоторые опыты с ними, следовательно, мог составить некоторого рода систематическое и довольно полное сочинение о лесах и основать оное отчасти на теории, а отчасти на практике самой. И сие-то важное и, можно сказать, прямо полезное сочинение начато было мною в конце месяца июня.

Вот все, что происходило со мной в течение первой половины сего года, и вы согласитесь со мной в том, что период времени сей был довольно знаменит в моей жизни. Теперь следовало бы повествовать о том, что происходило со мною далее; но как письмо мое уже слишком увеличилось и мне давно пора бы его окончить, то дозвольте мне отложить то до письма последующего, а между тем сказать вам, что я есмь, и проч.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

ВТОРАЯ ЕЗДА В ТАМБОВСКУЮ ДЕРЕВНЮ*

ПИСЬМО 125-е

Любезный приятел. . . . .

Все домашние мои, провожали нас до Ченцовского завода, и тут, в доме любезной нашей старушки Ивановны, угощавшей всех нас чаем и чем только могла, распрощались мы с ними и поехали на своих лошадях с довольным числом людей и повозок.

. . . .

Вы из прежнего моего письма знаете уже, что главным предметом езды нашей была купленная нами из межевой канцелярии земля и главное наше желание состояло в том, чтоб, намерив себе такое количество, сколько нам продано, оную обмерить и очертить так, чтоб никто нам уже не мешал владеть оною в силу указа.

Всходствие чего, не успели мы приехать и расположиться, как первейшее мое старание было узнать от своих, что думают и говорят о земле нашей та-

---

*В одном из пропущенных писем Болотов рассказывает о своей первой поездке в Тамбов. Эта поездка была вызвана необходимостью выявить количество самовольно захваченной земли; вторая поездка — необходимостью установить границы владений, в связи с покупкой нового участка земли.

мошние соседи, которым нельзя не знать уже о нашей покупке. Вести, которые при сем вопрошании я от всех услышал, были для меня совсем неожидаемы и весьма неприятны.

Уведомляли нас, во-первых, что все наши тамошние соседи дивятся, каким образом купили мы государеву землю там, где ее нет, ибо-де те урочищи* лежат внутри округи, тамошним жителям произведенной в дачу**, и тут нет никакой пустопорожней государевой земли.

Во-вторых, что самые те урочищи, где мне произведена продажа и некоторые места я дикопорожжею и ковылем порослою землею назвал, все почти после того времени и после издания манифеста и вопреки оному, нагло завлажены не только тамошними помещиками, но и из других деревень жителями, и что осталось тут уже очень мало ковыльной земли, и которая еще есть, так и та вся небольшими клочками лежит внутри захваченных очерченных мест.

В-третьих, что самое то место в Дальнем Ложечном, где я вознамеривался завести себе и при будущем переводе из других деревень людей особую поселить деревеньку, одним нашим захвачено посторонним соседом, и он сделал тут последние годы хутор, и нас выгнал и вытеснил совсем.

В-четвертых, что самый сей сосед, по фамилии Рахманов и по имени Степан Миронович, очень си-

---

*Естественный межевой признак — речка, овражек, горка.

**Дача, дачная земля — данная по дележу или дарованная царем земельная собственность.

лен, имел там две великие деревни и нас повсюду наглостию и многолюдством своим обижает, отнимает у всех насильно земли и луга, и что наши по малолюдству своему противиться ему не могут. Жалостный пример тогдашнего бедного состояния нашего отечества, а особливо тамошних мест, где кто был сильнее, тот был и прав, и сила его за закон поставлялася.

. . . .

Возвратившись домой и занявшись ввечеру писанием своего журнала, между тем как брат мой разговаривал с премудрою головою, моим приказчиком, услышал я нечто такое, что побудило меня до слез почти смеяться. И как сие может служить доказательством уму и рассудку моего долговязого приказчика и грубому невежеству и глупости нашего подлого народа, то расскажу вам сие смешное происшествие.

Разговор у них был тогда о скотском падеже, свирепствовавшем в тогдашнее время во всем тамошнем околотке и в том числе и в самом нашем селении; и приказчик мой божился ему тяжкою клятвою, что там недавно смерть коровью видели, и брат мой был так недальновиден, что ему в том и верил. Что ж касается до меня, то я, услышав сие, покатился со смеха и, перестав писать и захохотав, спросил:

— Какая ж она, эта смерть коровья?

— Право, сударь, видели, — отвечал сурьезно мой приказчик. — Андрос вез хлеб с поля, и она бежит-бежит по нашей роще и тотчас рассыпалась, как скоро Андрос ее увидел.

— Ха! ха! ха!

— Нет, сударь, что вы смеетесь? С девчонкою нашею встретилась, совсем-таки наткнулась на нее перепугала ее на смерть.

— Того еще лучше! Да какая же она?

— Вся белая, от ног до головы. Бежит, бежит и очень резво!

— Да что ж она, человек что ли?

— Нет, сударь, а ноги у нее коровьи, а голова бычачья! — Вот ажно какая!

— Ну, ну, что далее?

— А что, сударь? Попытаться бы коров-то в землю от мора сажать.

— Как это? ха! ха! ха!

— А вот как, сударь. Вырыл бы яму глубокую и туда бы их запер, и воду бы к ним из вершины пропустил, сделав внизу узенький проходец; а чтоб земля не обваливалась, подставил бы подпоры и сделал бы ясли, а перед дверьми натыкал бы пик, так бы смерть и накололась.

— Ха! ха! ха! перестань пожалуй врать и говорить такую околесную, ты мне только писать мешаешь.

Сим окончу я сие письмо и, предоставив продолжение повествования моего письму последующему, между тем остаюсь ваш, и прочая.

СТЕПНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

ПИСЬМО 126-е

Любезный приятель! Повидавшись... с обоими моими ближними соседями и условившись с ними ехать в поле, за нужное почел я прежде их ко мне приезда выправиться хорошенько, сколько земли у меня было действительно во владении господской и крестьянской, дабы знать сколько в прибавок мне себе отмерять и взять надобно. Тут, по точной переписке и счислении, открылось для меня совсем странное неравенство, что крестьяне владели вдвое против моего и что в завладении всей было около полутораста десятин.

. . . .

В один вечер из сих дней имел я особливое удовольствие и обрадован был до чрезвычайности, но чем?.. О том надобно пересказать вам самыми теми словами, какими описывал я тогда происшествие сие моему приятелю:

«Угадайте (говорил я в письме своем к нему), какая бы это была радость! Об заклад ударюсь, что вы не отгадаете!.. Ежели думаете, что я землю получил, так совсем не то: о земле нет ни слуху, ни духу, ни послушания. Соседи мои не бывали и три дня еще не будут. Все ездят и празднуют по

гостям. Что ж бы такое?.. Вы не угадаете, хотя б прибавить еще, что радость моя была полная и удовольствие совершенное. Я имел вчера и сегодня то в руках, чего желал долгое время. Во мне совершилось или удовлетворилось одно желание, которым я уже давно мучился, то как же не радоваться?

Однако прошу не углубляться в мысли: сколько б вы не стали мыслить и думать, но вам никак не отгадать, а лучше расскажу вам все дело и заставлю и вас посмеяться.

Вчера легли мы с братом спать. Я поставил себе свечу в головы и читаю книгу; брат мой ворочается и поправляется, чтоб спокойнее заснуть; но вдруг как меня удивил! В единый миг скок-таки с постели и с одеялом своим и растянулся на полу! — Что бы это такое над ним сделалось? — Вы, думаю, дивитесь сему, но вы удивитесь еще более, когда скажу, что я вместо того, чтоб испужаться, сам ему последовал, сам так же с постели вскочил в чем мать родила, бросил книгу и свечу, и ну по горнице или по избушке своей прыгать и бегать.

«Господи! — скажете вы. — Не с ума ли вы оба сошли и не подеялось ли вам чего?»

Нет мой друг! Право нет. Мы оба в целом разуме были и так как теперь, только по вас слово, сделались на минуту маленькими ребятками!

Кролики, сударь, жившие у нас под печкою, которых мы так усердно поймать хотели, но никак и никогда поймать не могли, вышли в сей раз из-под печки и удалились от своей лазейки. Брат, приметив сие, вскочил и одеялом своим заткнул им лазейку,

а я, вскочив, бросился их ловить; и какое же удовольствие имел, когда, наконец, поймал одного из них, а именно беленького.

Я взял его за ушки, поднес к свечке, смотрел, гладил его, любовался и веселился сим прекрасным зверочком с целую четверть часа.

«О, вор! попался ты нам! — говорил я ему и повторял несколько раз, — вот ужо мы тебя! уж дадим тебе переполоску! Перестанешь от нас бегать! Целых две недели мы тебя ловим!..»

Однако угрозы наши были ему неопасны; мы, налюбовавшись им досыта, дали ему опять свободу, и тогда с какою же радостию нырнул он в свою лазейку. А мы положили ловить черного, который гораздо был проворнее и смелее и, нырнув под одеяло, продрался. И я доволен был тем, что он ушел, ибо тем подал мне случай другой раз подобным тому образом минуты две-три повеселиться.

Это было сегодня после обеда. Сижу я с попом, который у нас обедал, и говорю. И рассудите, сколь велико было во мне желание поймать сего плутишку, что сидит со мною посторонний человек, а, увидев его удалившегося от своей лазейки, вдруг как сумасшедший вскочил, бросился к печи и тулупом своим заткнул дырку и насилу-насилу поймал его за ножку. Чуть было не ускользнул, такой вор!

Поп мой, думаю, удивился моему поступку, но что мне до того нужды. Я взял-таки и налюбовался им еще того больше. Он был гораздо лучше белого. Я посадил его на стол, держал долгое время, кормил его яблочками, и он у меня их кушал, а потом, наконец, дал я ему свободу, ибо как увеселил меня

он, так хотелось мне и ему сделать освобождением удовольствие.

Теперь, продолжая мою историю, скажу, что около 28 сентября начали обстоятельства мои приближаться к окончанию. Соседи мои начали собираться и посланные проведывать привезли известия, что приехал и Тараковский, и Соймонов, и, наконец, Рахманов.

. . . .

Г. Рахманов жил от нас не близко и имел село превеликое, с однодворцами вместе, но я отроду такой дурной усадьбы и положения места не видывал, как сие.

Село это сидит в лощине по косогору и очень дурно и тесно, хотя прикрыто прекрасным по буграм лесом. Насилу, насилу мы въехали по грязи на гору к его хоромцам, построенным также на косогоре и в прескверном месте и не значущем ничего.

Г. Рахманов принял нас с надутою гордостию и пышностию; а хотя бы и не имел сего пристрастия, так бы толстый его корпус и взрачный стан придал бы ему пышность. Мы скоро дошли в разговорах до земли. Рахманов мой в гору и в гору ужасную! «Земля дачная, окруженная окружною и настоящая окружная у него, а дикой земли вовсе нет», да и только всего!

Но эта песенка была первая у всех тамошних господ; но я скоро усмотрел, что Рахманов был не дурак и что сосед сей важнее всех прочих. Он начал представлять резоны, и резоны его были справедливые, и никто еще из тамошних столь важно о сей окружной не говорил, как он. Знал же он и все то,

что в инструкции о землях написано, и твердил, что здешние пустые степи почтут примерными. Далее говорил он, что купить в ней было мне не можно и что он сам просил о продаже, но ему будто затем и не продано, что земля тут дачная, и он просил будто о продаже в другом месте.

Мы прокричали с ним добрые полчаса, и я нимало не уступал, но со всем тем привел он меня в великое сумнение; ошибка моя была мне очень явна и состояла в том, что при просьбе о земле в межевой канцелярии назвал я ее дикою и в дачах небывалою, почему она мне и продана.

Приведен будучи сим в великое замешательство, замолчал я на часок, чтоб подумать, какие бы при тогдашних обстоятельствах принять мне лучшие меры. В единый миг пробег я мыслями все следствия, могущие произойти в разных случаях.

Помышлял о том, чем бы и как исправить свою ошибку в межевой, думал о испрошении для отмежевания мне проданной земли своекоштного землемера; помышлял о спорах, какие произойдут при сем случае и как тем еще более все дело испортить можно, и не усматривал ничего лучшего, как избрать среднюю дорогу, а именно: чтоб об ошибке своей молчать, межевщика не брать, а владеть землею попрежнему до прибытия землемеров и распахивать ее уже смелее. Но чтоб владеть до того времени спокойнее, то усматривал ту необходимость, что вести мне надобно себя посмирнее и стараться получить ласкою землю к одному месту, где б то ни было, хотя бы то и с некоторою уступкою было.

Не успел я все сие перемыслить, как г-н Рахма-

нов, успокоившись от своего разгорячения и пыхов* и сделавшись смирнее и снисходительнее, сказал: что я дачу свою получу тогда, как межевать станут, а теперь владел бы я тем, что имею. Я обрадовался сему и, привязавшись, начал клеить свое дело. Ибо с сей минуты говорили мы уже все ласково и хорошо. Он уже соглашался, чтоб я брал и отводил землю. Но тут сделался вопрос, будет ли он моею межою доволен?

Чего я опасался, то и сделалось. Он был крайне тем недоволен, что я так близко к его хутору подъехал, и требовал неотменно по свою черту, самим им от единой жадности к захватыванию проведенной; ибо сие место было совсем не против его дачной земли, а против нашей, а он захватил только насильно у нас один лог, известный под названием Дальнего-Ложечного, и, нашед тут родник и воду, поселил хутор.

Я видел ясно всю несправедливость и наглую только жадность к земле с его стороны, и потому хотя мне и весьма не хотелось ему сделать толь великой уступки и дать ему чрез то отбить меня совсем от помянутого Дальнего-Ложечного, которое именно мне продано, и где самому мне селение завесть хотелось; но видя, что мне с сим тузом, как с добрым мерином, не сладить, оказал себя сколько-нибудь склонным и на его предложение, и тогда и он, будучи доволен, хотел сам выехать и положить между нами межу.

. . . .

Как по условию нашему надлежало мне целые двое

---

*Пых — пыл, спех, горячность.

суток дожидаться нашего съезда, и сие время еще долее продлилось по случаю заехавших к Рахманову гостей и его задержавших; то употребил я сие праздное и для брата моего очень скучное время на разные экономические распоряжения, а в достальное праздное время описывал положение и самую историю тамошних мест, между прочим же и на свидание с ближнем соседом своим, г-н Тараковским.

Сей удивил меня пременением* всех своих со мною поступок и, побывав у Лунина, вместо прежнего казоканья** сделался так смирен, как, овечка и так ласков, так снисходителен, так сговорчив и на все согласен, что я даже удивился, и будучи крайне тем доволен, ласкал себя приятною надеждою, что мы разведемся с ним и в земле порядочно и как надобно. Но за доставленное мне сие краткое удовольствие заплатил же он мне с лихвою другим своим со мною обращением, которое по особливости оного и достойно того, чтоб я описал оное вам в подробности, и по примеру прежнему, теми же точно словами, как им описывал я происшествие сие тогда в письме к моему приятелю. Вот оно:

«Скажу вам, любезный друг, что я весь сегодняшний день принужден был просидеть под караулом и терпеть крайнюю скуку. Однако не ошибитесь в заключениях и не подумайте чего-нибудь действительно худого; нет, мой друг! А я был в гостях и таких гостях, где мне были еще чрезвычайно рады.

---

* Изменением.

** Козокаться — упрямиться, сердиться.

Но со всем тем сидеть мне было тут так весело, что принужден был употребить всю философическую терпеливость и искать от самой сей высокой и драгоценной науки себе утешения.

Причиною тому было то, что хозяин того дома, где я сегодня обедал, впал в некоторый род энтузиастического исступления, или некоторый род болезни, которой, по примечаниям моим, здешние дворяне в особливости и часто подвержены бывают. Действие ее состоит в том, что человек приходит вдруг в некоторый род исступления и начинает делать всякие неистовствы и присутствующих мучит разными образами.

К вящему несчастию, продолжилось сие исступление его до самого моего отъезда, в которое время весь дом его был встревожен, и досталось от него всем, кто тут ни был, и в том числе не освобожден был и я от некоторого рода мучения. Но что всего страннее, то мучения сии деланы были всем разные и неодинакие. У иных принуждены были терпеть мучение ноги, у иных руки, у иных горло, а у иных все тело. Мое же состояло в том, что он принимался несколько раз меня душить и однажды чуть было не задушил, так крепко притиснул меня своими руками. А сверх того, щеки мои и теперь еще саднеют от небритой и жестокой его бороды, которую колол он в них как железною щеткою.

Если вы не догадываетесь, что вся сия аллегория значит, то для изъяснения загадки сей скажу вам, что все дело состояло в том, что хозяинушка наш был на подгуле с радости, видя у себя таких гостей, с которыми он, по уверениям стократным, в наисо-

вершеннейшем дружестве жить желает, хотя в самом деле может быть ими и не гораздо доволен.

Был то ни кто иной, как друг наш, г-н Тараковский. Будучи у меня в сие утро, не только не хотел никак остаться у меня обедать, но привязался к самим нам с братом с такими неотступными просьбами, чтоб ехать с ним обедать к нему и вместе с ним и его детьми расхлебать уху, которая у него самая свежая и только что из воды, что мы принуждены были на то согласиться и, севши на лошадей вместе с ним, к нему и поехали.

И тут-то не успели мы приехать, как он чарочка по чарочке и рюмочка по рюмочке, но наконец так приятель наш понабрался, что, севши обедать, не умел ни одного слова выговорить, а только бормотал халдейским* языком, которого никто из нас не разумел.

И Боже мой! Какое представлялось мне тогда и после обеда во весь день зрелище! Ежели б можно, намалевал бы вам все на картинке для изображения всей гадкости сего порока, ибо пером изобразить того никак не можно; однако опишу вам хотя малую часть всего смешного и скучного для меня позорища.

Но прежде скажу вам несколько слов о его обеде. Хотя приехали мы уже в часу первом, однако принуждены были более часа его дожидаться. Сие было уже хорошим предвозвестием доброму и сытному обеду; ибо другого не оставалось заключить, что он,

---

*Халдейский — грубый, бесстыжий, здесь — непонятный.

по множеству рыбы, еще не готов был. И в сие-то время прохаживались у него взад и вперед рюмки.

За какое счастие почитал я тогда для себя, что я не пью водки, а то бы, конечно, и я в такую болезнь впасть принужден был. Однако... со всем тем принужден был компанию делать вишневкою, но и ту, по счастию, не принуждал он меня пить более того, сколько я сам выпью. Впрочем, самое лучшее до обеда состояло в том, что он поставил перед нас... одно превеликое яблоко на стеклянном блюдечке, прекраснейшего вкуса.

Наконец, загремели тарелки и появилась сборщица в премудреном сарафане, ибо, надобно знать, что должность тафельдекера* и казначея, и кравчего,** и управителя, а, может быть, и самой хозяйки или еще что-нибудь, и далее отправляла одна молодая и собою гладкая баба, в мудреном верхнем одеянии. Она одета была, как водится, в юбке, в кокошнике и в рубахе с манжетами, но сверху надет белый суконный короткий сарафан, с короткими рукавами по локоть и в стану столь широкий, что можно бы в него поместить еще одного человека. Сия казначея и поверенная особа собрала с превеликою проворностию, при вспоможении одной девки, на стол и поставила кушанья довольно. Но посмотрим, какие они были!

---

*Немецкое — дословно: скатертник, накрывающий обеденный стол.

**Кравчий — тот, кто режет за столом жаркое, пироги.Текст сноски.

Первое блюдо содержало нарезанную ломтиками и облитую конопляным маслом редьку, с присовокупленным к тому луком, нарезанным кружками. Второе имело в себе вяленых подлещиков с оголившимися почти ребрами. Третье — тертый горох, такой черный, как лучше требовать было не можно. Четвертое — вареную и изрезанную ломтиками репу. В сих четырех блюдах состояла вся первая и холодная перемена.

Горячее было того мудренее. Славная его рыба была величины огромной: самая большая из них была не меньше, как в целый вершок длиною. Нельзя сказать, чтоб не было рыбы многой, ста два, три находилось их в блюде и была бы ушица изрядная, если б не подсыпано было туда же просяной крупицы или пшена, и тем все дело не изгажено. Другое горячее блюдо содержало в себе вареные каким-то особливым образом грибы, а третье щи с сомом. Жаркое было на двух блюдах. На одном жареные подлещики, которые были всего кушанья получше, а на другом великое множество давичних маленьких рыбок на сковороде, а всем тем и бить челом.

Хотя обед сей был и не лучше моего, но едва ли не гораздо хуже, однако я голоден не был, ибо, по благости Господней, был я во всю мою жизнь не приморщик* и мог наедаться всякого кушанья. Впрочем, сидело нас за столом шестеро: мы с братом, да хозяин, да тетка его, старушка старенькая,

---

*Привередливый, брезгливый, разборчивый в пище.

да две девушки дочери хозяйские, ибо он был вдов и жены недавно лишился.

Не успели мы встать из-за стола и дамы наши в другой покой удалиться, как и начались объятия.

— Друг ты мой сердечный!.. Я вам сердечно рад... Ей-ей рад.

Тут последовал поцелуй, не гораздо мне приятный для вышеупомянутого колонья бородою, и едва было не воспоследовавшим задушеньем.

— Сядем-ка сюда на кровать!.. Дунька!.. А Дунька! Подай-ка нам сюда столик... подай арбуз!

Столик подали и арбуза нарезанного тарелку. Не успело сего воспоследовать, как вздумалось другу нашему нас повеселить и позабавить. Но если б позволяла благопристойность, то двадцать раз поклонился б я ему, если б он сию забаву отставил, ибо она состояла в крике, свисте и пляске баб, девок, мужиков и всякого вздора, до чего я такой охотник, что хоть бы вовек не видать. Но что было делать! Тогда принужден был терпеть и насильно забавляться, ибо, казалось дурно оказывать хозяину неудовольствие, а особливо столь откровенно обходящемуся. Но сие бы я уже согласился кое-как терпеть, если б повторяемые его объятия не прибавили к тому скуки. Я жался к углу на кровати и пятился от него от часу далее, дабы хотя мало поотдалиться от такого ласкового человека, но старания мои были тщетны».

— Друг ты мой сердечный!.. поцелуемся-ка... люби меня, как я тебя!

— Хорошо, хорошо, — говорю ему, а сам норовлю далее, однако помогало сие мало. Но чем далее

я отодвигался, тем ближе подвигался он ко мне и, погодя немного, опять за то ж.

— Друг ты мой задушевный!.. Пьян я, голубчик!... пьян! Скажи ты мне чистосердечно, пьян ли я?

— Пьян... пьян! — говорю ему.

— Ну, сударик, поцелуемся же!..

Не было уже мочи терпеть далее сии поцелуи, и я не знал, что уже и делать. По счастию моему, певиц показалось ему как-то мало, и потому, неудовольствуясь кричаньем и многократным приказываньем своей Дуньке посылать баб и девок, встал он сам, чтоб их повытаскать из комнатки.

Не успел я от него освободиться, как бегом с постели долой и сел себе на просторе в стуле. Тут думал я, что буду, по крайней мере, от него терпеть мученья меньше, что мне и удалось. Он, хотя и нередко ко мне подхаживал и по-прежнему и колол, и давил, и мучил, однако мне все не таково уж было, ибо показалось ему, что все худо пели и худо плясали, и надобно было самому ему подавать, шатаяся, тому примеры. А сие и удаляло его от меня на несколько минут времени.

Дочери его принуждены были так же делать компанию, и на большую он мне то и дело жаловался, что плясать не умеет; меньшая же была по его мыслям, ибо плясала так, как ему хотелось. Обе они были девушки изрядные, но жалки без матери и воспитание очень худое имея. Большая была уже невеста и, по приказанию отца, принуждена была то и дело подносить гостям напитки, и тут-то дошло было у нас до разрыва столь тесного дружества нашего. Не выпил я всей рюмки вишневки.

— Друг ты мой сердечный! Выпей всю.

— Не хочу, воля твоя… не стану… хоть ты сердись, хоть бранись, а я знаю свою пропорцию и ни для кого ее не преступлю!

И тут то начал было он вздорить, и потому принужден я был еще немного выпить, чем, по счастию, и удовольствовался. И опять пошла у нас с ним и опять «поцелуемся мой друг»!.. Насилу, насилу дождался я чаю; по счастию, был он хорош, и я напился его довольно. После чая вздумалось ему переменить явление. Не было, по мнению его, довольно еще плясано и пето.

— Где мой Ларка? Ларка, а Ларка… побегите за ним.

— Ларка пришел.

— Ну-ка, брат, встряхнись хорошенько.

И подлинно уже встряхнулся. Задрожали даже окошки и зажужжало в ушах, а свистом своим едва меня не оглушил. Рад я, рад был, когда телепень* сей перестал. Но тут другое навязалось на меня горе. Привязался ко мне Ванюшка-голубчик, любимый сынок моего друга сердечного! Пристала ко мне Кулюшка-голубка, любимая дочка приятеля верного! Один говорит: «Дядюшка, а дядюшка! Сделай мне козлика!», а другая туда ж за ним: «И мне такого ж!».

То-то были завидные дети! Боже! Всякого сохрани от таковых. Ванюшка был лет пяти или шести, одет в какую-то фуфайченку, без порток и во весь день то кривлялся, то кричал, то вешался на отца,

* Болван, повеса.

то пялился на кровать, то валялся и кувыркался на оной. И все это куда как хорошо».

— Поди ко мне Ванюшка! Ванюшка! Поди голубчик! Мошенник ты! Вор ты самый, — и ну его целовать.

Дочка Кулюшка была немного постарее и кривлялась еще лучше брата своего, а в вешанье ему не уступала. Везде шарят, везде лазают... все хватают. Растворили шкаф, сыскали сахарницу, раскрыли ее, и милый сынок закричал:

— Батя! а батя! я раскрыл.

— Ох, хорошо, сударик, сударик, возьми себе...

И сим-то любезным деткам попадись как-то на глаза репа.

— Батя, а батя, репа! — и тащат к нему оную.

— Подай, любезное дитятко, сюда!.. Нарезать что ли вам? Подайте нож.

Покуда подавали нож, покуда собирался он резать, покуда резал, ибо резанье происходило медленно, кусок на стол, а другой на пол, время между тем много прошло, и я минут десять был спокоен. Но вскоре после того началось новое мученье.

Приступили оба ко мне с просьбами: делай я им из репы козликов! Делай, да и только всего, не отстают от меня. Что ты изволишь? Не мог никак отделаться и принужден был вырезать им две лошадки и тем насилу-насилу от них отделаться. И как мне все сие слишком уже наскучило, то поднялся было я ехать. Но статочное ли дело? — Разве браниться? — Не успею я встать, как меня схватит и поцелуя три сряду:

— Братец, сиди!.. Сударик, посиди! Ну, что тебе дома! Делать теперь нечего.

Что делать, принужден был опять садиться. Лучше посижу, думаю в себе, только освободил бы он меня от поцелуев своих. Наконец стало уже поздно становиться. Я не посмотрел ни на что, и почти с бранью с ним расстался и насилу уговорил его отпустить себя.

Вот вам описание тогдашнего угощения и препровождения моего времени. Вы, зная меня, можете сами заключить, сколько весело мне было, будучи трезвым, сидеть между пьяных и с ними разговаривать. Признаюсь, что иногда со смеху помирал, смотря на все сие. Но, спасибо, на меня не досадовали, но как бы то ни было, но в праздные минуты упражнялся я и тогда в деле, а именно чистил арбузную корку, крошил из ней и из репной кожи сухарики, а в самом деле между тем размышлял о слабостях человеческих и благодарил Бога, что он сохранил меня от слабостей сему подобных».

Но я записался уже в сей раз и заговорился о безделках, так что и позабыл, что письмо мое давно уже превзошло свои пределы и мне его давно пора кончить и сказать вам, что я есмь, и прочее.

РАЗВОД С ЗЕМЛЕЮ

ПИСЬМО 127-е

Любезный приятель! . . . . Как г. Рахманов обещал выехать в поле в последующий день, то, проснувшись, радовался я, что была опять прекрасная погода. . . . .

. . . . Посыланный к нему человек привез к нам известие, что гости . . . . . . были у Рахманова и что накануне того дня была у них прямо веселая компания, так что и тогда еще лежали почти все в лежку от того, и г. Рахманов велел просить, чтоб я его в сем случае извинил, и обещал уже наверное выехать на утрие.

Не могу изобразить, как мне и брату моему было тогда на него досадно и как бранили мы тогда и его, и всех гостей его, и все их куликанье* и бражничество. Уже жили мы целую почти неделю по пустому и для одного сего Рахманова, и упускали чрез то наилучшее время к обратной езде в свои домы. Досада моя была так велика, что мне не хотелось ни за какое дело приняться, а потому, чтоб не так было скучно, то почти против хотения своего согласился

---

*Пьянство.

в этот день опять ехать к приславшему нас звать к себе опять обедать г. Тараковскому, которого нашли мы лежавшего даже в постели и насилу вставшего от похмелья. Мы пробыли у него весь сей день, и тем охотнее, что он не был уже таковым, как в прошедший день, но в полном и совершенном своем разуме.

Наконец наступил и последующий важный и решительный день. Судьба восхотела сделать его, власно как нарочно, со всех сторон для нас трудным. Самая погода переменилась, и из прекрасной сделалась самою скверною, холодною, ветреною, пасмурною и ненастною.

Я остолбенел почти, увидев сие и услышав шум и свист ветра еще ночью при просыпании, ибо думал, что в сей день сия дурная погода к выезду на поле не допустит г. Рахманова.

— Понесет ли его нелегкая! — думал и говорил брат мой, — этого бушму* и брюхана** в такую дурную погоду.

Я сам был такого же мнения и не спешил нимало одеваться и готовиться к езде в поле. Но все мы в сей раз в заключениях своих обманулись. Г. Рахманов был на сей раз так честен, что сдержал свое слово, и несмотря на всю дурную погоду, выехал.

Сперва сказали было нам, что он вовсе не поедет; и сие так меня вздурило, что я, разбранив и разругав

---

*Бушма — брюква, толстая женщина, толстуха — здесь презрительно.

**Брюхан — толстопузый, пузан.

его заочно, положил сам собою все кончить и послал приказчика некоторые недорезанные черты дочерчивать, а сами расположились уже за непогодою в поле в сей день не ездить; но как же нас встревожили и удивили другие, прибежавшие сказать, что Рахманов уже со двора выехал и в степь отправился.

— Давай, давай скорей одеваться, — закричали мы, — седлай скорей лошадей!

И как по дурной погоде и по короткости времени было тогда не до уборов, то сел я в тулупе, в каком ходил, на лошадь, надев на себя только фуфайку и сверху епанчу и укутавшись сколько мог лучше от стужи; а в таком же убранстве был и мой брат и слуга третий, с нами тогда только приехавший, ибо за короткостию времени и за отсутствием приказчика и взять множайших людей с собою было некогда и некого.

Теперь опишу я вам сие достопамятное наше с Рахмановым свидание и бывшую с сим алчным и гордым человеком разделку; и опишу все происходившее у нас подробнее, для того чтоб вы могли усмотреть всю дурноту характера сего человека, также после увидеть, как судьба восхотела его наказать за его ненасытство и за наглое нас, а особливо меня, притеснение, и удивиться тому, что он всеми тогдашними своими наглостями и стараниями присвоить себе беззаконным образом степь вместо мнимой себе пользы основывал только мне превеликую и совсем даже мною никогда не ожидаемую выгоду и заботился и трудился тогда, сам не зная о чем и для кого.

Однако, как сие не прежде произошло, как по прошествии многих лет и уже после его смерти, и о сем услышите вы после, то теперь возвратимся со мною

и поедем вместе горе свое мыкать в степь для раздел-ки с гордо-пышным, алчным и наглым богачом.

Ветер был преужасный и притом резкий и весьма холодный, и погода пасмурная и самая дурная. Мы не успели выехать за рощу, как почувствовали всю его суровость, и раз сто сказали с братом изрядное словцо г. Рахманову заочно, а с другой стороны и спасибо говорили, что, по крайней мере, выехал. Но, как то ни было, но мы приехали, наконец, на спорное место, но тут не нашли еще никого, а увидели только вдали двух верховых.

Дождавшись оных к себе, усмотрели мы, что были то два однодворца, наперсники и любимцы г. Рахманова: оба моты, оба мошенники, оба врали и шутники и оба находящиеся в милости у Рахманова и всегда его забавляющие. От них услышали мы, что Рахманов действительно выехал и находится уже в своем хуторе, построенном им года за два до того нагло в нашей Ложечной-вершине, и что они отставали от него для ловли зайца. А тотчас после сего и приехал к нам человек от Рахманова звать нас к нему, куда мы тотчас и поехали.

Г. Рахманов выехал на свидание сие с великою помпою и штатом, в одноколке или паче колеснице, запряженной шестью дорогими лошадьми, а сверх того была у него заводная, верховая, дорогая лошадь, убранная вся в золоте и гасах.* Сам он, дожидавшийся нас в избушке, убран был также в мундире гвардейском и очень по-летнему. Впрочем,

---

*Гас — позумент, галун, серебряная и золотая тесьма.

приметно было очень, что дело было с похмелья и он исковеркался и изломался.

Он принял нас с учтивостью и подчивал водкою и вишневкою, а сам для нас выпил чарку водки. И тогда представилось мне страшное и удивительное зрелище. Не успел он выпить, как начало его мутить и коверкать, и ровно так, как бы находился он в припадке. Дивился и не знал я, что о сем думать и тем паче, что продолжалось сие с добрую четверть часа. Наконец, кончилось тем, что его вырвало и он нам разрешил сию загадку, сказав, что сие всегда с ним бывает, как скоро он одну чарку после обеда или съев только один кусок хлеба выпьет, а не евши хоть десять, так ничего.

После сего начал он нам рассказывать, кто у него были гости и как они с ним много пили.

— Поверите ли? — говорил он. — Иных так и волочили без памяти.

«Изрядная похвальба! — думал я сам в себе. — А ты, небось, друг, таков же был!!!»

Поговоря кой о чем и обогревшись, согласились мы начинать свое дело. Он сел на своего коня, богато убранного, которого пошедший дождь мочил тогда очень хорошо, и одевшись в холодный плащ, поехал, последуем будучи множеством верховых людей; а мы в своем смиренном виде потащились также и выехали на спорное место.

Но прежде, нежели начну вам описывать все наше происхождение, расскажу вам, сколько нас было. У г. Рахманова при боце* был, во-первых, его

*Сбоку.

вор приказчик, плут, какого более быть не можно. Во-вторых, человек шесть верховых лакеев; в-третьих, старосты со всех деревень с бородами; в-четвертых, наконец, оба помянутые шуты, вертящиеся около него как дьяволы. С нашей же стороны был я только сам-третий, как выше упомянуто; ибо, по несчастию, не было со мною и моего приказчика, который далеко от того места чертил землю, и мне вскорости за ним послать было некогда и некого. По счастию, знал я уже сам все места и обстоятельствы.

Не успели мы таким образом выехать, как начался у нас тотчас спор. Он начал утверждать свою окружную, а я ее оспаривать; но что мне было с таким человеком сделать, который надут был своею силою, объят беспримерною завистью и который насильно хотел черное сделать белым.

— Это не дикая степь, а покос в нашей дачной окружной!

— Да и вот тебе на! — хотя мы, действительно, на некошенном ковыле и нимало на покос не похожем месте стояли; и мы что ни говорили, но все наши слова были как в стену бросаемый горох. Уже я чего и чего не делал: и досадовал, и смеялся, и кричал, и доводил доводами, но ничто не помогало. Одним словом, не говори ему ничего о покупке, а говори о полюбовном разводе. Купить здесь нельзя, да и только всего. Что ты изволишь? —«Хорошо!» — говорю ему, а сам в себе думаю, быть хотя и уступить, но развестись бы только с сим бешеным и вздорным человеком.

Мы простояли на том месте и прокричали с полчаса целые. Ветер и дождь был сильный, и мы принуждены были стоять спиною от оного, ибо прямо

стоять возможности не было. Наконец, усмотрев я, что по-пустому кричать нечего, предложил, чтоб начать разводиться. — «Хорошо! — сказал он. — Изволь показывать ваш отвод».

Тогда стал я показывать ему свои вехи и говорить, что для его хутора останется места еще довольно, но статочное ли дело, чтоб его ненасытным глазам показалось довольно. Одним словом, где было сто сажен, тут без стыда и совести и насильно делал он только двадцать, и ты и не помышляй его уверить о противном. «Тесно», да и только всего; твердил только, что у него дачи много и спрашивал, сколько ее у меня? Как скоро упоминал я ему о покупке, он опять начинал беситься. Наконец, спрашиваю его, где ж бы был его отвод. Тогда велел он вести своему приказчику, и мы поехали за ним.

Он довел до своей черты, сделанной самовольно минувшею только весною, и которою чертою отхватил он несколько наших пашень. Я начал ему выговаривать об оных и изображать, что это первый пример в государстве, чтоб купленную уже и такую землю, за которую деньги заплачены, отнимать нахальством. Не успел я сего выговорить, как Рахманов мой вспыхнул как порох и заблевал огнем и пламенем.

— Не хочу, сударь, отводить, когда так; что за межевщик, наставил себе вех! Великая диковинка! Посмотрю я на них! Отыму, сударь, по самое и Среднее-Ложечное! Поди проси на меня!* ничего не сделаешь!

---

* Судись со мной.

И тут чуть было я всего дела не испортил, ибо сами рассудить можете, что такой случай всякого рассердить мог. У меня закипело у самого тогда сердце, и я хотел было также вспыхнуть. Однако успел еще опамятоваться и взять прибежище к философическим правилам и средствам, которыми я из ней научился, тотчас потушил в себе огонь воспламенившийся. Между тем, как он пыхал и вертелся на своей лошади и назад уже поехал, имел я время собрать свои мысли и принять лучшие меры.

Я молчал, покуда прошло все пламя, а потом начал ему говорить, что надлежало, дабы не оставить сего моего намерения втуне и не привесть себя в большие хлопоты, и насилу-насилу его уломал и преклонил к тому, чтоб он, по крайней мере, показал свой отвод; ибо ведал, что, когда поедем, то дело будет лучше и тихим образом можно будет разделаться, ибо я усматривал, что жаром и криком ничего с ним не сделаешь.

Отвод его, по счастию, был в том месте, по которое и я сперва уступить ему был намерен, буде до сего дело дойдет, то есть отводил он его прежнею чертою. По счастию, не продолжалось она далеко в степь, а брошена так.

По приезде к сему концу сделался опять спор, куда иттить далее. Моя линия и мнение клонилось гораздо вправо, а его алчные и ненасытные замыслы были, чтоб иттить прямо против черт, не удовольствуясь тем, что и без того находилось во владении его из сей степи тысяч до пяти или более десятин, которые он без малейшего права, а единой наглостью и усилием захватил и себе присвоил.

Хотелось ему захватить ее, того более, отбить у нас все верховые ложечного буерака и все места годные к поселению и сделаться одному властелином всей обширной и оком необозреваемой степи; а потому и захватил он у нас все почти так называемые переды, или места против нашего селения в степи лежащие, и тем, буде б можно, преградить нам совершенно вход в оную степь и сделать дальнейшее распространение наших пашенных земель в оную невозможным.

И как до того допустить его никоим образом было не можно, то напало на меня тогда новое горе, и я не знал, как бы в том ему воспрепятствовать, а потому и начался было тут у нас с ним опять спор; однако я, не допуская его до жара, уговорил его ехать наперед моею линиею и, сказывая ему, что она скоро поворотится влево, поехал сам по оной, и, спасибо, поехал и он за мною, ибо я старался как можно удалить его от плута его приказчика, от которого все зависело.

Доехавши до поворота, показываю я ему оный и говорю: что для его степи много еще останется; но тут-то было на меня опять горе. Ему казалось мало, да и только всего. Алчность его была беспримерная и ненасытная. Проговоря и прокричав опять несколько времени на сем месте, вздумал я употребить хитрость и постараться довести его до конца моей линии, ибо заключал, что когда мы удалимся, то легко можно будет ему в пространном и оком необозреваемом поле обмануться, а мне места сии были уже более знакомы, ибо я побродил по оным и по плану все знал. И как линия моя была еще не про-

черчена, а пробита одними колышками, то я, ведя, ведя его по оной, нечувствительно свернул немного вправо в том умысле, что если он хотя и далее просить будет влево, так немного будет убытка.

Не доезжая до конца, остановились мы у одного стога, которых множеством вся сия обширная степь была наполнена, и начали говорить, и ей! ей! с целый час мы тут прокричали и по большей части все о постороннем и ненадобном. Ветер, и гололедка, и снег, пошедший в то время, помог мне тогда много. Стужа его пронимала, каков он ни жирен был. Мы же, будучи в шубах, не озябли, а терпели только нужду наши лица.

Мое главное намерение было уговорить его ласкою, чтоб он взял по сие место, и я вымышлял все, чем только мог его к тому преклонить; но мешал и надоедал мне один только его приказчик, такой плут, что насильно называл некоторые указываемые вдали стога сена, принадлежащими будто бы соседям их караваевским однодворцам, хотя были они совсем не их; а я спорил в том, хотя в самом деле и сам не знал, чьи они были. Он представлял в свидетели караваевского однодворца, бывшего тогда с нами; но, по моему счастию, не знал он и сам, чьи они, и принужден был в угождение Рахманову вывертываться неопределенными терминами. По счастью, подъехал ко мне мой приказчик; он подтвердил мои слова, и я тем много убедил Рахманова.

Наконец, калякая*, все мы озябли. Шуты шутили

---

*Болтая.

и принуждали к совершению и окончанию нашего дела. Я предлагал тоже; Рахманов озяб и поехал, наконец, влево, чтоб отвесть, покуда он в сию сторону взять хотел. Тут доехали мы до конца моей линии, которая была не близко; ибо я отвел его вправо далеко.

Он, минуя его, ехал далее, и я боялся уже, чтоб он далече не заехал. Но, по счастью моему, не успел он сажен пятидесяти от моего пункта отъехать, как попалась ему маленькая вершинка на глаза. Она показалась ему удобным местом, могущим служить между нами живым урочищем, и для того, остановясь тут, требовал он по сие место власно так, как бы он имел на всю степь сию наивеличайшее право.

Я рассмеялся тогда сам в себе его ошибке, ибо со всеми своими замыслами захватил он из моей округи не более десятин трех; почему и не имел я причины долго ему в том спорить, а почему и окончили мы сие дело, согласясь, чтоб провести от моего поворота на то место прямую линию и чтоб сия линия была между нами межою. Он приказал о том своему приказчику и был при том так снисходителен, что велел отпахать мне и землю, сколько ее моими было в захваченной им округе разодрано*.

Таким образом развелся я с сим наглым, вздорным и беспокойным моим соседом и рад был, что остался от него спокоен, ибо на прочих и своих внутренних и черезполосных соседей я тогда мало уже смотрел. Все они казались мне тогда против его ма-

*Разрознено.

ловажными. К тому ж доволен я был тем, что мне работать более было не для чего, ибо измеренные и очерченные мои места остались все в своей силе.

По окончании сего и, помирившись, поехали мы как добрые приятели назад и, отъехавши немного, остановились у стога, чтоб погреться от самой погоды и от снега; после чего, распрощавшись, и поехали по домам: я в свою хижину, чтоб отогреться и помышлять уже о том, как бы скорее убираться и восвояси, а он на свой хутор, чтоб с торжеством возвратиться в свое село.

Но, о! сколь мало знал он тогда, что воспоследует впредь со всеми теми землями, которые он тогда так жадно и нагло захватывал в свою власть, и как судьба накажет детей его за все делаемые им тогда наглости и насилия!!! Не стал бы он так много веселиться одержанным тогда, по мнению своему, надо мною верхом и так много торжествовать свою победу!

После сего не осталось мне другого дела, как собрать сотских, и десятских, и посторонних людей, и объявя прочесть им свой указ для ведома, а потом повидаться с другом моим г-ном Тараковским и убираться в свой путь. Все сие и сделал я в наступивший после того день, и народу набралось ко мне толпа превеликая. Я, сыскав из них одного грамотного, заставил его читать указ, мне данный на проданную мне землю. Все они сказали:

— Хорошо, мы слышим и будем знать, и вы-де нам, пожалуйста, отдавайте луга в наймы.

Сие меня сколько-нибудь веселило. А как и г. Тараковский, с которым я в тот же день виделся, тоже

говорил и на все был согласен и даже землями со мною променяться обещал, то удовольствие мое было еще совершеннее, так что я, кончив все дело, на утрие, что было 5-го числа октября, в путь свой и отправился с веселым духом.

Итак, вот какое окончание получило тогда сие дело. Признаюсь, что успех в оном был далеко не таков велик, каковым я ласкался и какого ожидал. Весь важный развод мой с Рахмановым ничего почти не значил, а утвердил только некоторым образом его во владении захваченным им сильно наилучшим и таким местом в степи тамошней, которое всего более было кстати к нам и в котором только и можно было заводить какие-нибудь хуторы и селения, ибо тут одна только была с водою помянутая вершина, называемая «Дальним-Ложечным»; а ее всю он себе и захапал и лишил нас через то впредь всех выгод.

Тут, как выше упомянуто, был сперва у меня хуторок, но он, согнав, сделал свой и большой хутор; а в последующее потом время, как упоминается впредь, населил тут и целую деревню, и хотя после и принужден был он ее свести, потерявши всю захваченную им из степи многочисленную землю, но черта, сделанная тогда между нами, служит и поныне еще межою между его владением и землями деревни нашей, и в честь ему можно сказать, что он с того времени никак и ни на шаг черту свою не переступал, а дрался только без памяти далее в степь; но там-то после и обжегся.

Таким образом, с его стороны остался я уже спокоен; но что касается до других и внутренних моих чересполосных соседей, не посмевших тогда и глаз

своих показать, то сии мне более хлопот, досад и неудовольствий наделали, нежели я тогда от них думал и ожидал.

Они в последующее за сим время не только не захотели меня оставить спокойно владеть намеренною и очерченною мною себе степною дикою землею, хотя я их земель нимало не трогал и степи для них и без сего клочка осталось великое множество, но были так глупы и бессовестны, что самого меня еще утесняли, и всего меньше имея право распахивать вновь землю, вместо того чтоб по силе строгого в манифесте повеления оставлять и завладенные до манифеста земли, они всякий год умножали оные и надрывались друг перед другом захватыванием земли вновь в свое владение; и были в сем случае так алчны и ненасытны, что не посовестились распахивать и раздирать землю в самой моей черте, и по оплошности и слабости моего приказчика так ее испестрили своими клочками, что я, приехавши через несколько лет после того, опять ажно ахнул и увидел, что все мои тогдашние труды, измерения и работа была по пустому и не принесла мне ни малейшей пользы, а успокоила только всех их от Рахманова с потерянием наилучших выгод.

Но как бы то ни было, но тогда не можно было всего того никак предвидеть, а потому и поехал я в тех мыслях, что хотя успех имел я в том не совсем вожделенный, однако, что удалось мне сделать в пользу свою уже много ибо думал, что черта моя так и останется и что я могу с землею сею делать все, что мне угодно.

Брат мой не менее моего был доволен и более мо-

его был еще рад, что мы окончили сие дело. Его давно уже подмывало, и ему более еще моего хотелось ехать домой, и никто так много и часто о погодах не говорил, как он. Но правду сказать, сие одно и было почти за ним дело; ибо во всех описанных трудах и хлопотах моих был он мне весьма худым помощником и служил мне более в путешествии сем товарищем, нежели сотрудником. Но от него, по неспособностям его ни к чему, и требовать дальнейшего было не можно.

Теперь следует рассказать вам о обратной нашей езде и о возвращении в дом; но как материи сей наберется на целое почти письмо, то я назначу к тому последующее, а теперешнее сим кончу, сказав вам, что я есмь, и прочее.

ОБРАТНАЯ ЕЗДА В ДОМ

ПИСЬМО 128-е

Любезный приятель! Таким образом, хотя не сделав себе никакой важной пользы, однако, что-нибудь произведя, отправились мы с братом домой и поспешили отъездом своим тем паче, что погода становилась уже дурна и появляющиеся уже часто морозы и снежок устрашили нас скорым настанием зимы. Итак, хотя и тогда лежал еще последний снежок и не сошел, но мы не стали уже сошествия оного дожидаться, а пустились в путь свой, и чтоб теплее было ехать, то согласились ехать вместе в моей коляске.

. . . .

Едучи через город (Тамбов), веселился я опять зрением на великолепное и красивое здание архиерейского дома и монастыря, но вкупе притом не мог без внутренней досады воспоминать о том, какими мерзостями сие святилище было наполнено. Я наслышался о том от помянутого родственника и от некоторых других людей и не мог сперва никак тому поверить, покуда не услышал о том подтверждения от других многих.

Боже мой! Какое мздоимство господствовало тогда в сем месте: всему положена была цена и уста-

новление. Желающий быть попом должен был неотменно принесть архиерею десять голов сахару, кусок какой-нибудь парчи и кой-чего другого, например, гданской водки или иного чего.

Все сии нужные вещи и товары находились и продавались просителям в доме архиерейском и служили единственно для прикрывания воровства и тому, чтоб под видом приносов можно было обирать деньги. Келейник его продавал оные и брал деньги, которые потом отдавал архиерею, а товары брал назад для вторичной и принужденной продажи.

Всякому, посвящающемуся в попы, становилась поставка не менее как во 100, в дьяконы 80, в дьячки 40, в пономари 30 рублей, выключая то, что без десяти рублей келейник ни о ком архиерею не доказывал, а со всем тем от него все зависело. Одним словом, они совсем стыд потеряли, и бесстыдство их выходило из пределов. С самых знакомых и таких, которых почитали себе друзьями, не совестился архиерей брать, и буде мало давали, то припрашивал.

Со всем тем бывшего тогда архиерея хвалили еще за то, что он не таков зол был, как бывший до него Пахомий. Тогдашний, по крайней мере, не дрался, а отсылал винных молиться в церкви, а прежний был самый тиран и драчун, и об нем рассказывали мне один странный анекдот.

Случилось быть в его время в местечке Ранебурге одному богатому и ульев до 300 пчел имеющему попу и определенному туда самим синодом. Архиерей, приехавши в епархию, тотчас об нем пронюхал и надобно было его притащить, надобно было помучить. К несчастью сего бедняка, вздумалось ему по-

упрямиться; он счел себя не под командою архиерейскою и не хотел по двум посылкам ехать и везть к нему свою ставленную. Архиерей велел притащить его силою и до тех пор его мучил плетьми и тиранил, покуда не вымучил из него 500 руб. и не разорил его до конца.

Но сего еще не довольно; но он на сии деньги сделал себе богатое платье и хвастал всему свету, что это платье упрямого попа. А сим и подобным сему образом обходился он и с прочими своими подчиненными и тем помрачал всю славу, которой достоин был за основание и построение великого оного архиерейского дома и монастыря, которым Тамбов украшался в особливости.

Но как говорится в пословице, что каков поп, таков и приход, то вследствие того не лучше архиерея были и гражданские начальники. Мне и об них рассказывали странные и удивительные дела, а особливо о бывшем до того воеводе Коломнине, который был такой мздоимец, что самая смерть не могла уменьшить в нем алчности его к деньгам.

Рассказывали, что в то время, когда лежал он уже при самой смерти болен, принесли к нему подписывать одну квитанцию, и он, не в состоянии уже будучи говорить, давал знак руками, что он без взятка подписать не велит, и до тех пор сего не сделал, покуда не положили ему на грудь рубля; и не успел он сего сделать и тот с квитанциею выттить, как закричали, что воевода умер.

Преемник его г. Масалов был еще лучше его. Сей, между прочим, употреблял следующие к обогащению своему средства. Как скоро приведут вора или раз-

бойника, то, не ведя в канцелярию, призовет его к себе, расспросит его, откуда он, кто в тех деревнях богатые и заживные мужики и жители, и сих людей велит ему оговорить, обещая самого за то его освободить. Вор то и сделает, и воевода, призвав его к себе, и выпустит его другим крыльцом на волю, а тех бедных людей разорит и ограбит до основания.

К вящему несчастию, случилось в его бытность быть частым рекрутским наборам, подававшим ему наилучший случай воровать и наживаться, а особливо от однодворцев и дворцовых крестьян. Не успеет кто привесть рекрута, как содрав с него хорошую кожурину и обобрав, отпускал его домой, а на место его другого представлять приказывал. И вот до какой крайности дошел он однажды от сего своего неистовства и какой славный оставил по себе пример дьявольской хитрости сих беззаконников и пиявиц.

В одном каком-то дворцовом большом селе случилось пасть жеребью на сына одного богатого мужика, которого жители того села и схватили. Отец, жалея сына, тотчас бросился к воеводе и просил, чтоб он его помиловал. Воевода говорит:

— Что дашь?

— Сто рублей, милостивый государь, только помилуй и избавь.

— Хорошо, — сказал воевода, — сын твой в солдатах не будет. Пойди с покоем!

Между тем мужики схваченного привозят в город, несмотря на все воеводские происки и употребленные к отвращению того хитрости и средства. Отец, узнав о том, бежит опять, упадает к ногам воеводы и просит помилования.

— Хорошо, хорошо! — говорит воевода. — Я тебе уже сказал, что дело будет сделано, давай только сто рублей.

Мужик деньги из-за пазухи и воеводе в руки, а он тотчас и послал сыскать тех мужиков и приказывает привесть схваченного к себе. Мужики и отдатчики, будучи неглупы и зная уже примеры, к нему его не повели, а сказали напрямки, что воевода и так уже десять человек у них выпустил и что им у воеводы делать нечего, а они представят его в присутственное место.

Воевода послал в другой, послал в третий раз, но мужики не ведут и не слушаются. Что оставалось ему делать? Но вот какую хитрость он выдумал. Призывает отца и говорит ему:

— Не бойся, я сделаю; поди к сыну и скажи ему, что когда приведут его в канцелярию и я стану его спрашивать, то не говорил бы он ничего, а как стану его бранить, то бранил бы он самого меня.

Сие действительно и сделалось. Как скоро привели в канцелярию рекрута и по обыкновению раздели, то не говорил он ничего, как скоро воевода начал спрашивать. И тогда воевода, будто рассердившись, закричал:

— Что ты, сукин сын, дурак что ли ты, что не говоришь?

А рекрут закричал сам:

— Сам ты што ли дурак, сукин сын, кривой воевода!

И тогда воевода вспыхнул, взбесился и возопил:

— Вон! вон! вон! Что это такое, какого это безумного привели, и где отдатчики?

И ни с другого слова и не принимая никаких оправданий, ну-ка отдатчиков пороть плетьми и мучить, и таким образом рекрута освободил, отдатчиков перепорол и сто рублей с отца сдул, и тем сделал странный образец, чему и поныне смеются и говорят, что некогда мужик ругал воеводу в присутствии, однако он того не взыскивал.

О бывшем же тогда, как я ехал, воеводе господине Бабкине хотя подобных дел было не слышно, а говорили только, что он охотник был ездить по богатым однодворцам Христа славить, и получал в подарок от них за то жеребят рублей в полтораста и прочее тому подобное.

Вот какие шильничества* и дела происходили в тамошних степных уездах. Ни страха Божия, ни боязни, ни стыда, ни совести не было. Самые присылаемые для исследования их комиссии их не устрашали, и они боялись их покуда еще не бывали, а как пришлют, то было легче, ибо сало есть и подмазать есть чем, чтоб колесо катилось плавно и скрипело.

Но всего удивительнее то, что город сей и после, и по открытии даже наместничеств тем же самым был славен. Нигде таких беспорядков не происходило, нигде так часто губернаторы переменяемы не были, и нигде столько следствий и комиссий не было, как в оном. Словом, он с сей стороны в особливости несчастен.

Но я удалился уже от нити своего повествования;

---

*Мошенничества.

теперь возвращаясь к оному, о дальнейшем путешествии своем вообще скажу, что оно было хорошо. Мы ехали благополучно, имели труда и беспокойств меньше, нежели мы думали, по случаю переменившейся погоды; не имели во все продолжение оного никаких особых приключений. Ехали опять чрез Козлов, Ранибург, Епифань и Тулу и, наконец, 12 октября, благополучно возвратились в свои домы, и были очень обрадованы, нашед всех своих домашних здоровыми и благополучными.

Сим образом кончилось наше дальнее путешествие, а вместе с оным окончу и я сие мое письмо, сказав вам, что я есмь, и прочее.

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ

ПИСЬМО 129-е

Любезный приятель! Первейшее мое попечение по возвращении в дом было о перевозке достального заготовленного для строения нового себе дома леса. Он сплавлен был уже давно с реки Угры, Окою к Серпухову и лежал тут на берегу. Отъезжая в степь, поручил я домашним моим как можно о перевозке его стараться, что ими и учинено было, и я застал уже самое малое количество оного неперевезенным.

Сей-то остаток хотелось мне скорей перевезть, также и нанять для распилки оного пильщиков и сею же осенью оный заложить, дабы весною тем ранее можно было начать строить. Все сие и успел я еще в том же октябре сделать: лес перевезли, пильщики наняты, и хоромы новые заложены были 21-го числа октября месяца.

. . . .

. . . . Около сего времени все наше государство гремело славою и занималось разговорами о проявившемся в Петербурге русском лекаре Ерофеевиче, вылечивающим всех с преудивительным успехом, так что возмечтали об нем уже и Бог знает что, и почитали его уже сущим эскулапом.

Слава его через самое короткое время сделалась так громка, что обратились и поскакали к нему со всех сторон и краев России страждущие разными болезнями и многие действительно получали от него великое облегчение. Самый друг мой г. Полонский собирался к нему в сию зиму ехать и также полечиться от своей толстоты и водяной болезни, чувствуемой им у себя в ногах.

Словом, врач сей обожаем был почти всеми и составлял около сего времени феномен необыкновенный, и потому не за излишнее почел я поместить здесь некоторое ближайшее об нем известие и анекдоты, слышанные мною от очевидцев, а особливо от шадского соседа моего г. Соймонова, ездившего к нему с сестрою своею для лечения оной, и сделать сие для того, что легко статься может, что иных известий об нем не останется нигде. И вот что рассказывал мне об нем помянутый г. Соймонов:

«Ездил я, государь мой, лечиться с сестрою своею. Я был очень болен. Соседи мои могут засвидетельствовать, сколь я был слаб и в каком худом состоянии находился. Одышка превеликая, весь истончал, ничего не ел, одним словом, был при дверях смерти. Сестра моя была еще того слабее и хуже, а сверх того свело у ней еще и ногу, и все лекари не могли ей ничем помочь.

Приехавши в Петербург, старался я квартиру нанять поближе к нему. Нельзя сказать, сколь много наполнено было то место больными постояльцами и сколь квартиры были дороги; ибо всякий старался быть ближе, потому что его замучили призывания-

ми, а притом ему и недосужно было разъезжать, ибо он сам приготовлял все лекарствы. Я был налегке, со всем тем малая квартира моя стоила мне по 20 рублей на месяц; однако, как я ни близко был, но не мог его к себе залучить, и принужден был кое-как сам до него добрести.

Живет он на Васильевском острову, во второй линии, в маленьком домике государевом, где он жил прежде уже шесть лет, как определенный лекарь при академии к малолетним. Пришедши к нему, нашел я его, сидящего на маленькой скамеечке и упражняющегося в переливании лекарств из склянок в скляночки. Половина горницы завешена была холстиною. Там два ученика перебирали травы, ибо лечит он все ботаническими лекарствами: и капли, и порошки, и мази все у него из трав, и все сам делает, а травы рвут бабы около Петербурга, и он говорит, что их везде много.

Обо мне было к нему рекомендательное письмо от одного моего родственника, ему знакомого. Сие письмо лежало у него на лавке еще не читанное, ибо он, действительно, грамоте не умеет. Он не старался его для того читать, что приятель мой, которого я с письмом к нему посылал, ему обо мне уже сказывал. Я пришед говорю ему:

— Василий Ерофеич!

— Что?

— Получили ль вы письмо от моего брата?

— Да вот оно: я его еще не читал.

— Да ведь оно обо мне писано.

— Так сказывай же, чем ты болен!

Не успел я ему начать сказывать, как человек

двадцать начали также рассказывать ему свои болезни. А он все упражнялся в своей работе и ничего не говорил. «Кой чорт!», — думал я сам в себе. Но не успел я ему рассказать, как подает он мне скляночку с каплями.

— Вот эти капельки принимай по две чайных ложечки в красном вине, да поди вон туда, возьми травки, пей вместо чаю.

В самое то время закричал он ученикам:

— Дайте ему травы вместо чаю.

И они уже знали, какую давать. Вот все, что происходило тогда у нас с ним при первом свидании.

На сих каплях и на траве держал он меня две недели, и я должен был только сказывать ему о переменах, происходивших со мною. Капли очень горькие и слабительные, действуют очень хорошо, трава же пить очень приятна и от удушья. От сего только мог я через неделю уже выходить, одеваться и обуваться в сапоги и повсюду ездить.

Я ходил в нему всякий день по два раза; потом дал он мне потовые порошки, беленькие и очень солоны. Я должен был принять их в бане в теплом духу и не успел принять, как преужасный пот сделался, отчего я власно как переродился. Наконец на отделку дал он мне декокта,* та, как полпиво,** очень хорошо и чтоб пить в жажду, и сим образом в два месяца совсем меня вылечил».

*Врачебное снадобье.

**Полпиво — некрепкое пиво, брага.

К сестре же своей мог он насилу его дозваться. Он нашел в ней застаревшую лихорадку и сказал, что надобно выгнать ее наружу, что и сделал. Не успел он дать ей несколько лекарств, как ее трепать начало.

— Ну, — говорил он, — пускай повеселится!

После того дал порошок, и она тотчас пропала. Всего удивительнее было то, что он пульса вовсе не щупает, а схватил сестру его за руку и сказал:

— Ох! Как ты слаба, как тряпица.

Одним словом, надобно было только описать ему, чем кто болен, и того было довольно.

Еще сказывал мне г. Соймонов, что он действительно очень прост и самый подлец*, не знающий никаких церемоний. «Мой государь» и то по-низовскому,** да и только всего. Грамоте умеет только жена его, которая разбирает и записки; а как он от беспрестанной езды болен был, то она составляла капли.

Думать надлежало, что лечил он более китайскими лекарствами, полагая их по малой доле в здешние, из трав составляемые, а подлость лечил здешними и все по памяти. Собою был он мужичок маленький и плешивенький, на голове не было почти волос, однако кудерки волосков в десяток, и те напудрены; ходил в офицерском зеленом мундире, ибо как он вылечил графа Орлова, которого вылечкою

---

*Из крепостных, подлец — человек низкого «подлого» звания, крепостной.

**По-простонародному.

он наиболее и прославился, то дан ему чин титулярного советника.

О происхождении рассказывал он сам, что он сибиряк, родом из Иркутска, из посадских; зашел в Китай с караваном и там, оставшись по охоте своей учиться лекарскому искусству, и был фельдшером. По возвращении своем оттуда отдан был в рекруты и, быв фельдшером, определился чрез Бецкого к академии, от которого также и от графа Сиверса рекомендован он был графу Орлову.

О лечении сего Орлова рассказывал он сам следующее. Лекаря и доктора находили в нем какие-то судороги и другие лихие болести, но как он призван был, то сказал он, что это все пустое, а только застарелая лихорадка; было также удушье, как и у г. Соймонова, и почти точно такая же болезнь.

Как спросили его, может ли он вылечить, то сказал он:

— Для чего! Только как лечить: по-китайски или по-русски?

Удивился граф сему вопросу и спрашивает: «что это значит?»

— А то, мой государь. В Китае, ежели взяться лечить, то надобно вылечить, а ежели не вылечишь, завтра же повесят; а ежели лечить по-русскому, то делать частые приезды и выманивать более денег, а ты человек богатый и от тебя можно поживиться нашему брату лекарю.

Рад был граф, слыша, на каких кондициях он его лечить хочет. Тотчас послано было за братьями и согласились, чтоб граф дал себя лечить Ерофеичу тайком от докторов.

Сперва давал он ему те же капли и траву; но как по крепкой натуре его он тем не пронялся, то чтоб ее переломить, дал рвотного; и как его повычистило, то дал он опять каплей, и тут-то его уже прямо вынесло. Потом, положив его в постелю, велел лежать и дал ему потового, а сам велел две печи жарить и запер его в комнате заснувшего. Проснувшись, лежал он как в морсу. Пот всю постель смочил, и он вскочил как встрепанный и тотчас в зеркало и не узнал сам себя; дивится и говорит, что он власно как переродился.

У Сиверса же вылечил он сына, бывшего несколько лет в расслаблении. Одним словом, он делал дела знатные, однако были и недовольные им; но он и сам говорит, что нет такого лекаря, который бы всех вылечивать мог, по крайней мере, лекарства его никому не вредят и болезни худшею не делают. Впрочем, наперед он ничего за труд не брал, а был доволен тем, что дадут, лечил же всякие болезни, какие бы они не были.

Вот что рассказывал мне о сем редком враче г. Соймонов; а теперь расскажу вам другую историю о вылеченной им удивительным образом одной госпоже в Петербурге.

Сия госпожа, будучи на сносех беременна и очень больна, впала в обморок. Доктор, лечивший ее, почел ее совершенно умершею, и как из прочих никто в том не сомневался, то, по обыкновению обмыв ее, одели и положили на стол, покуда гроб поспеет. По счастию, случилось приехать туда одному их родственнику.

Сей, возымев некоторое сумнение, уговорил хо-

зяев послать за Ерофеичем, на что и доктор согласился, хотя посрамить его и над ним посмеяться. Ерофеича привезли. Он говорит, что, хотя и ему кажется она мертвою, однако не полагается он на свое мнение, но хочет ближе и точнее дело исследовать, и для того просит, чтоб все вышли, и остался бы один муж, да доктор, да две женщины.

Сим велел он ее раздеть и потом щупал под левою мышкою, да против сердца и держал палец несколько времени. Наконец, говорит, что, хотя и кажется ему, что она еще жива, но хочет удостовериться в том еще одним опытом, и для того просил, чтоб обождали его до второго часа, а он съездит за потребными вещами. Доктор внутренно смеялся его словам и положил нарочно ждать второго часа.

Наконец приехал г-н Ерофеич. Он велел опять всем выттить и при докторе и муже обнажил все тело и положил на все брюхо пластырь; потом просил, чтоб дали ему верные часы, которые, положив, беспрестанно смотрел, и не успела настать та минута, которая ему была надобна, как тотчас пластырь скинул и увидев его действие, поздравлял мужа с неумершею еще женою.

Натурально, можно заключить, что муж обрадован был сим известием; но противное действие произвело оно в докторе. Сей бесился, сие слышав, и не мог утерпеть, чтоб не смеяться, слышав уверение Ерофеича, что она через полчаса им по рюмке водки поднесет. Однако тот, невзирая на то, приступил к своей операции.

Он обрезал все пузыри, натянутые пластырем, и оставил голое тело; потом, намазав другой пластырь, приложил и стал потом разговаривать с доктором. Но какой мудреный вопрос он ему предложил:

— Что, ваше превосходительство, — сказал он ему, — можно ли пустить кровь из желудка?

— Не знаю, — отвечал его превосходительство доктор, а сам рассмеялся. — У нас из желудка крови не пускают, да можно ли сему и статься.

— А вот посмотрите, мой государь! я ее пущу.

И вскоре потом пластырь с брюха принял, и тотчас кровь из тела пошла как бы из жилы.

Он дал ей столько течь, сколько было надобно, потом, приложив третий пластырь, ее унял.

И не успел сего сделать, как госпожа вдруг стала оказывать в себе знаки жизни и вскоре потом промолвила:

— Подайте пить.

— Вот, мой государь, не правду ли я говорил, что она нас станет подчивать?

Ибо как стал ее класть на постелю, то просил Ерофеич, чтоб пожаловала она хотя придержала поднос с рюмками, ибо он сие обещал. Вместо благодарности за то, обещает он, что она благополучно разрешится от своего бремени, что и сделалось.

Но представьте ж себе, каково было тогда доктору. Мало ежели сказать, что ему было стыдно, но он, бессомненно, проклинал тот час, в который ему ожидать сего времени вздумалось. Словом, Ерофеич перебесил всех лекарей и докторов и оставил по себе ту славу, что и поныне все государ-

ство пьет травник, составленный с его травами и называемый «Ерофеичем».

Теперь, возвращаясь к продолжению истории моей, скажу, что в том же еще ноябре месяце начали распространяться повсюду слухи о начинающейся у нас войне с турками, и о движении всех полков, и выступлении из обыкновенных их квартир в южные провинции нашего государства* . Сие власно как оживотворило паки все государство и сделалось всеобщею материею разговоров. Все начали не о чем ином говорить, как о войне с турками, поляками, а иные прибавили к тому, что и пруссаками, и каких, и каких слухов тогда не было, и чего, и чего не говорили.

Между тем услышали мы также и о великой отважности тогдашней монархини и приказании привить к себе оспу. Мы удивились тому, но вкупе и радовались, что операция сия кончилась благополучно**. А не успел наступить декабрь месяц, как многие полки действительно пошли большою тульскою дорогою, в близости нас идущею, а едущими генералами и другими знатными особами она, так сказать, запружена была.

. . . .

Около половины сего месяца имел я у себя одного нового и весьма приятного для меня гостя. Был то никогда еще не бывавший у меня г-н Колюбакин, Алексей Алексеевич.

---

*См. примечание 8 после текста.

**См. примечание 9 после текста.

Как он был человек довольно обращавшийся в свете, имеющий со многими знатными людьми связи и знакомства и притом знающий, любопытный, и такой человек, с которым можно было обо всем говорить, то по предварительному уведомлению от него, что он ко мне будет, ожидал я его к себе уже несколько дней с великою нетерпеливостию и тем паче, что он обещал мне привезть манифест о войне и многие другие любопытные и важные бумаги.

Поелику он мне был уже знаком, то рад я был ему очень и старался угостить его всячески. Он препроводил у меня весь тот день и ночевал, и мы не могли с ним довольно наговориться.

Он привез мне не только манифест, но и расписание всем армиям и приуготовлениям и насказал мне вестей с три короба; но ни которые так не были интересны, как носящийся повсюду слух, что по случаю составления вновь прибавочных полков и целых корпусов и по недостатку довольного числа офицеров, нужных для командования оных, не только приглашают всех отставных штаб и обер-офицеров и определяют опять в службу с некоторыми для них выгодами, но что будто в случае недостатка хотят и всех отставных дворян пересматривать и годных еще к службе, когда добровольно не захотят, определять и неволею в оную.

Сей слух был для меня не только интересен, но и поразителен. У меня зашевелилось даже сердце при услышании сего, ибо как в сем случае легко могло дойтить и до меня, мне же, как привыкшему уже в деревне жить и вкусившему приятность и блажен-

ство сей жизни, уже никак и ни для чего не хотелось уже с нею расстаться; то озабочивался я и очень много сим слухом, ибо натурально заключал, что по молодости, здоровью, достатку и знаниям моим весьма трудно мне будет от службы отделываться, а особливо если будет к тому некоторое принуждение. Но как слух сей был еще недостоверным, то я сим одним и мыслию, что может быть сие и неправда, сколько нибудь еще и утешался.

Гость сей недолго у меня пробыл, но поспешая отъездом, не хотел даже дожидаться настоящего обеда, так что мы принуждены были приготовить для его обед ранний, и отъезд сей случился очень кстати. Ибо не успел я его проводить со двора, как жена моя, бывшая уже давно на сносех, начала мучиться родами.

Я перетревожен был сим случаем до бесконечности, и тем паче, что было сие против всякого чаяния и ожидания, и все думали и считали, что ей еще недели две или три носить надлежало, почему не случилось тогда даже и самой ее матери, а моей тещи дома. Но она без всякого опасения, за несколько до сего дней, поехала к тетке Матрене Васильевне, у которой в самое сие время лежал сын в оспе, и находилась в Калединке.

Но как бы то ни было, но все в мнениях своих обманулись, и жена моя в девятом часу вечера, к неописанному обрадованию моему, действительно разрешилась от своего бремени благополучно, произведя на свет и в сей раз мне сына.

Я не могу изобразить, как обрадовался я и как благодарил Бога, что даровал мне, вместо умерше-

го, сего другого мальчишку. Мы назвали его Степаном, и как ни поздно было, но того ж часа отправили в Калединку нарочного с уведомлением о сем к его бабке, а поутру разосланы были и к другим нашим друзьям и соседям люди с извещением о том же.

. . . .

Сим образом окончился и 1768 год, проведенный мною отчасти дома, а отчасти в путешествиях, но довольно хорошо и благополучно и в беспрерывных почти упражнениях.

Упражнения мои, как из вышеупомянутого видно, были разные и то экономические, то литеральные*. В рассуждении сих последних замечания достойно было то, что я много начинал сочинять вновь книг, но ни одной почти не сочинил и не кончил, а ежели что сделал, так описал и ранжировал всю свою библиотеку, но которая около сего времени была все еще очень и очень невелика, и число всех книг простиралось только до 660 книг. Какая разница пред нынешнею, и что значила она тогда и что нынешняя!

Наконец заметить надобно, что я никогда так долго не упражнялся в переплетании книг, как в сей год. Не только своих, но и чужих переплел множество, и в работе сей находил для себя превеликое удовольствие. Но каковы мои переплеты были, о том спрашивать нечего. Но говорится в пословице «на безлюдьи и сидни в честь», а так было тогда и со

* Литературные.

мною, и за неимением лучшего и искуснейшего переплетчика и то было уже хорошо. Люди и тем были довольны.

Наконец, вообще можно сказать, что я и сей год препроводил счастливо и так весело, что деревенская жизнь час от часу становилась мне приятнее и драгоценнее, и я так и состоянием своим был доволен, что не помышлял ни о каких чинах и достоинствах в свете.

А сим окончу я письмо сие, довольно уже увеличившееся, и сказав вам, что я есмь ваш, и прочая.

РАЗНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

ПИСЬМО 130-е

Любезный приятель!. . . . .
. . . .
. . . . Достопамятно было то, что при начале сего года сделалось было в Москве и везде такое оскудение соли, что продавали ее почти только фунтами, и цена ей была уже гривен по осьми, а в степях и слишком по 2 рубля пуд покупалась. Но, по счастию, продолжалось сие не долго: ее подвезли, и цена восстановилась прежняя.

Степные наши места не от одной сей дороговизны в соли стонали, но и от поставки провианта в Украйну. Казна платила хотя и за провоз и за хлеб деньги, но несмотря на то обращалось сие в великое отягощение тамошним краям, по причине разных злоупотреблений и прижимок притом бывших, и потому никому не хотелось самому ехать туда, а сдавали подрядчикам и платили дорогою ценою. .

Еще носилась около сего времени одна странная история не только о бесчеловечии, но и о сущем варварстве одной нашей дворянской фамилии, жившей в здешнем уезде и делающей пятно всему дворянскому корпусу.

Сей господин отдавал одну девку в Москву учиться плесть кружева. Девка скоро переняла и плела

очень хорошо; но как возвратилась домой, то отягощена была от господ уже слишком сею пустою и ничего не значущею работою и принуждена была всякий вечер до две свечи просиживать. Сие подало повод к тому, чтоб она ушла прочь в Москву и опять к мастерице своей; но ее отыскали и посадили в железы и в стуло* и заставили опять плесть.

Через несколько времени освобождена она была по просьбе одного попа, который ручался в том, что она не уйдет. Но как девка сия была только 17-ти лет и опять трудами отягощена слишком, то отважилась она опять уйтить; но, по несчастию, опять отыскана и уже заклепана в кандалы наглухо, а сверх того надета была на ее рогатка, и при всем том принуждена была работать в стуле, кандалах и рогатке**, и днем плесть кружева, а ночевать в приворотней избе под караулом и ходить туда босая.

Сия строгость сделалась, наконец, ей несносною и довела ее до такого отчаяния, что она возложила сама на себя руки и зарезалась; но как горло не совсем было перерезано, то старались сохранить ее жизнь, но, разрубая топором заклепанную рогатку, еще более повредили, так что она целые сутки была без памяти. Со всем тем не умерла она и тогда, но жила целый месяц и, хотя была в опасности, но кандалы с нее сняты не были, и она умерла наконец в них, ибо рана, начав подживать, завалила ей горло.

---

*Железо — кандалы; стуло — обрубок, к которому приковывали колодников.

**Здесь железный ошейник.

Вот какой зверский и постыдный пример жестокосердия человеческого! И на то ль даны нам люди и подданные, чтоб поступать с ними так бесчеловечно! И как дело сие было скрыто и концы с концами очень удачно сведены, то и остались господа без всякого за то наказания.

Мы содрогались, услышав историю сию и гнушались таким зверством и семейством сих извергов, так что не желали даже с сим домом иметь и знакомства никогда.*

. . . .

Не успел г. Полонский возвратиться в дом, как озабочен был досадными хлопотами; с одной стороны, приближалось к дачам его и начиналось почти межевание, при котором, по запутанности обстоятельств с дачами и землями его сопряженных, предусматривал он многие для себя и неприятные хлопоты, при которых нужна была великая расторопность, да и практическое в межевых делах знание, в каком был ему недостаток; а с другой стороны, иные необходимые нужды и обстоятельства требовали его от дома отсутствия и принуждали немедленно ехать в Москву и потом еще и далее в шуйские свои деревни.

Вот сие так его стесняло, что он не знал, что делать, и другого не находил, как просить меня как своего друга помочь ему в сей нужде и принять все хлопоты по его межеванию на себя, и чтоб мне собою заменить его собственное присутствие. И как он был о знании и честности моей удостоверен, то вве-

---

*См. примечание 10 после текста.

рял мне всю судьбу своих дач и хотел быть всем доволен, что я ни сделаю.

При таких обстоятельствах, как можно было мне не принять сего предложения и отговориться? Напротив того, я сам был еще рад, что имел случай услугами и трудами своими возблагодарить ему за всю его ко мне дружбу и благоприятство и доказать тем, сколь искренно и нелестно я люблю оного, а желал только, чтоб в стараниях моих имел я успех вожделенный.

И подлинно, не успел я возвратиться к себе в дом, а г. Полонский уехать в Москву, как прислала жена его ко мне с просьбою, чтоб я приезжал как можно скорей к ней для межевания. Я и поскакал тотчас к ней верхом и вступил в порученное мне дело. Но, о сколько хлопот навело оно мне!..

Продолжилось оно с разными переездами более двух недель сряду. Несколько раз принужден я был к ней приезжать и, бросая все собственные свои дела и нужды, проживать у ней иногда дни по два и по три и не только таскаться ежедневно с утра до вечера по полям, и по горам, и буеракам, но терпеть и скуку, и досаду, и самое беспокойство от жаров и солнца, а не один раз от бурь и проливных дождей, захватывавших нас в поле.

Но всего того было не довольно, но обстоятельствы дач и земель его были действительно так спутаны и так сумнительны, что я принужден был употреблять все свое знание и все искусство, и наивозможнейшую расторопность, и даже самые иногда тончайшие хитрости к спасению его земель от захватывания посторонними, и к недопущению до споров и тому подобного.

И как дело должен был иметь я не с одним, а со многими и разными владельцами, острившими на земли г. Полонского свои зубы, а притом с двумя хитрыми землемерами, то и принужден я был при многих случаях извиваться ужем и жабою, употреблять и волчий рот, и лисий хвост; не один раз вставать до света, трудиться над бумагами, черчением и вычислениями до полуночи; скакать без памяти из одного места в другое, разъезжать по всем знакомым и незнакомым соседним домам; бывать совсем в неприятных для меня компаниях и иных упрашивать, других уговаривать, иным предлагать умышленные советы и всех, кого надобно было, разными средствами наклонять к тому, что все сии хлопоты и труды не были тщетными; но мне удалось не только спасти все земли, находившиеся во владении у г. Полонского, из коих он многие почитал за потерянные, но доставить ему еще некоторые вновь во владение и тем превозойтить все его чаяния и ожидания, а при всем том и обоих землемеров, из коих один был г. Хвощинский, а другой г. Рославлев, сделать себе хорошими друзьями.

Все сии хлопоты так меня заняли, что я во все течение июня месяца, кроме обыкновенных хозяйственных дел, успел только разбить и основать большой цветник пред окнами нового дома. . . . . . .
. . . .

Сим кончу я сие письмо, а вкупе и 12-е собрание оных и, предоставив повествование о прочем дальнейшему продолжению моих писем, остаюсь ваш, и прочая.

КОНЕЦ ДВЕНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Часть тринадцатая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКЕ ВООБЩЕ

Начата октября 30-го, кончена ноября 5-го 1805 года

ПРОПАДАНИЕ МЛАДЕНЦЕВ И ИСТОРИЯ О ВРАЧАХ

ПИСЬМО 132-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .

В бытность мою в гостях у соседа моего, Матвея Никитича, случилось мне слышать нечто не только удивительное, но совсем почти невероятное, а именно: о пропадании младенцев во время родов женщин.

Историю сию рассказывала одна его родственница, госпожа Темирязева, Татьяна Михайловна, которая жива еще и поныне и уверяла за свято, что случилось сие недавно, а именно.

У одной бабы муж по какой-то причине ушел, заворовался и убит. Жена его, оставшись брюхатою, все плакала, билась и кляла младенца во утробе, говоря, что он якобы на отцову голову зародился.

Как наступило время родить, то видит она во сне, будто бы родила она сына, и что пришла старуха и у ней его унесла. Проснувшись удивилась она, увидев, что она действительно родила, но ребенка не было, и не могли его никак отыскать, но он сгиб и пропал.

Не мог я никак истории сей верить, и мне каза-

лась она не только невероятною, но совсем нескладною и невозможною; но все уверяли меня, что таких случаев бывает очень много, а особливо приводили пример с одною знакомою им боярынею, с которою самою сие будто бы действительно случилось.

А помянутая госпожа Темирязева рассказывала историю еще того чуднее, о которой уверяла, что покойная свекровь ее помнила, а именно.

У одного неподалеку от Тулы жившего помещика пропало сим образом семь ребенков. Не успеет жена его собраться родить, как все заснут, и сама она заснет также сном наикрепчайшим. И в самое то время она родит, и ребенок пропадет и куда денется, никто не знает.

Сей помещик, видя такое несчастие, не знал, наконец, что думать, ибо все о сем разное говорили и толковали; но как все почти единогласно утверждали, что происходит это от какого-нибудь волшебства, то положил он искать против того помощи от таких же колдунов.

В близости той деревни, где жила помянутая госпожа Темирязева, есть мельница; на сей мельнице был тогда мельник, отец тогдашнего мельника, весьма волшебством своим прославившийся. Одним словом, все почитали его наивеличайшим докою.

К сему-то мельнику предпринял помянутый господин свое прибежище в то время, как жена его восьмого ребенка родить собралась.

Он приехал к нему сам и убедил его ехать к себе и быть при родах. Однако сей мужик не стал дожидаться родов, все просьбы и старания того дворянина о удержании его при себе не имели успеха. Он ска-

зал, что ему быть не для чего, а довольно, если исполнено будет все, что он прикажет.

Сии приказания его, данные им самому господину втайне, состояли только в том, чтоб самому ему не отлучаться ни на пядень в то время, когда жена его рожать станет; что увидит он вышедшую в то время из-под кровати черную, большую собаку, у которой бы он, поймав, отрубил обе передние лапы, и тогда будет все благополучно.

Ужаснулся дворянин, сие услышав, и тем более убеждать стал мужика остаться, представляя, что он может тогда сей собаки испужаться и она его повредить может. Однако мужик уверял, что она вреда не сделает ему никакого, а он бы только ее ловил и то сделал.

Что мужик говорил, то и сделалось. Как скоро госпожа собралась родить, то все разошлись, и напал на всех сон. Муж наблюдал уже сие время и не отходил от жены ни пяди. Наконец заснула и самая жена его.

И в самое то время видит он превеликую черную собаку, вышедшую из-под кровати и прямо к нему идущую. Затрепетал он тогда от ужаса и не знал, что делать. Однако, собравшись с духом и призвав Бога в помощь, бросился он на нее, схватил и обрубил обе лапы, а потом выбросил собаку за окно.

Не успел он сего сделать, как жена его очнулась и тотчас родила благополучно сына. Радость тогда была неописанная сего дворянина. Он тотчас разбудил всех, созвал людей и крестьян и рассказал им все происхождение; показывал им лапы, которые отрубил он у собаки, поил их всех на радости и в том препроводил всю ночь.

Примечания достойно было при том, что все люди пришли, а не было одной только старухи мамы. Господа спрашивали об ней, куда она девалась, но никто того не знал, и даже самые сыновья ее не ведали; но сие так до утра и оставили.

Поутру надобно было смотреть за окном собаку; но как все удивились, когда, пришед на то место, никакой собаки не нашли, а только одно окровавленное место; однако был кровавый след, по сему следу пошли ее искать — след шел прямо к пунке сына мамина.

Но какое было всех бывших при том удивление, когда в помянутой пунке, или клетке, вместо мнимой собаки нашли саму маму с обрубленными руками.

Таким образом открылось, что все прежние пропажи младенцев происходили при ней. Она сама в том призналась и сыскала всех семерых, которые были у ней высушены и спрятаны в коробке.

Как все сие весьма особливое было дело, то тотчас донесено было о том в городе; дело было исследовано, и сия старуха казнена в Туле, по обыкновениям тогдашнего времени, наимучительнейшею смертью: она была сперва колесована, а потом ее четвертовали.

Вот какую странную историю случилось мне тогда слышать. Я поместил ее здесь не для того, чтоб я ей верил, ибо она слишком невероятна и имеет весьма много признаков несправедливости; но для доказательства, какие нелепые басни носились еще у нас в народе, и что были люди, которые им верили и почитали за истину.

К окончанию августа месяца возвратился, наконец, и друг мой господин Полонский, и как он был около сего времени имянинник, то по обыкновению своему сделал пир и пригласил на оный всех своих друзей и соседей, а в том числе и нас, и мы препроводили сей день у него очень весело.

. . . .

Через немногие дни после того случилось мне опять слышать нечто странное и удивительное, и такое, о чем для любопытства не за излишнее почел сообщить вам. Слышал я оное от старика попа нашего, почтенного и степенного отца Иллариона.

Бедняк сей находился тогда в горести и недоумении великом: будучи недавно совсем выжжен, не смел почти строиться вновь, и не смел для того, что товарищ его, наш другой поп, с которым была у него вечная и наследственная вражда и ссора, разглашал будто везде, что не успеет он построиться, как опять сожжен будет.

Я уговаривал, сколько мог его, чтоб он не смотрел на то, а если он в самом деле того опасается, то советовал ему построиться как возможно ближе к его двору, дабы в случае пожара и собственный его двор подвержен был опасности от сгорения. Но поп мой никак не соглашался на то, особливо не хотел отнюдь строиться на ином и новом месте, а того паче на улице.

Тогда любопытен я был узнать, что б тому была причина; но как же удивился, услышав от сего, впрочем, толико умного и почтенного старца такое, чего я всего меньше от него ожидал, а именно, что не хочет строиться на новом месте из опасения, чтоб товарищ его чего не наворожил на оном.

— Помилуй, батюшка! — захохотав, сказал я. — Как это возможно, и как вам не стыдно так суеверничать? Вам бы еще нас отвращать от того надлежало, а вы сами что делаете!

— Так, — сказал он, — это я сам знаю; но что делать, когда неволя приводит к такой слабости и заставляет верить? Я уже видел над собою пример, довольно мне сие доказывающий.

Любопытен я был слышать, что б такое с ним случилось, и вот что рассказал он мне по моей о том просьбе.

— Случилось мне, милостивый государь, — говорил он,— однажды новые ворота становить. Выкопавши под вереи ямы, не успели мы в тот день оные поставить и отложили дело сие до другого дня. Но между тем люди добрые ночью спроворили и сыграли над воротами моими штуку. Не успели мы на другой день вереи поставить, ямы закопать и ворота отделать, как вдруг не хотела в оные иттить ни одна скотина: бегала кругом, ревела, а в ворота вогнать никоим образом ни одну было не можно. «Господи помилуй! — говорим мы. — Что за диковинка и что за чудо?» Но сколько мы ни дивились, но скотина не шла, и мы не знали, что делать. Наконец один усердствующий мне бобыль вывел дело наружу и сказал мне, чтоб я, вырывши вереи, опять посмотрел бы, что закопано под ними. Сперва было я тому не поверил, однако, наконец, принужден был сделать по его совету. И что ж, думали вы, милостивый государь, мы нашли под ними?... Зарытую человеческую кость.

— Это удивительно, — сказал я, речь его прервавши, — но кто ж бы зарыл сию кость?

— Точно поп Иван, мой товарищ, — сказал он. — Кость вынули, вереи опять поставили и зарыли, и скотина наша пошла, как надобно.

Удивительна мне и невероятна была сия история; однако он уверял, что она была в самом деле, и присовокуплял к тому, что он для самого того опасается и ныне на новом месте строиться, ибо слышал, что товарищ его послал к какой-то ведьме и что будто не одну уже ночь собаки его мечутся к тому месту, где он строиться был намерен.

Не знал я, что на все сие сказать тогда уже моему гостю, а почел за лучшее оставить его при его мыслях, а чудился только, что такие бредни и суеверия господствовали у нас еще в народе и что самые попы от них освобождены не были. Но как бы то ни было, но оба сии старика не только прожили весь свой век в вражде непримиримой, но и померли в оной.

Но чем же и кончилось все? Тем, что оба дома их перевелись совершенно, и неприятель его как ни семьянист был, но не осталось после его ни одного потомка, а все нынешние наши церковнослужители происходят от убитого, нашего добродушного и ни с кем не ссорившегося дьякона.

Еще случилось со мною около сего времени та неожидаемость, что отсутствующий ближний сосед мой, князь Горчаков, владелец Котовский, препоручал мне деревню сию в смотрение и, предавая в полный произвол мой всех своих крестьян, просил меня убедительнейшим образом, чтоб их сечь, и бить, и наказывать, сколько мне угодно, за их шалости и проступки.

Но как все крестьяне его были самим им так из-

балованы, что не было и шва в них, и я предусматривал, что мне с ними всякий день доведется драться и хлопотать, а к сему я такой охотник был, что не хотел бы и с своими иметь никогда хлопот и ссор сему подобных, то учтивым образом отклонил я от себя сии чужие хлопоты и благодарил его только за делаемое мне доверие, оставляя впрочем самому ему хлопотать с сими негодяями.

Но как письмо мое достигло уже до своих пределов, то окончив оное сим, скажу вам, что я есмь ваш, и прочее.

СВЯТАЯ НЕДЕЛЯ

ПИСЬМО 137-е

Любезный приятель! День Пасхи праздновали мы по старинному обыкновению и так, как праздновали его наши предки.

Продолжавшаяся еще половодь и сделавшаяся от сошедшего уже совсем снега повсеместная ростополь сколь многие не предполагала нам препоны к езде к своей приходской церкви, однако мы, все оные не уважив,и хотя с превеликим трудом и кое-как и кой-на чем, поехали накануне еще сего дня в село наше и, переехав по сделанной на скорую руку на Гвоздевке гати, доехали еще туда засветло и, по старинному обыкновению, ночевав, хоть и с беспокойством, в доме у попа, отслушали завтреню вместе со всем народом, а потом и обедню; но от церкви переезжали уже реку в деревне, хотя вода была так еще глубока, что доставала по самые дроги нашей коляски.

Отобедав с одними попами и отдохнув, провели мы сей день хотя одни, ибо никто из деревенских соседей к нам не приехал, но довольно весело.

Сперва уселись было мы со всею семьею играть в кадриль, но прекраснейшая погода выгнала нас скоро из хором. День случился тогда самый ясный

и погода теплая и самая вешняя. Снегу почти нигде было уже не видно, и одни только вершины кое-где белелись. Напротив того, натура хотя и не начинала еще облекаться в зеленую свою одежду, и весна господствовала только в комнатах; однако, несмотря на то, все места представлялись уже очам в ином и приятнейшем виде.

Поля, имеющие сокрытую в недрах своих всю надежду земледельца, являли остаток прежней зелени своей и веселили сердце поселянина. Они, взирая на оные, радовались духом, видя, по своему наречию, «корешок довольно надежный».

Любитель садов имел и мог уже находить тысячу предметов, ему увеселение доставляющих. Сие я довольно испытал собственною своею опытностью.

Как еще ни грязно было в садах, но не мог я утерпеть, чтоб все их не обегать и не посетить все любимейшие места в них. Они едва освободились только тогда от зимнего своего белого покрывала и все, так сказать, наперерыв друг перед другом призывали меня к себе и требовали, чтоб я каждое из них посетил и осмотрел, все ли целы, все ли здоровы и все ли благополучно перенесли всю минувшую суровость зимы жестокой.

Инде встречали собою зрение мое яблони и груши и веселили уже некоторыми признаками будущего их в сей год изобилия цвета, а, может быть, и плодов самих. В другом месте должен я был пробираться к грядкам, имеющим в себе что-нибудь сокрытое. Я веселился, находя их в добром и надежном состоянии.

Одни только гвоздички, сии нежные и чужеземные произрастения, представились мне в несчастном

и печальном виде. Хищные земляные зверьки похитили у них все их листья и повредили так, что они от того погибнуть были должны.

Напротив того, тюльпанные грядочки и места увеселяли собою дух и зрение мое. Сии ранние и прекрасные произрастения, несмотря на всю еще суровость тогдашнего воздуха и невзирая на то, что никакая еще травка не начинала оживать, стремились уже вон, равно как изъявляя свое мужество и презрение всей будущей еще стужи и морозов.

Все они вылезли уже тогда из земли, сокрывающей в недрах своих луковицы их и коренья, и, свернувшись еще листочками своими, либо желтелись, либо краснелись.

Я не мог смотреть на них без удовольствия особливого и обойтись без того, чтоб их, по обыкновению своему, не приласкать и с новым появлением на свет не приветствовать.

В других местах призывали меня к себе розены и грецкие орехи. Старание садовника раскутало их от духоты и освободило от зимнего покрова и защиты. Казалось, что все они веселились, начиная дышать опять свободным воздухом на просторе.

Инде звала меня к себе скороспешная сиринга, для утешения зрения моего своими раздувающимимся уже почками, а в другом месте прекрасные первенцы весны и цветущие уже ягодки очаровывали собою мое зрение и заставляли веселиться. Одним словом, все уже начинало власно как помышлять о будущем своем великолепии и все производило любителю натуры садов и уединения приятное увеселение.

С другой стороны, по случаю тогдашнего праздника, весь народ казался погруженным в некоторый особый и невинный род веселия и удовольствия.

Там виден был старец, вышедший из своей хижины, в которой препроводил он всю зиму, как в заточении, боясь показаться на стужу. Он стоял, опершись на костыль свой, и глотал свежий и приятный воздух в себя и им власно как оживотворялся.

Инде играла молодость между собою и невинными утехами забавлялась. Повсюду видимы были небольшие кучки и круговинки* и малых и взрослых, катающих яйца или бьющиеся ими. Самые такие, которые пережили уже большую половину века своего и приближались уже к старости, делали сообщество с ними и занимались с малолетними делом, которое не иным чем, как невинною игрушкою почесть можно.

У меня перед окнами была целая толпа сих веселящихся. Я велел для лучшего увеселения их сделать им особливого рода лунку,** чем они крайне были довольны.

Самые боярыни наши не могли усидеть сей день в хоромах, но вышли и в первый еще раз посетили сады мои, или места в них обсохшие.

Беседка моя на горе начинала уже быть обитаемою и лишаться пустоты своей, а ввечеру принуждены мы были кое-как сделать для них проход к

---

*Круговина, круговинка — кружок, сидящие в кружок.

**Лунка — ямка, в которую вкатывают мяч или шар; здесь — желобок, по которому катают яйца на Пасху.

круглым моим качелям в саду, и мы с ними обновили сие лето, покачавшись на оных.

С сего же дня начали мы и ужинать не при наемном свете, но еще засветло. Казалось, что и сие сопряжено было с некаким особым удовольствием.

Сим образом провели мы сей первый день Святой недели, хотя одни и без гостей, но довольно весело; из прочих же дней не было ни одного, в который бы не было кого у нас или мы у кого; и когда за распутицею не можно было никуда вдаль ездить, то переходили и переезжали мы из дома в дом своей деревни и употребляли все роды забав для удовольствия и увеселения своего.

Во вторник были у нас, по старинному обыкновению, образа и весь двор наполнен был народом, ибо тогда было еще обыкновение, что с образами хаживали не по утрам одним, а во весь день, и образа даже ночевали вне церкви и где случится, и народа всегда следовала превеликая толпа за оными; и как они в господских домах долго и по целому дню пробывали, то после угощения всех сих годичных гостей производимы были на дворах разные игры и в разных местах катания яиц. И день таковой обыкновенно бывал очень весел.

В середу же были они у моего брата Михаила Матвеевича, и всех нас угощал он у себя, а в четверг происходило все сие у Матвея Никитича, и мы все были у него и также веселились; а в пятницу ездили мы с братом в Сенино, к Александру Ивановичу Ладыженскому, верхами, ибо ни на чем ином ездить еще было не можно, и вода так была еще велика, что мы с трудом и верхами переезжали; а оттуда

проводил он нас до нашей деревни, и у нас во всех домах дня два праздновал; а сим образом нечувствительно и с удовольствием и провели мы всю сию неделю.

Между тем как мы сим образом время свое в праздности и одних увеселениях и забавах препровождали, натура была не такова нерадива, но действуя и работая каждую минуту, в немногие сии дни произвела великую во всем перемену.

Вся земля не только уже обсохла, но начинала уже и одеваться зеленью, во всех произрастениях начинал уже сильно действовать сок.

. . . .

. . . .

Итак, прервав на сем месте свое повествование, скажу вам, что я есмь, и прочая.

ВЕСНА

ПИСЬМО 138-е

Любезный приятель! . . . .
. . . .
. . . . Необходимость заставила меня, оставив и сады и все прочее, садиться за стол и приниматься за другое и важнейшее дело.

Мне насказали столько о приближающемся со всех сторон к нам межеванье, что я начал опасаться, чтоб не застигло оное меня не совсем еще к нему приготовившимся*.

И как общее и действительное количество земли в наших дачах было мне еще не известно, то озабочивался я очень тем, что у меня не вся еще дача положена была на план и на оном измеряна; в минувшее лето хотя обошел я и всю ее вокруг с инструментом, но как-то не успел я тогда положить все обходы мои на план, да и не знал, сомкнется ли он еще или нет.

Итак, ну-ка я приниматься скорей за бумагу, циркули и карандаши и оканчивать сие дело; ну-ка сидеть и трудиться над тем наитщательнейшим об-

---

*См. примечание 7 после текста.

разом и не вставая с места, и трудиться так, что я в тот же день сие дело кончил и имел неописанное удовольствие видеть, что план мой сомкнулся наивожделеннейшим образом и через самое то оказалось, что самодельщина моя, домашняя астролябия, была хорошохонька и могла служить вместо лучшей аглинской, чем я чрезвычайно был доволен.

Теперь осталось только огромный план сей разбить, по обыкновению, в треугольники и оные для узнания количества всей земли, измерить и исчислить; но сие сделать было не безделка, и я как ни трудился над тем, но в один день не мог того никак сделать, но принужден был сидеть над тем целых два дня.

Когда же дошло дело до общего сложения площадей всех треугольников, то не могу изобразить, с какими разными и беспокойными душевными движениями производил я сие последнее дело.

Неописанная нетерпеливость мучила меня узнать: пример ли будет в нашей даче или недостаток? С коликим вожделением желал я последнего или, по крайней мере, того, чтоб дача была полная, с толиким страхом и боязнию опасался первого; ибо известное то было дело, что при тогдашнем межеванье все дачи, имевшие примеры, подвергались бесчисленным бедствиям и опасностям и сопряжены бывали с бесконечными хлопотами, а напротив того, все имеющие недостатки — выигрывали. Словом, пример был мне так страшен, что я даже боялся и помыслить об оном.

Но увы! Чего я опасался, то и свершилось. Последняя черта черкнута, дело кончено, и роковой

удар воспоследствовал и поразил меня так, что закипела во мне вся кровь, вострепеталось сердце и я остолбенел от изумления! Холодный пот прошиб даже все тело мое, и я несколько секунд не мог опомниться и собраться с духом.

Словом, оказалось, что дача наша была не только полная, но было в ней и множество еще примерной земли, и число оной простиралось даже до 400 десятин, количество, не составлявшее безделки, но весьма по невеликости и всей дачи и чрезвычайно важное и такое, что в случае потеряния всего сего примера, могли б мы потерпеть неописанный убыток и во всем нашем хозяйстве страшную расстройку и даже разорение.

Что было тогда делать? Истинно несколько минут или паче часов, не знал я, что делать, как быть и что при таком обстоятельстве предпринимать лучше?

Наконец, по многом думании и гаданиям, остановился я на том, чтоб, во-первых, сокрыть важное сие открытие, буде б можно, во глубине одного только своего сердца; но как сего было никак нельзя сделать, то открыть тайну сию одним только разве моим деревенским соседям, как главнейшим в даче нашей соучастникам, да и тем не инако, как взяв наперед с них клятву, чтоб они никому того не сказывали, но сохранили б тайну эту в сердцах своих за свято.

Во-вторых, выдумывать заблаговременно все удобовозможные способы к удержанию за собой и спасению сего толь важного излишества земли и употреблять оные, смотря по будущим обстоятельствам межеванья, и так, как оные требовать будут.

Вообще же всем сим приближающимся межева-

нием нимало не шутить, но уважая оное по достоинству, иметь бдительное за всеми происшествиями око и сообразно с оными располагать всегда и свои меры.

Положим сие за нужное и необходимое, почел я приготовить сколько-нибудь к тому ж и обоих моих соседей, т.е. брата своего Михаилу Матвеевича и Матвея Никитича, ибо третий наш сосед находился тогда в Петербурге.

И для того на другой же день после того пригласил я их обоих к себе и, затворившись с ними в своем кабинете для тайной с ними конференции, стал показывать им свой план и исчисление, и как они, любопытствуя, спросили:

— Что по оному выходит?

То сказал я им:

— Что, братцы, дело наше очень худо! Но я вам прежде не скажу, покуда вы не дадите мне святейшей клятвы никому того ни под каким видом не сказывать, что вы теперь услышите, и не давать и даже вида никакого, а всего паче не проговариваться о том перед людьми своими. Собственная наша общая всех нас польза необходимо того требует.

— Очень хорошо! — сказали они, удивившись такому преддверию, — мы готовы в том поклясться и как вам угодно побожиться; но что ж бы такое было?

— А вот то, мои друзья, что предстоит нам при межевании превеликая опасность, чтоб не потерять нам превеликое множество земли! Дача наша не только полна, но вот, посмотрите, сколько в ней еще излишней земли и примера.

Сказав сие, показал я им смету и исчисление. Они ахнули, оное увидев, и говорили, что они никак того не ожидали и не поверили б, если б кто иной им о том стал сказывать.

— Но как нам быть? — спросили они потом. — И что делать?

— А то, — отвечал я им, — чтоб знать о сем надобно одним только нам, а от прочих скрывать то наизвозможнейшим образом, а напротив того, везде давать тон и твердить, что во всех наших дачах и пустошах недостаток еще великий. А между тем, при всем будущем межеванье, не дремать и не сморкать нос левою рукою, а употреблять все средства, какие только можно, к сохранению и удержанию своего примера. Но сие, пожалуйте, предоставьте уже мне, как более вас все межевые дела ведующему; я верно не премину учинить все, что только возможно будет, и не упущу ничего из примечания, а вы мне только помогайте распроведываниями своими и делайте то, что я вам приказывать когда стану.

— Очень хорошо, братец, — сказали они мне, — мы готовы все то делать, что вы нам приказывать станете, и охотно вам во всем помогать, а постарайтесь только, пожалуйста.

Сим и подобным сему образом говорили мы на сем тайном между собою совете, и я, взяв с них клятву и настроив в чем было надобно, отпустил их от себя; но признаюсь, что не совсем был доволен тем, что они далеко не так важно вступились в сие дело, как того я от них ожидал, и, по малому сведению своему, межевых дел далеко не так уважали, как было надобно.

Но не успел настать последующий за сим день, как, гляжу, бегут они ко мне сообщать разные дошедшие до них уже межевые слухи; они рассказывали мне, что все наши соседи, по дошедшим до них слухам, грызут на земли наши зубы и хотят отхватывать у нас ее со всех сторон. Волостные, сказывают, ждут не дождутся межевщика, говорили они мне, и только и твердят, что хотят везде и со всеми спорить и отхватывать.

С другой стороны, сказывают, Хитров грызет зубы на наше Щиголево, а князь Горчаков на сих днях сам прискакал сюда для межеванья, и говорят, что и в ус не дует о том, чтоб уступить нам Неволочь, но говорит и твердит что-то о Хмырове нашем и будто не следует нам эта пустошь; а и прочие соседи, сказывают, также мурзятся.*

Выслушав все сие от них, говорю я им:

— Вот видите, братцы, сами, какая страшная туча поднимается на нас, буде все то правда; однако страшен сон, да милостив Бог, и не все то перенять, что по реке плывет. Многое из сего, может быть, и неправда, однако и презирать совсем все слухи таковые не годится, и я благодарю вас за сообщение мне оных; а впрочем поглядим-посмотрим, иному-то может и не удастся ничего сделать, а чтоб не наплясался и сам от кого-нибудь; шеи же и мы своей не протянем самопроизвольно!...

Сим и подобным сему образом ободрял тогда я

---

* От мурза — татарский князь. Мурзиться — злиться, сердиться.

их, а сам в себе не то думаю; но слухи сии более меня тревожили и смущали, нежели могли они приметить. Словом, межеванье так меня озабочивало, что с сего времени у меня с ума почти не сходило, и я помышлял о нем более, нежели о чем прочем, и чисто за ним не шли и сады мои на ум мне.

. . . .

. . . .

В сих обстоятельствах... прошел весь июнь месяц, и как сей пункт времени приличен и к прерыванию сего моего ...... письма, то покончу я оное, сказав вам, что я есмь, и прочая.

МЕЖЕВАНЬЕ

ПИСЬМО 140-е

Любезный приятель! Приступая теперь, наконец, к описанию происходившего межеванья, скажу, что начальное было только по прикосновенности, а не формальное наше, ибо формально межевались тогда Нарышкина волость, а не мы, следовательно, и коснулось оно в сей раз до нас одним только боком.

Приблизилось оно к нам при обходе волости со стороны от Квакина, и волостные должны были размежевываться с пустошами нашими: Голенинкою и Гвоздевою, а потом с Дворяниновскою и Хмыревскою дачею ... и дошло собственно до нас еще в конце июля месяца, а именно 22-го числа оного.

Межевал нас с волостью помянутый землемер г. Лыков, человек, казавшийся по наружности очень добрым, к нам ласковым, дружелюбным и благоприятным; но как после оказалось, был он лукавый, скрытый, корыстолюбивый, бесчестный и негодный человек.

Как мы с ним сделались давно и тогда еще знакомы, как он был далеко еще от нас, и он к нам очень часто езжал, и мы его во все это время поили и кормили, как добрую свинью, и всячески угощать и всем и всем служить ему старались, то и не ожи-

дали мы никак, чтоб он посягнул на нас каким-нибудь злодейством и неправдами, и тем паче, что он всегда прикрывал себя непроницаемою личиною притворства и наружною к нам ласкою, благоприятством и усердием, и умел сие так хорошо делать, что я хотя и знал, что он угощен был досыта волостными, но побожиться бы за него был готов, что он никак не в состоянии, забыв честь совсем и все благородство, из бездельной корысти продать нас волостным и поступить с нами так бездельнически, как поступил он при тогдашнем случае.

Мы хотя всячески к нему ласкались и всегда старались ему всем, чем могли, прислуживать, однако, как он за день до начала межеванья был имянинником, то не сомневаясь, что он в сей день сделает для нас обед и всех нас к себе позовет, изготовили было ему приличные к сему дню и добрые подарки.

Однако он сего не сделал, и не допустила его до того либо скупость, ибо жил он очень скупо, либо совесть, ибо в самое то время ковали они с волостными начальниками и поверенными злые против нас ковы и составляли всевозможнейшие ухищрения и замыслы ко вреду нашему. А посему и остались все наши подарки дома; что было и очень кстати, потому что они пропали б по пустому и ничего бы в пользу нашу не подействовали.

Между тем, как мы званья от межевщика дожидались, услышали мы, что волостные мужики все ходили около нашего Гвоздевского заказного леса, отыскивая какие-то ямы, посматривали места, где им иттить отводом при межеванье.

Досадно нам сие всем было, и мы послали того

часа людей, чтоб их стараться изловить, как бы неприятельских подзорщиков и шпионов, а после обеда и сами туда с братьями поехали.

Не успели мы туда приехать, как сказывают нам, что поймали волостного мужика с нарубленным воровски в нашем заказе лесом.

— О! о! — закричали тогда мои братья, — вот мы ему ужо дадим!

А я себе на уме:

— Не таково, не таково строго!

И в самом деле не знал, что с ними делать.

Ко мне, как к главному всей нашей стороны начальнику, представили его как пленника, и он только и знал, что валялся у меня у ног и просил помилования; что и было у меня на уме сделать, ибо я хотя и мог бы тогда поступить с ним, как с вором, и его не только жестоко наказать, но после отослать и в город, но, как я и в прочее время не такой был драчун и забияка, а тогда и подавно не хотелось мне раздражать волостных и тем более подавать на себя повода ко вражде: рассудил я его только постращать, будто бы хотим его сечь, а после отсылать связанного в город, а, наконец, оказал будто ему милость и, пожалев старости его, отпустил безо всего и не сделав ему никакого оскорбления.

Итак, 21-го еще числа июля, как накануне того дня, в который началось самое межеванье с нами, получил я от поверенного моего, ходившего всякий день при межевщике, уведомление, что межевщик уже подошел очень близко к нашей даче и на утрие будет межевать волость с Хитровым.

Сие нас всех перетревожило, ибо можно было за-

ключить, что в этот день дойдет уже и до нашей земли. Итак, поднялись у нас сборы, хлопоты и криканья:

— Давай скорее лошадей! Готовь скорее есть! Собирайтесь все! Посылай работных! Вели везть столбы! — и так далее.

Мы все, Болотовы, будучи тогда дома, согласились выехать на межу: Матвей Никитич со мною на одноколке, а братья в своей, ибо тогда ни дрожек, ни линеек в употреблении еще не было.

Отобедав дома, поехали мы тотчас за Квакинский лес к Пахомову, где межа остановилась.

Мы увидели уже издалека вехи и народ, однако его еще не было, а нашли мы тут г. Хитрова. Он вывез несколько возов столбов, и белых и черных, и окружен был народом. Волостные также его очень тревожили, похваляясь везде, что отхватят от него десятин тысячу, и он не знал, что с ними и делать.

Мы прождали межевщика часа полтора или более; он все пировал у волостного управителя, но, наконец, выехал и он и начал межевать.

Все ожидали, что будет тогда спор с Хитровым, однако против чаяния всех, пошли бесспорно по старому владению, чем Хитров чрезвычайно был доволен, а, может быть, имел и причину радоваться.

Я, видя сие, сказал сам себе:

— Вот со мною проклятые сим образом не разведутся! Но что делать? Так и быть!

Подумав сим образом, пошли мы с братьями наперед к тому месту, где у нас с ними межа начнется, и стали их дожидаться, думая бессомненно, что они тотчас начнут с нами спор.

Но, по счастью, все поверенные и начальные люди волостные были пьяненьки и немного поспутались; а я умел воспользоваться сим случаем и отвесть их от зачатия спора в том месте, где мне было б очень худо, а для них полезно, и которое они немного прозевали.

По крайней мере, я был рад тому, что они первую линию протянули с нами бесспорно. Тут, думаю я, что они начнут спор, однако, гляжу, идут они в другую и третью линию бесспорно да и так еще, что несколько и из своего владения уступали.

Не могу изобразить, как доволен я был и как обрадовался было я толь благому началу; но радость моя продлилась недолго.

Уже на третьем пункте они остановились и, поставив веху совсем в нашем владении и далеко от рубежа, хотели было уже начинать спор. Но тут где ни возмись дождь и пошел пресильный; а как самое то время и оба поверенные волостные что-то между собою не поладили и побранились, то и стали они просить межевщика, чтоб в тот день более не межевать и, остановив межеванье, дать им время одуматься, обещая, что они так, конечно, не пойдут, как они веху поставили.

Я не знал тогда, послушаться ли их просьбы или убеждать межевщика, чтоб он продолжал межевать далее. Однако, подумав, что, может быть, они одумаются, хотя было это и нестаточное дело, согласился на то, чтоб тут перестать.

Итак, прошли мы с ними в сей день только три линии и с полверсты, межуя еще только пустошь Голенкину с волостью, и межеванье отложено до понедельника, т.е. до 26-го числа июля.

Я звал межевщика к себе, и он согласился ехать и, посидев у меня, заезжал к Матвею Никитичу, и мы оба старались его употчивать как можно лучше и поили, как свинью; и между прочим проговаривали опять о береге прудовом, но он по прежнему обыкновению тянул все в сторону волостных и не входил нимало во все мои неоспоримые и справедливые доказательства... Я досадовал тогда на сие внутренно и за особое несчастие себе поставлял, что получили мы в нем такого межевщика негодяя.

В последующее затем воскресенье, как накануне того дня, в который надлежало начинаться опять межеванью, вздумалось нашим боярыням всем, собравшись гурьбою, съездить к межевщиковой жене в Ченцово, где они тогда стояли, в гости, ибо она давно их к себе приглашала. Они уговорили меня ехать вместе с ними.

Самого межевщика мы не застали дома, он уехал в Саламыково к тамошнему приказчику пить; но жена его была дома, а скоро приехал и он, ибо она за ним тотчас послала.

По лукавству своему притворился он, будто бы очень рад нашему посещению, а в самом деле желал лучше, чтобы мы к нему не приезжали.

Но как бы то ни было, однако он первым словом начал мне сказывать радостное известие, что накануне сего дня был в Ченцовской половине у волостных сход, что говорили на нем, как со мною разводиться, читали писцовые книги и положили, чтоб со мною не спорить до самой реки Скинги.

Извещение сие обрадовало меня чрезвычайно, почему и сидел у него я уже повеселее; а вскоре после

того подошел туда же и ченцовский надзиратель и поверенный беззубый Лобанов.

Тот также мне намекнул, что они авось-либо как-нибудь добредут до Скинги бесспорно. Итак, я внутренно веселился сему отзыву и радовался, что Бог на разум их наставил: ибо для меня великая б была подмога, если б они со мною хотя б в одном месте не спорили.

Напротив того, о саламыковском приказчике и поверенном другой половины сказывал мне межевщик, что сей неотменно со мною в пустоши Хмыровой спорить хочет.

И как сей спор был мне уже давно предсказан, то я о сем уже и не так тужил, ведая, что от сего приказчика как злого и пренегоднейшего человека ничего доброго ожидать было не можно, и потому почитал сей спор уже необходимым.

Таким образом, находясь между страхом и надеждою, приехал я домой уже поздно, и сообща товарищам моим помянутое радостное извещение, обрадовал их тем чрезвычайно.

Уверение сие почитал я столь справедливым и достоверным, что как в последующий день начали мы собираться ехать на межу, то не велел я брать с собою и столбов черных, а повезти одни белые в надежде, что станут проезжать межи сохами, велел взять с собою и оные.

Но прежде приступления к описанию самого межевания волостных с нами, расскажу вам обо сне, какой я в ночь сию видел.

Мне снилось, что я вижу у себя множество серебряных денег и, удивляясь новости и гладкости их,

стал их обтирать и вдруг увидел, что они были фальшивы и натертые только ртутью.

Проснувшись, удивился я сему сновидению и признаюсь, что поразился оным немало, ибо снам я хотя и никогда не верил и мало об них помышлял, однако было у меня как-то издавна примечено, что всегда, когда ни видывал я во сне деньги, последовали вскоре за тем и всего чаще в самый тот же еще день происшествия какие-нибудь важные и неприятные.

А в сей раз, желая лучше в том удостовериться, приискал еще в одной немецкой обо снах книжке деньги и увидел, что и тут сказано, что серебряные значат важные и серьезные дела, подумал, сам с собою говоря:

— Вот какое вранье! Каким быть важным делам, когда волостные не хотят спорить!

Однако последствие доказало, что сон мой сбылся наиточнейшим образом и не только в рассуждении виденных денег, но и самой фальшивости оных, как все то окажется в свое время.

Теперь, начиная повествовать о собственном межеванье волостных с нами, скажу, что не успели мы подъехать к Шестунихе нашей, как пастухи сказывали нам, что волостные приказчики с мужиками разъезжали во все то утро около Шестунихи и осматривали места в наших дачах. Известие сие привело меня в великое сомнение.

— Кой же черт, — говорили мы между собой, — уж не передумали ли они опять и не хотят ли начинать споры?

Товарищи мои в том почти уже не сумневались,

а я сам хотя и был между страхом и надеждою, однако сумнительные мысли пошли тотчас в голову.

Незнание, как они поведут, и опасение, чтоб не повели они в сумнительных мне местах так, чтоб несправедливый их отвод имел некоторое сходство с писцовыми книгами, и чтоб мы не подверглись через то опасности потерять великое количество земли, и так, как бы повел я, будучи на их месте, меня очень тревожило.

В особливости же наводило на меня то обстоятельство сомнение, что в Гвоздевской нашей пустоши находились многие и разные вершины, называющиеся ныне совсем уже не так, как назывались некоторые и порубежные в древние времена. И как им можно было выбирать из них любые и называть прежними названиями, то боялся я, чтоб они не выбрали такой, которая мне была опасна.

Сверх того упоминалась в писцовых книгах одна порубежная дорожка, которой в натуре никакой не было, и я опасался, чтоб не назвали они ею большую проезжую дорогу, идущую от Елкина через всю Гвоздевскую пустошь, и чтоб чрез то, с видом вероятности, не отхватили они у нас множества земли.

Словом, я находил столь многие и опасные сумнительствы, что полагал уже предварительно в мыслях, чтоб в случае, ежели заведут они где-нибудь опасный спор, то лучше уступать им иногда по небольшому количеству десятин, нежели допускать до большого спора.

Чем ближе подъезжали мы к сборному месту, тем более увеличивалось мое сумнение; волостные мужики шатались везде по нашим землям и, наконец, на-

ехали и самого надзирателя их, ездящего и осматривающего положения мест.

— Здорово! Здорово! — говорили ему, а у самих не то на уме, и говорим между собою: — Вот лихая болесть его уже носит. Знать уж, конечно, дурное на уме, а то ему ездить бы тут было не для чего.

Приехавши на сборное место, нашли мы толпу народа, но межевщика еще и в появе не было. Но первое огорчительное зрелище представилось в черных столбах, привезенных волостными вместо ожидаемых белых.

Наши тотчас сие уже пронюхали, и брат Гаврила Матвеевич с горестию ко мне прибежал и говорит:

— Братец! Ведь черные, а не белые столбы проклятые привезли? Знать хотят спорить!

— Ну что ж делать? — сказал я ему. — Унять не можно.

Итак, готовились мы уже к спору, о котором не было сумнения, ибо нашли мы волостных мужиков совсем в другом расположении, нежели мы чаяли.

Со всем тем не преминул я употребить все свое красноречие, чтоб их уговорить. Я представлял им смирное и согласное до сего времени соседство; ласкал и обещал им и впредь оное; грозил вечное ссорою, ежели они ныне против всей справедливости нас обижать похотят; приступал к ним непутным делом; выбирал самых стариков и говорил им следующим образом:

— Ну, мой друт! Ты уже в гроб смотришь, тебе уже немного жить остается! Скажи по совести и как тебе пред Богом явиться: владели ли вы когда-ни-

будь в сем месте? И были ли когда-нибудь у нас с вами споры?

Нечего было тогда сим говорить: они признавались, что никогда не владели, и что никогда ни ссор, ни споров не было, и что мною довольны, равно как и предками нашими.

— Ну для чего же, — подхватил я, — вы теперь на задор идете и ссору начинать хотите, которой никогда не бывало; для чего делаете вы вечную вражду, которой мы никогда не желали и ныне не желаем? Я ли к вам во владение вступаю? Я ли вас обижать хочу? И не вы ли сами, не зная для чего, против всей правды и невинно нас обижать предпринимаете?

Сим и подобным сему образом старался я уговаривать, но они были глухи и подобны нечувствительным пням. Я сие ведал и потому не для того и говорил, чтоб их убедить надеялся, но хотел пристыдить их совесть, что и подлинно производило ожидаемое действие.

Старики бранили молодых, что от них все сии затеи, а они никогда не хотели браниться и извинялись тем, что не их была воля. Тогда, оставя их, приступал я к их отводчикам, которые были самые плуты и выбраны к тому, как удальцы из всей волости,

— Скажите, пожалуйте, — говорил я им, — почему вы взяли к себе в голову и почему утверждаете, что это ваша земля? Не видите ли писцовых ям, которые по нашей меже и поныне целы, кто их копал? Мы ли или межевщик? И когда мы у вас завлаживали?

Нечего им было говорить, и они предъявляли один только и крайне смешной предлог, состоящий в том: для чего-де прежний межевщик не прямо, а все кривулинами шел?

Нельзя было, чтоб сему их глупому оправданию не смеяться, и для того, смеючись, говорил я с горести:

— Для чего ты, мой друг, тогда не родился и межевщику не сказал: «Для чего ты не сделаешь циркуля и всю нашу волость кружком и яичком не очертишь?»

Одним словом, они были немы и наполнены только завистью и злостью.

Между тем как сие происходило, подъехали волостные приказчики. Тут начался у нас разговор совсем о другой материи. Им нажаловались мужики о бывшем в лесу с пойманным мужиком происшествии, также о бывшей накануне того дня на Хмыровском поле сумятицы, поводом к которой было следующее.

Между тем как мы накануне сего дня ездили с боярынями в Ченцово к межевщику, братья мои оставались дома. Не знаю, как-то проведали они, что у нас за дворами по Хмыровскому и Яблоновскому полю ходят волостные мужики, и осматривают и меряют землю.

Они, воспылав досадою, бросились туда и гонялись за мужиками, а вскоре за сим прибежал и Матвей Никитич, имея при себе человек с тридцать; и дошло было до драки, однако ничего не было, хотя с обоих сторон множество народу с дубьем уже сбежалось.

Мужики волостные нажаловались, что наши сняли будто с одного шляпу, а я, в Шестунихе, сняв с мужика рубашку, водил будто по всему лесу; и наглость их так была велика, что они в глаза упрекали сею, по мнению их, дурною поступкою.

Досадно мне тогда чрезвычайно было, что сии бездельники за мою же добродетель меня же бранят, почему и говорил:

— Жаль же мне, что я так был великодушен и пойманного мужика в лесу с наркаденным моим лесом не выпорол, пускай же бы они говорили.

Потом рассказал я приказчикам порядок всего происшествия, но сии господа были с мужиками одного почти помета, а особливо саламыковский, который подал тогда мне повод еще к вящей на него досаде и наияснейшим образом дал о себе знать, что он был наивеличайший плут и бездельник; а вот каким образом сие происходило.

Между тем как мы о помянутых происшествиях считались, брат мой, Гаврило Матвеевич, по молодости и пылкости своей, разгорячившись и грозя мужикам, проболтнул:

— Посмотрю-ка я, как-то волостные ко мне на дачу с сего времени толкнутся, и дурак я буду, ежели не укокошу кого-нибудь, кто мне попадется в руки!

Приказчик саламыковский, прислушав сие и будучи самая ехидна, подхватил сие слово и тотчас начал являть понятым:

— Слушайте, господа понятые! — говорил он, — Вот господин хочет убить до смерти человека, было бы вам это известно!

Досадно мне сие чрезвычайно было; однако я с минуту времени молчал и дал время ему пораззеваться*, и тем наказал Гаврилу Матвеевича за неосторожность, которой в самом деле чрезвычайно вструсился.

Наконец, не мог я более вытерпеть и сносить поношение, которое делал такой бездельник моему толь близкому родственнику. Я вступился и напустил сам на приказчика.

— Из чего ты это заключил, — с превеликим сердцем сказал я сему ябеднику, — что он хочет убить до смерти человека? И как ты смеешь трогать так благородного человека?.. Что такое значит укокошить? Еще я не знаю, почему бы это значило убить? Кокошить, кокошить: на это надобен еще лексикон, и разве по-твоему это значит убиение? А по-моему это ничего не значит, и слово совсем не русское.

Дурно было тогда приказчику, ибо нашла коса на камень, и он, видя неминучую, тотчас сплыл и перестал о сем говорить. Однако я с сего времени получил весьма худое о сем негодном и даже опасном человеке мнение.

Вскоре за сим приехал наш и межевщик и спрашивает у меня, какова погода? Я ответствовал ему с горестию, что она дурная, и что хотят спорить.

— Как это, братец? — подхватил он речь. — Они не хотели спорить.

— Ну, хотели ли или не хотели вчера, — говорю я, — а теперь хотят!...

---

*Накричаться.

Я ожидал, что межевщику будет сие досадно и что он не преминет их уговаривать. Однако весьма в том обманулся, у него того и на уме не было.

По подлой душе своей, раболепствуя уже слишком волостным, не посмел он им сказать и единого словечка, а поспешил снимать скорее румб,* приказывая им ставить веху и продолжать далее.

Досадно мне тогда до чрезвычайности было на межевщика, ибо сие доказало мне, что вчерашние его слова были только один обман, выдуманный наиглупейшим образом, власно как бы насмех нам, и я так на него тогда в духе злился, что растерзал бы его, если б было можно, за такую подлость.

Итак, первая волвенка положена была в кузов.** Я объявил с своей стороны на неправильный их отвод спор, и оный вкратце записали и пошли по их отводу.

Нелегкая занесла их чрезвычайно далеко в сторону левую: они нацелили прямо на наш заказ Шестуниху и пошли чрез кустарник, прорубая просеку.

По окончании первой линии, думал я, что они свернут вправо в вершину, но не тут то было; они продолжали иттить прямо и все на нашу Шестуниху.

Удивился я сей неожидаемости и несоообразному ни с чем их отводу; но усматривая вкупе, что у них на уме было заспорить и захватить к себе и наш заказ, смутился от того духом. Но скрыв смущение свое и досаду во глубине сердца своего, а приняв

---

*Одно из 32 направлений компаса.

**Волвенка, волвянка — гриб, «первая волвенка в кузов» — пословица, в смысле «начало положено».

спокойный вид, подступил я к межевщику и дружески прошу его и прошу усиленно, не можно ли ему уговорить их, чтоб они моего леса не заспорили.

Но от сего подлеца и бездельника не было, как от козла, ни шерсти, ни молока; он не отворил и рта и не сказал им и единого слова.

Сие взбесило меня еще более; я ругнул его мысленно, но все сие нимало не пособляло. Со всем тем питался я тогда еще надеждою, что они повернут вправо и прямо в Голенинскую вершину, подле Шестунихи, и думал, что они леса не захватят, и предпринимал уже в мыслях уступить им в сем случае все захваченное ими и довольно обширное место. Но скоро увидел, что и сия моя надежда была пустая; они уткнулись прямо в средину леса и хотели иттить сквозь оный.

Таковая бесстыдная и глупая наглость вздурила и смутила меня еще больше и не знаю как-то очень чувствительно, когда сим образом, против всей справедливости и без малейшего резона, отхватывают родную землю.

Будучи в великом нестроении и в крайнем беспокойствии духа, не знал я, что при сей совершенной неожидаемости делать; однако остановил я их при входе в Шестуниху и просил, чтоб в полевой записке записать, что на том месте земля пустоши Голенинки кончилась и началась — пустоши Гвоздевой.

Между тем как все сие записывали, пришел мне в голову один хороший аргумент для опровержения их отвода, а именно: что по писцовым книгам земля пустоши Гвоздевой должна начало прикосновенности своей к Соломенной волости иметь по речке; а они

сделали ее тогда в лесу и на ровном месте, что совсем не согласно было с писцовыми книгами.

Обрадовался я сему чрезвычайно, и на сердце у меня несколько повеселело. Однако не говорил я им ничего, боясь, чтоб они погрешность свою не исправили; но дал только обиняками знать, что они начали изрядно путаться.

Сие несколько их смутило. Приказчик то и дело уезжал от нас вперед и уговаривал отводчиков, чтоб они повернули вправо; однако сам Бог ожесточил сердца их и хотел, чтоб они еще больше путались. Никто из них не хотел слушать советов приказчика, но они, закуся бороды,* лезли от часу далее влево.

Что касается до меня, то я, записав, что это писцовый лес и называется Шестуниха, и принудив противников моих то же объявить, дал им волю вести далее и боялся только, чтоб они внутри Шестунихи не свернули вправо косою просекою.

Наконец пришли мы в средину леса, и я ожидал, куда они поведут. По счастию, как-то не потрафили они поставить веху там, где, может быть, хотели, и чрез то потеряли боковую просеку и не знали, куда уже из леса выйтить.

Посовавшись туда и сюда, не знали они, что делать, и повели уже прямо просекою тою, которая шла чрез Шестуниху; и как тут пришлось им иттить по отвержку,** то остановил я их тотчас и требовал, чтоб их спросили, какой это отвершек; и как сим

---

* Заупрямившись.

** Отвержек, отвершек — ответвление оврага, овражек.

вопросом я их смутил, то одному из поверенных их вздумалось тогда подступить впервые ко мне и сказать, чтоб я сам ничего не говорил, а предоставил бы говорить моим поверенным.

Сего я давно и заблаговременно дожидался и для того наперед уже о том с межевщиком условился, чтоб он мне не возбранял говорить, сказывая ему, что в противном случае я сам запишусь, и он принужден был поневоле говорить мне дозволить. Почему окрысился я тотчас на их поверенного и принудил его молчать. Наконец, не зная как ему назвать сей отвершек, назвал он его отвершком из речки Гороховки.

Удивился и обрадовался я, сие услышав, ибо через то они сами себя спутали ужасно, и весь свой отвод тем испортили. И потому, сказав и записав только, что этот отвершек из речки не Гороховки, а из Гвоздевки, а речка Гороховка с своим отвершком осталась далеко позади, дал им волю иттить далее.

Сим образом в другой раз спутались они изрядным образом, и другая для меня опасность миновалась благополучно.

Но оставалось еще великое для меня сомнение, чтоб они, дошед сим отвершком до речки Гвоздевки, не пошли бы вверх оною и далее в Медвецкий враг,* и ожидал с нетерпеливостью, что наконец выйдет.

Вышедши из Шестунихи, не преминул я велеть в полевой записке записать, что они отвод свой ведут

---

*Овраг.

чрез самое то место, где в древности сидело сельцо Гвоздево, и что я свидетельствуюсь в том находящимися по обоим сторонам того отвершка погребными и овинными ямами, кои и поныне видны, и что сие ясно несправедливость их отвода доказывало.

Сие их опять смутило, и обстоятельство, что я всякий шаг оспариваю, заставило их более думать. Но краткость времени и замешательство мыслей произвели то, что они вместо того, чтоб каким-нибудь образом погрешность свою исправить, путались от часу больше. И вместо того, чтоб как я опасался, иттить им речкою вверх вправо, они ударились прямо чрез ее и на поле.

— Слава Богу! — воскликнул я тогда сам в себе. — Путайтесь, друзья мои; когда путаться, так уж путаться! Писцовая межа чрез речку никогда не переходила. На что этого лучше?

Со временем тем все еще я опасался, чтоб они не пришли на Казюмин верх, а оттуда на Савин и не назвали б первый писцовым Медведкиным, а второй отъезжим верхом. Однако, не говоря им ни слова, сделал только оговорку об речке Гвоздевке и дал им волю иттить, куда хотят.

Их дернула опять нелегкая с поля влево, и опять к речке Гвоздевке. И тогда отлегнуло у меня на сердце, ибо миновалась и последняя моя опасность, и я видел, что, несмотря на все их умничанье и злодейские замыслы и многократные, может быть, советы с самим межевщиком, спутались они наивожделеннейшим образом и так, как лучше требовать было не возможно. Довольно, что я смеялся уже над ними, и не только я, но и все; да и сами они при-

знавались, что очень изрядно спутались. Дошед вторично до речки Гвоздевки, стали мы с межевщиком полудневать. К нам вынесли из двора пирог круглый и кое-каких напитков, и мы поели себе, между тем, покуда они последнюю линию устанавливали, и приказчики взад и вперед поскакивали и умничали.

Поевши, мы пошли вниз речкою Гвоздевкою так, как они вели до самой реки Скниги, и вышли на Скнигу ниже пруда и бучила.

Тогда-то уже подхватил я ловким мастерством соперников моих и в великом торжестве начал над ними насмехаться, как всему их глупому и ни с чем не сообразному отводу, так в особливости тому, что они забрели в такое место, которое не можно уже им отбить от меня никоим образом.

После чего записал я в полевую записку предлинное объявление о найме ими нашего берега и прочем. И как сие всего более доказало всю глупость и несообразность ни с чем их отвода, то усмотрели они сами, что сделали очень дурно.

Но как пособить тому было уже не можно, то собираясь в кучки, перешептывали между собою и винили друг друга; а особливо ел себе руки злодей саламыковский приказчик, что он поступил так глупо и позабыл про свою среднюю порубежную дорожку, которая не выходила у него из ума, хотя в самом деле ничего не значила.

Между тем как все сие тут на горке происходило, вышли все наши боярыни за гумно Матвея Никитича смотреть на нашу толпу народа; и как день тогда оканчивался, то положили на сем месте межевание того дня кончить.

Я, как ни зол был на межевщика, но как с сим бездельником браниться не можно, то звал его к себе; но он не поехал, а сказав нам, чтоб мы наутрие выезжали поранее, чтоб успеть до обеда обойтить по нашему отводу, обещал быть к нам обедать, с чем мы тогда и расстались.

Мы заехали с межи к Матвею Никитичу и нашли тут всех наших боярынь, ожидающих нас с нетерпеливостью. Мы сообщили им известие о бывшем нашем споре, и о наглости и безумстве волостных и вместе с ними смеялись.

Но, правду сказать, что было то хотя и весело, что они спутались и чрез то подали нам лучший способ их оспорить, однако все еще неизвестно было, как дело кончится, а известный мне пример не переставал меня тревожить.

Ввечеру хотелось мне с превеликою нетерпеливостью узнать, сколько было земли в заспоренном волостными месте, и как я все румбы и меру линий записывал для себя, то прежде не лег спать, покуда не наложил сего спора на своем плане и не исчислил; и тогда со вздохом увидел я, что они у нас в сей день до 260 десятин и почти всю Гвоздевскую пустошь отхватили своим спором.

Поутру на другой день выехали мы уже ранее; однако принуждены были межевщика долго ждать; в сей день надлежало по порядку отводить нам свой отвод, начиная с того места, где начался первый спор.

Если б не измерена была и не известна мне наша дача и не ведал я о своем примере, то легко бы мог впасть в искушение и с досады на волостных заспо-

рить и у них земли столько же или еще больше, и тем испортить все дело и наделать такие же глупости.

Но я, ведая обстоятельствы, оставил все такие замыслы с покоем, а повел по меже и границам тогдашнего владения и довольствовался только утверждением отвода своего всеми писцовыми живыми урочищами и ямами, и делая везде, где нужно было, пространные, в доказательство своей правды, а неправды волостных, оговорки.

Словом, я производил отвод сей так порядочно и доказывал все так хорошо, что все бывшие тут понятые люди видели ясно мою справедливость, да и сами волостные не знали уже, что говорить против правды.

Они хотя и делали кое-где возражения, но возражения их были самые бедные и пустые. Саламыковский же змей скрежетал зубами и уехал с досады прочь, не хотя видеть правды, которая была неопровергаема. Словом, мы везде и так много писали, что межевщик даже скучил;* а подьячий признался, что он нигде таких споров не видывал.

— Но, что делать? — говорил я. — Не я тому причиною, а волостные, а шеи протянуть мне им не хочется.

Словом, за многим писанием не прежде мы отвод свой кончили и примкнули ко вчерашнему пункту подле бучила, как часа с три уже за полдни.

Тут сделалась у нас изрядная комедия: бездельник саламыковский приказчик по ябедничеству своему

*Заскучал.

вздумал было исправить сделанные в предследующий день ошибки и погрешности, соединяя все забытые им и отдаленные места в один пункт, и занес было такую нескладную ахинею, что не только мы все, но и сам межевщик не мог утерпеть, чтоб не захохотать и не поднять его на смех.

— Ха! ха! ха! — закричали мы все. — Что это такое ты, брат, вздумал? Это уже всего нескладнее; и упустя время, в лес по малину не ходят.

Нечего тогда было делать сему негодному человеку; он, вздохнув, только говорил:

— О, средняя порубежная дорожка! Ты с ума меня не идешь; но быть уже так, когда дело испорчено.

Сказав сие, спешил он перейтить скорее реку Скнигу и поставить на той стороне белый столб.

Мы не знали, не станут ли они тут спорить, но он уверял, что до Дворяниновского верха, за моим двором и садом, пойдет бесспорно по прежнему владению, как и действительно провел одну линию вверх порубежным Яблоновским верхом бесспорно.

Ему хотелось иттить далее, но как давно пора была обедать, и мы видели, что проехала к нам и межевщица, то, перестав межевать, поехали мы с межевщиком ко мне обедать.

Мы застали боярынь у себя уже в собрании, но они уже давно пообедали и сели с нами только для компании.

Не успели мы отобедать, как пошел пресильный дождь, а посему и принуждены были отложить дальнейшее межевание до утрева.

Я просил межевщика, чтоб он у меня ночевал, и как он на то согласился, то провели мы весь остаток

того дня в разных забавах и старались угостить межевщика всячески. Но сего подлеца ничем было удобрить не можно, но от волости слишком был задобрен, и по всему видимому, милостыня была довольно велика.

Поутру, в последующий день спешил межевщик ехать на межу, чтоб успеть до обеда что-нибудь сделать и поспешить к обеду к брату Михайле Матвеевичу, который пригласил и нас всех с ним вместе.

Таким образом, поехали мы все, собравшись на то место, где остановились, что было подле Елкинской мельницы. Приказчик заводской уже тут давно нас дожидался, и вся межевая команда была в собрании. Тут, при самом начале, опять сделался было у нас с волостным и, коих алчности и по понаровке* межевщика, пустой хотя, но крайне досадный спор о том, как иттить порубежною вершиною: протоком ли или берегом?

И мы прокричали и проговорили о том с час времени и насилу сладили и пошли бесспорными линиями до самой почти нашей Дворяниновской вершины.

Но с самой сей или еще немного не доходя до оной и начал саламыковский поверенный объявлять и записывать свой спор, который нам давно уже был от него предвозвещен.

И как оного мы ожидали, то не удивляясь тому, дали волю ему писать, что хотел; но удивился я, услышав упоминание его о том, будто бы от господ

---

*Понаровка — попустительство, поблажки.

Нарышкиных было на нас в завладении тут землею челобитие, чего никогда не бывало, и он лгал бесстыднейшим образом.

Кроме сего, смутило меня еще одно также совсем неожидаемое явление и обстоятельство. Как по записании им спора стал межевщик по обыкновению спрашивать всех понятых, знают ли они чья та земля? То один из них, старичишка пренегодный, выдавшись, сказал:

— Не знаем, судырь, чья, а слыхали мы только, что тут где-то есть Грибовский враг.

Слово сие поразило меня, как громовым ударом, и испужало чрезвычайно, ибо я тотчас мог догадаться, что молвлено сие слово не случайно и не просто, но что произошло сие от нового и потаенного какого-нибудь злодейского кова,* сделанного против меня нашими злодеями.

Ибо как было то совсем ненатурально, чтоб постороннему и живущему в отдаленных местах старичишке знать, какие у нас тут есть овраги, и упоминать о Грибовском, когда никто еще об оном не говорил и не спрашивал; то другого не оставалось заключать, что бездельный старичишка сей был от противников наших втайне подкуплен и настроен к тому, чтоб он подтвердил своим показанием тогда, когда речь дойдет о Грибовском враге.

А как сей Грибовский и далече еще от сего места отстоящий и порубежный у нас с волостными враг был для нас великой важности, и я тотчас мог пре-

---

*Злого умысла, коварного намерения.

дусматривать, что на уме у них есть назвать сим именем какую-нибудь другую вершину или овраг.

И как мне довольно было известно, какую великую важность составляют при таких случаях объявления глупых и нередко мошенниками подкупаемых понятых и что законами велено на показании их утверждаться, то бездельный старичишка сей сделался мне очень страшным.

Но по особливому счастию для нас, проболтался он помянутым образом о том преждевременно, а сие и испортило все дело и разрушило все злодея моего замыслы и ковы. Ибо все тогда, догадываясь, также как и я, что тут кроются блохи,* на старика закричали, что он не то говорит, о чем спрашивают, а тем самым и сбили мужика сего долой с пахвей,** и он принужден был сказать то же, что сказали другие, то есть, что он того, чья сия земля, не знает.

Как между тем время обедать давно уже настало, и к нам хозяйка Михайлы Матвеевича не однажды присылала уже зватых, то мы, по записании спора, не стали долее медлить и поехали обедать, а после обеда, спеша домежевать Хмырово, не стал межевщик долго сидеть, к тому ж и нам хотелось скорее видеть судьбу и сомнение свое разрешенными. Итак, поехали мы опять межевать.

Мы нашли заводского приказчика уже на месте,

---

*Подвохи.

**Пахва — хвы — нахвостник — ремень от седла. В него продевается хвост лошади, чтобы седло не съехало коню на шею; сбить с пахвей — сбить с толку, с панталыку.

и он во сие время вымышлял и советовал с плутами мужиками, где бы им лучше вести.

Однако со всем тем Бог спутал их и в сем месте, и они сделали ошибку, расстроившую все их затеи.

Все сумнительные обстоятельства сего спора и все то, что можно б было им в свою пользу употребить, было мне довольно известно. Я знал, что можно им было спор сей сделать очень имоверным* и основательным, а потому он меня более всего и тревожил.

К тому ж, по несчастию, в границах пустоши Хмыровской, на самом том Грибовском враге, были уже и в старину, при прежних межеваньях споры; но тогда спорили только о верховьи оного, называя Грибовским верхом один вышедший из него отвершек. И если б вздумали волостные и в сей раз сделать то же, то нам тогда хоть добровольно пришлось бы отдавать им десятин 40 наилучшей земли.

Но, по счастию моему, такого малого количества для алчных глаз моих соперников было слишком мало; они не могли быть тем довольны, а им захотелось получить земли более и отнять у меня две трети, или почти всю пустошь Хмыровскую, а для того и вздумали они Грибовским оврагом назвать совсем другую и такую вершину, которая никогда им не бывала.

Почему и повели они прямо на верховье той вершины,** но чрез самое то и спутались; ибо они того не знали, что, идучи тут, перережут они совсем пустошь нашу Хмыровскую и коснутся Горчаковской

---

*Правдопобным, вероятным.

**На верхушку холма.

Злобинской земли. Что они действительно и сделали и тем меня чрезвычайно обрадовали, ибо я никак себе не воображал, чтоб могли они сделать такую непростительную ошибку и такой проступок, который мог все их дело испортить.

Таким образом, дождавшись, как они опасное для меня место, а именно, вышеупомянутый сумнительный отвершек миновали, и увидев, что взошли они на дорогу и к границам Злобинской земли, остановил я тотчас их, сказав, что влеве* пошла уже не моя земля, и для того спросили б у волостных, чья она, и записали б.

Сего возражения соперник мой нимало не предвидел и не ожидал и, спутавшись, не знал, что сказать.

Но как незнание его, которым он извинился, не могло быть принято, и я принуждал неотступно сказать, чья земля, то сколько ни вилял, но принужден был, наконец, сказать, что это земля князя Горчакова.

Тогда, рассмеявшись, сказал я, что более сего я не требую и не желаю: извольте записать, что эта земля князя Горчакова, сельца Злобина, с которою волость никогда и смежною не бывала.

Ошибка сия была в самом деле столь грубая и чрезвычайная, что мне дорого бы ее купить надлежало, ибо она могла служить мне великим аргументом для опровержения их спора.

Я приметил, что даже и самому межевщику было то очень нелюбо, а злодея моего все сие так смутило и все мысли его привело в замешательство, что он,

---

*По левой стороне.

вместо того чтоб погрешность свою стараться скорее чем-нибудь исправить, он, пошедши с сего места вдоль дорогою и смежном с Горчаковскою землею, дело свое тем еще более испортил; что мне было и на руку, ибо я боялся, чтоб он с самого того места, где я его смутил, не повернул вправо.

Таким образом, прошед сажен со сто и поровнявшись против находящейся вправо вершинки, которую хотелось ему назвать и сделать Грибовским врагом, повернул прямо в нее.

Приближаясь к оной, трепетал я духом, чтоб не спросили понятых, какая это вершина, и вышеупомянутый сумнительный старичишка приводил меня в ужас; и сомнение мое увеличилось еще более, как увидел я, что злодей мой неведомо как домогался того, чтоб спросили понятых, какая это вершина.

Но по моему счастию или, может быть, так Бог захотел, межевщик, будучи тогда не в духе и недовольным, ему сказал:

— Чего, братец, спрашивать, почему им знать? — а злодей мой, по счастию, не стал и усиливать.

Итак, мы благополучно и прошли ее начало, записав только обосторонние объявления, а именно: что по словам волостного поверенного называлась она Грибовским врагом, а по нашим, что она так никогда не называлась.

Дошедши сею вершиною до речки Трешни, надлежало нам тут спор кончить, потому что за рекою Трешнею в гору хотел он иттить бесспорно и примкнуть к починному пункту и белому столбу.

Тут имел я причину сам заспорить у них клок земли, но подумав и побоявшись своего примера, сие

намерение оставил и записал только одно объявление, их удивившее, согласился иттить бесспорно, и тем тогда сие и кончилось.

Как случилось окончанию сему быть еще довольно рано, но для нашего отвода время в тот день недоставало, то вздумали мы проехать в Сенино к г-ну Ладыженскому, зная, что поехали туда и все наши боярыни, которые, желая видеть, как межуют, выезжали после обеда к нам на межу и, посмотрев, проехали в Сенино.

Как вздумали, так и сделали, и приехавши к г-ну Ладыженскому, успели еще просидеть и прорезвиться целый вечер; и как хозяин не отпустил нас без ужина, то возвратились домой уже ночью, и межевщик ночевал у Михайлы Матвеевича.

В последующий день хотели было мы окончить свое межеванье с волостными, ибо оставалось только пройтить наш отвод по спорному месту, однако сего не сделалось.

Пошедший сильно дождь согнал нас с межи, куда было мы и выехали уже, а по стекшимся обстоятельствам продлилась остановка сия до самого последнего числа июля месяца.

Наконец, настало 31-е число июля, день достопамятный окончанием нашего межеванья с волостью и бывшими в оной происшествиями.

Я приготовил уже изрядные рацеи, которые бы мне говорить в опровержение отвода волостных и в утверждение своего собственного, и с нетерпеливостью дожидался межевщика и с ним вкупе моих злодеев, и насилу-насилу, наконец, они выехали.

Злодей мой находился тут же, напоен злобою, от

которой трясся у него ажно подбородок. Истинно, я такого злого человека отроду моего не видывал.

Не успели мы начать межевать, как злодей мой и начал извергать свой яд и опровергать наш отвод ложными своими документами. Но как при сем случае нашла коса на камень, то не осталось ни одно слово его паки без опровержения.

Сие подало повод опять ко многому писанию, которое межевщику так уже наскучило, что он уходил вперед и нас оставлял и не слушал.

В сих спорах и взаимных друг друга опровержениях дошли мы благополучно до настоящего нашего порубежного Грибовского врага.

По приближении к сему проклятому и сумнительному врагу, трепетал я духом, не зная, что последует в оном. Ожидаемое вопрошание об оном понятых меня крайне тревожило.

Подозревая, что злодей мой одного из них, а именно помянутого старичишку, подкупил, опасался я, чтоб сей негодяй не сказал, что это не Грибовский враг; и опасение мое было так велико, что я принужден был употребить репрессалии* и хитрость против хитрости, а именно: я велел заблаговременно и поутру еще в тот день людям своим из-под руки уговорить понятых, чтоб они сказали об овраге сем самую сущую правду и польстили бы волостным.

Люди, которым поручена была сия комиссия, поступили еще далее; они, потчивая возможнейшим образом понятых вином и пирогами, обещали тайно

---

*Употребить репрессалии — ответить тем же.

тому от меня награждения, кто из них скажет, что это подлинно Грибовский враг, так как он и действительно был оным.

Вот какие бывают обстоятельствы! принуждено было неведомо как домогаться того, чтоб только правду сказали! Но как бы то ни было, но, по счастию моему, нашлись из них такие, которые нам услугу сию учинить и обещали. Мне пересказано было тотчас сие, и я хотя радовался тому, однако, не будучи еще совершенно в том удостоверен, колебался духом.

Итак, находился я тогда между страхом и надеждою, когда пришли мы в Грибовский овраг. Нас тотчас стали спрашивать, что это за вершина и, записавши спорные наши объявления, стали по обыкновению допрашивать о том и понятых.

Злодей мой, как сатана, уже тут вертелся и домогался всячески, чтоб сие допрашивание было предпринято.

Видно было по всему, что надежда его на старичишку была бессомненна; однако, по счастию моему, а может быть Богу было так угодно, попался он сам в тот ров, который для меня ископал. Ибо не успели спросить о том понятых, как тотчас один из них, выступая, сказал, что он знает подлинно, что это настоящий Грибовский враг.

Я думаю, жесточайший громовой удар не устрашил бы так моих злодеев и не привел бы их в такое смятенье и замешательство, как сие, против всякого их чаяния, выговоренное слово. Они всего меньше сего ожидали. Напротив того, злодей мой, как самая сатана, кивал и махал своему старичишке, напоминая ему, чтоб он сказал по обещанию.

Но не чудное ли сплетение обстоятельств?.. Сей подкупленный им старичишка, по счастию моему, был глух и не слыхал, о чем тут речь идет и чего спрашивают, и потому ничего тогда не сказал; а тот, который мне в пользу сказал, случился быть такой, который в самом деле знал, что это Грибовский враг, потому что ему случилось однажды целую ночь проблудить в нем с одним волостным мужиком, о чем проведал я уже после.

Итак, нечаянное сие объявление произвело тотчас во всем собрании великую тревогу. Ехидна моя помертвела вся от злости со всем своим змеинским прибором. Они возопили все во множестве голосов, как сумасшедшие:

— Как это? Как?.. Почему ему знать? Борис Сергеевич! Борис Сергеевич! Что это такое? — и т.д.

Господин межевщик, будучи злодеем моим совсем обольщен и для бездельной корысти променивая своего брата дворянина на мужика, был всегдашним их покровителем.

Он находился тогда, как вышеупомянутое произошло, в небольшом от нас отдалении, ибо, оставив нас писать, что мы хотим, ушел от нас прочь, сел на роспуски* и играл с своею собакою. Но крик и вопль моих злодеев скоро достиг до его ушей, и при тогдашнем-то случае более всего и явно доказал уже он нам, сколь много держал он сторону волостных и какую подлую он имел душу.

Он не успел услышать, что один понятой называет

*Дроги.

Грибовским врагом, как, сломя голову, бросился к нам в кучу и заревел:

— Ба! ба! ба! Кто это называет? Кто? Чей такой и откуда? Становитесь все рядом, и сказывай всякий по порядку, знает ли или нет.

Я смотрел на все сие с крайним удивлением и не могу изобразить то изумление, каким поразил меня сей его поступок.

Вся кровь во мне воспылала от досады и негодования. Я того и смотрел и полагал уже почти за достоверное, что они собьют моего честного понятого, да и нельзя было инако и думать; ибо не только межевщик, но и приказчики со всеми своими подьячими кричали, и вопили, и приступали к понятому и хотели его, так сказать, без соли съесть.

Однако, по счастию моему, ничего они ему не сделали: мужик стал твердо в том, что это Грибовский враг и говорил, что он чрез него езжал и знает подлинно; а на него смотря, принужден был и подкупленный волостными старичишка молчать и неведением отговориться.

Итак, всеми неправдами и кое-как слова понятого записали, и я в не малом уже удовольствии шел далее оканчивать свой отвод, который и успели мы еще до захождения солнечного кончить.

И тогда межевщик был так бесстыден, что и после такого поступка поехал ночевать к Михайле Матвеевичу, а я спешил домой, чтоб возблагодарить понятого за услугу, и отпустил его от себя довольным.

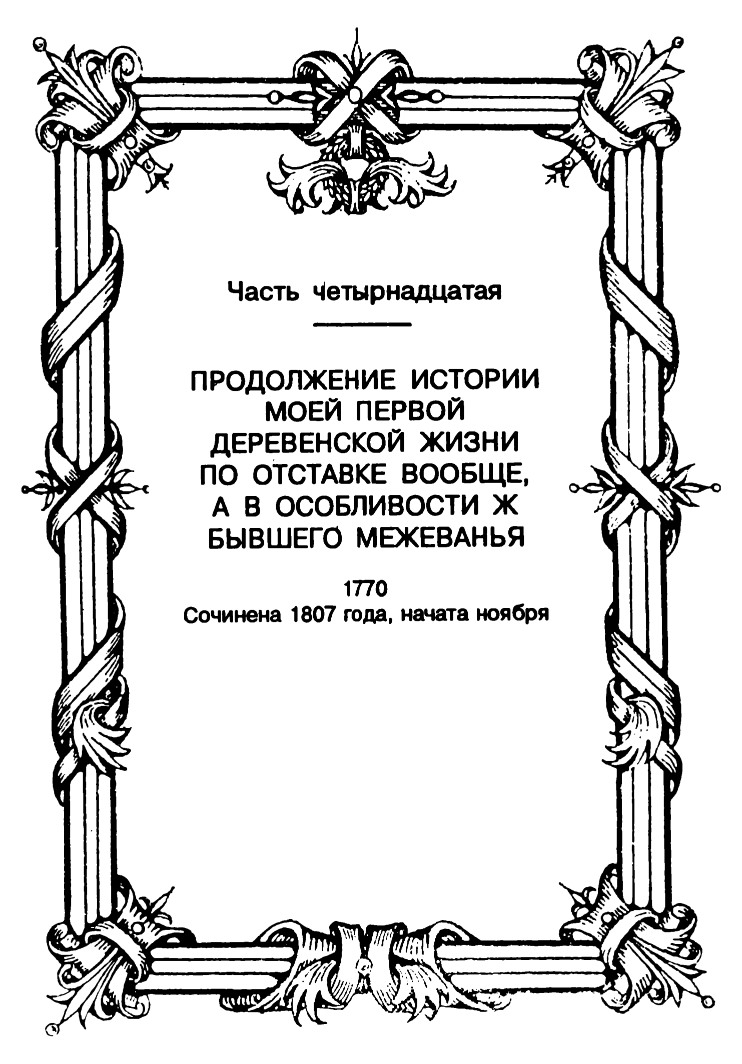
Сим образом кончилась тогда размежевка наша с волостными, и хотя они в обоих своих отводах спутались чрезвычайно и мне удалось порядочным об-

разом все их показания оспорить и опровергнуть, но как все дело было еще сим далеко не кончено, а оставалось ожидать, как меня с ним посудят в межевой конторе, то не мог еще я ничего заключить о предбудущем.

Но паче, зная о своем великом примере и о том, что легко могла контора все мои доказательства и не уважить и, буде захочет, учинить все в пользу волостных, все еще опасался, чтоб не лишиться нам всей нашей примерной земли, и тем паче, что волостные в обоих местах почти точно такое число десятин у нас отвели своими спорными отводами, сколько было у нас излишних.

Но что воспоследовало, о том узнаете вы из последующего за сим впредь моего повествования в свое время. А между тем, как сие мое письмо уже слишком увеличилось и давно превзошло обыкновенные свои пределы и да все теперешнее тринадцатое собрание оных достигло до своей пропорции и величины, то, предоставив повествование о дальнейших происшествиях предбудущему времени, сие, с дозволения вашего, теперь кончу, сказав, что я есмь навсегда ваш, и прочая.

КОНЕЦ ТРИНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Часть четырнадцатая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ПО ОТСТАВКЕ ВООБЩЕ, А В ОСОБЛИВОСТИ Ж БЫВШЕГО МЕЖЕВАНЬЯ

1770

Сочинена 1807 года, начата ноября

ПРОДОЛЖЕНИЕ МЕЖЕВАНИЯ

ПИСЬМО 141-е

Любезный приятель! Описав в предследующих письмах начало нашего межеванья и всех происшествий, бывших при отмежевании дач и земель наших от Нарышкинской Соломенной волости, приступаю я теперь к описанию продолжения оного.

Оное далеко еще тем не кончилось, о чем упоминаемо было в моем последнем письме, но главнейшее дело было еще впереди, и до нашей собственной дачи межеванье еще и не доходило; а оно коснулось только еще до нас побочным образом, при случае обхода кругом всей помянутой волости, и как обход сей самым тем и кончился, то и следовало уже межевщику приниматься за нас и обходить наши земли, к чему он и располагал приступить, нимало не медля.

Спор, произведенный волостными, сколь ни был нагл и несправедлив и с какими погрешностьми с их стороны он сопряжен ни был, но наводил на меня великое сумнение и тревожил дух мой чрезвычайно.

Превеликий пример, имеющийся во всей нашей даче вообще, и великая опасность, могущая последовать от того для нас в случае, если окажется во всей волости недостаток, устрашал меня сильно и заставливал беспрестанно помышлять о том, нет ли ка-

кого еще способа от зла, угрожающего нам, избежать и спасти нашу примерную землю.

При многократных размышлениях о том другого средства я не находил, кроме того, чтоб испытать* воспользоваться тем обстоятельством, что не во всех наших дачных землях и пустошах владельцы были одни и те же, но в иных было их больше, а в других меньше, а притом и владения имели они не во всех,в рассуждении пропорции, единоправное количество.

И как, по силе межевых узаконений, долженствовало все наши пустоши и деревенские дачи, по причине помянутого неравного числа владельцев, размежевать и обходить каждую особо, а не соединить их всех в одну дачу и округу, то и помышлял я в то время, когда станут обходить из наших дач и пустошей каждую порознь, сим случаем воспользоваться.

И поелику показание границы между оными зависеть будет собственно от меня, ибо в натуре их никаких не было, и они никому из всех наших жителей были неизвестны, и я мог их назначать, где мне заблагорассудится, то и располагался я всем тем дачам и пустошам, кои прикосновенны собственно к землям волостным, границы задние отводить и назначать так, чтоб количество земли в тех особенных дачках и пустошах было гораздо меньше, нежели сколько надлежало в них быть по писцовым книгам, следовательно, оказался б в них недостаток или, по крайней мере, не было бы в

---

* В смысле попытаться, попробовать.

них ни примера, ни недостатка; а всю примерную землю замышлял я включить в задние и с волостною землею несмежные пустоши, ибо сим одним средством, если б только оно удалось, можно было спасти все примерные земли.

Но вопрос был, удастся ли мне сие сделать и не воспрепятствуют ли мне в том соперники волостные?

Известно мне было то довольно, что им всего легче сие учинить, если они будут осторожны и не прозевают; ибо им стоило только объявить, что я землю перепускаю из пустоши в пустошь, как и подверглись бы они все общему измерению и вся моя затея разрушилась чрез то совершенно. И я не сомневался, что задаренный от них межевщик сделать сие их надоумит, если б и сами они не догадались, а сие и заставило меня со страхом и трепетом ожидать начало собственного нашего межеванья.

Сие и воспоследовало гораздо скорее, нежели я желал и ожидал; ибо как помянутый волостной спор все мои мысли расстроил, то и хотелось уже мне, чтоб начало сего межеванья не так скоро воспоследовало, дабы я мог иметь сколько-нибудь времени сообразиться с мыслями, где границы пустошам, согласно с помянутым намерением, показывать и отводить, и успеть отводчикам своим назначить и самые пункты, где им становить вехи.

Но на ту беду межевщик наш сделался уже слишком ревностен и усерден, и вместо того чтоб взять отдохновение, он не хотел медлить и одного дня, и если б после дня, в который волостное межеванье кончилось, не случилось бы воскресенью и празднику происхождению честных древ, то он на другой же

бы день к тому приступил, и за праздниками только отсрочил до понедельника, или 2 августа.

Итак, имели мы один только день отдыха и свободный, но день такой, в который, по случаю праздника, мне ничего сделать было не можно, да и некогда.

Сей день был и кроме того достопамятен тем, что в оный нечаянным и принужденным почти образом началось порядочным образом наше знакомство с соседом моим, господином Хитровым, Николаем Александровичем.

Сей любезный человек давно уже желал со мною познакомиться и подружиться короче, а не меньше того и я того же самого желал, а тогда и самые межевые обстоятельства требовали того, чтоб мне постараться свести с ним дружбы, дабы, по крайней мере, хотя тем отвратить спор с дачами села его Домнина, о котором также был слух, немало меня смущавший; ибо по причине примерной земли все споры, где бы они не случились, были для меня страшны. Но как бы то ни было, но сей день сдружил меня с ним сам собою.

Господину Хитрову случилось приехать к брату моему Михайле Матвеевичу, а как и я тут же был, то сие вторичное свидание и познакомило нас с ним более и произвело то, что он сам назвался иттить ко мне вместе с бывшими тут же межевщиками.

Не могу забыть, как он, вошедши ко мне в залу, сказал:

— Ну, теперь могу себя ласкать дружеством и знакомством такого любезного соседа.

А я уверял его, что он не обманывается, и был

внутренно сам рад сему новому и для меня нужному знакомству.

Он уверял меня о своей искренней и нелицемерной дружбе и ко мне приверженности, а я делал такие же ему уверения и взаимные обещания искать его к себе любви и делаться ей достойным, в чем мы и сдержали даваемые друг другу обещания; ибо с того времени по самую смерть любили мы друг друга и были между собою хорошими приятелями.

Тогда же в особливости было мне приятно то, что он при случае повестки, делаемой от межевщика, что он в последующий день нас с ним размежевывать станет, неоднократные делал уверения, что у нас не будет никакого спора и что мы разойдемся полюбовно, по старому владению, а мне того одного только и хотелось.

Но не в таком лестном виде были дела с другой стороны, или в рассуждении другого моего соседа, его превосходительства князя Горчакова.

С ним я также, в сей день будучи у обедни, виделся и ласкался было надеждою, что мы и с ним о чем-нибудь поговорим, но в надежде своей очень обманулся. Он не удостоил меня ни одним словечком, а я и не заикнулся также, «сошлись два лука, и оба туги».

Кроме сего, обрадованы мы были в сей день возвращением домашних моих из Серпухова, с которыми возвратилась из Кашина и теща моя, а с нею приехала ко мне и племянница моя Любовь Андреевна.

Наутрие должно было начаться формальному межеванию нашей деревни. Я, вставши поутру, спешил заставать межевщика, ночевавшего у Михайлы

Матвеевича; однако сей господин был не слишком поворотлив, и за ним всегда поспеть было можно. Меня захватил еще гость, г. Лихарев, приезжавший ко мне поутру горевать о своем межеванье и просил совета; но я, проводив и его, успел еще застать межевщика, не уехавшего на межу, и вместе с ним туда поехал, где нашли мы все межевое собрание в готовности и, между прочим, и самого господина Хитрова нас тут дожидающимся.

Не успели мы сойтить с своих дрожек и лошадей, и поздороваться со всеми тут бывшими дворянами, как межевщик и спешил приступить к делу. Но при первом его слове произошло тут такое происшествие, которое и поныне не знаю чему приписать, простоте ли или умышленности землемера, или действию судьбы, пекущейся об нас и распоряжающей все в нашу пользу?

Но как бы то ни было, но происшествие было странное, удивительное и всего меньше нами ожидаемое, и состояло в том, что землемер на первом шаге сделал непростительную погрешность и в деле своем грубую ошибку. Словом, он стал делать совсем не то, что ему, по всем межевым узаконениям и предписаниям, делать бы начинало.

Всей команде межевой назначено было собраться на том пункте, где волостная земля к нам впервые прикоснулась, и именно на смежности трех земель: волостной, нашей и домнинской, принадлежащей г. Хитрову.

При сделанном вопросе, какие из наших земель тут начинаются, приурочили мы в сем пункте смежство обоих наших пустошей, Щиголевской и Голе-

нинки. А как сии пустоши принадлежали разным владельцам, то по законам межевым и по порядку, везде наблюдаемому, следовало ему начать с сего пункта отмежевать пустошь Голенинскую, как связавшуюся спором с волостью, от всех прочих наших пустошей, поелику мы далеко не все в сей пустоши имели участие; но он вместо того предпринимал размежевать нас с Хитровым и иттить совсем в противную сторону, кругом пустоши Щиголевой.

Признаюсь, что я хотел тотчас усмотреть сию погрешность, но как она служила мне в пользу, то я не почел себе за долг помянуть об оной или остеречь его, ибо бывшие тут поверенные волостные того и смотрели, чтоб я чего не схитрил. Однако со всею своею хитростью ничего они тогда не сделали, и мы, пользуясь сею ошибкою, и пошли тогда благополучно занимать всю нашу дачу в одну округу, и они таскались с нами, не говоря ни одного слова.

Размежевка нас с г. Хитровым шла с вожделеннейшим успехом, ибо делающиеся между отводчиками и людьми нашими небольшие несогласицы старались мы наперерыв друг перед другом прекращать уступками. И всего смешнее было то, что г. Хитров боялся меня и чтоб я у него чего не заспорил, а я того еще более боялся и чтоб он не произвел спора, а потому и расходились мы везде хорошохонько и без всякого спора.

Как поровнялись мы против самого села Домнина, то г. Хитров увидев, что жена межевщикова с моею невесткою приехали уже к нему в село, стал нас всех приглашать к себе обедать, на что мы охотно согласились... Итак, я со всеми своими дворяни-

новскими соседями и обедал еще в первый раз у сего нашего знаменитого соседа.

После обеда застиг нас превеличайший дождь и помешал было ехать межевать; однако мы, переждав оный, поехали и успели в тот же еще день домежевать весь прикосновенный* бок с Хитровым и дойтить до спорного пункта с князем Горчаковым.

Тут хотелось было мне остановиться и подумать, спорить или нет; но как было уже поздно и межевщик спешил иттить далее, то принуждены мы были, не думая долго, записать с князем Горчаковым известный и старинный наш спор, при котором случае не могли мы довольно насмеяться глупой записке возражения от княжова поверенного.

Записыванием сего с обоих сторон спора продлилось время так долго, что при окончании оной наступила уже совершенная ночь. Тогда г. Хитров стал нас всех уговаривать, чтоб поехали ночевать по близости к нему, на что мы все охотно и согласились. ибо домой ехать было далеко.

Ввечеру разговаривали мы о записанном мною споре, и г. Хитров расспрашивал меня об обстоятельствах оного, и как я ему все рассказал, то почитал он дело наше справедливым, и желал, чтоб мы получили искомое. А поелику спор сей был особливого примечания достоин, то хотя в предследующих письмах и упомянул я об оном в некоторой подробности, но в пользу потомков моих почитаю за нужное объяснить оное здесь обстоятельнее.

---

*Соприкасающийся.

Сей спор наш с князем Горчаковым был о куске земли, величиною десятин в пятьдесят и одним лесом поросшем месте, лежащем между нашею пустошью Шаховою, его деревнею Матюшиною и Алексинским уездом.

Положением своим было место сие между двух верховьев одной маленькой речки и составляло, так сказать, остров. Речка Язва, составляющая исстари границу между нашими дачами и княжими, в верховье своем проистекала из двух буераков или вершин, и самое сие обстоятельство было поводом и основанием всего спора.

Мы называли одно из помянутых верховьев речкою Язвою, а княжие называли другое, а, к несчастию, из обоих течение воды было ровное и можно было и то, и другое почесть верховьем.

Лет за двадцать до того времени назад не было о сей речке никакого спора, мы владели по ту вершину, которую называли княжие речкою Язвою и владением своим были довольны. Но я не знаю, каким-то нечаянным случаем попался дяде моему, покойному Матвею Петровичу, список с Алексинского городового рубежа, идущего через и пересекающего оба помянутые отвершка.

Читая оный, вдруг увидел он, что там речкою Язвою названа совсем не та вершина, которую тогда все называли, а другая гораздо далее, первая же названа Шаховским верхом. Из сего за верное заключил он, что всем островом между обоими сими вершинами, конечно, князья Горчаковы у нас завладели, и не долго думая, подал исковую челобитную.

Князь, отец нынешнего, будучи человек богатый, и притом сам деловец* находил средство убегать от суда, а дядя мой хотя и очень жарко начал и довел до того, что князь принужден был все пашни, находящиеся на том острове, кинуть, однако, будучи чрезвычайно скуп, не мог долгое время продолжать сие дело с желаемым успехом и оставил нам оканчивать сии хлопоты и претензию, которая справедлива ль или нет, о том сам Бог ведает.

Правду сказать, дело сие остановил князь более своей хитростию, а именно: он, видя что ему от суда не отбегать, подал вдруг на нас супротивную исковую челобитную, якобы мы у него таким же образом насильно завладели в пустоши Хмыровой, и чрез то дядя мой его в Каширу, а он его в Москву к суду требовал, что и причиною тому было, что дядя мой, дело свое бросив, положил ждать межевания.

Но о, как бы мы счастливы были, если б он в то время употребил все нужные усилия к окончанию сего дела! Тогда мог бы он получить все желаемое, а при межеванье повстречалось с нами уже гораздо более затруднений.

Но как бы то ни было, но он умер, не окончив сего дела, а мы, последуя ему, ожидали с покоем межеванья; и как оное настало, то и следовало нам оное оканчивать и возвращать все наши протори** и убытки.

Признаюсь, что почитал сие дело до того бессом-

---

*Делец, «оборотистый человек».

**Траты, особенно — судебные издержки.

нительным и не много озабочивался сим спором; но, получив об оном свое сведение, стал инако уже числе земли думать.

Выступление из границ своего владения было для нас делом весьма опасным и предосудительным, а с другой стороны спор княжий и его на нас челобитье казалось мне страшнее медведя.

Я легко мог заключить, что если он всходствие своего челобитья заспорит в Хмырове и если в сельце его Злобине явится недостаток, в чем я по малой обширности его дачи почти не сомневался, то принуждены мы будем недостаток сей не только из своей примерной земли наполнить, но заплатить еще ему и завладенные деньги. Для самого того и хотел и не хотел я спорить; но как помянутым образом спор был уже мною записан, то принужден был вступить в дело.

Разговорившись с Хитровым, к немалому удовольствию моему услышал я, что и в его крепостях обе первые вершины таким же образом названы Шаховыми верхами, а третья речкою Язвою, как мы их называли. И как мне крайне восхотелось крепости сии видеть, то и просил я г. Хитрова показать мне оные, и он был так ко мне благосклонен, что тотчас, отыскав, мне ее отдал.

Состояла она в выписи с городской межи; и как она была формальная, с надлежащею скрепою, то бумажку сию почитал я крайне для себя важною и потому, что у меня была только копия, а самой выписи мы не имели.

Со всем тем, как сделалась между нами маленькая в рассуждении положения мест разногласица, а

господину Хитрову оное не так коротко было известно, как мне, то положили мы с ним, чтоб наутрие, встав поранее, вместе все сии места объездить и осмотреть в натуре, дабы нам после не разбиться в словах, ибо он намерен был тоже верховье называть речкою Язвою, которое я утверждал.

Итак, в следующий день встали мы с ним ранехонько, и, одевшись, поехали только трое, он да я, да староста его, верхами рекогносцировать места, которые завоевать мне хотелось. Но лишь только начали мы подъезжать к лесу на спорном месте, известному под названием Неволочи, как против всякого чаяния увидели на той стороне речки Язвы и самого сиятельного князя, разъезжающего таким же образом в препровождении своих гусар и места сии осматривающего.

Посмеявшись тому, что мой спор так рано его превосходительство поднял, не знали мы, что делать: далее ли к нему ехать или остановиться; но как, несколько постояв и покружившись на одном месте, стал чрез речку переезжать к нам, то рассудили мы за лучшее вернуться домой и послали на спорное место только старосту, сказать, буде князь спросит, что это ездил г. Хитров для показания, которые десятины сеять, что и действительно было.

Возвратившись в Домнино, будили мы спавшего еще землемера и спешили скорее ехать на межу, сказывая, что князь уже на меже и нас дожидается. Но со всем нашим поспешением мы не прежде, как чрез три часа выехали, ибо хозяйка вздумала нас еще накормить, и мы порядочно пообедали; что и случилось весьма кстати, ибо без того было бы нам тошно, лихо.

Наевшись и напившись досыта, поехали мы, наконец, на межу и на самое то место, где в навечерии того дня записан был мною спор, то есть у первого Шахова верха. Тут надлежало мне начинать отводить мой спорный отвод, а княжим разводиться по алексинскому рубежу с домнинским. Но поверенные княжие не смели без повеления его ничего делать, а поскакали тотчас за ним.

Он находился тогда посреди своей Неволочи, где, как мы после увидели, была для его сиятельства разбита палатка; и мы вскоре после того увидели самого его к нам с пышностью едущего.

Межевщик никогда еще его не видывал, и потому, желая оказать ему как генералу почтение, подбежал было к нему с своим нижайшим поклоном; но как увидел, что князь не только не сошел с своего коня, но стал обходиться с ним чрезвычайно гордо, то, перестав его уважать, приступил к своему делу.

Князь не долго мешкал, но опрокинулся* на меня и стал мне гордо выговаривать, для чего я завожу спор. Выговор его для меня был весьма чувствителен, но я, скрепив сердце, ответствовал ему учтиво и дружелюбным образом, говоря, что делаю сие против своего хотения и по самой необходимости и более потому, что в деле сем я не один участник, и что сверх того не можно нам отстать от сего давничного спора в рассуждении волостных, заспоривших у самих нас множество земли.

Долго мы тут с ним проговорили и, наконец, не

---

*Накинулся.

согласясь ни в чем, пошли далее. Мы все шли пешком, а князь ехал подле нас верхом и разводился сам с Хитровым; по пришествии ж к настоящей речке Язовке ужаснулся он, услышав, что и домнинские и татарские, согласно со мною, назвали ту речку Язовкою, чего он никак не ожидал.

Я написал тут превеликую в подтверждение моего спора и показания оговорку, а он ответствовал против того сам. Тут распрощались мы с Хитровым, который по причине, что его земля осталась позади, от нас отстал, а я повел свой отряд кругом Неволочи.

Пришедши к самому устью, где обе вершины стекаются и откуда речка Язва вниз была уже бесспорная, начал князь много говорить к утверждению, что его речка имеет более течения; также приговаривал, чтоб я сказал, какая земля была налеве, и говорил, что она не Шаховская, а какая — то он знает, но теперь говорить еще о том не хочет.

Я догадывался к чему сие клонилось, однако не имел причины принуждать его далее объясняться, ибо оттого произошла б для меня великая опасность; но паче радовался духом, что князь умничанием и молчанием своим упускал наилучший к произведению замысла своего случай.

Дело состояло в следующем: домогаясь узнать, отчего бы в наших дачах, а особливо в самых сих местах, был бы у нас пример, добирался я понемногу из старинных писем, что в тех местах, где мы тогда называли пустошь Шахово, были в старину еще некакие пустоши, а именно пустошь Малаховская, пустошь Красная, пустошь Малая Неволочка, пустошь Котел и еще некоторые; но думать надобно, что они

предками и стариками нашими во время писцов утаены и все включены в одну пустошь Шахово.

Обстоятельство сие было мне потому известно, что при бывшем спустя лет с 50 после писцов межеванье пустоши Ермаковой, принадлежавшей князьям Горчаковым, прикосновенной одним боком к пустоши нашей Воронцовой, предки сих же князей Горчаковых, бывшие всегда нашими неприятелями, объявили, что та наша пустошь не Воронцова, а пустошь Малаховка и другие, о которых де от их и челобитье к государю имеется.

В подтверждение сего служило и то, что старики наши, в прикрытие своей утайки, при бывшем три года после писца отказчике*, велели ему написать в пустошах Шахове, Воронцове и Гвоздеве поверстного леса две версты вдоль и на версту поперек, которого в писцовых книгах совсем не упоминалось, и как думать надобно, то они после с князьями Горчаковыми каким-нибудь домашним образом разделались и оною утаенною землею поделились, и может быть, при тогдашнем же случае дошла до их рук спорная Неволочь.

Всему тому служили и тогдашние слова княжие подтверждением, ибо он упоминал о какой-то домашней сделке и о сих пустошах, только не называя оных и не приказывая и мужикам говорить, что все приводило меня в немалое беспокойство, и я, как сначала, так и тогда не рад был, что связался с ним спором.

---

*Отказчик — чиновник, вводящий на основании указа во владение.

Между тем, как сие происходило, переменилась погода и пошел сильный дождь, но мы принуждены были продолжать межеванье, ибо князь присутствием своим связывал нас по рукам и по ногам. Все мы перемокли, все устали впрах, ибо не можно было при нем ни сесть, ни отдохнуть, ни посмеяться, ни побалагурить по обыкновению.

Самому межевщику присутствие его было крайне неприятно; он злился на него за непомерную гордость и пошептом* проклинал его всячески. Со всем тем нечего было делать, князь не отставал от нас ни на минуту, и ходил, и мок с нами вместе.

Смешно было только то, что он дивился мне и всем нам, как мы не евши так долго терпим, не ведая того, что мы уже пообедали. Но как бы то ни было, но он целый день не евши и не пивши с нами пробыл и отзывался, что сей день ему так труден, что хотя б было то и под Бендерами**, а мы только взглядывали друг на друга и улыбались.

По окончании нашего спорного отвода пошли мы с ним вниз по течению речки межеваться бесспорно. Но как стал я назначать конец пустоши Шаховой и начало пустоши Воронцовой, то он оспорил и говорил, что Воронцово начинается еще далее.

Сие меня встревожило. Холодный пот оросил чело мое, и в груди встрепетало сердце: ибо я того и смотрел и ждал, что он возобновит показания своих предков и станет называть те пропавшие пустоши;

---

*Про себя, шопотом.

**Бой под Бендерами, в турецкую войну.

и для того, подходя к сумнительной для меня воронцовской вершине, попросил тихонько межевщика, чтоб он тут сделал межеванью в тот день окончание и перестал межевать, и межевщик в сем случае был так ко мне благоклонен, что охотно желание мое выполнил и межевать перестал; а сие и принудило нас разъехаться и не допустило князя до замышляемого им объяснения.

Как межеванье наше было на несколько дней отсрочено, то на утрие, проводив приезжавшего ко мне и у меня ночевавшего гостя и отпустив тещу свою в Дятлово, где у госпожи Иевской начиналось свадебное дело, принялся за циркуль и транспортир и начал все оспоренное мною место, по запискам своим всех линий и румбов накладывать на план и по исчислению нашел, что было в нем 55 десятин, а в последующий за сим 5-й день августа положил я на досуге объездить всю внутренность наших дач, дабы можно было заблаговременно назначить границы пустошам и позаметить для себя нужные места.

На другой день после сего был у нас известный праздник преображения Господня, и я, будучи у обедни, имел случай видеть опять соперника моего князя, который казался мне час от часу горделивейшим и не удостоил меня ни единым словом.

По возвращении домой имел я неожидаемое удовольствие узнать от заезжавшего ко мне второкласного землемера г. Сумарокова, Александра Никифоровича, что на утрие начнется у нас опять межеванье, но что уже не г. Лыков, а он будет домежевывать дачу нашу.

Сия неожидаемость обрадовала меня чрезвычай-

но, ибо как землемер сей был малый очень добрый и мне дружен, то готов я был с ним ехать всюду межеваться, поелику не он, а я мог быть всему главною пружиною.

Со всем тем не был я в сей день освобожден от забот и беспокойства и имел важную причину четырех вещей опасаться: во-первых, чтоб князь не объявил возражения о пустошах и не назвал бы Воронцовскую вершину Малаховскою; во-вторых, боялся я чрезвычайно, чтоб по пустоши Ермаковской, которую в сей день межевать надлежало, котовские не завели со мною спора, и боялся более потому, что в сей пустоши был у меня снят план, и мне по измерению оной известно было, что в ней десятин около сорока недоставало, следовательно, боялся я, чтоб в случае произведенного от них спора не принуждено нам было заблаговременно с ними мириться и им сей недостаток из своих дач наполнять.

В-третьих, устрашали меня живущие при церкви нашей и церковною землею владеющие бездельники бобылишки*. Сии, не зная ничего, не ведая, приняли намерение спорить со мною и с пустошью Ермаковскою. Слухи о том доходили до меня верные, и мне сказывали, что они осматривали уже и места и хотели неотменно спорить.

Спор от самих их собственно был мне не страшен, потому что в церковной земле был излишек; но я для того сих споров боялся, что они, связавшись со

---

*Бобыль — безземельный крестьянин, бедняк, бездомный, бесприютный человек, батрак.

мною и с пустошью Ермаковскою, свяжут и меня с оной, и я принужден буду наполнять Ермаковскую пустошь или, по крайней мере, уйдет в нее весь пример церковной земли, которой хотелось мне сберечь для наполнения им великого недостатка нашего отхожего* луга, находившегося за церковью.

В-четвертых, и всего более, страшился я княжова спора по пустоши Хмыровой, о которой я нимало не сумневался, но считал за верное, что он воспоследует, потому что от князя имелась на нас в подаче о том исковая челобитная.

К тому ж я его задрал, а сверх того имел он и потому наивеличайший резон спорить, что по глазомеру не сомневался в том, что в прикосновенной к сей пустоши даче сельца его Злобина будет недостаток.

Вот коликих опасностей должен я был в один день страшиться; а предварял о том некоторым образом и межевщика, и просил о вспоможении, в нужном случае, а между тем, однако, заготовлял замечания о том, что говорить на меже и чем защищаться, утешаясь, по крайней мере, тем, что межевщика имел по сердцу, в которой надежде и не обманулся. Межеванье, против всякого чаяния моего, происходило в сей день с таким вожделенным успехом, какого я и воображать себе не отважился.

Первое, что меня обрадовало, было то, что мы, приехавши на межу, увидели, что тут самого князя не было, и услышали, что его и не будет.

Я очень тому рад был, ибо глупого его поверен-

---

* Отхожие земли — особые, не входящие в надел.

ного я не боялся, а опасался только, не дана ли ему письменная инструкция; однако, по счастию, и того не было.

Увидев сие, спешил я, чтоб скорее иттить и миновать помянутую сумнительную вершину, и мы прошли ее благополучно; итак, страх мой о Малаховской пустоши исчез, и опасность миновала совершенно.

Потом стали мы разводиться с котовскими по пустоши Ермаковской. Тут употреблял я все, что мог к тому, чтоб они не заспорили; и для того в уравнении земли и рубежа немного хлопотал, но делал им везде маленькие уступочки, чем котовские мои соседи были и довольны, боясь, по счастию моему, сами того, чтоб я у них не заспорил, ибо думали, что у них великий пример будет.

К тому ж я заблаговременно употребил хитрость и приласкался чрез письмы ко владельцу их, князю Павлу Ивановичу, так что его удачно усыпил, и он не велел нигде спорить. Сим образом избежал я благополучно и сей второй опасности.

Подходя потом к церковной земле, приметил я, что бобыли хотят нас встречать своим спором.

Сие меня встревожило, и я принужден был поспешить как можно скорее провесть межевщика мимо сего опасного места и загородить оставшие ворота*, и, по счастию, мне и удалось произвесть сие желаемым образом. Поверенный бобыль был мужик не проворный, прозевал удобнейший к тому случай и стал, упустя время, подавать сказку.

---

*Фигуральное выражение: закрыть последнюю лазейку.

При сем случае сделал мне межевщик великое одолжение, промедлив приниманием сказки, под видом сумнительства, и не хотя будто иметь с ними дело до тех пор, покуда дошли уже до церковной земли.

Тогда мне было уже легче: к тому ж, обрадовался я, узнав, что бобыли не со мною, а только с Ермаковскими хотели спорить; но, по счастию, ни того, ни другого спора не было, и мы размежевались и с церковною землею хорошохонько.

Таким образом, миновала благополучно и третья опасность, и остался один князь-генерал, которого я как огня боялся.

Сердце во мне встрепетало, когда мы, размежевавшись с котовскими везде бесспорно, приближались ко Злобинской земле, где спора ожидал я бессомненно. И я так был в том удостоверен, что вознамеривался уже заблаговременно, в случае ежели князь заспорит, подумавши, отказаться от Неволочи.

Между тем как мы, подходя к сему месту, размежевывались бесспорно с котовскими, имел я неожиданную досаду от котовского поверенного, который так был глуп, как скотина, и мы с ним о самых безделицах, об уравнении межи прокричали неведомо сколько.

Наконец дошли мы до Хмыровской пустоши и примкнули к черному столбу, поставленному волостными в том месте, где, как прежде я упоминал, сделали они наивеличайшую погрешность и пересекли совсем спором нашу дачу.

Тут опять мне посчастливилось чрезвычайно. Злодей мой приказчик волостной сам уже осмотрелся,

что он сделал дурно, и для того хотел было опять какие-то тут делать каверзы, и мне было бы то очень досадно, но, по счастию моему, его тогда с нами не было, и ему было недосужно: видно, что сам Бог начал меня от него защищать.

Итак, мы без него благополучно ту важную межу и прикосновенность котовской земли утвердили, и черные столбы выкинув, поставили белые.

Миновав сие важное место, приткнулись тотчас мы ко Злобинской земле. Я надеялся застать тут самого князя; однако возрадовался, увидя, что его нет, а того более примечая, что у них никаких приуготовлений к спору не было. А твердили они только, что князь приказывал ничего своего не уступать.

Со всем тем сделалось было помешательство. Время клонилось уже к самому вечеру, и солнце было на закате. Поверенные Злобинские просили межевщика, чтоб он отложил межеванье до другого дня; но как мне тогда каждая минута была дорога, и мне хотелось ковать железо, покуда оно было горячо, то есть межеваться без князя, то шепнул я межевщику, знающему довольно мою нужду и надобность, чтоб он не переставал, а спешил бы как можно домежевать оставшуюся дистанцию.

Как сказано, так и сделано! Межевщик мой не пошел, а полетел, а я, чтоб меньше было остановки и чтоб заслепить глаза Злобинским, начал везде делать уступки: где на борозду, где на пол-осьминника, и межу, и ямы клал все своей земле, не жалея оной.

Злобинские мои тем так были довольны, что надавали мне тысячи благословений, а я сам в себе думал и говорил:

— Не спорьте только, друзья мои, а я за безделицей рад не стоять, теряйте только большое.

Межевщик мой только усмехался, видя мое проворство, уловку и желаемую удачу, а я с каждою минутою власно как на вершок прирастал.

Но едва было едва не разрушилась вся моя лестная надежда. Вдруг заговорили, что сам князь едет!

«Экое горе! — вскричал я тогда сам в себе. — Что бы ему еще немного погодить.»

А уже немного оставалось, однако было еще довольно места, где спорить.

«Быть так, — думал я сам себе, — брошу ему безделицу, если немного заспорит, а избегу только спора.»

Но не то сделалось, что я думал и чего ожидал. День сей на то пошел, чтоб мне быть в совершенном удовольствии.

Князь мой не только чтоб затевать и начинать спор, но будучи в сей раз совершенным агнцем, в одном месте сам, без просьбы, хороший лоскут земли мне прибавил, и мы развелись с ним, как водою разлились.

Признаюсь, что я сам себе не верил и не понимал, откуда бы происходило такое его смирение, а для меня неожидаемое благополучие и удача, и благодарил только Всевышнего, что он, против чаяния моего, избавил меня от наиопаснейшего во всем межеваньи для меня обстоятельства. Таким образом, затворивши ворота со всех сторон в свою дачу и окончив межевать уже ночью, в полном удовольствии поехал я домой с межевальщиком ужинать.

С князем распрощались мы, как приятели, и я надавал ему тысячи благословений; а, правду сказать, имел к тому и причину.

Глазомер мой меня не обманул, и в его Злобинской даче, как я после узнал, действительно десятин около пятидесяти недоставало, которыми принуждены б были мы не только поплатиться, но и заплатить завладенные деньги.

Доискиваясь причины тому, для чего он не спорил, услышал манием* я, что он сперва и хотел было спорить, но увидев, что волостные большую часть Хмыровской пустоши к себе прихватили спором, заключил, что ему уже не осталось тут спорить.

Итак, волостные помогли мне в том своим спором, и из мнимого худа, по особливому распоряжению благодетельных нам судеб, вышло для нас неожидаемое и великое добро, как вы после о том обстоятельнее услышите.

Таким образом, приехав домой, привез я домашним моим радостное известие о благоприятном и, сверх великого чаяния, удачном разводе со всеми нашими соседями.

И как мы нашли тут и семейства моих деревенских соседей и ближних родственников, нас с межи дожидавшихся, то все они обрадованы были тем до бесконечности и все наперерыв благодарили межевщика за оказанное нам с его стороны вспоможение. И как товарищи мои не менее были довольны и мною, и всеми моими об общей даче стараниями,

---

*Невзначай.

то благодарили они и меня, и не могли довольно выхвалить всего моего проворства и уловок, признаваясь, что без меня принуждены б были они пить горькую чашу и что они при всем межевании сем были только свидетелями и ничего, собственно, сами не делали и ничему хорошему успеху не поспешествовали.

А не менее и я рад был, что имел случай им всем услужить. Итак, ужин в сей день был у нас очень веселый, и день сей был прямо достопамятным для всех соучастников в наших дачах.

Но как письмо достигло уже своих пределов, то дозвольте мне теперь на сем месте остановиться и сказать вам, что я есмь ваш, и прочая.

ПРИЗЫВ МЕНЯ В КАШИН

ПИСЬМО 142-е

Любезный приятель! Описав в предыдущем письме межевание наших дач, или паче обойдение вокруг оных и отделение их от посторонних владений, скажу теперь вам, что сим межевание наше далеко еще не кончилось, но предлежали нам еще многие хлопоты и в рассуждении оного заботы.

Кроме того, что оставалась еще маленькая луговая отделенная дачка, лежащая за церковью не обойденною и неотмежеванною, самые разные наши пустоши внутри дачи не были еще разрезаны и отделены друг от друга.

Произошло сие, как я вам уже упоминал, от погрешности межевщика или паче от того, что ему хотелось скорее нашу дачу обойтить кругом, дабы по положении на план можно было по исчислению узнать, сколько у нас всей земли вообще было, и, с тем сообразуясь, принимать меры и к примирению нас с волостными, которым он, будучи ими задарен, толико благоприятствовал.

Может быть, думал он устрашить нас огромностью дачи и великостью числа сей земли и чрез то удобнее преклонить нас к уступке волостным заспоренной земли.

Однако попал он не на таких людей, которые бы слепо дали ему водить себя за нос, но которые разумели и сами сколь-нибудь все межевые дела и уставы. И потому, продолжая об ошибке его молчать и приняв вид, будто бы я совсем оной не приметил, ожидал я, что, по окончании помянутого обхода кругом нашей дачи, он предпримет и нашу ли внутренность будет размежевывать или обратится куда в иную сторону.

По надлежащему, надлежало бы ему приступать к первому и стараться как можно скорее ошибку свою исправить, чего и надлежало тогда ожидать.

Но, как удивился я, услышав, что межевание опять на несколько дней отсрочивалось и что г. Лыков разъезжал только по гостям, давал себя везде угощать и потчивать, а не предпринимал ни того, ни другого и ни сам не межевал, ни своего помощника, помянутого второклассного землемера г. Сумарокова, не заставливал.

Более десяти дней продолжалось такое его бездействие, и мы, находясь в беспрерывном ожидании, не знали, что о том и думать и заключать, и внутренно досадовали на межевщика за сию почти непростительную медленность.

Более же всех была она мне чувствительна, ибо домашние мои обстоятельствы привлекли меня в другое место и требовали неотменно скорого отсутствия моего от дома.

Племянница моя, Травина, прислала ко мне около сего времени нарочного человека из Кашина с уведомлением, что мачеха их приехала уже в Кашин и неведомо как просила, чтоб я поспешил к ним сво-

им приездом для сделки с нею, в рассуждении следуемой ей к получению указанной части из имения умершего моего зятя, а их отца, и которую часть племянницам моим у ней купить хотелось.

Итак, надлежало мне неотменно туда съездить; но как можно мне было отлучиться при тогдашних обстоятельствах и при неоконченном еще межевании и отъехать в самый критический момент времени?

Признаюсь, что призыв сей меня очень смущал, будучи весьма неблагоприятным. Но мы не успели еще собраться духом, как глядим, смотрим, прискакал другой гонец из Кашина, и племянница всеми святыми умоляла меня, чтоб я поспешил как можно скорее своим приездом.

Она писала ко мне, что мачеха их была у них в доме, что несет пыль непомилованную* и не хочет никак продавать им своей части, и дала им сроку только на десять дней до моего приезда, и что самое сие побудило ее послать ко мне еще нарочного и просить, чтоб я поспешил к ним для самого Бога.

. . . .
. . . .
. . . .

. . . . Приезжал ко мне помянутый второклассный землемер, г. Сумароков, и удивил извещением, что г. Лыков уехал межевать Новашану, а в тутошних местах все поручил окончить ему, но что он не под каким видом не вступит в размежевание наших пустошей, ибо надобно знать, что г. Лыков погреш-

---

*Несет немилосердную чепуху.

ность свою, наконец, усмотрел и не знал уже, как приступить к сему делу и поправить оное.

Сие повергло меня в новую заботу и беспокойство. Я видел, что размежевки сей мне долго не дождаться, а в Кашин ездою неотменно поспешить надобно, и потому не знал, что делать.

Г. Сумароков советовал мне ехать, обещая без меня не межевать и дожидаться моего приезда, а и о Лыкове уверял, что он без меня межевать не станет.

Итак, хотя и не хотелось, но принужден я был следовать сему совету и пуститься на отвагу; а просил только сего добродушного землемера о неоставлении меня по Тулеинской даче своим вспоможением, ибо боялся, чтоб мне не лишиться там моей примерной земли, что весьма легко могло стать по причине недостатка в тамошней церковной земле, которою завладели савинские; и землемер дал мне обещание исполнить все возможное, в чем по добродушию своему и сдержал слово.

Итак, решился я через два дня после того отправиться в путь и начал в оный тогда же собираться. Но тут долго не знал я, одному ли туда ехать или, как прежде думали, взять с собою и жену мою. Но как, с одной стороны, от продолжавшихся тогда частых дождей дорога сделалась чрезвычайно грязной и в большом экипаже ехать было трудно, а с другой, по умножившимся в доме у меня болезням, не было ни одной здоровой девки, которую бы ей с собой взять можно, а сверх того и племянница моя все еще была больна; но, к удовольствию моему, и сочли все брать мне жену с собой за невозможное, и я решился ехать уже один и налегке в путь свой.

В сих суетах получил я еще новую заботу. Приехал нарочный гонец из Шацкой нашей деревни с уведомлением, что и там межевщик приближается, и чтоб я и туда ехал.

Сие навалило на меня новое горе; однако, как ехать туда никоим образом было не можно, и к тому ж и звали не слишком усильно, а сверх того ехал туда и без того брат мой Гаврила Матвеевич, то препоручил я ему сию комиссию, и на случай приезда землемера дал нужные во всем наставления, а другое такое ж наставление и письменную, так сказать, инструкцию оставил соседу своему Матвею Никитичу, в рассуждении размежевки наших пустошей, на случай, если паче чаяния, межевщик захочет без меня межевать наши пустоши.

И распорядив сим образом все свои дела, не стал долее медлить, но распрощавшись со своими домашними и предав все свои дела в произвол судьбы, в предпринимаемый путь и отправился.

. . . . окончу уверением, что я есмь ваш, и прочая.

СВАДЬБА ВОЛОСАТОВА

ПИСЬМО 146-е

Любезный приятель! . . . . пойду теперь далее и буду рассказывать, что происходило со мною далее в достальное время сего года.

К особому удовольствию моему при возвращении своем* в дом нашел я всех домашних своих здоровыми . . . . а что всего приятнее для меня было и межевые дела в хорошем положении.

Межевание в отсутствие мое хотя и продолжалось, но межевали все не наши, а прочие, неподалеку от нас лежащие, селения и дачи; а между прочим и дачу деревни моей Тулеиной, в рассуждении которой с удовольствием услышал я, что обмежевана она бесспорно, и вся примерная в ней земля не подверглась чрез то опасности. Что ж касается до наших пустошей, то до них в отсутствие мое не касались, и они все еще оставались неразмежеванными.

Как вскоре после приезда моего наступил день моего рождения и имянин, и мне наступил 33-й год от рождения, то последний праздновал я по обыкновению приглашением к себе всех наших друзей и со-

---

*Из Кашина.

седей и сделаньем для них деревенского пира; и было их в сей раз довольное количество в собрании.

Отпраздновав сей праздник, принялся я за сады свои и старался все оставшееся осеннее время употребить в пользу произведением в них кое-каких делишек, сколько могли мне дозволять погоды; но наступившие вскоре после того морозы положили предел и сим осенним трудам моим и обратили внимание мое к другим и важнейшим предметам.

Поелику морозы и осенние непогоды сделали и продолжению межевания остановку, то господа землемеры, по обыкновению своему, принялись за сочинение обмежеванным землям планов и за исчисление всех оных, а потом за примирение всех споривших между собою; а по сему порядку скоро дошло дело и до меня.

. . . .

. . . .

В приятных и почти ежедневных сельских занятиях и невинных увеселениях и не видали мы, как прошло несколько дней вновь наставшей зимы, а вскоре за сим завелись у нас в соседстве опять свадебные дела.

У живущего неподалеку от нас, в деревне Средней Городни, незажиточного дворянина и жены моей дальнего родственника, г. Лихарева, по имени Алексея Игнатьевича, была дочь на возрасте; за нее сватался также небогатый и молодой дворянин, из фамилии Волосатовых. И как партия оказывалась сходная, и они решили девушку за него отдать, то, по назначении дня к сговору, приглашены мы были как ближние родственники на оный и упрашиваемы

помочь им в сем случае всем возможным, на что мы охотно и согласились.

Но, о! Далась нам сия свадебка! Было тут много всякой всячины, почему не за излишнее почитаю рассказать об ней подробно.

Как сговор назначен был в самый михайлов день, то есть 8-го ноября, то вместо того, чтоб праздновать сей день у брата Михаила Матвеевича на именинах, поехал я с женою своею к г. Лихареву.

Нам надлежало поспешить туда к обеду, однако мы, как знали, дома порядочно позавтракали, ибо сговором продолжалось дело до самого почти вечера, и мы обедали почти уже при огне. Впрочем, и сговор сей нам был уже не очень приятен.

Жених был человек молодой, служивший в гвардии капралом, и самый сущий гвардионец или, прямее сказать, удалой молодец. Гвардия наша как-то редко производила тогда хороших людей, и нравы у молодых более портила, нежели исправляла. Словом, он мне с самого начала не очень показался. И самые первые его и предводителей его, из коих один другого был удалее, поступки не предвещали мне ничего хорошего.

С ним было товарищей двое: один некто г. Нечаев, по имени Фома Иванович, человек не молодой, простой, не дальних замыслов, отставной драгунский офицер; а другой истинно не знаю кто такой, а только знаю, что был того еще старее, того еще простее, того незамысловатее и беднее, в овчинной шубе, покрытой зеленым солдатским сукном. Вот вся его свита, сторона и предводители, и от таких людей можно-ль ожидать чего хорошего и порядочного.

С нашей же стороны было таки изрядное собрание. Был я с женою, был Ладыженский с женой, была еще одна госпожа, свояченица хозяйская, и у нас все было, как водится, к сговору приготовлено, но все пошло как-то не ладно.

Жених приехал не во время и очень еще рано, так что невеста не начинала еще и одеваться; итак, принужден он был несколько часов дожидаться.

В сие время не могли мы никак усадить жениха. Будучи очень зябок, стоял он все у печи и шалберил* совсем некстати и так, как жениху в таком случае нимало не пристало. Разговоры же и поступки его с нареченным тестем были мне очень удивительны.

Однако, как бы то ни было, наконец сговорили мы их и обедали потом порядочно и как водится. Но удивительно было только то, что жених ничем не дарил невесту, да и вовсе на нее не смотрел и ничего с нею не говорил, одним словом, и не походило на то, чтоб он жених был.

После стало было нам таково ж скучно, как и до обеда; говорить было не с кем, а вместо музыки догадало г. Нечаева заставить бывшего тут попа пропеть что-нибудь; а тот, будучи тому рад, и ну орать с картавым своим сыном, а г. Ладыженский им подтягивать.

Признаюсь, что сего рода увеселения в компаниях совсем для меня неприличными и всего скучнейшими казались, а особливо некстати было петь на сговоре. Итак, я, удалившись, в скуке сидел подле печ-

---

* От шаль — дурь, дурить, бить баклуши, бездельничать.

ки и грелся между тем, как ходили рюмки. Однако все сие шло-таки так и сяк, но наконец жених все подгадил.

Вышедши в другую половину, снесло их с нареченным тестем, и они начали говорить о рядной* и о подписке оной. Жених не хотел подписывать прежде, покуда не женится, а тесть тем был недоволен. Итак, слово за слово и дошло у них до крупного.

Мы также, человек по человеку, собрались туда же, и вскоре крупный разговор сделался общим. Я, как ни был в таких случаях молчалив, однако не мог вытерпеть, чтоб тут же не вмешаться, а особливо когда жених, оставив всю благопристойность в сем случае, врал нелепую и хотел сделать всех нас несмыслями, а одного себя умным.

Итак, принуждены мы были ему доказывать, что мы не пешки и что и он на нас не на дураков напал. Сей вздор продолжался более часа и доходило до хорошей брани, и, наконец, расстались ни на чем и не очень гладко, так что мы и не знали, что последует после.

Проводив жениха, спешили мы ехать домой и досадовали, что помянутый вздор продержал нас до ночи. Ехать нам было хотя недалеко, но очень дурно, а притом было чрезвычайно холодно и морозно.

Мы приехали на санях, и как должны мы были при переезде через реку Трешню спускаться с прескверной и крутой горы и через самую ее переби-

---

* О рядной записи — перечне приданого.

раться на скверном и беспокойном переезде, то, по случаю беременности моей жены, озабочивался я очень ее положением и боялся, чтоб она себя не повредила; однако мы переправились и доехали до самой деревни благополучно.

Тут рассудилось нам заехать на вечер к имяниннику; но как сказали нам, что нет никого дома, и хозяевы со всеми гостьми своими уехали к Матвею Никитичу, то проехали и мы туда и там заменили в скуде* проведенный день провождением вечера очень весело в разных играх и увеселениях, где, наконец, мы и ужинали.

Превеликая стужа, соединенная с ужасною мятелью, принудила нас оба последующие дни проводить дома. . . . Между тем собирались мы ехать на помянутую свадьбу, которой положено было быть скоро.

Сия свадьба приближалась к нам, как гора некая, и я могу сказать, что никогда не езжал я с такою неохотою, как сей раз, не для того, что были они люди небогатые, но для того, что жених-то казался быть беспутным, а и о самом тесте не знали мы как судить, и потому другого и ожидать было не можно, кроме вздора и беспутицы, а к тому ж и крайняя дурнота погоды умножала до того смущение, что помышляли мы уже о том, чтоб отказаться. Но приехавшая к нам невестина мать и со слезами нас для самого Бога просящая, чтоб ее в сем случае не оставить, принудила нас согласиться на ее просьбу, и

* Скудно, грустно, невесело, неприятно.

не только дать слово самим на утрие ехать для провождения невесты к церкви, но и дать ей в тот же еще день, для отвоза приданого, людей и женщину, долженствующую отправлять при том должность так называемой барской барыни.

Таким образом, в последующий день надлежало нам на свадьбу сию ехать. Погода была в сей день наисквернейшая: превеликая мятель соединена была с жестокою стужею и с сильным ветром; словом, такая, какой хуже быть не можно и в какую выбитые со двора не ездят. Истинно, как говорится, рубль бы от души дал, чтоб только не ездить; но как миновать было никак не можно, то с самого утра начали мы собираться в сей путь и горевали с женою, как быть и как ехать.

Мы приехали часу в одиннадцатом в Городню и нашли уже там приглашенного к тому же г-на Ладыженского, упражнявшегося с хозяином в считании денег.

На сговоре условлено было, чтоб отец дал некоторую сумму наличных денег, и тут встречен я был неприятным известием, что бедняк г. Лихарев как ни метался всюду и всюду для отыскания помянутых денег, но не мог никак отыскать всего количества, и что недоставало еще 60 рублей в ту сумму, которую нам с собою взять надлежало по договору.

Обстоятельство сие было для меня тем неприятнее и сумнительнее, что всем нам было известно то, что жених именно отзывался, что он ни в полушке более 20-ти рублей в долг не поверит.

Итак, предвидел я и не сумневался, что в церкви произойдет сумятица, а потому и не хотелось мне

крайне ехать, и я действительно не поехал бы, если б было можно. Но как приданое было уж услано и не ехать никак было не можно, то с общего совета положили мы приготовить и взять в недостающем числе от отца вексель в той надежде, что, по крайней мере, уговорим жениха, когда не тестю, то нам поверить.

Итак, сыскав перо и бумагу, посадили мы господина Руднева за стол и велели писать вексель.

Между тем, как сие происходило, подъехала к нам приглашенная к тому ж хозяином г-жа Звягина с сыном.

Госпожу сию звали Анною Игнатьевною, и мне хотя случалось ее несколько раз видеть, но знакомства с нею не было, а сына ее я в первый раз еще тогда видел. Его звали Егором Ивановичем, и был он человек молодой, гвардейский офицер и малый добрый.

Рад я неведомо как был сему приумножению нашей компании, а особливо, что с нами была почтенная и такая боярыня, которая умела говорить и в нужном случае требования уважить. С сыном же ее мы тотчас познакомились и сочлись еще роднею, а именно, что жене моей доводился он правнучатый брат. Но сдружило нас не столько сие, как то, что мы нравами были несколько между собою сходны.

Приезд сей госпожи был мне и по другим двум обстоятельствам приятен, во-первых, что привезла она с собою еще 25 рублей денег, и хозяин, прыгаючи почти от радости, сообщил нам о том известие; и как недоставало тогда только 15-ти рублей, ибо в 20-ти рублях хотел жених уже верить, то и думали

все мы, что неужели будет он так бессовестен, что нам всем и в пятнадцати рублях не поверит.

Во-вторых, и что всего для меня было приятнее, то жена моя могла тогда от сей трудной, беспокойной, и по тогдашнему дурному пути, ей в рассуждении беременности ее небезопасной поездки избавиться, ибо было тогда и кроме ей кому с нами ехать, на что после некоторых затруднений все были и согласны и ей остаться дозволили.

Между тем приближалось время уже к вечеру и мы, пообедав тут, спешили ехать; но со всем тем не могли прежде отправиться, как уже в сумерки, так что не успели еще доехать до большой дороги, как совсем уже смерклось.

Теперь рассудите, каково было нам ехать темною ночью и по самой скверной дороге. Со всем тем ехать нам было не скучно: все мы четверо, то есть, я, г. Звягин, Руднев и г. Ладыженский сели в один возок, а невеста с госпожами ехала в другом, и как говорится в пословице, что на людях и смерть красна, то было тогда то же и с нами.

Езда была как ни беспокойна, но как с нами был г. Ладыженский, то шутливый и веселый его нрав нас всех и заставливал беспрерывно хохотать и смеяться и чрез то менее чувствовать неприятности, с путешествием сим сопряженные.

Езда наша продолжалась большою тульскою дорогою на немалое расстояние, ибо положено было венчать в оном волостном селе Егорье, неподалеку от Азаровки находящемся, куда едучи как ни старались мы спешить, но не прежде могли приехать, как уже очень поздно и часу в десятом вечера.

Первая наша забота была, чтоб узнать, тут ли и приехал ли жених. И как нам сказали, что он давно уже тут и нас у попа в доме дожидается, то имея нужду с ним прежде переговорить, пошли мы к нему; и тогда началась такая комедия, какой я во всю жизнь не видал и не уповал видеть и которую изобразить точно перо мое далеко не в состоянии.

Господина жениха застали мы в переднем углу спящего, и по разбужении ломающегося, вихляющегося и, как казалось, о нескором нашем приезде в крайнем неудовольствии находящегося.

Свита его состояла из двух только человек: один был молодчик молоденький, г. Хрущев Федор Гаврилович, а другой прежний стариченца г. Барщов. Первый из них, порядочным образом раздевшись, спал и стал при нас только одеваться, а второго сначала мы и не видали.

Поздоровавшись, начали мы тот час говорить, чтоб приступить к делу; но не успели сказать, что деньги не все, и что мы в 35-ти рублях произвели вексель, как жених наш в гору,* и предчувствие мое совершилось во всей мере.

Он не только в 35-ти рублях, но ни в одной полушке не хотел нареченному своему тестю верить. Мы так, мы сяк, но он не туда. Наконец дошло до того, что он и векселю тестеву в 20-ти рублях не хотел верить, а требовал от Ладыженского, чтоб он дал ему вексель на себя, а мы бы засвидетельствовали и поручились.

---

*В смысле — на дыбы.

Мы говорили, чтоб он и в 15-ти рублях поверил, но не тут-то было. Он не хотел никак верить. Мы все уже ручались в том и хотели дать ему вексель на себя, но он ничему не верил, такая шаль неслыханная и дуралей неизобразимый!

Как ни у кого из нас денег не случилось и помянутых 15-ти рублей взять было негде, то при таком неслыханном жениховском упрямстве и неверии другого не оставалось, как ехать от церкви с невестою прочь; но мы не успели о том промолвить, как глядим, начал поп собираться ехать.

Досадно нам тогда неведомо как было, и по елику нам в самом деле прочь ехать не хотелось, то хотя и озлились мы на жениха нашего за его неуважение ко всем нам и глупейшее неверие, однако положили еще раз испытать и употребить к уговариванию его все усилия.

Но что мы ни говорили и хоть часа два с ним провозились, но не могли ничего сделать. Поговорим и побраним его, да и пойдем к боярыням, сидящим у дьячка, горевать и ругать заочно жениха; а между тем другой ругал его в глаза, но он не смотрел и на то нимало, был как сущий столб и нимало на все наши убеждения не склонялся.

Наконец, как мы уже хотели совсем ехать и стали требовать назад приданого, то насилу-насилу изволил он согласиться поверить до последующего дня и то одному только г. Звягину под строжайший вексель.

Что было делать? Принужден был тот писать оный. Но того было еще не довольно, и он требовал, чтоб все мы в поручительстве подписались. Досадно

было нам все сие чрезвычайно, и мы назло ему сего уже не сделали и его не послушались.

Таким образом, уговорив нашего быка, велели мы принесть деньги. Большая половина была их медных, однако он не только без счету не хотел принимать, но и считать никому не поверил, кроме самого себя.

Итак, начал их считать, а мы между тем досадовали и только его бранили, ибо и за сим считаньем принуждены были долгое время еще мешкать.

Наконец, увидел он, что дурно и что дурачество его уже из границ выходило, не стал более считать и поверил под поручительством нашим и, запечатав мешки, отдал слуге, а сам, по требованию нашему, подписал рядную.

Я находился при сем в превеликом страхе, чтоб он не испортил рядной и не написал в ней чего ненадобного, ибо писал он не то, что ему сказывали, а на всяком слове долго думал.

Но как бы то ни было, но наконец подписал, и мы были рады, что дело кончено, и повели раба божия к боярыням, чтоб повидаться с невестою или послушать новых ругательств, что и случилось в самом деле.

Госпожа Звягина, будучи боярыня хват, подлинно его отхватала: слова «бестия», «с... сын» и другие тому подобные принужден он был слышать в глаза ему говоренные. Но как бы то ни было, но мы пошли, наконец, в церковь, и рады были, что приходило дело к окончанию, и вся комедия кончилась.

Однако все мы в том крайне обманулись и нимало того не думали, что оставалось нам еще одну и самую лучшую сцену видеть.

Уже поставили их рядом, уже начал священник священный обряд, уже обручили их кольцами и уже надлежало им становиться на подножье, как вдруг жених наш начал что-то бормотать об рядной.

Не был ли он глупец самый величайший! Сам он ее подписал и при самом при нем взяли мы ее к себе, как водится; но тут вдруг встрянулся он ее и говорил, для чего она не у него?

Мы, примечая его бормотанье, взглядывали только друг на друга и шептали от превеликого удивленья.

— Батюшки мои! — говорил я своим товарищам. — Не новое ли какое дурачество он затевает, и что это такое?

Г. Ладыженский, как старший из всех нас, подошед ко мне, шептал мне:

— Уйду я с рядною в алтарь, пускай же он меня там ищет.

Мы ответствовали ему:

—Уйди и спрячься.

Но мы еще сим образом между собою шутили, как между тем жених поднял уже сущий мятеж и кричал попу, чтоб он венчать переставал и что он более венчаться не хочет.

Теперь вообразите себе, любезный приятель, каково нам было видеть и слышать сие новое, странное, неслыханное и глупое явление; все мы захохотали во все горло и от смеха не знали, что говорить. Однако скоро смех наш миновался. Жених наш сделался совершенным уже скотом и требовал, чтоб мы неотменно отдали рядную ему.

— Что это такое? — говорили мы ему. — Что ты затеваешь, и слыханое ли это дело, чтоб рядной быть у тебя? На что ж она писана и на что ж и подписывал ты ее, чтоб не быть ей у твоего нареченного тестя?

Но что мы не говорили, ничто не помогало. Жених ревел как бык и никому под лад не давался. Мы его уверять, что это так не водится во всем свете, что рядная остается в роде, но он и не помышлял нам в том верить, но кинул свечу и не хотел без того венчаться.

И тут-то произошла сущая комедия. Мы все рассердились чрезвычайным образом и кричали, бранили, ругали его, как негодного человека; поп вструсился: ну ризы с себя скидывать долой, ну тащить стихарь с дьякона, а немного погодя ну опять надевать, опять совать ему свечу в руки. Тот не берет, а кричит и вопит. Поп опять ризы долой; и одним словом, это была не свадьба, а комическое зрелище, достойное представлено быть на театре.

Долго сие и истинно с час почти продолжалось, и мы так рассердились, что вышли из пределов.

Госпожа Звягина едва в обморок от крика не упала, и насилу успели ей принесть воды; невеста обливалась слезами, я расхрабрился и приступил к жениху уже непутным делом. Но все не помогало: это был пень, не имеющий стыда ни в одном глазе.

Наконец другого нам не оставалось, как взять невесту за руку и вести из церкви вон. И как с нею мы к сей крайности приступили, то тогда-то уже насилу-насилу товарищи его уговорили дурака.

Но более убедило его, как я думаю, то, что мне

вздумалось ему грозить, что он не только нам всем бесчестье заплатит, но и приданое все по подписанной рядной, и столько, сколько написано в ней, отдаст.

Итак, согласился, наконец, наш жених, да и нас всех его свита упросила, чтоб мы гнев свой преложили на милость и дело бы окончили.

Мы послушались как бы нехотя и дозволили венчать, ругая между тем его немилосердным образом; и он во все продолжение венчанья только плакал, и слезы текли у него из глаз ручьями.

Однако и тут делал он разные дурачества и, во-первых, ставши на подножье, невесте сказал:

—Да если б я это ведал, так хотя бы за тобою пять тысяч, так бы тебя не взял.

И можно ли чему глупее быть сего?

Во-вторых, как стали перепоем поить, то вдруг жених наш не стал выпивать достального и говорил:

— Разве вы меня подавить хотите?

Но как бы то ни было, но наконец обвенчали.

Мы были так злы на него, что если б только можно было, то кинули б невесту и, навязав ему на шею ее, все уехали; но как нельзя было того сделать, то поехали все к нему в твердом немерении, чтоб отнюдь у него не ночевать, а ехать прочь, чего ради и выпросили себе квартиру в доме г. Хрущева, который тут был.

Приехав в домик к жениху, нашли мы изрядный во всем порядок и такой, какого мы никогда не ожидали. Стол был у него, по обыкновению, уже готов, и нас встретили, как надобно; жених наш был как бы в воду опущенный и ничего не говорил.

Поужинавши кое-как и по отведении бракосочетавшихся по обыкновению в браутскамеру,* стали собираться ехать; но как было уже очень поздно, то вдруг, желая скорее покоя, переменили мнение и остались ночевать тут.

Мы, мужчины, ушли, выпросив себе постели, в людскую избу, а боярыни ночевали в хоромах. Правда, ночлег нам был не то что хорош; спали мы все на неровном полу повалкою, но от такой свадьбы можно ль было ожидать лучшего, когда и на хороших нередко по служивому ночуют.

В последующий день, то есть на княжой пир, ни думанно ни гаданно было у нас новое явление. Жених наш власно как переродился, сделался совсем не тот и человек, не только как человек, но еще и изрядный, и мы все им сделались довольны. Таков сделался учтив, таков ласков, таков весел, что лучше желать и требовать было не можно, на что смотря и вся компания была очень весела и радостна.

Все не только у него остались обедать, но многие, по неотступной просьбе молодых хозяев, и еще ночевать ночь.

Княжой пир происходил как водится, и все были довольны. Одним словом, как накануне было слишком ненастно и смутно, так наутрие слишком ведрено и ясно, и веселости до того простирались, что и до обеда уже, по деревенскому обыкновению, была скачка и пляска.

Меня унимали также хозяева и приехавший туда

---

*Немецкое — спальня.

же тесть и теща ночевать у них еще ночь. Но я спешил домой для ожидаемых к себе гостей, весьма драгоценных и любезных, и не мог желания всех выполнить.

Итак, распрощавшись со всеми, а особливо с г-жею Звягиной и ее сыном, с которым мы в особлиости при сем случае сдружились, поехал я домой.

Сим-то образом сыграли мы сию свадьбу, которая странностью своею была так для меня достопамятна, что и поныне, проезжая большою тульскою дорогою неподалеку от сей деревни ввиду, в левой стороне подле Руднева находящейся, не могу никак, чтоб не вспомнить оной и, напомнивши все бывшее, не посмеяться.

Женившийся жив и поныне, но я его почти ни однажды после того времени не видал, а слышу только, что и вся жизнь его была не то-то что хороша и похвальна.

Но я заговорился уже, и мне пора давно перестать и сказать вам, что я есмь ваш, и прочая.

ПРИЕЗД ДОРОГИХ ГОСТЕЙ И ПОЛУЧЕНИЕ ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ

ПИСЬМО 147-е

Любезный приятель! При конце последнего моего письма упомянул я, что я с свадьбы поспешал домой в ожидании к себе драгоценных и любезных гостей. Теперь расскажу вам, кто таковы они были.

Во время отсутствия моего и езды в Кашин, случилось теще моей нечаянная из дома отлучка. Отец ее, а дед родной жены моей, Аврам Семенович Арцыбашев писал из Цивильска к ней и к невестке своей, Матрене Васильевне, что как дни его приближаются к окончанию, а здешнее имение не совсем было утверждено его внуку, сыну помянутой госпожи Арцыбашевой, и ему хотелось прежде кончины своей в здешние места приехать и дело сие сделать, то предлагал он ей, чтоб она сама к нему в Цивильск за ним приехала и пригласила б с собой и родственника их, Ивана Афанасьевича Арцыбашева, а буде б можно было и дочь свою, а мою тещу; а сия охотно на то и согласилась.

Итак, все они тогда и отправились в сей дальний низовой путь и, взяв с собою старика, благополучно около самого сего времени возвратились, но за Окою рекою, не ставшею еще тогда, при-

нуждены были прожить несколько дней в Серпуховском уезде у . . . . нашего родственника. И как в последнюю стужу стала и Ока, и мы услышали, что чрез ее начали ездить, то и ждали мы их к себе ежедневно, и я, приехав домой, действительно уже и нашел их у себя в доме приехавшими.

Не могу изобразить, как обрадован я был приездом к нам сих гостей любезных. Почтенному старичку сему, который так ласково и благополучно угощал меня у себя в Цивильске, никогда еще в доме у меня быть не случалось, и я в особливости был рад его приезду и старался угостить его всячески.

Несмотря на всю свою глубокую старость, был он нарочито еще в силах и довольно крепок, чем мы в особливости были довольны; и как он во все пребывание свое в пределах тутошних располагал жить не у нас в доме, а у своей невестки и внучат в Калединке, то и просили мы его погостить у нас, по крайней мере, несколько дней, в которые старались мы доставить ему возможнейшие удовольствия, а потом проводили его сами до Калединки и там несколько дней пробыли.

По возвращении домой, несмотря на испортившийся по случаю превеликой оттепели путь, предлежала мне другая дорога.

Возвратился около сего времени из Москвы друг мой, г. Полонский, и надобно было у него побывать.

Я ездил к нему один, ибо за дурнотою дороги жену взять было никак не можно.

Осень у нас в сей год была самая дурная и непостоянная. Напавший снег от оттепелей и дождей

опять сошел, и мы принуждены были опять таскаться на колесах; после чего последовали опять морозы, опять выпал снег и опять сходил, и такая беспорядица продолжалась во весь ноябрь месяц, и все езды кое-куды, а особливо в Калединку были нам крайне отяготительны.

Во все сие время не произошло со мною ничего особливого. Я занимался более своими литературными упражнениями, а 27-го числа сего месяца случилось со мною нечто смешное и забавное, о чем вскользь упомянуть почитаю за излишнее.

В сей день поутру сидел я в своем кабинете и занимался переводом, как вдруг вижу, что приехал на двор гость парою и в негоднейших санишках; к удивлению моему остановился он посреди двора и, сошед с саней, шел к хоромам пешком в кирейке,* подбитой овчиною, покрытой красным солдатским сукном и перепоясанной офицерскою шпагою.

Вышедши в лакейскую, не мог я узнать, кто б такое это был, но как он бормотал, что едет на завод и далее к г. Полонскому и рассудил мимоездом ко мне заехать, то покажись мне, что был то один несколько знакомый мне родственник г. Ладыженского, я и принял его, как должно было. Но как привел его в столовую, то увидел, что был то не он, а человек совсем мне незнакомый.

Стал я в пень и не знал что мне делать и как с ним обойтиться, ибо, принявши его как знакомого, совестно мне было его спросить, кто он таков. Меж-

---

*Лисий тулупчик, крытый сукном.

ду тем бормотал и говорил он так, как бы надобно какому неотесанному немцу, и все поступки его были совсем странные, что меня еще более удивило.

Не успел он сесть, как требовал, чтоб лошадям его дали овса и подделали под санки его подделки.*

Усмехнулся я сему требованию и говорю:

— Хорошо, все это будет сделано!

А между тем горя нетерпеливостью узнать, кто б это был таков.

По счастию, известил он меня сам уже о том, кто он таков, а именно, что зовут его Андреем Михайловичем, что прозывается он г. Пушкин; что брат он Николаю Михайловичу; что сей отнял у него его лакея и что теперь ездит он по всему миру крещеному на чужих лошадях, на чужом коште и в чужом платье, одним словом был сущий волокита,** и проживал где день, где два, и везде служил вместо шутика.

— Хорош, хорош! — говорил я сам себе, сие услышав, и будучи до таких людей не охотником, был я ему не очень рад и спешил, как бы скорее его от себя спровадить, и для того велел скорее уж накрывать на стол; но как подъехала к обеду г-жа Ладыженская, Авдотья Александровна, то началась у нас тогда сущая комедия.

Я до того нимало и не знал, что госпожа сия имела искусство с сим родом людей особливым образом и так обходиться, что всякому должно со смеху над-

---

*Исправили полозья.

**Бродяга, скиталец.

седаться; итак, тотчас и начала она над ним шутить и шпынять с таким искусством, что я замучился, делая себе принуждение, чтоб при госте не хохотать, и принужден был уходить вон, чтоб нахохотаться по воле.

Наконец, гостю моему мой прием и угощение так полюбилось, что захотелось ему и ночевать у нас. Но как мне сего не гораздо хотелось, то великого труда стоило уговорить его продолжить свое путешествие к г. Полонскому, и я принужден был дать ему проводника до Зыбинки, а неведомо как рад был, сжив с рук такого неожиданного друга и приятеля.

Вскоре после того при начавшемся декабре приближался наш годовой праздник. Мы затевали было праздновать его порядочным образом, и я нарочно было прибрал свой кабинет к сему времени и расписал в нем обои и печку; но так случилось, что из соседей и приятелей наших никому почти быть было не можно: иные были в отлучке, иной сам был имянинник, иной болен.

Итак, думали мы, что будет у нас только помянутый почтенный старичок, дед жены моей с его невесткою, Матреною Васильевною; но против чаяния и в самый праздник наехало и набралось столько гостей, что нам их и за столом усадить было негде, и досталось даже другой горнице; и мы весь сей день провели весело, и многие гости у нас даже и ночевали и провели и другой день у нас в разных увеселительных упражнениях.

А на вечер все мы ездили к соседу моему Матвею Никитичу, куда при нас подъехал и родственник его,

Василий Панфилович Хвощинский, который не успел меня увидеть, как при всем обществе начал поздравлять меня с получением золотой медали в награждение за лучшее сочинение пред всеми прочими «Наказ для управителя», уверяя, что он читал о том сам публикацию в газетах.

Легко можно заключить, что известие сие меня крайне обрадовало и тем больше, чем было неожидаемее; ибо я так мало надеялся, что перестал уже и ждать, а менее думал, чтоб публиковано было о том в газетах.

Все соседи и гости, случившиеся тогда тут, поздравляли меня с сею оказанною мне честию, и я принимал с тем большим удовольствием сии поздравления, что утешала меня та мысль, что сей случай сделает имя мое всему государству известным и спознакомит со всем ученым светом.

Отпраздновав помянутый праздник, все последующие потом дни проводил я по привычке моей в беспрерывных и разных упражнениях, сколько мне разъезды по гостям и угащивание у себя часто приезжавших гостей дозволяло.

Я занимался наиболее в сие время отчасти в разном рисовании, отчасти в разных выдумках вещиц, служащих к увеселению.

Частое свидание с соседями и всегдашнее провождение с ними времени в разных играх подавало мне к тому повод, и все шло хорошо, весело и приятно; как вдруг в половине сего месяца поражены мы были нечаянно таким известием, которое всех нас и огорчило, и озаботило, и заставило позабыть на время все наши забавы и удовольствия.

Привез оное нам сосед наш г. Хитров, и состояло оно в том, что в старушке-Москве нашей было нездорово, и что оказывается моровая язва.* Сие было еще самое первое известие о сем ужасном несчастии, которому после сего вскоре подверглась вся столица.

Сказывал он нам сие хотя не совсем за достоверное и почитал более сам сие за одно враки; но как за несколько времени уже носились слухи, что язва, или так тогда называемая чума давно уже свирепствовала в Киеве, и что распространяясь час от часу более, дошла уже и до Севска, то судили мы, что весьма легко дойтить заразе и до Москвы и быть кем-нибудь туда завезенной. Сверх того и приезжие из Москвы сказывали и разглашали повсюду, что в оной все едят чеснок и оный при себе в предосторожность от поветрия носят.

Как несчастия сего тогда никто еще не испытывал и о чуме сей никто прямого понятия не имел, и зло сие всеми воображаемо было несравненно величайшим и пагубнейшим, то помянутое известие смутило всех нас чрезвычайно, погрузило дух наш в уныние и преисполнило сумнительствами и опасением.

Все мы твердили только, что если в Москве язва действительно оказалась или окажется, то верно не замедлит посетить и нас, и мы живучи почти на большой дороге, всего легче можем также подвергнуться сему несчастию; а сие и нагоняло на нас предварительно страх и ужас. И наше счастие еще было, что известие сие было не совсем еще тогда

---

*См. примечание 11 после текста.

достоверно, и мы льстились надеждою, что может быть, то еще и неправда.

Таким образом, хотя известие сие сначала нас чрезвычайно напугало, но несовершенная достоверность оного скоро нас опять поуспокоила, и мы в надежде, что то неправда, скоро все сие и позабыли.

Сверх того, чрез день после того особливое и радостное для меня происшествие обратило все мысли мои на другое. Сей день был одним из достопамятнейших в моей жизни. В оный получил я посланную ко мне из Экономического Общества большую золотую медаль, которую присуждено мне было дать за мое сочинение: «Наказ для управителя, как ему управлять в небытность господина деревнями».

Как она была еще первая из полученных мною и притом с вырезанием на ней моего имени, то не могу изобразить, как много я и все мое семейство оною было обрадовано и сколь много все мы ее вдоль и поперек пересматривали и о изображениях на неь рассуждали.

Была она довольно велика, составлена из 35-ти червонцев, ибо обещанное награждение разделено было между двумя решившими задачу сию единоправно хорошо: мне и господину Рычкову.*

Что ж касается до изображения, то на одной стороне был грудной портрет императрицы Екатерины, как основательницы Экономического Общества, а на другой изображено было самое сие общество в виде женщины, сидящей на снопах под пальмовым дере-

---

*См. примечание 12 после текста.

вом и увенчанной венком из цветов и колосьев. В одной руке держала она меркурьев жезл, а в другой, распростертой на середину медали, венок, сплетенный из колосьев, с крупною надписью вверху над ним «ЗА ТРУДЫ ВОЗДАЯНИЕ», а внизу «Андр. Тим. Болотову октября 9 дня 1770 году»; вдали же видно было вспахано поле с человеком, пашущим оное плугом.

Впрочем, сделана она была из самого чистого золота 93 пробы, была весом в 28 1/2 золотников; стемпель же вырезан высокою и хорошею работою г. Гассом.

По всем сим обстоятельствам медаль сия была для меня вещь весьма достопамятная и такая, которая не только мне, но и всему моему роду и потомкам некоторую честь приносить может.

. . . .

. . . .

. . . По благости Господней, препроводил я сей год со всеми ближними родными моими в совершенном здоровье и во всяком благополучии. Все мы были здоровы, веселы, покойны, всем довольны; а более сего, чего можно было желать в свете лучшего?

. . . .

Сим окончу я сие мое письмо и скажу, что я есмь ваш, и прочее.

РОЖДЕНИЕ СЫНА И СПОРЫ ПО МЕЖЕВАНЬЮ

ПИСЬМО 149-е

Любезный приятель! В теперешнем письме опишу я вам одно из достопамятнейших происшествий в своей жизни, а именно рождение моего сына Павла, чрез которого благоугодно было всемогущему доставить мне бесчисленное множество удовольствий в жизни, и за одарение которым всегда благодарил и не перестаю и поныне благодарить моего Господа, и почитаю то особенною его к себе милостию.

Случилось сие в начале марта месяца. Жена моя уже 5-го числа оного почувствовала в себе близкое приближение разрешения своего от бремени; и как матери ее, а моей теще восхотелось около самого сего времени съездить в Калединку для свидания с старичком, ее родителем, с которым она давно не видалась, и она за час только до того от нас уехала, то обстоятельство сие увеличило несказанно мое смущение и то крайнее беспокойство духа, каковым обыкновенно страдал я всякий раз при таких критических минутах времени.

Я не знал, что мне тогда с женою делать, если она прежде ее возвращения родить соберется; тогда не было еще нигде в городах иностранных и искус-

ных повивальных бабок, которые ныне введены в обыкновение, и наши братья сельские дворяне не заботились о выписывании и привозе оных к себе в домы и терянии на них по нескольку сот рублей денег, а по примеру своих предков довольствовались и пробавлялись своими домашними и какие у кого случались бабками; следовательно, и положиться было не на кого.

Несмотря на то, жена уговорила меня на последующий день съездить к другу нашему г. Полонскому, с которым я, по вторичном его возвращении из Москвы, еще не видался.

Я не хотел было никак на то отважиться, чтоб отъехать от ней в такое опасное время; но как она уверила меня, что по всем признакам родит она не прежде, как разве ввечеру того дня, и я могу к тому времени возвратиться, то и решился я на отвагу в сей недальний путь пуститься. И как меня во время бытности там власно, как что подмывало, то и сократил я возможнейшим образом мое пребывание и приехал домой еще рано до вечера.

Между тем жена моя час от часу все более жаловалась на обыкновенные в таких случаях припадки, что смущало и меня от часу больше, и тем паче, что не возвращалась еще из Калединки и теща моя; но, по счастию, в сумерки приехала и она.

Теперь опишу я все происшествия при сих родах точно теми словами, какими описал я все сие достопамятное происшествие тогда в журнале того года:

«Мы поужинали (писал я тогда) прежде обыкновенного времени, дабы дать покой домашним и произвесть желаемую тишину во всем доме, и имели

много трудов скрыть от всех приближение родов жены моей.

Не успели мы лечь спать, как жена моя и начала чувствовать обыкновенные муки, кои продолжались долго и привели нас в великое смущение.

Я препроводил все сие время власно как на величайшей каторге и прямо можно сказать, находился между сном и бдением и страдая наивеличайшим беспокойством душевным.

Наконец, в самую полночь или несколько за полночь, на 7-е число, обрадовал нас Всевышний благополучным разрешением жены моей от бремени. Она родила мне сына, которого положили назвать по имени святого того дня Павлом.

Достопамятно, что в самое время рождения его случилось редкое явление в натуре, а именно северное сияние. Началось и составлялось оно в самую ту минуту и сделалось довольно велико.

«Я, будучи тогда в неописанной радости и увидев оное вышедши на крыльцо, счел сие хорошим предзнаменованием и сам себе в восхищении сказал:

— Смотри, пожалуй, какой случай: уже не просияет ли и сын мой, ежели жив будет, чем-нибудь на Севере? Но ах, — продолжал я сам себе говорить, — я бы всего более желал, чтоб был он добродетелен и любил бы своего Создателя! Вот первое, чего я желаю новорожденному моему сыну, ведая довольно, что когда сие будет, то будет он благополучен!»

Сими точно словами описал я в дневном журнале того года сие происшествие и тогдашнее мое рассуждение и желание, и ах, как хорошо сие после и совершилось в свое время!

Впрочем, для любопытного сведения потомкам его замечу я здесь, что родился он в деревне нашей Дворяниновой, в хоромах посреди самой нашей спальни и на том самом месте, где в нынешних хоромах дверь из нашей гостиной в спальню; что при рождении оного была теща моя Марья Аврамовна, да принимавшая его бабка Алена Никитична, жена бывшего в прежние времена дядьки моего Артамона, да немка, Иванинова дочь, Алена, а после я.

Таким образом, по благости Господней, получил я тогда себе еще сына. И сколь много рождением оного я и ни был обрадован, но дух мой расположен был так, что я в журнале своем к вышеупомянутым словам присовокупил следующие слова:

«Будет ли он жив, того не знаю, равно как и желать и не желать того не могу довольно; это зависит от воли Господней, и он пусть делает, что ему будет благоугодно!»

Все последующие за сим дни провели мы в беспрерывных угощениях приезжающих по обыкновению к жене моей на родины для одарения новорожденного серебром и золотом.

И было всех их довольно много, ибо кроме наших родных калединских, дедушки и тетушки и здешних, приезжали к нам: дядя жены моей, Александр Григорьевич Каверин, с женою, г. Полонский с женою, г. Ладыженский с женою и г-жа Ферапонтова с матерью.

Но крестить его за разными обстоятельствами как-то поумедлили, и крещен он не прежде как 20 числа, следовательно, без мала чрез две недели после рождения.

Восприемниками от купели были: во-первых, мои прежние кумовья, друг мой г. Полонский и тетка жены моей Матрена Васильевна Арцыбашева, во-вторых, старейшие из всех тогда в жизни пребывающих родных наших: прадед его, любезный наш старичок Авраам Семенович Арцыбашев, и бабка его, дочь сего почтенного старца, а моя теща Мария Аврамовна; крестили же его в доме посреди нашей гостиной.

Сей крестильный пир случился тогда у нас на самое Вербное, но гостей было как-то немного, и кроме кумовьев был только г. Ладыженский с женою, землемер Сумароков и брат Гаврила Матвеевич.

Между тем достопамятно было, что в течение помянутых двух недель произошли в доме моем и со мною некоторые замечания достойные происшествия.

Во-первых, в пятый день после рождения сына моего имел я удовольствие получить из Петербурга и ту 15-ю часть «Трудов» Общества, которой я так давно дожидался и в получении которой уже совсем было отчаивался.

В оной нашел я сочинение мое «О удобрении земель» также напечатанным, которое было уже осьмое из происшедших до того времени от меня.

Во-вторых, что на другой день после сего получил я с газетами поэму «Любовь», которою господину неизвестному сочинителю угодно было одарить нас всех, получающих газеты, и для меня было сие тем приятнее, что она власно как предвозвещала, что новорожденный сын мой будет всеми знающими его любим. А в следующий затем день, то есть 14-го марта, произошло у меня в доме одно весьма редкое происшествие.

Одному из петухов наших вздумалось войтить не в свое дело и снести яйцо; и как яйца сего рода случалось мне тогда еще впервые видеть, то не могли мы оному довольно надивиться.

Оно было нарочито велико, но не совсем кругло, а продолговато, и к одному концу узко и совсем почти остро, и загнувшись немного в сторону, как будто винтиком. Что касается до скорлупы, то была она несколько потонее обыкновенной и не так бела, а немного красновата. Я не преминул его тогда же свесить и нашел, что весу в нем было с четвертью золотник.

В-третьих, достопамятно было то, что в промежутке сего времени происходило у нас по межевым делам миротворение с князем Горчаковым по спору о его Неволочи. Самого князя при том не случилось, а имели мы дело с его поверенным, который был изрядный и не глупый малый.

Он протестовал против нас, да почти и дельно, в неправильном показании поверстного леса; но как при съезде нашем и межевщику предложил я, что если князю жаль своей Неволочи и не хочет расстаться с своим лесом, то не угодно ли ему с нами поменяться и вместо ей выттить совсем из нашего владения и дач, и уступить нам тот маленький участок, который он в них имеет.

Сие предложение поверенного княжова неожидаемостию своею так поразило, что он даже тому обрадовался и казался быть на то очень согласным. .

. . . .

Итак, положили мы на слове, ударили по рукам и условились написать черновую полюбовную о сем соглашении сказку, и чтоб послать ее на рассмотре-

ние к князю, которую в тот же час и начеркал я, как мне рассудилось лучше, и оную в тот же день в Москву к князю и отправили.

Достальные дни страстной недели и самое Благовещенье, случившееся тогда в великую пятницу, провели мы дома, и я во все сии дни занимался особым делом.

Из Москвы привезли ко мне множество, вымененных на старые, новых книг; и как многие из них были без переплету, то по недостатку переплетчика принялся я сам их складывать и переплетать, сколько умелось, дабы их спокойнее читать было можно, и занялся тем во все сие праздное время.

Между тем приближался и праздник Пасхи. Сему случилось в сей год быть 27-го марта, и была тогда у нас не только совершенная еще зима, и путь нимало еще не трогался, но в самую ночь под сей великий праздник была такая метель, что поехавшие ночью к заутрене проплутали и, вместо церкви, иной проскакал в Болотово, иной попал в Трудавец, что случилось и с моими соседями, не похотевшими так, как мы, подражать нашим предкам и всю ночь препроводить на погосте, ночуя у попа в доме. Метель сия продолжалась и во весь первый день Пасхи. Однако мы провели его и всю неделю нарочито весело.

Но он был бы нам еще веселее, если б привезенные, или паче страшные вести не возобновили прежних наших горестных чувствований и не наполнили сердца наши вновь страхом и ужасом. Ибо приезжие рассказывали нам уже за достоверное, что в Москве моровая язва открылась уже совершенно и начинает усиливаться; что вымерла уже вся суконная фабрика

у каменного моста и что язва в других местах города открылась; что сие принудило все бывшее в Москве дворянство уезжать с великим поспешением из города и разъезжаться по деревням своим, что все дороги были наполнены экипажами оных.

Нельзя довольно изобразить, как перетревожены мы были всеми сими известиями. Мы горевали при свиданиях наших, твердили только наперерыв друг перед другом:

— Ах! Великий Боже! Что с нами бедными будет, когда пагубное сие зло распространится и до нас? Куда нам тогда деваться и что делать?

Со всем тем, сделавшаяся вскоре после того половодь и вскоре за нею наступившая весна, заняв мысли наши множеством вешних дел, поуспокоила опять несколько сердца наши.

Я препроводил весь апрель месяц в многоразличных хозяйственных делах и упражнениях; более же всего занимали меня сады мои. В них завел я тогда впервые хмельники новоманерные, а нижний свой сад начал обрабатывать разными уступами и усаживать оные плодовитыми деревьями и кустарниками. А между тем не оставлял видаться и с соседями своими и разъезжать временно по гостям, из которых недальних разъездов был один несколько примечания достоин.

Тетка наша, г-жа Арцыбашева, жившая до того в маленьком и тесном домике, расположилась с началом сей весны начать строить себе порядочный и большой дом.

План оному был у нас с ней давно уже сделан, и как приготовлены были и все потребные к тому материалы, то просила она меня, чтоб я к ней при-

ехал и помог разбить и заложить дом сей, а кстати бы и сад ее, и превратить в регулярный.

Просьбы сей нельзя было никак не послушать, и как случилось сие при самом начале весны и в такое время, когда не можно было ни на чем ехать, то желая ей услужить, решился я ехать к ней даже верхом. Но сия езда не только меня впрах измучила, но чуть было не повергла меня в болезнь самую.

Измучившись и от верховой езды, какой никогда почти столь дальней не имел, и уставши впрах при разбивании дома и сада, а того паче будучи принужден за темнотою ночевать у ней на дворе, не то оттого, не то простудившись, получил я порядочную и довольно сильную лихорадку, и с трудом уже возвратился домой, и тут насилу чрез несколько дней оправился и от ней освободился.

Наконец 23-го числа сего месяца кончили мы и спорное дело свое по Неволочи с князем Горчаковым. Посланная к нему черная наша сказка привезена была уже обратно с некоторою переправкою. Он не соглашался никак взять меньше 25-ти десятин, а мы сколько ни упирались и сколько ни говорили между собою, но наконец, желая кончить сие дело и выжить его из своего внутреннего владения, согласились уже и сие число дать и, ударив по рукам, переписали и подписали сказку и подали ее в сей день межевщику; чем все сие дело благополучно и с немалою для нас выгодою и кончено.

В последний же день сего месяца распрощались мы с сожалением с приехавшим к нам проститься второклассным землемером господином Сумароковым, отъезжавшим совсем от сих мест.

Нам было его, как искреннего приятеля нашего, очень жаль, ибо на него мы во многом полагали надежду, а на товарища его господина Лыкова худо надеялись.

Сей вскоре после сего и подтвердил нам поступками своими не весьма выгодное о себе мнение. Не успел настать май месяц, как он и предпринял мирить нас с волостными и назначил к тому 5-е число сего месяца, что случилось тогда на самое Вознесение. И как день сей был для нас по всем происшествиям в оный весьма достопамятным, то, заимствуя из своего тогдашнего журнала, и опишу я все происхождение сего миротворения подробнее.

Итак, не успел настать оный день, как, побывав в церкви и отобедав дома, собравшись и поехали все мы, дворяниновские помещики, к межевщику, в Саламыковский завод, где он имел свою квартиру.

Как случилось сему дню быть крайне ненастному, то едучи туда, от проливного и холодного дождя так мы перемокли и иззябли, что принуждены были заехать в Ченцове к одной нам знакомой немке обогреваться.

У межевщика нашли мы обоих поверенных от волости; один из них с половины Александра Александровича был прежний ченцовский, так называемый надзиратель, Лобанов, а другой, с половины Льва Александровича, совсем новый, некий московский житель, служивший в конюшенной канцелярии, по имени Никиндра Савич, а по прозвищу Пестов.

Сему человеку поручено было от Нарышкина разводиться с соседями. Я его тогда еще в первый раз видел, и он показался мне знающим человеком, а

при том самым иезуитом, и удалее еще прежнего их поверенного Щепотева.

Сперва мирили волостных с ходыкинскими и агаринскими, а потом дошло дело и до нас.

Межевщик развернул наш план и показал все свое исчисление, дабы уверить нас в верности оного; а потом для удостоверения нас в подлинности показанного в сведении волостном количества дачной их земли приказал им предъявить подлинную писцовую книгу, данную волости от старинного и общего писца князя Булата Мещерского за собственным подписанием оного. Как в оной все волостные 44 деревни и превеликое множество пустошей описаны были особенно и во всей подробности, то составилась из того толстая и превеликая книга, переплетенная в порядочный старинный переплет.

— Ну вот государи мои, — сказал нам межевщик, — извольте смотреть сами и хоть всю ее читайте от доски до доски или сверьте общую показанную на конце сумму и число всей пашенной земли и угодьев с сведением, поданным от волостных. Вот вам и сведение их.

Что оставалось тогда нам делать? Казалось, что межевщик сделал со своей стороны все, чего от него могли мы только требовать. И как о том, чтоб всю книгу читать, по величине ее и помыслить было не можно, то я, взяв сведение и сравнив оное с общею суммою и количеством земли, означенным при конце книги, которое место у них было приискано и замечено, увидел, что в сведении не прибавлено было ничего. И как было оно так велико, что выходило действительно в волостной земле двух тысяч земли недостатка, что при рас-

смотрении оном сердце во мне в таком было волнении, что хотело равно как выскочить.

При таких обстоятельствах не знал я что сказать, когда спросил меня межевщик, что я теперь думаю? Ибо могло ль притти мне и в мысль тогда, что под всею сею наружной услужливостью скрывалось адское коварство и криводушие сего толь много нами обласканного и столь дружески с нами обходившегося бездельника землемера?

Мог ли я подумать, что по милости его предлагаема мне была тогда совершенная пасть* и сущая отрава, долженствующая произвесть нам вред и убыток весьма чувствительный, и от которого спасла нас потом уже сама невидимая десница благодетельствующего нам промысла Господня, как о том после в свое время упомянется. А когда нельзя было никак и подумать и малейшего возыметь подозрения, что скрывался тут какой-нибудь обман; но я по праводушию своему и попал, по пословице говоря, как сом в вершу, и, поверив всему тому, не знал, что сказать межевщику, вопрошающему меня.

Сей же криводушник, возложив на себя тогда личину дружества и желая еще более смутить и оглумить** меня в тогдашнем замешательстве, схватил меня за руку и, отведя в другую комнату, стал, как добрый, советовать мне не допускать спора нашего отнюдь до конторы, а помириться как-нибудь с волостными.

---

* Западня, ловушка.

** Осмеять, ошеломить.

— Сами вы знаете, — говорил он мне, — можно ли вам с таким большим примером, какой в ваших дачах оказывается, показываться в контору. Не легко ли вы там всего его лишиться можете? И не лучше ли здесь хоть отдать им, проклятым, сколько-нибудь да помириться?

— То так, батюшка! — отвечал я ему. — Но мы не совсем ведь еще размежеваны, и пустоши не разрезаны, и почему знать, может быть, в прикосновенных к волости землях столько примера и не окажется, сколько вы теперь во всей вообще вычислили?

Бездельник сей усмехнулся, сие услышав и подхватив речь мою, сказал:

— Да неужели думаете вы, чтоб они так глупы были и допустили вас перепустить из пустоши в пустошь землю? Нет, братец! Эту штуку они очень знают и их трудно будет обмануть. Впрочем, воля ваша, а мой сгад,* чем скорей к миру, тем лучше.

Что оставалось тогда на сие говорить? Я не сомневался нимало, что сам же он во всем и надоумит и наставит, и другого не находил, как прикраивать себя к обстоятельствам времени и его как друга и приятеля просить, чтоб, по крайней мере, помог он нам по силе и возможности своей при сем миротворении и уговорил волостных взять с нас колико можно меньше.

— О, в этом можете вы, — сказал он мне, — совершенно на меня положиться, и я по ласке и

---

* По моему мнению.

дружбе вашей ко мне все употреблю, что только мне будет возможно.

И действительно, начав потом нас мирить и услышав, что поверенные полезли в гору и требовали всего заспоренного места, стал их, как добрый, всячески уговаривать, чтоб помирились они с нами на условиях каких-нибудь сходнейших.

Мы прокричали и проговорили тогда с ними истинно часа три и не прежде как по многом прении и уговаривании межевщиком и их, и нас, наконец, согласились на том, чтоб пожертвовать им и дать на каждую половину по 30 десятин: Пестову из пустоши нашей Хмыровой, подле речки Трешни, а Ченцовскому надзирателю из пустоши Гвоздевой за Елкинским заводом.

Пожертвование сие сколь ни было нам прискорбно, больно и чувствительно, но мы тогда радовались еще, что волостные согласились взять в сравнении с 400 десятинами количество ничего почти не значащее; а при том утешало нас несколько и то, что и землю сию предлагали мы им в местах самых худших из всех наших дач и ничего почти не стоющую, а особливо лежащую в отдаленности от нас за речкою Трешнею, не только голую глину, но изрытую всю столь многими водороинами, что мы называли место сие «Воробьевскими горами» и никогда почти хлеба на ней за всегдашним неурожаем не севали. И потому спешили уже сами, чтоб скорее написать полюбовные сказки.

Сие может бы и учинили мы тогда же и помирились совершенно, если б не восхотелось ченцовскому поверенному увидеть весь отдаваемый ему нами клок

земли наперед в натуре и не вздумалось ему подбить к тому же и Пестова, и потому просить землемера отложить то дело до утрева.

Не могу изобразить, как досаден был мне тогда сей щербатый надзиратель ченцовский и с каким неудовольствием поехали мы домой, будучи принуждены дать им слово выехать на последующий день на поле и согласиться показать им всю отдаваемую им землю в натуре.

Но, ах! Как часто досадуем мы на то, чему бы надлежало нам радоваться! Из последствия оказалось, что самая сия нечаянная остановка произошла не по слепому случаю, а по устроению благодетельствующих нам судеб и для нашей же пользы и выгоды, как о том упомянется после в свое время.

Итак, по условию, на другой день и выехали мы поутру в поле, но не нашед еще никого, принуждены были дожидаться долгое время и, наскучив тщетным ожиданием, посылали проведывать; и как посланный привез нам известие, что межевщик будет после обеда и нам тогда даст знать, то мы, хотя и подосадовали, но поехали и сами домой обедать. Но и после обеда несколько часов прождали мы присылки, и насилу-насилу прислали они нам сказать, что поехали. Тогда, нимало не медля, бросившись на лошадей, поскакали и мы на Гвоздевское поле за Елкинский завод.

Я встретил их против так называемого Савина-верха и упросил ченцовского надзирателя, чтоб он согласился на их половину взять наиболее земли тут, около Савина-верха, а подле б пруда немного, на что он и согласился.

После сего приехали мы к плотине и начали говорить о пруде. Мы прокричали и проторговались тут часа три, и нельзя было бессовестнее быть волостных и поверенного их, помянутого надзирателя ченцовского.

До сего времени почитал я его добрым, смирным, простым и прямодушным человеком, почему и оказывал ему всегда благоприятство, когда случалось ему бывать у меня с немцами; но тогда узнал я, что он самый негодный и глупый человек и что ничего нет хуже, как иметь с глупым человеком дело.

Они недовольны были тем, что мы, будучи самою необходимостью принуждаемы, уступали им самый родной берег реки, за который сами они нам в старину оброк плачивали, но хотели загородить у нас и весь выгон и отбить нас даже от бучила, нужного нам для ловления рыбы; и насилу-насилу могли дураков усовестить, и, наконец, положили на мере покуда им взять и назначили место.

Но тут случилось новое помешательство! Негодяй щербатый, или паче беззубый, поверенный их сказал, что он, хотя и соглашается так взять, но без управителя своего не смеет, а отпишет наперед к нему в Москву и спросится.

Господи! Как мне тогда на сего негодяя было досадно! Но как нечего было делать, и мы все тем провели время до самого вечера, и в Хмырово ехать было некогда, то принуждены были отложить прочее до утрева, а всех их против хотения зазвать к себе и стараться еще всячески угостить, дабы при том можно было еще обо всем поговорить, что мы и не преминули учинить.

Главнейшее наше старание было о том, чтоб уговорить саламыковского поверенного, Пестова, взять от нас меньше 30-ти десятин или, по крайней мере, взять сие число за речкою Трешнею на упомянутой выше сего Воробьевой горе, и учинить сие стоило нам великого труда.

К несчастию, мешал нам и при сем случае умница, мой братец Михайла Матвеевич. Нагнав в голову себе совсем неблаговременно множество лишнего винного чада, забарабошил* он у нас опять совсем некстати и только кричал:

— Не даю ничего, а еду сам в Петербург, еду к господам Нарышкиным!

Мы так, мы сяк уговаривать его, но не тут-то было, несет только вздор и околесную и никак под лад не давался: я, да я! да и только всего!

Господи, как досаден тогда мне был этот человек! Наконец, как мы истощили уже все силы и не могли никак его уломать, то принужден я был решиться, несмотря на него, продолжать свое дело и согласиться на тридцати десятинах, и был доволен уже тем, что он соглашался взять наши Воробьевы горы, а достальное, буде чего в них недостанет, по сю сторону речки Трешни.

С ченцовским поверенным же условились мы, чтоб на утрие то место подле Елкинского пруда, которое мы ему отдавали, наперед снять на план и вымерить, дабы ему о том основательнее можно было своего управителя уведомить. И как межевщик обе-

---

*Нести вздор, суетиться, молоть чепуху.

щал прислать для сего измерения ученика, то на том мы в сей день и расстались.

Итак, поутру на другой день поехал я к соседу своему Матвею Никитичу, чтоб, позавтракав с ним вместе, ехать для помянутого измерения, а между тем послали и за Михайлою Матвеевичем, который и пришел, но, по несчастью, хвативши опять рюмку-другую лишнюю.

Боже мой, как рвался я тогда досадою на него и как ругал и бранил его в душе моей, что он и в таком важном случае, когда люди дело делают, не мог себя никак повоздержать от проклятой своей привычки.

Со всем тем, хотя он и побарабошил, но требования его были уже совсем иные. Он говорил только, что поедет в Петербург просить Нарышкиных из милости, и требовал от нас, чтоб мы ему всю ту землю отдали, которую отдаем теперь Нарышкиным и которую хотел он выхлопотать.

Услышав сие, не мог я, чтоб внутренно не смеяться тому, ведая суетность слов его и будучи удостоверен в том, что ничему тому не бывать, соглашался подписать и руками и ногами обещание свое отдать ему землю, если он ее выхлопочет; но теперь бы только он приступил бы вместе с нами к миру и не мешал бы делу.

Полученное известие, что ученик приехал, окончило сие наше прение, и мы, поехав туда, нашли там и самого ченцовского надзирателя, восхотевшего было опять каверзить,и требовать новой прибавки. Но мы не соглашались уже прибавлять ни на волос и принудили его остаться на вчерашнем и присту-

пить к делу, которое и заняло нас довольно времени; по окончании же оного, желая скорей сделать всему делу конец и какое-нибудь решение, поехали мы к межевщику.

Но там нашли мы новое замешательство: дурневские мужики, которым отдаваемая нами в Хмырове земля долженствовала достаться, без нас приступили к своему поверенному Пестову и насказали ему неведомо что о наших Воробьевых горах, говоря, что эта земля ни к чему не годная и что им она даром не надобна. Сим сбили они Пестова с пахвей и произвели то, что он переменил свое слово и требовал все 30 десятин по сю сторону Трешни.

Боже мой, как это было для нас досадно: на сей стороне дать нам никак не хотелось, а пособить было нечем. Словом, мы вздумали было уже все дело бросать и иттить в контору.

Но вдруг вздумалось мне сказать ему две вещи: во-первых, что брал бы он любое, либо 30 десятин с Воробьевскими горами, либо 20 десятин по сю сторону речки; во-вторых, что если поїдем мы в контору, то в случае если станут резать, то отрежем все к ченцовской половине, а на их половину не достанется ничего.

Сие слово заставило его задуматься и сделать сговорнейшим. Межевщик старался его всячески уговорить и посоветовал послать за дурневскими мужиками, коих и принуждены мы были ждать до вечера.

Между тем хотелось мне и с ченцовскими переговорить и положить также на слова. Но как Лобанов, от нас отставши, заехал в гости, и хоть за ним посылали, но приехал не скоро, то провели мы сие

время в посторонних разговорах. Пестов был не глуп и можно было с ним говорить обо всем.

В сих разговорах нечувствительно дошли мы до садов, и как я приметил, что был он превеликий до них охотник, но ничего не знал, то, пользуясь сим случаем, начал я ему точить балы и все, что знал, ему рассказывать. Сим удалось мне его так очаровать, что он был чрезвычайно доволен и рад был проговорить со мною о том неведомо сколько, если б приехавшие мужики и Лобанов не помешали.

Тут начался у нас опять торг и крик: но Пестов держал уже, очевидно, мою сторону и сам убеждал мужиков и, подозвав, показывал им на плане то место.

Мы проговорили очень долго и, наконец, насилу-насилу ударили по рукам, и я втер им в руки свои Воробьевы горы и был тем доволен.

Окончивши с ним, начал я с Лобановым дело. Сему не хотелось нам дать сколько тем, а сколько-нибудь выворотить за пруд; но сего учинить не было никакой возможности. Он был упрям, как чорт, и бессмыслен, как скот, и ничего с ним сделать было не можно.

До самой ночи мы прокричали и ничего еще не положили. Но, наконец, принуждены мы были согласиться и сему дать тридцать десятин, и он обещал писать о том к управителю.

Расставшись на сем, приехали мы домой уже ночью; и как хотелось мне железо ковать, покуда оно было еще горячо, то поутру спешил я написать скорее с саламыковским поверенным полюбовную сказку и послать ее на завод.

Они там прибавили кое-что и велели переписать и, подписавши, к ним прислать; а мы сие тотчас и сделали, а межевщик, получа ее, вместе с поверенным и поехал тогда в Москву и повез ее с собою.

Сим-то образом кончилось тогда наше миротворение. . . . .

. . . .

А теперь дозвольте мне сие . . . . . .письмо кончить и сказать, что я есмь, и прочая.

ДОМАШНИЕ ДЕЛА

ПИСЬМО 150-е

Любезный приятель! Продолжая мое повествование, скажу вам, что на другой день после помянутого соглашения с волостными в рассуждении их спора, случилось быть нашему вешнему годовому празднику, в который и посетили меня кое-кто из наших соседей.

И день сей достопамятен был тем, что сосед и кум мой г. Ладыженский, будучи у меня с старшим своим сыном Никитою, оставил его жить у меня и койчему учиться, а особливо арифметике и рисованию, чему я уже за несколько времени учинил с ним начало. Ибо как мальчик сей был от натуры не глуп и понятен, то хотелось мне тут услужить своему соседу, а притом и самому ему занятиями своими доставить какую-нибудь пользу.

Итак, с сего времени начал он у меня жить и вместе с племянником моим кой-чему учиться. В сем же последнем далеко не находил я тех способностей, какие желал, чтоб в нем были.

Последующие за сим достальные дни месяца мая провел я наиболее в разных садовых занятиях и работах, и сады мои в сию весну получили много кой-каких обновок и приходили час от часу в лучшее состояние. Слава об них распространилась всюду и всюду.

Между тем не оставлял я видаться с соседями и разъезжать сам кой-куда по гостям; но особливого и примечания достойного во весь сей месяц ничего не произошло, кроме того, что у соседа моего Матвея Никитича в конце сего месяца родилась дочь его Федосья, самая та, которая, оставшись из всех его детей в живых, ныне моей соседкою и владеет всем отцовским имением.

Как всех его детей крестил я, то был и сей его дочери восприемником вместе с дочерью господина Хвощинского, Ольгою Васильевною, а сам он с тещей хозяина был первым кумом.

Вскоре за сим наступил месяц июнь, в который в Москве так уже усилилась язва, что из опасения, чтоб она не распространилась всюду, принуждено было помышлять о недопускании выезжать из оной всех. Однако предприятие сие было уж слишком поздно, и многие уже успели развесть зло сие во многие другие места.

Но что касается до тех мест, где мы жили, то не было еще в окрестностях наших ни малейшего слуха об оной, а потому и были мы еще спокойны, а смущались только одними слухами о Москве.

Я с моей стороны всю первую половину сего месяца провел безвыходно почти в садах моих и занимался в них, кроме других разных дел, в особливости вновь насажденным своим хмелем и разноманерными перениями* оного.

Также не было дня, в который бы не испытывал

*Цветениями.

я составлять из разных цветов разных домашних красок. И как мне иные из них очень удавались, то и чувствовал от того превеликое для себя удовольствие. . . . .

. . . .

Посреди самого сего занятия встревожен я был нечаянным приглашением нас к езде нарочито дальней.

Самому тому нашему родственнику г. Арцыбашеву, Ивану Афанасьевичу, которого в прошедшую зиму хотелось было нам всем женить и с которым мы ездили в Луковицы смотреть невесту, но дело наше тогда не состоялось и кончилось ничем, вздумалось около сего времени самому уже свататься за другую невесту из фамилии господ Назарьевых.

Некто из знакомых его, г. Воронин, живший за Каширою в соседстве невестина отца, был основателем сего дела и приглашал нашего Ивана Афанасьевича приехать к нему для смотрения сей невесты; а как ему одному ехать не хотелось, то и просил он, во-первых, почтенного нашего старичка с Матреною Васильевною, а потом и нас всех, чтоб с ним туда съездить.

Мне весьма было не хотелось в такой дальний путь тащиться и в такое время на несколько дней отлучаться от дома, но нельзя было не удовлетворить просьбы и желания стариков наших и не согласиться с ними ехать; итак, принужден уже я был поспешить обиранием своих поспевших яблок и, кончивши сие дело, пуститься с ними в путь.

Мы поехали сперва в Серпухов и, повидавшись там опять с почтенною старушкою в монастыре, продолжали путь свой к Воскресенску, где жил наш

жених с матерью, и как до сего места было не близко, то приехали туда уже на закате солнца.

Хозяева нам были очень рады; но вдруг услышали мы нечто такое, что привело нас в великое настроение и ровно как предвозвещало, что и в сей раз не бывать пути ни в чем, и мы едва не по-пустому проездили.

Хозяин сказывал нам, что за час только до нашего приезда получил он письмы из Москвы, по которым необходимо надобно ему тот час для самой крайней нужды ехать в Москву.

Господи! Как нам сие тогда досадно было! Мы, заехавши в такую даль, не знали, что тогда делать: назад ехать нам не хотелось, а жить там и дожидаться его возвращения того более. Положили уговаривать его, чтоб он отложил свою езду в Москву, а особливо в такое сумнительное и опасное время, какое тогда было; но он никак не соглашался.

Мы провели весь вечер в совещаниях, но ничего не сделали; наконец, по наступлении другого дня, видя непреоборимое его хотение, несмотря на все опасности, ехать в Москву, дали на то согласие, а сами, расположились ехать уже без него к господину Воронину и его там уже дожидаться.

Но при самом уже нашем отъезде вдруг переменилось все дело: мать его начала плакать, мы его тем упрекать, он осердился и вдруг переменил мысли, вознамерился съездить в Серпухов и там об Москве спросить и ехать потом с нами.

Обрадовавшись сему, согласились мы уже охотно пробыть у него весь тот день и ночевать еще ночь в Воскресенках; а он, съездивши в Серпухов, узнал,

что езда в Москву не только была бы сопряжена с крайней опасностью, но по обстоятельствам дела совсем пустая и напрасная.

— Вот! — сказали мы. — Не нашим ли сталось и не правду ли мы говорили?

Итак, на утрие отправились мы уже очень рано в свое путешествие, желая одним днем поспеть к господину Воронину; но ехать нам было не близко.

Мы продолжали свой путь по берегу Оки-реки и, покормив в Прилуках лошадей, приехали еще не поздно в Каширу; тут, переправившись на пароме чрез Оку, продолжали свой путь далее и не прежде к г. Воронину приехали, как уже ночью.

В последующий день ездили мы в дом к г. Назарьеву смотреть невесту, и девушка сия нам всем полюбилась чрезвычайно: но как, возвратившись к нашему хозяину, стали спрашивать жениха, то не могли добиться от него никакого толку и заключили, что чуть ли не расположен он вовсе ни на ком не жениться.

Сие было нам всем крайне досадно, ибо нам очень хотелось, чтоб сия девушка была в нашем семействе и за ним; всходствии чего принялись мы вновь его уговаривать и насилу добились до того, что он согласился на то, чтоб послали к невесте в дом спрашивать, какого они об нас мнения, и понравились ли мы им. Всходствии того, заготовили мы письмо для отсылки оного на утрие с человеком и провели весь тот вечер с спокойнейшим духом и в разговорах наиболее о сем деле.

Тут особливого замечания достойно было то, что как мне вздумалось на досуге и для единого любопыт-

ства загадать о успехе нашего сватовства геомантическим пунктированием, то, к удивлению, выходило все дурное и не предвещало никакого доброго успеха. Мы подивились и посмеялись только тому и положили ожидать, что окажет время, и после увидели, что геомантия моя не солгала, а сказала слишком правду.

Отправленный человек с письмом, возвратившись, привез нам такой ответ, который не знали мы чем почесть: отказом ли или приказом; объявлено, что женихом все были довольны, но желали ведать о его достатке.

Тут жених наш пошел в гору и ни для кого не хотел объявить, сколько у него денег, а оттого и произошла всему делу остановка.

Не могу и поныне без смеха и досады вспомнить тогдашнего настроения нашего, и как мы несколько часов провели в разных совещаниях между собою, и как говорили мы, отделяясь то по два, то по три в кучки, то все опять совокупно.

Наконец присудили послать звать невестина отца к себе обедать. Он к нам и приезжал, но сколько ни было и тогда говорено, ничего не сделано: ибо с одной стороны хотелось многое знать, а с другой были слишком упрямы.

Из всего того предусматривал я уже наперед, что делу никакому не бывать и что сбудется предсказание моего пунктирования, которое удивительным образом не один, а много раз сказывало в таких случаях правду. А сие и свершилось действительно: все наши переговоры не решили ничего и дело, к особливому огорчению нашему, не получило никакого основания.

Мы с женою в тот же день, отстав от прочих, положили заехать к почтенной и любезной старушке тетке моей, госпоже Аникиевой, имевшей жилище свое оттуда неподалеку, которая была нам чрезвычайно рада и последний раз угощала нас тогда у себя в своей жизни.

Переночевав у ней, пустились мы уже прямо домой и, съехавшись с нашими товарищами, ночевали еще у г. Воронина и потом возвратились благополучно в свое Дворяниново, досадуя только на то, что, по пословице говоря, «ездили ни по что, привезли ничего» и что имели хотя много трудов и беспокойств, а того более досад, но всеми ими ничего не сделали, и господин Арцыбашев остался неженатым.

Вот все, что происходило в течение августа сего месяца, который был последний для нас мирный и покойный, ибо последующий за сим был самый тот, в который началось уже то крайне смутное время, которое опишу я в последующих за сим письмах; а теперешнее сим окончив, скажу вам, что я есмь ваш, и прочее.

КОНЕЦ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ЧАСТИ

ПРИМЕЧАНИЯ

Составлены П.А. Жаткиным.
Переработаны И.И. Кравцовым.

К стр. 7, 164.

[1] Елизавете Петровне наследовал в 1761 году ее племянник, сын герцога Голштинского и ее старшей сестры Анны, Петр III. Его шестимесячное царствование было попыткой восстановить не дворянское самодержавие, а личное самовластие. Изданный в его царствование «манифест о вольности дворянской», освобождавший дворянство от обязательной службы, прошел мимо него. Манифест был подготовлен министром Елизаветы Воронцовым. Симпатии самого Петра были на стороне Пруссии, он уклонился несколько от дворянской политики. Но дворянство было уже сильно. Этим и объясняется тот факт, что свержение Петра произошло быстро и без препятствий. Основой общественного строя России этого времени становится торгово-капиталистическое хозяйство, характерной чертой его — сословность, господствующим сословием — дворянство. Россия уже перестала быть страной исключительно натурального хозяйства. В нечерноземной полосе Ве-

ликороссии уже преобладала оброчная система эксплуатации помещиками своих крестьян. Крестьяне уплачивали оброк деньгами. Денежный обмен был довольно значителен. Существовали отхожие промыслы. Широко были развиты мануфактуры. Дворянство было втянуто в товарно-торговый оборот. Но крепостное право еще соответствовало классовым интересам дворян-землевладельцев и помогало развитию производительных сил. Это была эпоха перелома. Вскоре крепостной труд стал задержкой в развитии экономики страны. При таких обстоятельствах, естественно, всякая реакция ликвидируется быстро и без препятствий. Это и постигло Петра III. Царствование Екатерины II было расцветом «дворянского самодержавия». К 1785 г. дворянство закрепляет свое положение и добивается «жалованной грамоты», которая подтвердила право «вольности» служить и не служить, неотъемлемость дворянского звания и сословных прав, свободу от личных податей, утверждение имущественного положения, корпоративные права дворянства и крепостное право; «жалованная грамота» явилась, таким образом, высшим выражением сословных прав и привилегий дворянства.

К стр. 103.

[2] Зимний дворец строился с 1735 по 1739 гг. по проекту и под руководством архитектора Растрелли. Окончательно он был отделан в 1768 г. Дворец стоил огромных денег. На его постройке работали лучшие иностранные резчики и скульпторы (Жилет, Дун-

кер, Ролянд), исполнявшие свои работы по рисункам Растрелли.

Растрелли внес в русскую архитектуру видоизмененное прихотливым капризом классическое искусство — стиль «барокко». Он подходил по духу к капризному крепостничеству, хотя не был понят в России и часто при осуществлении проектов упрощался. Зимний дворец, четырехэтажный, несколько продолговатый четырехугольник, украшен на карнизах и нишах статуями и кариатидами, которых особенно много на южном фасаде здания; о них-то и говорит Болотов.

К стр. 169.

3 Дашкова, Екатерина Романовна (1743 — 1810), княгиня (рожд. Воронцова) — одна из образованнейших русских женщин XVIII века, имела большое значение в политической, научной и литературной жизни. Участвовала в заговоре, возведшим на престол Екатерину II, пропагандируя идею заговора среди высших кругов, тогда как гр. Орлов пропагандировал ее среди войск. После осуществления переворота получила большие подарки от Екатерины, стала одной из ближайших ее поверенных. В 1769—1772 и 1776—1782 гг. живет за границей, где знакомится с Дидро, Вольтером, Адамом Смитом, Малербом, аббатом Рейналем, становится поклонницей и последовательницей просветительной философии. С 1783 г. она — президент созданной при ее большом участии Академии Наук и президент Академии Художеств. Вокруг нее группируются писате-

ли, она сама занимается науками и литературой (пишет стихи, переводит). По ее почину издаются «Собеседник любителей российского слова» (1783), «Новые ежемесячные сочинения» (1786—1796), «Толковый словарь русского языка» и др. Павел I сослал ее в Новгородскую губернию. Дашкова оставила «Записки», изданные сначала на английском языке, а потом во французском и русском переводах, которые рисуют яркую картину придворной жизни. В них она сильно переоценивает свою роль в перевороте 1762 г. и личность Екатерины. Новый перевод записок под ред. Н. Чучелина издан в 1905 г.

К стр. 183.

4 Книготорговля в Москве во времена Болотова была довольно богатой и бойкой. Ею занимались прежде всего сами издатели. Частные издатели торговали, главным образом, ходовой дешевой, лубочного характера литературой: в большой моде были переводные повести и романы («Повесть о княжне Жеване, королеве Мексиканской», «Любовь без успеха, испанская повесть»). Но таких издателей было не много. Книги серьезного содержания продавались в лавке университетской типографии у Воскресенского моста (где ныне Исторический музей) и в лавке Академии Наук на Никольской близ Синодальной типографии (где ныне Управление Центрархива). В университетской лавке продавались иностранные книги, учебные издания университетской типографии, а также приборы, глобусы, ландкарты и проч. Книги церковно-культового и религиозного содержа-

ния продавались в типографии Синода. На Спасском мосту были книжные лавки, где продавалась самая различная литература, нередко и такая, которая тут же отбиралась приставом. Наконец, рынку этого времени известно и регулирование цен на книги, особенно богослужебные и религиозные.

К стр. 231.

[5] Болотов говорит здесь о придворном театре в Москве, который помещался у Красного пруда, там, где ныне стоит Октябрьский вокзал. Здание было деревянное. В нем с 1759 г. по 1761 г. давала спектакли итальянская оперная труппа Локателли. Преемником Локателли был полковник Титов, а потом итальянцы Бельмонти и Чути. Эти последние занимались, главным образом, устройством маскарадов. Шли оперы и трагедии, большею частью русские. Очень популярна была первая трагедия А. А. Сумарокова «Хорев» (1747 г.).

К стр. 313.

[6] Вольное Экономическое общество — старейшее из ученых сельскохозяйственных и экономических обществ в России. Учреждено в 1765 году по типу английских экономических обществ. Инициатива его организации принадлежит группе передового либерального дворянства, заинтересованного в развитии денежного хозяйства и промышленности России. Цель общества состояла в распространении среди помещиков полезных и нужных для земледелия, про-

мышленности и ведения хозяйства знаний, в изучении положения русского земледелия и условий хозяйственной жизни страны, а также положения сельскохозяйственной техники в западно-европейских государствах. Оно ставило своей целью «общим трудом стараться о исправлении земледелия и домостройства» (устав). Екатерина II взяла общество под свое покровительство. Уже в 1765 году она обратилась (анонимно) к нему с вопросом о том, что полезнее для земледелия, когда земля находится в единоличном или в общем родовом владении, то есть ставила вопрос о свободе и имуществе крестьянина. Позднее (в конце 1766 г.) она поставила определеннее этот вопрос, а общество объявило конкурс на его решение. Было получено до 170 ответных сочинений на всех языках, и лучшим был признан ответ Беарде де Лабея (Bearde de l'Abaye), члена Дижонской академии, который решает вопрос так: крестьянин должен быть свободным и владеть землей, но освобождать крестьян надо постепенно. Этот ответ играл некоторую роль в екатерининских мечтаниях о раскрепощении крестьян. Деятельность общества принимала различные направления в зависимости от социально-экономических отношений в стране и политики правительства. Специальные вопросы, которыми занималось общество, были: вопрос о вывозе хлеба, вопрос о разведении картофеля в России, о способах улучшения обработки льна, вопросы животноводства. Работа была поставлена практически. Имелась сеть корреспондентов-практиков (среди них был и Болотов), работы которых печатались в «Трудах» Общества. Историю О-ва см.: Ходнев А. И.,

История императорского Вольного Экономического общества с 1765 по 1865 гг., СПБ, 1865; Бекетов А. Н., Исторический очерк, Имп. В. Э. О. с 1865 по 1890 гг., СПБ, 1890.

К стр. 317.

6а «Экономический магазин, или собрание всяких известий опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов, относящихся до земледелия, скотоводства, до садов и огородов, до лугов, лесов, прудов, разных продуктов, до деревенских строений, домашних лекарств, врачебных трав и для всяких нужных и небесполезных городским и деревенским жителям вещей в пользу российских домостроителей» издавался Болотовым с 1780 по 1789 гг. и представлял собою сельскохозяйственную энциклопедию, выходившую выпусками при «Московских ведомостях». Материалы для него поставлял почти один Болотов, черпая их главным образом из иностранных экономических и сельскохозяйственных журналов, а частью и из своего богатого агрономического и хозяйственного опыта.

К стр. 320, 401.

7 Генеральное межевание — мера, предпринятая правительством для определения и укрепления границ земельных владений и выяснения земельных богатств и их распределения. Мера эта была проведена по требованию мелкого и среднего дворянства, обижаемого земельными магнатами. Она уничтожила остатки старого, неупорядоченного землевладения,

споры о межах владений. В ней сказался и дух наступающего торгового капитализма, системы купли-продажи. Предложение о генеральном межевании было сделано еще в 1719 г. Татищевым. В 1731 г. этот вопрос обострился, был издан особый указ, но межевание не произведено. В 1752 г. по предложению П. И. Шувалова вопрос стал разрабатываться, в 1754 г. учреждена особая комиссия и издана «межевая инструкция», но до 1765 г. межевание не дало никаких результатов. Изданный в 1765 г. манифест был результатом работы специальной комиссии, выработавшей и особую инструкцию и правила, как производить межевание. Вопрос чересполосного владения решался только частично, главное было — выяснение границ владений, земли межевали «не к именам владельцев, а к именам сел и деревень». Межевание производилось в чрезвычайном порядке, межевали даже в праздники. Помещики были всполошены, оно разрушало традиции, ломало многие старые границы — и межевание проходило со спорами, ссорами, стычками и даже убийствами, хотя спорщиков и строго наказывали — у них отбирали землю в казну. То, что Болотов так много места уделяет межеванию и принимает в нем горячее участие, говорит о том, что межевание очень близко затронуло интересы помещиков.

К стр. 375.

8 См. примечание 1, к стр. 9 первого тома.

9 В 1768 г. Екатерина II с целью пропагандировать оспопрививание, сделала прививку себе и сыну

Павлу. Из Англии был выписан искусный доктор Димедаль, у которого из 6 000 подвергшихся оспоприививанию умер только трехлетний ребенок. Оспоприививание императрицы и наследника сопровождалось особым празднеством. Сенат одобрил эту меру предохранения. Примеру Екатерины последовало множество знати. Но в массы народа оспоприививание проникло с трудом: темнота и невежество были большим препятствием. Екатерине была привита натуральная оспа, новый способ — вакцинация коровьей оспой — стал известен только в 1769 г., когда он был применен Эдуардом Дженнером.

К стр. 382.

10 Вторая половина XVIII в. была переходным временем, в котором совмещались остатки жестокостей крепостничества и новые стремления торгового капитализма и торговавшего дворянства. Сам Болотов был и сентиментален, и жесток. В нем был и крепостник, и помещик, подумывавший о том, что и «крестьянин—человек». Во второй половине XVIII в. крепостничество всецело еще господствовало. Помещик имел в своем поместье почти неограниченную власть и был почти независим. Крепостные не могли приобретать что-либо из имущества и занимать деньги без его разрешения. Он располагал судьбою крепостных. История «ученых крепостных» одна из самых жутких страниц крепостничества, подрезавшего им крылья (в XIX в. известна история актера М. Щепкина и поэта и художника Тараса Шевченко). Помещик был в своем имении и судьею. Он опре-

делял и меру наказания. Сам Болотов сек и наказывал своих крепостных. Такова история столяра, который покончил самоубийством, а сын его покушался на убийство Болотова. Болотов называет их «сущими злодеями, бунтовщиками и извергами». Крепостное право знает примеры жутких жестокостей и издевательств (известная Салтычиха или орловский помещик Шеншин, который имел у себя подлинный застенок со всем оборудованием и тридцать человек палачей, и наказывал и пытал не только крепостных, но и свободных, напр. своего священника, которого обвинили в том, что он хотел извести барина «чародейским корнем»).

К стр. 498.

[11] Чума в России была довольно частой гостьей. Начиная с XI века, с чумы 1090 г., когда в Киеве погибло за две недели 7 000 человек, эпидемия периодически повторялась, принимая иногда грандиозные размеры, как чума 1351 г. Эпидемия чумы 1769—1771 гг., которую описывает Болотов, впервые появилась в окрестностях местечка Фокшаны близ Рущука, где были расположены русские войска. Армия понесла от эпидемии огромные потери и принуждена была прекращать свои действия. Отсюда чума прокатилась и по другим странам (Польша), проникла во внутренние области России (в конце 1770 г.) со стороны Брянска, Севска — и в особенности свирепствовала в Москве, где в разгар эпидемии в день умирало до тысячи человек. Эпидемия нарушила ход экономической жизни страны, умень-

шила государственные доходы, а действующая армия требовала бесперебойного снабжения. Правительство принимало строгие меры для уменьшения эпидемии: карантины, дезинфекции, изоляции больных, закрытие бань, трактиров, причем для окуривания и закрытия мертвых употребляли каторжных, а потом и фабричных за плату по 6 копеек в день. В чумных областях набора рекрутов не производилось. Фабричных больных развозили по подмосковным монастырям или запирали на фабриках, где они вымирали почти поголовно. Но несмотря на все меры, в Москве был очень большой людской обмен: помещики везли себе из деревень продукты, из армии и в армию ехали курьеры, тянулись обозы продовольствия и транспорты раненых. Население, боясь карантинов, отобрания имущества больных, укрывало и больных, и их вещи и способствовало распространению эпидемии. Больные разбегались, прятались и разносили болезнь. Паника населения перед эпидемией вызвала бунты, которые жестоко подавлялись. Описание одного из таких бунтов и дает Болотов. Его описание правдиво, хотя он и передает его со слов других. Но его рассказ совпадает с показаниями свидетелей и очевидцев.

К стр. 499.

[12] Рычков, Петр Иванович (1712 — 1777) — историк, экономист и географ, один из наиболее ценных и плодовитых корреспондентов Вольного Экономического общества, в «Трудах» которого он напечатал много своих статей. Считался знатоком

экономики и «коммерции» Оренбургского края (отзыв комиссии о коммерции). Лучшая работа Рычкова — «Описание Илецкой соли, с подробным планом Илецкой защиты» — первое описание Илецких соляных разработок. Его «Записки о Пугачевском бунте» использовал Пушкин в «Истории Пугачевского бунта».

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Продолжение истории моей военной службы и пребывания моего в Кенигсберге

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

История моей Петербургской службы

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

В Дворянинове

Истории моей первой деревенской жизни по отставке вообще и в особенности периода оной до женитьбы

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Продолжение истории моей первой деревенской жизни по отставке вообще и в особливости моей женитьбы

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Продолжение истории моей первой деревенской жизни по отставке и по женитьбе

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Продолжение истории моей первой деревенской жизни по отставке вообще

ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Продолжение истории моей первой деревенской жизни по отставке вообще, а в особливости ж бывшего межеванья.

А.Т. Болотов

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ТОМ ВТОРОЙ

1760 — 1771

Редактор *Э. Пономарева*

Художественный редактор *И. Сайко*

Корректоры *Ю. Диамент, Ю. Черникова*

Компьютерная верстка *А. Диамент,*

А. Мынко

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.

Подписано в печать 02.08.93. Формат 70 x 100 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.печ.л.22,1. Усл.кр.-отт.22,42. Уч.-изд. л. 20,7. Тираж 25000 экз. Заказ 851

Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Издание отпечатано на бумаге Сыктывкарского ЛПК.

Отпечатано с оригинал-макета на Можайском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

МОСКВА
«ТЕРРА» – «TERRA»